

Е. И. Кобзарева

**РОССИЯ И ШВЕЦИЯ
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В 1672–1681 гг.

**ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Е.И. КОБЗАРЕВА

**РОССИЯ И ШВЕЦИЯ
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В 1672–1681 гг.**

**ИСТЛИТ
Москва
2017**

УДК 327(47+57:480)(091)<16>
ББК 63.3(2)45
63.3(4Шве)
К55

К55 Кобзарева Е.И. Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672–1681 гг. — М.: Издательство «ИстЛит», 2017. — 304 с.

ISBN 978-5-9906493-5-4

В монографии на основе большого количества документов из фондов РГАДА и Государственного архива Швеции, а также ряда опубликованных материалов по внешней политике Бранденбурга и Голландии, проведен анализ внешней политики России и Швеции в 70-е годы XVII века.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения владельца авторского права.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии

УДК 327(47+57:480)(091)<16>
ББК 63.3(2)45
63.3(4Шве)

ISBN 978-5-9906493-5-4

© Институт российской истории РАН, 2017
© ООО «Издательство «ИстЛит», 2017

ВВЕДЕНИЕ

Кардисский мир, заключенный между Россией и Швецией в 1661 г. на условиях Столбовского мира 1617 г., и Плюсский мир 1666 г., подтверждавший прежние условия, не устраивал Россию, которая потеряла земли, издавле принадлежащие ей до начала Смутного времени. В свою очередь и Швеция полностью не овладела российскими водными путями, что позволило бы ей целиком подчинить русскую торговлю (Стокгольм, поглощенный ведением войн в Западной Европе, на это уже и не претендовал). Русско-шведские отношения осложнились тем, что в 1660 г. на шведский престол вступил новый король — Карл XI, правивший первые 11 лет с участием регентов. В 1671 г. началось его самостоятельное правление, что сделало необходимым подтверждение Кардисского мира.

Период 70-х гг. XVII в. для Европы был ознаменован двумя крупными войнами. Швеция в союзе с Францией вела Голландскую войну (1672-1679 гг.) против габсбургской коалиции в составе Северных Соединенных провинций (другие названия: Голландия, Северные Нидерланды), Дании, Испании, венского императора Леопольда I, Южных Нидерландов (другие названия: Испанские Нидерланды, Бельгия, Фландрия), Бранденбурга, Лотарингии и некоторых мелких немецких князей. Голландская война создавала основной «очаг напряжения», существовавший в Европе, в то время как Россия находилась на периферии европейского мира. С завершением Голландской войны и заключением Нимвегенского мира могущество Франции достигло своего предела. Теперь уже никто не хотел мириться с ростом влияния Людовика XIV. Начался новый этап в истории Вестфальской системы международных отношений. В Европе шла перегруппировка сил, Швеция вступила в переговоры о заключении союза с Империей.

С другой стороны, в 1672-1681 гг. Россия и Речь Посполитая воевали с Османской империей. Андрусовское переми-

рие, завершившее русско-польскую войну 1654–1667 гг, сохранило свою силу до подписания Вечного мира двух государств в 1686 г. и предусматривало союз России и Речи Посполитой и Османской империи. Борьба против Османской империи и отсутствие Вечного мира с поляками не позволяли Русскому государству вести войну со Швецией.

Франция Людовика XIV формировала направленный против австрийских Габсбургов «восточный барьер», который должен был состоять из Речи Посполитой, Швеции и Турции. В то же время Османская империя создавала угрозу для всей Европы. После заключения Андрусовского перемирия Россия, став ведущей политической силой в Восточной Европе, приняла переговоры с большинством европейских держав о создании антитурецкой коалиции. Во время Голландской войны в 1675–1676 гг. участники габсбургской коалиции стремились убедить Россию направить войска к ливонской границе со Швецией, чтобы последняя сократила количество войск, перебрасываемых в Померанию, где шли основные сражения между Карлом XI и курфюрстом бранденбургским Фридрихом-Вильгельмом. Россия согласилась направить войсковой контингент к ливонской границе и оказать дипломатическое давление на Стокгольм.

При обращении к русско-шведским отношениям интересующего нас хронологического периода возникает немало вопросов, ответы на которые далеко неоднозначны. Это вопросы о том, что толкало Россию к конфронтации со своим противником и что заставляло Русское государство сохранять мирные отношения со Швецией, какое влияние при этом на Москву оказывали страны габсбургской коалиции; какую информацию получало русское правительство о происходящих событиях и как оно реагировало на поступавшие сведения. Русско-шведские отношения должны анализироваться с учетом отношений России и Швеции с Речью Посполитой, с другими европейскими государствами в рамках Вестфальской системы, с Османской империей и Крымским ханством.

Тема получила очень ограниченное освещение в отечественной историографии. Одним из первых исследований стала книга А. Попова «Русское посольство в Польше в

1673–1677 годах. Несколько лет из истории отношений древней России к европейским державам» (СПб., 1854). Книга посвящена русскому резиденту в Речи Посполитой В.М. Тяпкину. В работе подробно рассмотрены события, связанные с войной против Османской империи в Восточноевропейском регионе, показана сложившаяся здесь напряженная обстановка, требовавшая значительных усилий со стороны как Речи Посполитой, так и России. Автор детально остановился на попытках стран габсбургской коалиции – участниц Голландской войны – вовлечь Россию в борьбу против Швеции, хотя и отметил, что Соединенные Провинции не хотели непосредственного участия Русского государства в Голландской войне. Историк анализирует ход борьбы на Украине с татарами и турками и обсуждение вопроса в Москве об отправке посольства на границу со Швецией. Этот анализ, казалось бы, должен был доказать историку невозможность для Федора Алексеевича вести одновременно и войну с Карлом XI. Тем не менее, В.М. Тяпкин был убежден, что Москва упустила исключительно выгодный момент для завоевания Лифляндии, которое непременно произошло бы, как полагает историк, если бы русским канцлером оставался А.Л. Ордин-Нащокин.

Статья С.Н. Шубинского посвящена посольству Г. Оксеншерна в России 1674 г. и подготовлена на основе дневника артиллерийского капитана Э. Пальмквиста, принявшего непосредственное участие в посольстве. Автор работы считает, что посольство прибыло для заключения союза с Россией, направленного против Османской империи, которая создала угрозу всему христианскому миру. Однако, как отмечает историк, русские отказались заключать союз, потому что объем помощи, которую им предлагали шведы, был слишком маленьким. В итоге посольство не дало каких-либо результатов. Статья написана только на основе дневника Пальмквиста, документы Посольского приказа не привлекались, не содержит анализа происходящих событий, причин отправки и результатов посольства, почему посольство было снаряжено и какие цели оно реально преследовало¹.

Исследования по внешней политике, написанные во второй половине XIX в., как правило, посвящены двусторонним

отношениям, их авторы не стремились к описанию всех переговоров с разными странами в хронологической последовательности. В результате сведения о близких событиях нередко давались в разных работах, выводы, которые можно было бы сделать на основе имеющихся материалов, часто носили половинчатый характер.

Работа Г.В. Форстена по русско-шведским отношениям написана на основе материалов зарубежных архивов и, в основном, сводится непосредственно к описанию переговоров, которые в том числе велись на протяжении рассматриваемого периода (исследование построено на основе практически всех сохранившихся материалов)². Также на основе иностранных архивных материалов Г.В. Форстеном опубликованы большие по объему статьи об отношениях России со странами габсбургской коалиции: Данией³ и Бранденбургом⁴, представители которых пытались добиться переброски Русским государством войск к лифляндской границе. Гораздо меньше автору работ осталось известно о миссиях представителей Империи и Голландии, хотя дипломаты из этих стран побывали в России в те же годы, что и посольства, отправленные из Берлина и Копенгагена, и сыграли не меньшую роль, чем уполномоченные курфюрста бранденбургского и датского короля. Однако цельной картины происходившего не возникает; опираясь на иностранные источники, Г.В. Форстен пишет о непоследовательности принимаемых решений, но склонен объяснять непродуманность проводимой политики исключительно отсутствием единства между политиками (таковое, конечно, имело место), а не сложностью ситуации, в которой эти решения принимались.

Исследование Е.Е. Замысловского о русско-шведских и русско-датских отношениях при царе Федоре Алексеевиче главным образом посвящено рассказу о скандинавских посольствах в России и русских посольствах в Копенгагене и Стокгольме. Работа в значительной степени носит описательный характер и практически не содержит выводов. Автор не учитывает основных действовавших на международной арене факторов, ничего не говорит ни о Голландской войне, ни о борьбе, которую Россия вела с турками и татарами. Оста-

ется неясным, почему Россия предъявила Швеции обвинения в умалении чести и достоинства царя и угрожала начать войну.

Статья Е.Е. Замысловского была подвергнута резкой критике со стороны шведского историка А. Янсена, который, по сути дела написавший рецензию на статью, обратил внимание на то, что Е.Е. Замысловский проигнорировал украинский фактор. А. Янсен не учел, насколько сильное давление испытывала Россия со стороны противников Швеции, не проанализировал возникшую ситуацию во всей ее сложности и тем более не рассмотрел альтернативы, которые возникали, когда России предстояло выбирать свой политический курс⁵. Между тем у Е.Е. Замысловского есть и другая работа, посвященная этому периоду, и появившаяся годом раньше, чем работа, анализируемая А. Янсенем, а именно «Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича (СПб., 1888). Если ознакомиться с обеими статьями Е.Е. Замысловского, то возникает более полная картина происходившего (хотя исследователь не затрагивает взаимоотношений России со странами Габсбургской коалиции).

Немецкое исследование К. Цернака так же, как и работа Г.В. Форстена, целиком написана на материалах шведских архивов. К. Цернак рассматривает период с 1675 г. Серьезным недостатком последней книги является то, что в ней практически не учитывается роль в политике России юго-восточного фактора. Анализ шведских материалов носит выборочный характер, в частности, автор не привлекает ни протоколы дипломатических переговоров, ни материалы Государственной регистратуры⁶.

Западные историки рассматривали русско-шведские отношения без учета русских материалов. Эти источники, за исключением исследований А. Попова и Е.Е. Замысловского, почти не обращали на себя внимания.

* * *

В основу настоящей работы легли как русские, так и иностранные документы, в первую очередь из собрания РГАДА, столбцы и составленные на их основе книги Посоль-

ского приказа, прежде всего ф. 96 – Сношения России со Швецией. Это указы послам, переводы грамот королей европейских государств и отпуски грамот русских царей, записи переговоров с зарубежными послами, статейные списки, отписки послов, служебная переписка, связанная с проездом как русских, так и иностранных дипломатов по русской территории⁷. Часть документов, которая отсутствует в столбцах, сохранилась только в составе посольских книг. Как показывает опыт работы с посольскими книгами, они не объединяли всех подряд имевшихся документов, виды которых перечислены, разные документы могли попасть в разные книги, при этом обнаружить какие-либо закономерности, по которым документы включались в ту или иную книгу, не удастся.

Наиболее показательна документация 1676 г., который стал годом русско-шведских пограничных переговоров. Из русских материалов сохранились два столбца с посольской документацией и три посольские книги. Один из сохранившихся столбцов – это столбец с документами, которые первоначально были записаны в тетради, о чем свидетельствует литерная нумерация страниц в углу каждой из них. Главным образом это протоколы проходивших съездов. В конце столбца был присоединен первоначально написанный в тетрадь наказ возглавлявшему посольство И.В. Бутурлину и его «товарищам». В углу первого листа тетради сделана помета: «выписка о свейских съездах великих послов 182г года»; на последнем листе тетради имеется надпись: «выписка из наказа: ответные писма и розговоры и государевых послов околничего Ивана Василевича Бутурлина, как они были на свейских съездах на реке Меузице»⁸.

Одна из посольских книг содержит статейный список с вошедшими в него отписками и грамотами, царские грамоты с новыми предписаниями относительно того, что должны делать послы, и отписки послов (РГАДА. Ф. 96. Кн. 100). Это – единственная из посольских книг, включившая грамоты, которыми Карл XI обменивался с Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем по поводу предстоящих переговоров на границе (три документа). В книгу вошли документы, связанные с управлением посольства, с подготовкой к переговорам на месте,

в том числе переписка, которую Москва в связи с продвижением посольства к границе вела с Новгородом.

Отсылки на документы, вошедшие в состав статейного списка, имеются в другой посольской книге (РГАДА. Ф. 96. Кн. 101). Документы за июль – первую половину августа или отсылки на них представлены как в той, так и в другой книге неравномерно и не дублируют, а дополняют друг друга. Думается, составители кн. 101 решили включить в нее документы, или являвшиеся с точки зрения участников посольства менее существенными, или не вошедшие в состав статейного списка в силу каких-то других причин (например, в составе статейного списка мы находим грамоту Федора Алексеевича от 7 августа с требованием отказаться от переговоров со Швецией о заключении русско-шведского союза; последовавшие за этим две другие царские грамоты аналогичного содержания от 10 и 12 августа были опущены при составлении кн. 100 и, наоборот, включены в кн. 101). В кн. 101 в отличие от статейного списка включены документы за период с 22 августа по 15 сентября, отражающие просьбу шведских послов представить им отсрочку для того, чтобы они могли списаться с королем. В книге также собраны протоколы проходивших съездов: второго съезда, который состоялся 20 июля и на котором шла речь о том, с чего следует начинать переговоры: с вопроса о союзе России, Речи Посполитой и Швеции или с обсуждения статей Кардисского договора, на нарушение которых жаловалась шведская сторона. В состав книги включены протоколы третьего съезда, на котором обсуждалась возможность заключения союза России, Речи Посполитой и Швеции. В равной мере приводятся протоколы последующих съездов. Самым поздним документом, который вошел в состав книги, является грамота Федора Алексеевича от 30 сентября к шведским послам с требованием не разъезжаться. Хотя в самом начале книги помечено, что послы возвратились назад 17 ноября, в ней отсутствуют последние четыре октябрьских документа, имеющихся в составе первой из описанных книг и связанных с отказом шведов идти на уступки, в том числе отписки послов от 9 октября о восьмом съезде и от 13 октября об отъезде шведских послов со съезда.

Наконец, имеется еще одна посольская книга с документами посольства (НИОР РГБ. Ф. 29. № 85). Из документов, связанных с перепиской двух государей перед началом переговоров, в эту книгу входит грамота Алексея Михайловича Карлу XI от 29 октября 1675 г. о намерении направить послов на границу. В ряде случаев при включении в эту книгу документов были допущены явные неточности. Например, в кн. 100 грамота Федора Алексеевича послам с требованием отказаться от переговоров о союзе датируется 12 августа, в книге НИОР РГБ — 12 июнем. О том, что июньская дата неверна и грамота была написана в августе, свидетельствует наличие еще ряда аналогичных по содержанию грамот, которые относятся к августу. Правильность датировки подтверждает тот факт, что в июле переговоры о союзе еще продолжались, а в августе были прекращены. Между книгой из НИОР РГБ и двумя другими книгами имеются и расхождения при передаче текстов отдельных документов, например отписки послов, которая была направлена в Москву после съезда 14 августа (в составе посольских книг документы приводились не полностью, а в пересказах, в урезанном виде). В книге НИОР РГБ присутствует отписка, которая была написана после восьмого съезда, состоявшегося 14 августа. В тексте отписки в составе книги НИОР РГБ имеются фразы, отсутствующие в тексте кн. 100: «и такими было словами в подлинном, хотя и непристойно учиненном деле защищенное чинить им не годилось», т.е., по словам русских послов, шведы прибегают к аргументам, к которым им не следовало бы прибегать; «И чего в Кардисе не доложено, то будто не соблюдено безвремянно нарекают», т.е. шведы обвиняют русских в том, что никогда не удастся добиться соблюдения условий Кардисского договора. Такое распределение документов по посольским книгам свидетельствует о наличии в них пробелов, которые, видимо, в ряде случаев не удается восполнить.

**Документы в составе посольских книг
порубежных русско-шведских переговоров 1676 г.**

Название документа	РГАДА. Ф. 96. Кн.100	РГАДА. Ф. 96. Кн.101	НИОР РГБ
Отписка кн. М.А.Черкасского Алексею Михайловичу об отправлении шведских послов на съезд. 19 октября 1675 г.	+		
Грамота Алексея Михайловича Карлу XI о намерении направить послов на съезд. 29 октября 1675 г.	+		+
Грамота Карла XI к Алексею Михайловичу о стремлении Швеции избежать войны с Бранденбургом. 19 января 1676 г. Перевод 12 марта	+		
Грамота Федора Алексеевича Карлу XI с сообщением о том, что из-за задержки с присылкой королевской грамоты послы не успевают на съезд и приедут 30 мая. 22 марта 1676 г.	+		
Отписка послов о получении наказа об отъезде из Новгорода. [После 15 июня 1676 г.]	+		
Наказ послам. 1 мая 1676 г.	+		
Грамота Карла XI Федору Алексеевичу о том, что задержка послов нежелательна. 11 мая 1676 г. Получена 21 июня	+		
Грамота Федора Алексеевича послам о готовности России вести борьбу с Турцией и Крымским ханством. 3 июля			+
Отписка послов о пересылке им листа фон Ферзена с царскими титулами, написанными не по достоинству. 11 июля		+	
Отписка послов о том же. 26 июля	+		
Отписка послов. 27 июля	+		

Грамота Федора Алексеевича послам с требованиями прекратить переговоры о союзе против Речи Посполитой и перейти к вопросу о «делех» государя. 3 августа 1676 г.	+	+	
Грамота Федора Алексеевича послам о том же (окончательный отказ от переговоров о союзе). 7 августа	+		
Грамота Федора Алексеевича послам о том же (окончательный отказ от переговоров о союзе). 10 августа		+	
Грамота Федора Алексеевича послам о том же. 12 августа		+	+ ^a
Отписка послов: шведским послам необходимо списаться с королем. 15 августа		+	+
Грамота Федора Алексеевича послам об отправлении на место посольских съездов новгородских войск. 15 августа			+
Отписка послов о четвертом съезде 8 августа. 17 августа	+	+	
Отписка послов о шестом съезде 14 августа.	+	+	+
Отписка послов. Статьи, поданные послами 12 августа. 18 августа		+	
Отписка послов: они разрешили шведским послам списаться с Карлом XI.	+	+	
Отписка послов о предоставлении шведам отсрочки в переговорах на четыре недели. 22 августа		+	
Отписка послов о том же. 1 сентября	+	+	
Грамота Федора Алексеевича послам с указанием настаивать на предъявленных требованиях. 6 сентября		+	

^a В книге из НИОР РГБ эта грамота датируется 12 июня

Грамота Федора Алексеевича послам о стремлении шведских послов говорить лишь о несущественных делах. 7 сентября	+		+	
Отписка послов: шведские послы просили срок, чтобы списаться с Карлом XI. 12 сентября			+	
Отписка послов о седьмом съезде, об отказе шведов уступать города. 15 сентября			+	
Отписка послов. 18 августа (сентября)	+		+	
Отписка послов об отказе шведов идти на уступки. 21 сентября	+		+	
Грамота Федора Алексеевича послам: русские и шведские послы не должны разъезжаться. 30 сентября	+		+	+
Отписка послов об отказе шведов идти на уступки. 4 октября				+
Отписка послов о том же. 5 октября				+
Грамота Федора Алексеевича с требованием написать о том, состоялся ли очередной съезд. 9 октября	+			
Отписка послов о восьмом съезде. 13 октября	+			
Отписка послов о фактическом отказе шведов идти на уступки, об их отъезде. 13 октября	+			+
Грамота Феодора Алексеевича с указанием ехать в Москву	+			

Важную роль наряду с материалами ф. 96 играют документы ф. 79 – Сношения России с Польшей. Среди них следует упомянуть донесения В.М. Тяпкина. Оказавшись в центре политических событий, он регулярно сообщал, какое

^a В кн. 100 сделана отсылка, что эта грамота есть в кн. 101, где на самом деле приведена грамота от 6 октября.

впечатление московские события производят в европейских государствах, нередко выражал свою реакцию по поводу происходящего. Особое место занимает сохранившаяся переписка польского короля Яна III Собеского с русскими царями: сначала Алексеем Михайловичем, а затем Федором Алексеевичем. Эта переписка позволяет проследить, как развивались русско-польские отношения, как две страны на разных этапах решали вопрос о взаимоотношениях между собой и о возможности совместными усилиями вести борьбу с султаном и Крымом. От решения соответствующих вопросов зависело желание или, наоборот, нежелание Москвы оказывать давление на Швецию. В работе используются опубликованные статейные списки русских посольств в Вене⁹. Также привлекаются материалы из ф. 50 – Голландией, ф. 53 – Сношения России с Данией, ф. 74 – Сношения России с Пруссией. Наиболее важными являются указы послам и статейные списки, документы, связанные с пребыванием в России шведского посольства Г. Оксеншерны (1672-1674 гг.).

Помимо посольской документации в работе использовались куранты (ф. 155 – Иностранные ведомости (куранты) и газеты (иностранные и русские)) – составлявшиеся в Посольском приказе обзоры «цесарской» и голландской прессы, которая регулярно раз в две недели по рижской и виленской почте присылалась в Москву¹⁰. Кроме этого, из-за рубежа газеты часто привозили иностранцы, в 70-е гг. XVII в. – главным образом дипломаты (тогда сделанные на основе поступивших материалов куранты включались в соответствующие столбцы и книги дипломатических сношений). Во второй половине XVII в. для русских властей куранты стали основным источником информации о международных событиях (иностранные газеты привозили в русскую столицу приблизительно через месяц после их выхода в свет). Используя куранты при изучении международных отношений, можно понять, из какой информации исходили московские власти, принимая те или иные решения. Куранты порой содержали ошибки. Обращает на себя внимание и тот факт, что в Россию поступали газеты из стран Габсбургской коалиции, которые составлялись на основе сложившегося, видимо, достаточно постоянного круга

источников (например, судя по всему, ни в Амстердаме, ни в Вене не получали корреспонденций из Стокгольма, информацию о том, что происходит в Швеции, русские должны были добывать из других источников, главным образом, получая ее от иностранных дипломатов и шведского торгового агента в России фон Х. Коха), газеты отражали вполне определенное отношение к происходившему.

В данной работе проведено сопоставление статейных списков и шведских протоколов посольства Г. Оксеншерна в Москву (1673 г.) и соответствующих документов переговоров, проходивших на р. Меузице (1676 г.). Сравнение статейных списков с иностранными протоколами переговоров показывает их расхождение между собой, свидетельствует о наличии умолчаний тех и других; иностранные протоколы тоже нельзя назвать протоколами в современном смысле слова, хотя порой достаточно трудно понять, какой документ более правильно отражает ход переговоров (иногда мы явно сталкиваемся со случаями, когда каждая из сторон хотела замолчать те или иные эпизоды).

Во время московских переговоров, проходивших 6 мая 1674 г. в Москве, А.С. Матвеев изображал дело так, что договоренность об оказании помощи в борьбе с турками уже достигнута и что следует обсуждать конкретную форму помощи, что, возможно, шведы предоставят 3-5 тыс. человек. Г. Оксеншерна говорил о возможности заключения союза в гораздо более обтекаемой форме, о том, что еще только должен решиться вопрос о том, «станет ли возможным известное соглашение», учитывая имеющиеся место другие обстоятельства¹¹.

Сравнение двух документов позволяет сделать предположение, что ни один из них не является протоколом в современном смысле слова, т.е. записью, которая велась непосредственно во время переговоров (хотя наверняка во время конференций что-то фиксировалось и потом имеющийся материал использовался при составлении окончательного документа). Шведские источники, помимо протоколов переговоров, включают в свой состав инструкции послам и их донесения королю.

Существенную роль помимо протоколов также играет проработанная при написании настоящей монографии швед-

ская документация посольства Г. Оксеншерны, и документация переговоров 1676 г.: это переписка послов с Карлом XI и с Риксродом, протоколы переговоров. Протоколы переговоров фиксировали официальную версию происходившего. В то же время письма королю нередко содержали оценку происходящих событий; например, в январе 1676 г., приехав на место переговоров, но еще не начав их, Э.И. Крейц выражал опасения относительно возможного озлобления русских¹². В работе использованы исходящие документы Государственной канцелярии, в том числе указы об отправлении посольств, инструкции послам, распоряжения о проведении фортификационных работ в шведских прибалтийских провинциях на случай нападения России и другие документы.

В документах, составленных иностранцами, нередко упоминаются сведения о переброске русских войск, которая производилась в районе Новгорода, Пскова и Великих Лук в 1675–1676 гг. Иноземцы были убеждены, что речь идет о войсках, направляемых против Лифляндии. Уточнить, о чем реально идет речь, позволяют любезно сообщённые автору О. Курбатовым документы Разрядного приказа ф. 210 (Книги новгородского стола, кн. 30).

Существенным дополнением является описание посольства бранденбургского посланника И. Скультетуса, побывавшего в Москве в 1675 г.¹³, а также переведенный на русский язык отчет голландского посла К. ван Кленка тоже 1675 г.¹⁴ И. Скультетус и К. ван Кленк не только описывали свои переговоры, но и сообщали о происходящем при царском дворе, передавали сведения о готовящейся отправке русских войск к лифляндской границе.

Параллельный анализ документов из различных фондов РГАДА и Государственного архива Швеции, опубликованных материалов по внешней политике Бранденбурга и Голландии позволяет внести новое в понимание внешней политики России и Швеции в 1672 – 1681 гг., по-новому рассмотреть поставленную проблему.

Примечания

- ¹ Шубинский С.Н. Шведское посольство в России в 1674 г. // Исторический вестник. 1882. № 3. С. 652-660.
- ² Форстен Г.В. Сношения России и Швеции во второй половине XVII века // ЖМНП. 1899. № 6.
- ³ Его же. Датские дипломаты при русском дворе XVII века // ЖМНП. 1904. № 5.
- ⁴ Его же. К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900. Август.
- ⁵ Замысловский Е.Е. Сношения России с Данией и Швецией в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. Т. 200. 1889. № 1; Jensen A. Sverige och Ryssland 1676-1681 // Finsk tidskrift. 1889. V. 27.
- ⁶ Zernack K. Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Teil I: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moscau von 1675 bis 1689. 1958. S. 54.
- ⁷ Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994.
- ⁸ Наказ И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 258, 276 об.
- ⁹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 5. 1858.
- ¹⁰ Вести-Куранты. 1656 г., 1660-1662 гг., 1664-1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2 // Исследование и подготовка текстов Ингрид Майер. М., 2008; Шамин С.М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.-СПб., 2011. 1900 (Рязань, 2008).
- ¹¹ Шведские протоколы переговоров. 6 мая 1674 г. // RA. Muscovitica. V. 92. S. 276-277.
- ¹² Крейц – Карлу XI. 19 января 1676 г. // RA. Muscovitica. V. 93
- ¹³ Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675 nach Russland angetreten // Busching A.F. Magazin für die neu Historie und Geographie. IX. Theil. 1775.
- ¹⁴ Посольство Кунраада ван Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб.

Глава I

РОССИЯ И ШВЕЦИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (1672-1674 гг.)

С заключением Андрусовского перемирия 1667 г. Россия стала ведущим государством Восточной Европы. (Роль Речи Посполитой в этом регионе по мере ее ослабления начала значительно уменьшаться, а роль Русского государства усиливаться).

С этого момента Посольский приказ возглавлял Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, являвшийся проводником активной внешней политики.

Из Москвы ехали посольства во все большее число европейских держав. В 1667 г. с сообщением о завершении русско-польской войны были снаряжены дипломатические миссии практически во все страны Европы. В то же время на Западе стали проявлять возрастающее внимание к политике России, в одних случаях опасаясь роста дипломатической активности государства, в других — видя в ней потенциального союзника.

Решался вопрос о том, какое направление внешней политики России важнее — южное (борьба с султаном и Крымом, в том числе поддержка казаков Правобережной Украины, оставшейся под властью Речи Посполитой; русские не теряли надежды на переход Правобережья в русское подданство) или балтийское. Архангельская торговля, используя которую Россия вывозила товары в Европу, была налажена в XVI в. В увеличении экспорта через Архангельск было заинтересовано непосредственное окружение царя Алексея Михайловича. Россия поставляла на Запад меха, поташ, пеньку, лен. Как указывает П.В. Седов, «купечество и большинство думцев были связаны с торговлей через Архангельск и не желали менять налаженных торговых связей. Московские чины с жадностью взирали на

плодородные и малонаселенные земли на юге страны. Удержание, дальнейшее присоединение и освоение «Дикого поля» и Украины значило для них гораздо больше, чем неясные выгоды балтийского мореплавания. Сильный шведский флот казался здесь неодолимой преградой для самостоятельной торговли. Мир со Швецией и дальнейшее давление на Речь Посполитую – вот общее желание тех, кто влиял на формирование внешнеполитического курса¹. Трудно сказать, насколько высоко представители привилегированного слоя купечества и дворянства ценили открывавшиеся перед ними возможности приобретения земель на юге страны. Торговля через Архангельск действительно была делом привычным и приносила большие доходы. Но, вероятно, еще более существенной при выборе внешнеполитического курса являлась угроза со стороны турецкого султана и крымского хана, – как продемонстрировало предшествующее столетие начиная с Ливонской войны, направленной на овладение Ливонией и Зап. Двиной, Россия не могла позволить себе вести борьбу за выход к Балтийскому морю, пока не будет устранена угроза со стороны Бахчисарая (а с 1654 г., когда «под высокую государеву руку» была принята Украина, – также пока не будут урегулированы отношения с Речью Посполитой).

Тем не менее в окружении Алексея Михайловича (а затем и Федора Алексеевича) имелись сторонники оказания умеренного давления на Швецию. В начале 70-х гг. XVII в. в Стокгольме говорили о якобы шедшей в Москве борьбе двух политических партий² – партий сторонников и противников борьбы со Швецией. На самом деле использовать слово «партия» по отношению к боярским группировкам можно, по всей видимости, только условно; эти группировки, судя по всему, не имели четко выработанной политической программы³; в большинстве случаев входившие в их состав люди были объединены между собой тесными личными связями.

Мир между Россией и Швецией после заключения Столбовского мира 1617 г. был нарушен всего один раз, во второй половине 50-х гг. XVII в., когда русские и шведские интересы непосредственно столкнулись на территории Великого Княжества Литовского. Уже в середине XVII в. по инициативе

А.Л. Нащокина обсуждалась возможность присоединения России к странам Габсбургской коалиции в качестве союзника по борьбе со Швецией: русско-шведская война 1656–1661 гг. практически совпала по хронологическим рамкам с Первой северной войной Швеции и Франции с Габсбургской коалицией, с Империей, Бранденбургом, Данией, Речью Посполитой 1655–1660 гг. Вхождение Русского государства в состав коалиции, куда были отправлены русские посольства, тогда было затруднено в связи с русско-польской войной (в результате Россия оказалась в изоляции). В то же время Габсбургская коалиция стала воспринимать Москву как естественного союзника по борьбе со Швецией.

А.Л. Нащокин являлся активным противником заключения Кардисского мира со Швецией на обсуждавшихся в 1660–1661 гг. условиях, говоря, что необходимо удержать хотя бы один из ливонских городов. И в дальнейшем А.Л. Нащокин, как были убеждены в Стокгольме, враждебно относился к шведам⁴. Оставаясь сторонником борьбы со Швецией, русский канцлер был готов идти на значительные уступки полякам.

В конце 1671 г. произошла смена главы Посольского приказа – на место А.Л. Ордина-Нащокина был назначен Артемон Сергеевич Матвеев. Как неоднократно отмечалось в литературе, А.С. Матвеев неустанно интриговал против своего предшественника, что и стало одной из причин отставки последнего. Историки также указывали, что существенную лепту в решение судьбы А.Л. Нащокина внес конфликт дипломата с его подчиненными⁵.

Однако необходимо учитывать, что его политика, прежде всего в отношении Речи Посполитой, его готовность установить мир с поляками на невыгодных для Русского государства условиях явно не отвечала требованиям момента и не устраивала государев двор, что и могло послужить причиной отставки А.Л. Нащокина. Вероятно, наиболее важную роль в назначении нового канцлера играло более трезвое понимание А.С. Матвеевым реальных задач, которые в этот момент стояли перед Москвой: необходимости планомерно расширять принадлежащие России земли в южном направлении, противосто-

ять султану и крымским татарам, не торопясь заключать мир с Речью Посполитой.

А.С. Матвеев как руководитель Посольского приказа оказался востребован в полной мере. Как показало последующее развитие событий, в условиях возрастания давления со стороны Турции на Речь Посполитую Россия могла рассчитывать добиться мира с поляками на условиях Андрусовского перемирия. Русское государство было единственным союзником, на который могли положиться поляки, шедшие по линии замирения с Россией, но в то же время не намеревавшиеся соглашаться на значительные уступки Русскому государству. Канцлер целеустремленно прилагал усилия для того, чтобы укрепить позиции России на юге страны, присоединить Правобережную Украину, оказать противодействие наступлению турок⁶. Со временем Вечный мир действительно повторил условия Андрусовского перемирия, хотя переговоры проходили достаточно сложно. (Переговоры в Москве А.С. Матвеева с польскими послами Я. Гнинским и П. Бростовским в 1671 – начале 1672 г., накануне рассматриваемых в настоящей работе событий, привели к тому, что поляки отказались признать подданство П.Д. Дорошенко России и переход Правобережной Украины под власть русских; Андрусовское перемирие, срок которого истекал в 1681 г., было продлено до 1686 г.; было согласовано совместное ведение Россией и Речью Посполитой боевых действий против турок и татар силами казаков, ногайцев, калмыков⁷; ногайцы и калмыки в основном вели борьбу против крымских татар, возможность их использования в борьбе с султаном носила ограниченный характер).

В то же время следует отметить преемственность политики двух канцлеров. А.Л. Ордин-Нащокин являлся активным сторонником формирования антиосманской коалиции, ратовавшим за ее создание начиная с 50-х гг. XVII в. Эту линию внешней политики, которая соответствовала интересам и России, и европейских стран, была продолжена и А.С. Матвеевым (а в дальнейшем и другими русскими государственными деятелями, занимавшимися выработкой внешнеполитического курса).

Давление на Швецию при наличии в Москве его сторонников продолжалось и с приходом к власти А.С. Матвеева.

Реальные возможности настаивать на предъявляемых Стокгольму требованиях по мере шедшего обострения отношений России с Османской империей были достаточно ограниченными, хотя эти требования предъявлялись в значительной мере в силу того, что Россия повторно, после периода русско-шведской войны, установила в середине 70-х гг. XVII в. связи с Габсбургской коалицией и оказывала ей дипломатическую поддержку.

1672–1673 гг. Начало Голландской войны, наступление Турции на Речь Посполитую и Россия

Голландская война началась в 1672 г., создав «очаг напряжения» в Западной Европе. Французская армия напала на Соединенные Провинции, которые пошли на риск, открыв Мюнденские шлюзы. Вода полностью затопила низину, вынудив французов к отступлению. В Амстердаме на место убитого Ян де Вита пришел Вильгельм III Оранский. На стороне Соединенных Провинций выступила Англия.

Людовик XIV прилагал усилия, чтобы втянуть Стокгольм в сферу своей политики, предоставляя шведам субсидии. И Франция, и Соединенные Провинции, несмотря на принадлежность к разным лагерям, хотели открытия второго театра военных действий в Северной Германии, чтобы уменьшить давление на Западе. Молодой Карл XI уделял мало внимания государственным делам, в основном проблемы внешней политики решал Й. Юлленшерна (в дальнейшем король проявил себя как мужественный воин на полях сражений). Впрочем, король помнил о том, что его мать, бывшая шведская королева Христина, приняла католичество и находилась при папском дворе, отношение короля к Империи первоначально носило лояльный характер. К тому же в этот момент Швеция не была заинтересована в обострении отношений с Веной.

Тем не менее под давлением Парижа 4/14 апреля 1672 г. был заключен договор Франции и Швеции. Швеция, получив французские субсидии, была вынуждена вмешаться в борьбу на стороне Франции, однако она стремилась отказаться от союза, чтобы покончить с Вестфальской мирной системой. В 1672 г.

Швеция совершила нападение на Соединенные Провинции, но потом вышла из войны.

Важным фактором европейской политики являлась политика курфюрста бранденбургского Фридриха Вильгельма, при котором произошло возвышение Бранденбурга. Курфюрст балансировал между разными странами. Существенную роль играла политика Копенгагена. По словам французского посла в Дании, Христиан V «по возрасту, амбициям и силе не мог сидеть, сложа руки»⁸. Датский король Христиан V и курфюрст стремились к возвращению земель, присоединенных Швецией после завершения Тридцатилетней войны (притом, что граница между шведскими и бранденбургскими владениями в Померании, вопрос о которой не был решен при заключении Вестфальского мира, была установлена в 1653 г., Швеция передала Нижнюю Померию во владение курфюрста бранденбургского). Дания и Бранденбург также были заинтересованы в землях, захваченных шведами во время Первой Северной войны (1655–1660 гг.). Бранденбург пришел на помощь Соединенным Провинциям, заключил 23 июня с Вильгельмом III Оранским Берлинский договор.

Франция взяла на себя обязательство вступить в союз с Данией, но не давать ей субсидий. Людовик XIV надеялся на сближение Дании и Швеции, однако эти надежды не оправдались⁹. Когда Швеция осознала угрозу со стороны Дании, Стокгольм стал стремиться разорвать с Парижем. В Стокгольме все-речь опасались выступления Дании против Швеции¹⁰.

Соединенные Провинции просили, чтобы император взял на себя роль посредника в их конфликте со Швецией, на повестку дня встал вопрос о союзе Соединенных Провинций и Империи Габсбургов. Возрастающая угроза со стороны Людовика XIV и желание императора воспрепятствовать дальнейшему упрочению Францией своих позиций привели к решению императора Леопольда I вступить в войну с Францией. Стало неизбежным сближение Империи и Бранденбурга, хотя это сближение было сопряжено с большими проблемами. Император не только не сочувствовал расширению территории Бранденбурга за счет Померании, но даже косвенным путем препятствовал росту земель курфюршества¹¹. 15 июля 1672 г.

курфюрст вступил в союз с императором Леопольдом I. В сентябре был сформирован оборонительный союз Бранденбурга, Дании, Брауншвейга, Гессена-Касселя. К антифранцузской коалиции примкнула Испания. Бранденбург перешел на сторону Франции.

Тем временем усилилось давление со стороны Турции на Европу. На этом этапе основной жертвой Порты стала Речь Посполитая.

В 1672 г. Речь Посполитая вступила в войну с султаном Мехмедом IV. Султанская армия Капрюлю насчитывала 150 тыс. чел. С крымской ордой соединились отряды П.Д. Дорошенко¹². Турецкие войска взяли Каменец-Подольский – один из двух главных опорных пунктов польской власти на Украине. Обладание крепостью позволяло туркам контролировать пути, которые вели в Дунайские княжества.¹³

Россия понимала неизбежность вступления в борьбу с султаном. Москва предполагала провести военную демонстрацию у польской границы¹⁴. В конечном итоге русские полки были посланы за Днепр. В мае был направлен царский указ донским казакам совершить с моря нападение на татарские и султанские владения. В июне аналогичное распоряжение получили запорожские казаки¹⁵. Фактически началась война между Россией и Османской империей.

16 октября Речь Посполитая и Османская империя заключили Бучачский договор, согласно которому поляки уступали султану Подолию с ее центром Каменцем, т.е. большую часть Правобережной Украины. Полякам предстояло, несмотря на вступивший в силу договор, продолжать борьбу. Договор вызвал отрицательную реакцию в Москве, привел к тому, что Россия стала с большой настороженностью относиться к перспективе сближения с Речью Посполитой.

Россия и Речь Посполитая пришли к пониманию необходимости поддерживать постоянные контакты. В августе из Речи Посполитой в Москву был направлен в качестве резидента П. Свицерский. Осенью Алексей Михайлович назначил резидентом в Варшаву стольника и полковника В.М. Тяпкина вместе с его сыном жильцом И.В. Тяпкиным. Царь выражал «любовь» и «дружбу» по отношению к полякам и предлагал

объединить силы против неприятелей креста святого (по дороге В.М. Тяпкину стало известно о кончине Михаила Корибута Вишневецкого).

В свою очередь в Речи Посполитой 9 октября военный совет, возглавляемый Яном Собеским, принял решение выступить против турок. Хотя в ноябре 1673 г. Ян Собеский разгромил осман под Хотинском, оставшееся небольшое число поляков при том, что литовский гетман М.К. Пац увел свои войска в Литву, не удержало позиций и разошлось. Османские войска стремились взять реванш.

Происходившие на востоке события, продвижение турецких войск встревожили всю Европу. Стали распространяться сведения, что султан собирается оказать помощь повстанцам в Трансильвании. Империи предстояло раньше или позже обратить внимание на опасность, исходившую со стороны султана, хотя Голландская война затрудняла выступление Империи Габсбургов против Турции. Пока Леопольд I, поглощенный борьбой с Людовиком XIV, игнорировал восточную проблему. По инициативе Франции были возобновлены предпринятые в 60-е гг. XVII в. кардиналом Дж. Мазарини попытки создать восточный барьер в составе Швеции и Османской империи, барьера, направленного против Империи. В литературе уже обращалось внимание на взаимозависимость Стокгольма, Константинополя и Бахчисарая в первой половине 70-х гг. XVII в.¹⁶

В то же время осенью 1672 г. Россия сделала попытку создать антиосманскую коалицию, послав гонцов в ряд европейских стран с просьбой остановить втягивающую все новые государства Голландскую войну и сосредоточить все силы против «бусурман». Подобная миссия в первую очередь отвечала интересам воевавшей с турками Речи Посполитой¹⁷. При этом Алексей Михайлович, по крайней мере, стремился убедиться в нейтралитете других стран в конфликте с Портой, понять, какую цель преследуют те или иные державы, не воспользуются ли они подходящим моментом, чтобы совершить нападение на русские земли. Гонцы были отправлены к императору, в Венецию, в папскую курию, Саксонию, Бранденбург, Англию, Францию, Испанию. В России, вероятно, понимали, что большинство стран в условиях начинающейся Голландской войны

не захочет послать свои войска против Османской империи. В то же время в результате Русское государство вступало в постоянные контакты с этими государствами, создавалась ситуация, когда они могли отправить в Москву ответное посольство. Укреплялись связи со странами Габсбургской коалиции (Империей, Бранденбургом).

В Швеции боялись, что Речь Посполитая и Россия заключили союз и что Швеция может подвергнуться нападению со стороны русских¹⁸. В 1671 г. в Стокгольме при том, что шведов соответствующим образом настраивал Париж, всерьез обсуждалось, что после подавления восстания Степана Разина русские совершат нападение на Швецию¹⁹ (подобную политику Людовик XIV проводил с конца 60-х гг. XVII в.). На самом деле полагать, что Россия нарушит мир, не было никакого основания – у Русского государства, продолжавшую борьбу за Украину, явно не было намерений начинать борьбу за выход к Балтике²⁰.

В то же время шведы ожидали серьезного улучшения в отношениях с Россией после отставки А.Л. Ордина-Нащокина. Правда, Стокгольм лишь в какой-то мере связывал свои надежды с приходом к власти А.С. Матвеева; начало войны с турками в Восточноевропейском регионе объективно позволяло надеяться на сохранение мира с русскими, и шведы это понимали. В то же время сохранился составленный шведами политический проект, относящийся, скорее всего, к концу 1672 г.; с точки зрения его автора, Франция думала о союзе со Швецией, чтобы совершить нападение на русских²¹.

Летом 1672 г. от шведского резидента в Дании Г. Лилльекрона неоднократно поступали сообщения о том, что Россия может присоединиться к союзникам Империи Габсбургов, сотрудничать с Бранденбургом и Данией, выступить против Швеции. Г. Лилльекрона делал все, чтобы получить как можно более подробную информацию о том, как проходил визит Е.И. Украинцева в Копенгагене. У шведского резидента сложилось впечатление, что Дания может оказать денежную помощь России²². Особое внимание со стороны Карла XI уделялось пограничным спорам в Эстляндии и Лифляндии, в Лифляндии проводились фортификационные работы²³.

В принципе в Стокгольме было не слишком много оснований, чтобы опасаться нападения русских. Признаки, свидетельствующие о желании русских разорвать дипломатические отношения, отсутствовали.

Однако вопрос о том, будет ли Швеция участвовать в Голландской войне в дальнейшем, оставался открытым; это обстоятельство могло ускорить отправление шведского посольства в Россию с целью подтвердить Кардисский мир и устранить якобы существующую угрозу русско-шведской войны, угрозы, как мы будем иметь возможность убедиться в дальнейшем, реально опасались в Стокгольме.

Подготовка к отправлению шведского посольства в Россию

В сентябре 1672 г. из Стокгольма в Москву был направлен А. Эберсшёльд, чтобы подготовить почву для отправления в Русское государство полномочного посольства. Он должен был поставить вопрос о выплате Алексеем Михайловичем небольшой компенсации за ущерб, который Швеция понесла из-за того, что Россия не возвращала пленных, и из-за убытков, которая Швеция терпела в сфере торговли. В основном речь шла о том, чтобы добиться отмены Новоторгового устава. (В дальнейшем в специальном отдельном письме шведского короля А. Эберсшёльду подчеркивалось, что нужно добиться выплаты компенсации хотя бы в уменьшенном размере). Посланнику предписывалось действовать с максимальной осторожностью, чтобы не вызвать раздражения при царском дворе и чтобы его не задержали²⁴.

В принципе Швецию не покидало стремление полностью овладеть русским рынком. С А. Эберсшёльдом московскому правительству были переданы статьи находившегося на царской службе выходца из Германии полковника Николая фон Стадена, присланного из Москвы для найма «мастеровых и всяких ремесленных людей». Когда Н. фон Стаден проезжал через Ригу, местные власти вели с ним переговоры по проблемам русско-шведских отношений, прежде всего по вопросам торговли. С ним шведы направили свое письмо самодерж-

цу еще в 1670 г. Статьи содержали предложения заключить русско-шведский союз и содействовать развитию торговли, перенести русскую торговлю из Архангельска на Балтику²⁵. Но уже в 1671 г. в письмах А. Эберсшёльда ничего не говорилось о торговле через балтийские гавани. И.П. Шаскольский предполагает, что речь шла лишь о местной инициативе рижских чиновников²⁶. Однако Алексей Михайлович, испытывая известные опасения относительно позиции Швеции по отношению к России, пытался выяснить, обладает ли А. Эберсшёльд необходимыми полномочиями для ведения подобных переговоров. В случае положительного ответа Русское государство было готово организовать встречу с ним на границе. Вместе с тем царь, столкнувшись с задачей подтвердить Кардисский мир, требовал, чтобы в Москву поехали полномочные послы²⁷.

Вместе с тем в Риге Н. фан Стаден в 1670 г. должен был добиться казни «газетырей» — шведских подданных, печатавших куранты. Указывалось, что в этих текстах было написано, что патриарх Никон хочет идти войной на царя, потому что царь «безо всякой вины» лишил патриарха его титулов; вина патриарха состоит в том, что он разрешил католикам и протестантам ходить в православные церкви. Что касается Степана Разина, то он, согласно «лживым» курантам, добивался, чтобы российский царь почитал его царем Казанским и Астраханским, дал ему из казны 20 бочек золота, выдал ему для казни восемь человек ближних бояр, а также чтобы Никон был возвращен на патриаршество. На самом деле, как предстояло настаивать, ничего подобного не было, войска Разина были разбиты, его сообщников выдали и казнили²⁸. Обвинения, которые Н. фан Стадену предстояло предъявить в Риге, никак не фигурировали ни при переговорах с А. Эберсшёльдом, ни при переговорах с графом Г. Оксеншерной — Россия не была готова идти по пути обострения отношений со Швецией.

Когда из России отправлялись гонцы в разные страны с предложением войти в состав антиосманской коалиции, в Швецию, а также в Данию и Соединенные Провинции поехал Е.И. Украинцев, покинувший Москву 11 октября 1672 г. Он добрался до Стокгольма 17 декабря и был принят королем

9 января 1673 г. В своей грамоте царь подчеркивал, что, как и прежде, готов сохранять любовь и дружбу со Швецией (таким образом, придерживаясь традиционной формулы), и вместе с тем предлагал снарядить в Россию полномочное посольство для подтверждения Кардисского мира. Предстояло решать вопросы, оставшиеся без ответа в 1661 г. Обе стороны рассчитывали сохранить мирные отношения.

В остальном содержание грамоты Карлу XI повторяла содержание грамот, посланных в другие страны: султан и хан, «начав от коруны Полской», захватили Каменец Подольский, султан «войною во окрестные Христианские государства вступить намерен». Царь «указал нашего Цар. Вел-ва войскам на рубежах» быть готовыми к «случению» с польскими войсками²⁹.

Так же, как об этом говорилось в грамотах, направленных в Англию, Францию, Испанию, Алексей Михайлович просил Карла XI предложить Людовику XIV и английскому королю Карлу II прекратить войну между собой и вступить в борьбу против султана. Одновременно ставился вопрос о готовности двух монархов помогать другим странам в борьбе с османами³⁰. В России было прекрасно известно о дружественных отношениях Франции и Швеции с Османской империей. Было очевидно, что Стокгольм не выйдет из войны с тем, чтобы выступить против султана.

Тем временем в Москве готовились к ставшим возможным вторжению на Украину турецко-татарских войск. В начале 1673 г. в Варшаву был направлен гонец С. Протопопов, сообщивший, что Россия готова предоставить 80 тыс. чел. для борьбы с Портой³¹.

Командующий войсками Белгородского приказа н. Г.Г. Ромодановский получил указание соединиться с войсками левобережного гетмана И. Самойловича. 17 марта 1673 г. царь выдвинул перед П.Д. Дорошенко и митрополитом Тукальским требование немедленно подчиниться России. В случае отказа царь угрожал начать военные действия. Объединенные русско-украинские войска вступили на территорию Правобережья³². В то же время царь предлагал отдельным правобережным гетманам стать его подданными и подчиниться

И. Самойловичу, если П.Д. Дорошенко останется турецким подданным³³.

Польский посланник И. Камар в 1673 г. при приезде в Москву подчеркивал готовность поляков продолжать борьбу с Портой, но только при условии получения помощи со стороны других христианских держав; от России, как он указывал, ожидали, что она предоставит 40 тыс. чел. Также варшавский посланник предполагал объединение русских и польских войск с «цесарскими», которые поведут наступление на султана через Венгрию. Царь отказался посылать новые рати, пока не получит ответа от европейских держав, к которым он обращался³⁴. Тем временем на Украине прорабатывался план похода на Крым, из которого на лето уходили все войска, чтобы воевать вместе с султаном; поход в Крым ставил своей целью отвлечь крымцев от участия вместе с русскими в борьбе за Украину³⁵. Таким образом, Россия была полностью поглощена проблемой борьбы с султаном и крымским ханом. Вопрос о том, как должны строиться отношения со Стокгольмом, думается, оставались для русского руководства на краю сознания. Русские не были заинтересованы в войне со Швецией.

В то же время в Москве при том, что в столицу приходили куранты, тщательно собирали «вести» о международном положении в Европе и о планах Швеции, подробно расспрашивали о текущих событиях находящихся и вновь приезжавших в Россию иностранцев. 18 марта из курантов стали поступать сведения, свидетельствующие о разгоне войны в Европе. От 7 апреля пришла информация, что французские корабли идут вверх по Рейну, шведские послы одновременно отправились в Кельн и во Францию, что не позволяло надеяться на мир между Францией и Габсбургской коалицией, тем более что шведский резидент объявил о своем намерении воевать на стороне Людовика XIV.

Тогда же поступило сообщение, что Россия в союзе с Речью Посполитой намерена воевать с Османской империей и что остальные государства готовы оказать помощь Русскому государству³⁶.

Важные сведения поступали от П. Менезиуса, который в мае 1673 г. направил в русскую столицу отписку из Империи

Габсбургов. Видимо, именно получив соответствующую информацию, в дальнейшем русские стали медлить с приемом прибывших из Швеции послов. Из отписки П. Менезиуса стало известно о сепаратном мире Фридриха Вильгельма и Людовика XIV (мир был заключен во время конгресса в Кельне 6 июня 1673 г.; Людовик XIV обещал значительную субсидию за нейтралитет Бранденбурга)³⁷. Союз Франции и Швеции сохранялся, однако шведы не посылали на помощь Франции собственных людей, а использовали полученные из Парижа деньги на наем иностранцев (скорее всего, П. Менезиус не до конца понимал, что шведы стремились к разрушению Вестфальской мирной системы, выходу из союза с Францией). В Швеции и Дании, как сообщал П. Менезиус, считали, что Россия будет оказывать помощь Речи Посполитой в борьбе с султаном (учитывалась обсуждавшаяся возможность возведения на варшавский престол русского кандидата; Вена поддерживала Нейбурга). Вероятно, именно это вело к тому, что Франция, а вместе с ней и Швеция вынашивали планы развязывания войны с Речью Посполитой. П. Менезиус говорил в своей отписке о намерении Дании начать войну против Швеции. Датчане ожидают того момента, когда Швеция окажется втянутой в войну с другими государствами³⁸.

В Швеции приезд Е.И. Украинцева, необходимость подтвердить Кардисский мир породили серьезные опасения, что Русское государство совершит нападение. В меньшей степени шведы боялись и сближения Русского государства с Данией и Бранденбургом, т.е. государствами Габсбургской коалиции.

Стокгольм делал добрую мину при плохой игре. (Когда речь шла о политике Швеции в отношении России и Турции, Карл XI и его окружение в какой-то мере проявляли лицемерие; шведы явно не планировали ни при каких обстоятельствах предоставлять Русскому государству помощь).

С Е.И. Украинцевым в Россию была послана грамота об успехах в борьбе с Портой. Король ставил самодержца в известность о готовящемся выезде посольства в Москву и рассказывал об угрозе, которая исходила со стороны Турции и нависла над всей Европой. Турки подвергли все смертям и пожарам (именно это произошло в описываемое время на Украине, в

той ее части, которая принадлежала Речи Посполитой). Шведский монарх заявлял, что война султана в Речи Посполитой убедила в необходимости вести борьбу с Османской империей всеми христианскими силами. В Стокгольме было известно, что Россия информирована относительно того, что Франция и Швеция не будут принимать участия в борьбе против султана³⁹. В своей грамоте король писал, что в борьбе против Порты могут участвовать Англия и Франция. Чтобы не отвечать отказом, Карл XI мог предполагать, что удастся начать какие-то переговоры с Россией при участии Англии, которая была заинтересована в расширении торговли с Русским государством. Карл XI выражал мнение, что союз с Францией положит начало совместной борьбе против султана, а Стокгольм может выступить в роли посредника при заключении союза⁴⁰. Вероятно, шведы хотели хотя бы временно предотвратить сближения России с Габсбургской коалицией.

В то же время из Речи Посполитой в Швецию был направлен Войцех Брежа, прибывший туда 27 июля; ему объявили, что Карл XI может вести переговоры только с середины сентября, когда достигнет совершеннолетия. Польский дипломат просил предоставить полякам военную помощь. Шведы потребовали в обмен отдать им несколько мест в Восточной Пруссии. Брежа пытался договориться, что помощь Стокгольма Варшаве будет безвозмездной. Стокгольм ответил отказом⁴¹.

В июне 1673 г. из Стокгольма в Москву снарядили ответное посольство во главе с государственным советником графом Г. Оксеншерной (в посольстве приняли участие лифляндский губернский советник Ханс Хенрик фон Тизенгаузен, канцелярский советник Г.Й. фон Будберг, комиссар И.П. Либлиенхофф). Была составлена инструкция для послов.

К. Цернак, а вслед за ним и И.П. Шаскольский считают, что главной политической целью Швеции было втянуть Россию в европейскую коалицию, с тем чтобы Москва вступила в войну с европейскими державами на стороне Стокгольма⁴². Однако ни расстановка сил в Европе, ни хорошо известный шведам факт о начатой султаном войне в восточноевропейском регионе, ни предшествующие русско-шведские отношения, ни инструкция послам, ни последующие донесения графа

Г. Оксеншерны не позволяют таким образом трактовать задачи посольства. Посольство ехало, чтобы предотвратить выступление России против Швеции и, если дела пойдут успешно, подтвердить условия Кардисского мира, решить конкретные задачи, перечисленные в инструкции. В инструкции от 28 июня 1673 г. посольству графа Г. Оксеншерны подчеркивалось, что шведский король Карл XI не готов выполнять все требования, о которых говорил А.Л. Ордин-Нащокин и которые якобы не имели под собой основания⁴³.

В то же время посольство графа Г. Оксеншерны, как отмечалось в черновом варианте инструкции, должно было убедить царя в миролюбивых намерениях Швеции по отношению к России (как указывалось в этом документе, в том, что речь идет «о настоящем союзе со Швецией», под этим подразумевался, как показали переговоры, союз двух стран без указания, против кого этот союз направлен; во всяком случае, шведы хотели удостовериться, что русские в условиях начавшейся войны Швеции с Данией не совершат нападения)⁴⁴.

Русские упорно писали в королевском титуле — и продолжали писать в 70-е гг. XVII в. — вместо «Ингерманландия» «Ижорская земля», тем самым подчеркивая ее исконную принадлежность России и законность своих претензий, предъявляемых на эту землю. Послам вменялось проследить, чтобы в документах, подготовленных русской стороной, в королевском титуле была указана Ингерманландия, а не Ижорская земля, чтобы русские не добивались возвращения этой территории.

В то же время, несмотря на отсутствие у Карла XI желания оказывать русским помощь в борьбе с турками (как мы знаем, шведы, наоборот, стремились воспользоваться русско-турецкой войной, чтобы заставить русских пойти на уступки), послам давалось указание говорить, что все христианские страны должны подумать об общем успехе в борьбе с турками. Инструкция предусматривала обсуждение в Москве вопроса об отправлении в Стокгольм русских послов. Однако, так как для шведов вопрос об оказании помощи России на самом деле не стоял, послам, в отличие от А. Эберсшёльда, надо было избегать каких-либо реальных предложений, — русские должны были лишь поверить в то, что между двумя странами будет уста-

новлена надежная дружба. Шведским уполномоченным был направлен мемориал, согласно которому король отказывался совершать какие-либо определенные шаги до тех пор, пока не узнает, что в борьбу с султаном включились другие страны. К тому же Карл XI был намерен дожидаться возвращения посла из Речи Посполитой. Граф Г. Оксеншерна получал разрешение заключить договор об оказании России помощи обмундированием, оружием или денежными средствами.

Вместе с тем король исходил из того, что Швеция не должна демонстрировать своего враждебного отношения к России. Предполагалось, что Г. Оксеншерна и его спутники не будут настаивать на тех претензиях, на которые обращал внимание А. Эберсшёльд, — эти претензии, как осознали в Стокгольме, шли вразрез с принципом поддержания дружбы с царем⁴⁵.

Размежевание по Кардисскому миру, к чему так стремились шведы, так и не было произведено. Король хотел, чтобы оно было осуществлено и чтобы граница прошла через Нейгаузен (эстонскую крепость Вастселлину), Ингерманландию, Кексгольмскую границу (через Орешек). Согласно инструкции новая граница в случае успешных переговоров была бы проведена по р. Меузице, от Нейгаузена к большой дороге, ведущей к Печорам. Карл XI ставил своей задачей затянуть с рассмотрением этого вопроса, чтобы последний было невозможно решить до наступления зимы, поручить кончить связанные с этим дела А. Эберсшёльду, формально с целью, чтобы шведская комиссия могла все изучить и использовать⁴⁶.

Инструкция предписывала первоначально не добиваться того, что противоречило бы Столбовскому миру 1617 г. Согласно черновому варианту предстояло настоять на возвращении Россией карельских, ингерманландских и эстонских крестьян, угнанных или бежавших во время войны 1656—1661 гг. Послы везли списки, насчитывающие более 8500 крестьян (налоги, которые эти крестьяне за 20 лет не уплатили в казну, составляли около миллиона талеров серебром)⁴⁷, причем шведы не понимали, с какими трудностями им предстояло столкнуться (принявшие, как правило, под давлением русских православие пленные становились «государевыми холопами», которые должны были оставаться в стране⁴⁸). В окончательном вари-

анте инструкции из опасений, что русские могут решить, что Швеция враждебно к ним относится, рекомендовалось не ставить вопроса о компенсации. (Хотя в дальнейшем в том же документе шла речь о том, чтобы, если русские сами заговорят о компенсации со стороны Швеции, предъявить аналогичное требование, попросить возместить ущерб, связанный с удержаниями русскими пленных, с нарушениями, допускаемыми русскими при ведении торговли). Первоначальный объем выплат русскими шведам предусматривался в размере 600 тыс. руб., однако впоследствии он мог быть снижен до 400 или даже до 200 тыс. руб. (В случае отказа русской стороной выплачивать компенсацию тайный наказ предполагал, что Швеция полностью откажется от своих требований).

Вместо предложений Н. фон Стадена разрешалось представить новый проект союза, проект, составленный К. Тоттом.

Предстояло возобновить обсуждение о порядке ведения шведскими купцами торговли в России. Шведы рассчитывали получить (или хотя бы сохранить прежние) торговые привилегии⁴⁹. Сейчас, при снаряжении посольства графа Г. Оксеншерны, практически речь шла о Новом торговом уставе 1667 г., содержание которого противоречило содержанию Кардисского мира и ограничивало возможности ведения шведами торговли с Россией. Устав был направлен в первую очередь именно против Швеции — английские и голландские купцы получали специальные грамоты, которые позволяли им вести торговлю согласно ранее установленным правилам. Принципиальные положения устава были разработаны голландским купцом П. Марселисом⁵⁰; впрочем, в литературе имеются разногласия относительно того, насколько существенное влияние эти предложения оказали на принятый проект⁵¹. Окончательный вариант документа был составлен А.Л. Ордином-Нащокиным. Шведами предполагалось заставить русских отказаться от условий Нового торгового устава. Пользуясь сменой власти в Посольском приказе, послам было велено подчеркнуть невыполнимость всех требований, на которых настаивал А.Л. Ордин-Нащокин. Следовало проверить, предоставлены ли шведам все права, предусмотренные Плюсским договором 1666 г. Король возлагал определенные надежды на то, что

послы заключат договор по этому вопросу, хотя, как указывалось в инструкции, «когда торговля не в характере страны, нельзя рассчитывать ни на что определенное»⁵².

Инструкция, которую получил граф Г. Оксеншерна, включала пункты, в соответствии с которыми шведы должны были выговорить право беспрепятственно вести торговлю по всей стране. Послам было отдано распоряжение настаивать на снижение пошлин на ввоз товаров до 2%. В свою очередь предстояло пообещать русским купцам свободу торговли в Швеции: это был единственный способ добиться соответствующего права в России. В то же время в Стокгольме понимали, что Русское государство не располагает собственным флотом, что российские торговые соперники весьма ограничены в своих возможностях и не составят существенной конкуренции шведам⁵³.

С другой стороны, перед Стокгольмом стояла задача добиться права вести транзитную торговлю по Волге. Еще раньше к этой идее обращался Ф. фон Крузеншерн. В 1648 г. был составлен проект переноса архангельской торговли на Балтику, что означало окончательное подчинение русской торговли Швеции. Об утопическом проекте Ф. фон Крузеншерна, принявшего участие в посольстве в Россию в 1655–1657 гг., еще долго помнили в Стокгольме⁵⁴. Посольство графа Г. Оксеншерны снаряжалось как раз в год смерти Ф. фон Крузеншерна.

В 1673 г. послам был направлен мемориал с предложениями перенести всю торговлю из Архангельска в балтийские гавани, принадлежащие шведам⁵⁵. 9 декабря Карл XI писал своим уполномоченным, чтобы они обсуждали только вопросы торговли, и пытались добиться, чтобы в случае начала войны торговля продолжалась (в первую очередь имелись в виду иностранные купцы из Англии, Ганзы, Голландии: шведы были заинтересованы, чтобы торговля велась через Балтику)⁵⁶. Перенос стапельных пунктов на Балтику, обеспечение возможности торговли по волжскому пути с Персией и Индией, как считает немецкий исследователь С. Трёбст, стало основной задачей посольства 1673 г. Такое суждение бесспорно, если говорить о задачах посольства в сфере торговли⁵⁷.

В то же время думается, что политические вопросы, которые предстояло решать графу Г. Оксеншерне и его спутникам, являлись не менее важными.

Прибытие посольства в Россию. Прием послов. Две стороны в преддверии переговоров

Вместе с тем требованиям, которые содержала инструкция, в основном предстояло остаться на бумаге. Летом опасения короля относительно успеха миссии усилились. Глава делегации писал 20 июля 1673 г., что будет стремиться избежать войны⁵⁸.

Послы сели на корабль, отправляющийся в Нарву 18 августа. Судно прибыло 14 сентября, 26 сентября шведы покинули Ревель и благополучно приехали в Нарву 15 октября.

Осенью Карл XI, до этого, видимо, не очень вникнув в обстоятельства заключения Кардисского договора, получив соответствующую информацию, предупреждал послов, что русские ворчали по поводу заключенного мира в течение нескольких лет, и исходил из того, что следовало утвердить те договоры, которые окажутся возможными⁵⁹.

С первыми трудностями посольство столкнулось в Новгороде. Граф Г. Оксеншерна впервые в истории русско-шведских отношений ехал в собственной карете, которая не проходила в узкие городские ворота. Послы отказались принять предложение новгородского воеводы и въехать в царской карете, считая, что это унижает достоинство шведского короля. В результате воевода приказал расширить ворота, чтобы карета могла в них пройти⁶⁰. В дальнейшем русские в явном виде препятствовали продвижению шведов в глубь русских земель, получив более подробную информацию о ходе Голландской войны и считая, что переговоры не принесут результатов. Уже в ноябре посольство перемещалось в направлении Москвы значительно медленнее, чем раньше. Шведские уполномоченные выехали по месту назначения 23 декабря, но длительное время из-за постоянных задержек не могли добраться до столицы (по этому поводу граф Г. Оксеншерна даже специально обращался к А.С. Матвееву).

Прибывшие в Россию послы очень быстро пришли к пониманию, что вряд ли удастся установить постоянную границу, договорившись о проведении размежевания. Русских не устраивали шведские предложения; Россия могла согласиться на размежевание спорных земель, но русские по-прежнему в какой-то мере надеялись на пересмотр Кардисского мира. Графу Г. Оксеншерне стало казаться, что царь хотел, чтобы послы по возможности быстрее покинули Москву⁶¹. Опасения шведов относительно возможности нападения русских усилились. Король направил письмо послам в конце декабря, предусматривая конкретные предосторожности, чтобы предотвратить угрозу начала войны. Выражалась надежда, что условия предлагаемого договора не станут причиной разрыва дипломатических отношений. В то же время Стокгольм не был склонен давать какие-либо обещания оказать России помощь в борьбе с султаном⁶².

Шведам предстояло узнать, что происходило при встрече датского резидента с царем. Несмотря на то, что М. Ге не имел влияния при дворе, у графа Г. Оксеншерны и его спутников действительно были причины для тревоги: М. Ге обсуждал опасность выдвижения шведской кандидатуры на польский престол, предлагал выслать подозрительных шведов, стремился их дискредитировать⁶³. М. Ге явно сразу принимал русские предложения, впрочем, не торопясь сообщать королю, к каким уловкам они прибегают. Показателен эпизод, относящийся, правда, к несколько более позднему времени — к маю, когда не принесяшие никаких результатов основные переговоры со шведами уже остались позади. Датский резидент М. Ге вместе с другими иностранными послами принял участие в «цветочной неделе» (Вербном воскресенье). Резидент не жалел сил, чтобы дискредитировать шведское посольство: «... фон Тизенгаузен зело горд и шляпу снимать гордится. А последний де посол (Будберг. — *Е.К.*) гораздо учтивее и смотрел того действа с терпением и умеет говорить по-польски. А граф де Густав Оксенстерна породы слабости не был действа смотреть за болезнью.

А дворян королевских и людей посольских не хвалил и говорил, что платье на них зело худо и учтивству не искусны»⁶⁴.

Тем временем, так как Русское государство предложило Бранденбургу принять участие в создании антиосманской коалиции, то в Россию курфюрстом был отправлен с ответной грамотой И. Скультетус. Фридрих Вильгельм объявил, что располагает войсками, которые после происшедшего замирения Бранденбурга и Франции могут быть посланы против султана – общего врага христиан (курфюрст, как известно из других источников, направил на помощь Яну Собескому своих драгун). Вместе с тем в Москве И. Скультетус говорил о том, что Фридрих Вильгельм готов выступить против Османской империи в составе коалиции, в которую вошли бы Империя, Бранденбург, Речь Посполитая, несмотря на то, что еще совсем недавно Бранденбург вел борьбу с Империей (к этому времени Речь Посполитая была сильно разорена турками; поляки справедливо утверждали, что «сама Польша настолько опустошена, бедна деньгами и необходимыми для войны припасами», требуется помощь, чтобы она не оказалась в неволе у «бусурман»; поляки в 1673 г. отправили посольства к Людовику XIV, Леопольду I и папе римскому с просьбой оказать помощь в борьбе с Османской империей; папа взял на себя обязательство предоставить для соответствующих целей деньги⁶⁵). Практически это означало бы объединение вместе бывших врагов (Бранденбург продолжал ту же непоследовательную политику, меняя союзников в зависимости от того, что было выгодней).

В Москве стало известно о возможности столкновения Швеции и Бранденбурга и о по-прежнему неопределенной позиции Речи Посполитой, существовании там профранцузской группировки, ориентировавшейся на замирение с султаном. Царь, исходя из результатов русско-польских переговоров 1671–1672 гг., объявил, что вопрос о том, когда Россия выступит против султана, не решен, что Россия обещала использовать в борьбе с турками калмыков и запорожцев⁶⁶. Переговоры со И. Скультетусом так и не дали результатов. Однако, как понимал граф Г. Оксеншерн, Бранденбург мог вести антишведскую пропаганду. Шведы всерьез были встревожены появлением И. Скультетуса в пределах России. У графа Г. Оксеншерны и его спутников зародилось подозрение, что И. Скультетус ставит своей целью проконтролировать его действия. По словам

графа Г. Оксеншерны, посланник курфюрста хотел навлечь неприятности на шведское посольство⁶⁷. (В Стокгольме теперь питали серьезные опасения относительно направленных против шведов намерений габсбургской коалиции, Дании и Бранденбурга⁶⁸).

Тем временем шведская делегация въехала в Москву. Русская столица встречала полномочных представителей Стокгольма впервые со времен начала русско-шведской войны 1656–1661 гг.

Теперь, казалось бы, настал долгожданный момент: прибывших дипломатов ожидал торжественный прием в Кремле, что специально подчеркивалось русскими (пышность церемонии впоследствии отмечали и шведские послы). Однако реально ни одна из сторон не испытывала оптимизма по поводу предстоящих переговоров. В Посольском приказе был составлен список поднесенных шведской стороной подарков, но в дальнейшем этот документ был подвергнут редактированию, подарки были оценены не столь высоко. Например, было указано, что послы поднесли «рукомойник большой озолочен», однако первоначально следовавшие за этим в черновом варианте слова «изрядного дела» были зачеркнуты⁶⁹.

Шведские послы не торопились начинать переговоры: они понимали все предстоящие трудности. Не меньшие опасения вызывало пребывание в Москве датского представителя (хотя граф Г. Оксеншерн и писал в Стокгольм, что царь жалует его на его упрямство). Учитывая, что король требовал торговых уступок и уменьшения пошлин, послы думали о том, какие средства им следует использовать⁷⁰.

Граф Г. Оксеншерн стал отказываться во время приема у царя снимать шляпу. Возникли долго не прекращавшиеся споры, во время которых каждая сторона не скупилась на аргументы, продолжая настаивать на своем; по словам шведских послов, «великий государь указал их отпустить с Москвы, не дав им видеть твой царского величества очи тот час». Русская сторона требовала от стокгольмских уполномоченных отказаться от своих требований, «чтоб от такого упорства за малое время великим делам повреждения не было». В свою очередь послы настаивали на том, что им грозит «от королевского величества

казнь». Граф Г. Оксеншерна ссылался на якобы полученный им королевский наказ, в соответствии с которым они должны были вести переговоры с непокрытыми головами (реально в королевской инструкции ничего об этом не говорилось). Вместе с тем рассерженные русские отказались вечером отпускать со двора пришедшего в гости к послам А. Эбершшёльда. Граф Г. Оксеншерна жаловался королю на то, что А. Эбершшёльд, который, согласно шведской версии, дважды посещал послов, не мог ночью уходить к себе домой (сколько раз — один, как об этом говорится в русских документах, или, согласно версии графа Г. Оксеншерны, дважды это произошло — остается неизвестным). Граф Г. Оксеншерна писал королю: русскими было отдано указание, что никто из шведов не должен выходить и никто из иностранцев не должен к ним приходиться (из русских документов неясно, было ли в действительности отдано такое распоряжение, хотя в принципе подобные случаи в московской дипломатической практике достаточно хорошо известны).

В результате шведы почувствовали себя, как отмечал граф Г. Оксеншерна, в положении пленных⁷¹. Неясно, в какой мере это соответствовало действительности (шведы хорошо помнили историю посольства Г. Бьелке, который вместе со своими путниками действительно оказался в положении пленного и которого задержали в России на два года, хотя тогда реально шла русско-шведская война).

В свою очередь русские, делая вид, что окончательно отказываются принимать послов, пытались, не жалея сил и не скупясь на примеры, объяснить, что приехавшим «шляп надеть при царском величестве непристойно», что если они будут упорствовать, их не будут принимать и выпроводят из Москвы, за ними по приказу Алексея Михайловича присылали подводы, царь жаловался на упрямство шведов. Тем не менее Г. Оксеншерна и его спутники придерживались занятой ими позиции восемь дней, говоря, что ни за что не отступят от своего мнения. Не ясно, насколько всерьез в Посольском приказе отнеслись к его ссылкам на исходящие от Карла XI указания о шляпах, но во всяком случае, чтобы внести ясность в животрепещущий вопрос, после нескольких отказов согла-

сились направить в Стокгольм гонца С. Эосандра, что и было осуществлено.

Карл XI стал испытывать серьезные сомнения относительно того, насколько русские хотят подтверждения Кардисского мира — они «ворчали» по поводу заключенного договора несколько лет. Посол сообщил королю, что имущество Я. де Родеса конфисковано, но русские отказываются освободить изъятые у шведа вещи до тех пор, пока не будет заключен мир⁷². Король продолжал испытывать опасения относительно возможного начала войны. Хотя он признавал, что может оказаться, что никакой реальной опасности нет, но чувствовал большое напряжение, не понимая, откуда оно исходит, придерживался точки зрения, что надо заключать те договоры, которые окажутся возможными (по его мнению, основные противоречия были связаны с Лифляндией; в то же время он считал, что необходимо возвратить конфискованные товары, что нерешенные вопросы в сфере торговли могут привести к началу войны). Карл XI подчеркивал, что не следует обещать никакой помощи России в борьбе с Османской империей (в дальнейшем, в феврале, король указывал, что ради сохранения лояльных отношений Швеция как христианская держава готова внести вклад в борьбу с султаном)⁷³.

23 января 1674 г. царь принял послов. Состоялась беседа. Однако никакого диспута не последовало. И шведы, и другие иностранцы, по словам графа Г. Оксеншерны, боялись начала войны; особые трудности возникали для всех, кто занимался торговлей, — им грозило банкротство⁷⁴.

В целом шведы пребывали в полном неведении относительно того, на что они могут рассчитывать в Москве: как подчеркивал глава стокгольмской делегации 29 января, «предстоит вести переговоры с тем же хладнокровием и твердой рукой»⁷⁵. И действительно, отношение к шведам, отношение, которое подогревалось послами, прибывшими в Москву из враждебных Швеции стран, оставалось настороженно-прохладным.

С этим обстоятельством шведы связывали достаточно негативное отношение русских к посольству (не вполне понятно, действительно ли русские всерьез опасались направленного против России союза Речи Посполитой и Швеции).⁷⁶

Шведы питали по этому поводу серьезные опасения, что Алексей Михайлович будет избран польским королем: при таком варианте развития событий, как полагали в Стокгольме, могло произойти объединение сил России и Речи Посполитой и их совместное выступление против Швеции. Впрочем, постепенно и русские начинали понимать иллюзорность своих надежд, а шведы — убеждаться в том, что избрание русского кандидата, скорее всего, не состоится⁷⁷. Как стало казаться шведскому монарху, русские никогда бы не пошли на пересмотр условий Андрусовского перемирия ради получения варшавского престола⁷⁸. В этой ситуации, как считал Г. Оксеншерна, Швеция должна была сделать вид, что оказывает помощь Речи Посполитой против султана. Но в то же время, как он добавлял, в настоящее время можно ограничиться отправлением посольства: все христианские державы обеспечат защиту христианства⁷⁹.

Русско-шведские переговоры

В марте гонец С. Эосандр, отправленный в Стокгольм, приехал назад, привезя с собой королевское письмо. Карл XI предлагал, чтобы впредь все русско-шведские переговоры (как в России, так и в Швеции) проходили без головного убора. Русская сторона дала на это свое согласие⁸⁰. (Соответствующее требование, вероятно, стало предъявляться как раз в это время — оно относится ко второй половине XVII в.; в итоге в дальнейшем Россией была заключена соответствующая договоренность не только со Швецией, но и с Речью Посполитой; до этого их право представляться в шляпах не подвергалось сомнению)⁸¹.

Весной 1674 г. граф Г. Оксеншерна прислал королю сведения, что русские собирают войска в районах Пскова и Новгорода с тем, чтобы эти люди были готовы исполнять отдаваемые указы. В дальнейшем он счел необходимым сообщить, что молодой Хованский отозван из-под Азова, что — неизвестно с кем — войска будут посланы к Пскову и Новгороду⁸² (туда в это время был направлен кн. И.А. Хованский, хотя вряд ли в это время его можно назвать молодым — он стал стольником в

1636 г.⁸³; видимо, произошла путаница и его, как и в дальнейшем, сопровождал его сын; в 1675 г. рати Хованского направлялись в Великие Луки, чтобы оттуда идти в Крым, однако слухи относительно того, что русские собираются направить войска в Лифляндию против Швеции продолжали будоражить европейские государства еще очень долго; такое положение вещей вполне устраивало московское политическое руководство — оно держало шведов в страхе относительно возможности нападения русских; вместе с тем прибывавшие в Россию представители Габсбургской коалиции также были убеждены, что войска предназначены для нападения на шведов; возможно, соответствующие сведения специально распространялись русской стороной).

В то же время посол продолжал проявлять беспокойство по поводу переговоров по конкретным вопросам. Графу Г. Оксеншерне стало достаточно очевидно, что Новый торговый устав составлен с целью ограничить возможности ведения торговли в России именно для шведов, с целью, чтобы торговля с русскими перешла в руки других морских держав. Царь, по словам шведского посла, дал инструкцию, которая предполагала разрешить свободную торговлю с Казанью, Астраханью и терскими казаками для французов, голландцев, англичан. Выбор царя приобретал в условиях, когда Швеции предстояло вести вооруженную борьбу с Голландией, политический оттенок. Граф Г. Оксеншерн и его спутники просили короля сдержаться в его пожеланиях. «Мы ничего в этом деле не достигнем, многого или малого». В то же время усилиями польского резидента в России П. Свицерского у графа Г. Оксеншерны сложилось впечатление, что Россия не располагает существенными силами и должна уступить Речи Посполитой захваченные земли (в то же время поступили сведения, что поляки могут выставить лишь незначительное число людей)⁸⁴.

23 февраля король после прибытия в Стокгольм гонца из Москвы, а также на основе январских донесений графа Г. Оксеншерны, понял, что союз не будет заключен, что послам ничего не удастся добиться, что они в основном пытаются выиграть время, посмотреть, как будут развиваться события. В этой обстановке Карл XI направил своим комиссарам письмо.

Предшествующее письмо о торжественном приеме послов наводило Карла XI на мысль, что «царь ни о чем не думает, кроме как о паритете и благополучии, эту ситуацию можно сохранить и ожидать торжественных писем». В то же время король достаточно четко осознал, что «царь не питает к нам никакой склонности» и «не имеет ничего хорошего в мыслях», испытывал сомнения относительно сохранения мирных отношений. Король настаивал, что желательно поддерживать дружбу, но обращал внимание на то, что при возможности нужно эксплуатировать антишведские настроения русских. «Тогда можно легко убедиться, что он (царь. — *Е.И.*) проявляет беспокойство относительно сохранения мира» (хотя у русских при готовности отказаться от давления на шведов было меньше всего оснований полагать, что последние совершат нападение). Послам разрешалось в нарушение инструкции, лишь после того, как будет достигнута договоренность о дружбе, поставить вопрос о компенсации, но король запрещал вести переговоры относительно того, о чем он хотел попытаться договориться раньше. Послы не должны были упоминать сложившиеся враждебные отношения. В то же время предстояло договориться о полках, находящихся в порубежных районах. Король считал, что будет лучше всего решать спорные вопросы во время встречи послов на границе. Послам по-прежнему предписывалось выражать готовность внести вклад в борьбу против турок⁸⁵.

В 1673 г. король, учитывая письма графа Г. Оксеншерны, отдал ряд новых распоряжений относительно проведения фортификационных работ в Эстляндии и Лифляндии⁸⁶. Укрепление границ велось в преддверии предполагавшегося начала Голландской войны с тем, чтобы при относительно спокойной обстановке из Эстляндии и Лифляндии, отсутствии угрозы нападения со стороны России можно было перебрасывать войска в других направлениях.

Тем временем Россия продолжила борьбу с Портой и Речью Посполитой на Украине.

Гетман Левобережной Украины Д.И. Многогрешный добивался того, чтобы поляков не пускали за Днепр и за Сожу: они начали бы вступать в города, занятые русскими, и называть захваченные места своими⁸⁷. 12/22 января 1674 г. рус-

ско-казацкое войско в размере 80 тыс. человек переправилось через Дунай, подчинила царю Крылов, Черкассы, Канев. П.Д. Дорошенко, власть которого распространялась лишь на территорию Чигиринского и Черкасского полков, потерпел поражение⁸⁸.

Действия русско-казацких войск, а также коронных войск принесли большие успехи. 17/27 марта располагавший значительными силами уманьский полковник М. Ханенко сложил булаву перед кн. Г.Г. Ромодановским. Казаки провозгласили И. Самойловича гетманом Правобережной Украины.

В такой обстановке начались русско-шведские переговоры. В первой конференции 2 апреля, а затем и во второй конференции 6 апреля с русской стороны приняли участие А.С. Матвеев и кн. Ю.А. Долгоруков, думный дьяк Г.К. Богданов, впоследствии ставшие постоянными участниками конференций, дьяки Я. Поздышев, И. Естафьев, Л. Голосов. Как убедительно показали П. Бушкович⁸⁹ и П.В. Седов, кн. Ю.А. Долгоруков играл существенную роль при дворе, князь в значительной мере вершил все дела, вместе с А.С. Матвеевым вел практически все переговоры с приезжавшими в Россию послами. Иностранцы называли кн. Ю.А. Долгорукова «царским воеводой», «великим полководцем»⁹⁰. Скорее всего, А.С. Матвеев и кн. Ю.А. Долгоруков придерживались сходных политических взглядов, считая борьбу с Османской империей основным направлением внешней политики России. Однако вряд ли они рассчитывали на Карла XI как на реального союзника.

Так как две конференции проходили с разрывом всего в несколько дней и на них обсуждались одни и те же вопросы, становится целесообразным одновременно рассмотреть обе эти встречи. Насколько позволяют судить русские и шведские протоколы (и в те, и в другие впоследствии могла быть внесена правка; протоколы двух сторон в достаточно сильной мере различались между собой), представители двух сторон как бы говорили на двух разных, заведомо непонятных для другой стороны языках. Как подчеркивал граф Г. Оксеншерна, король придавал большое значение подтверждению Вечного Кардисского мира, с этого, по мнению главы шведской деле-

гации, и нужно было начинать⁹¹. Послы долго настаивали на том, как это важно. В то же время русские перешли к вопросу о вступлении в союз со шведами. Шведы сказали, что с поляками заключен Оливский мир⁹², т.е. русско-шведский союз не может быть направлен против Речи Посполитой. Однако так как прибывшие послы не имели полномочий заключать военный союз, то, с точки зрения Карла XI и его послов, прежде чем объединение сил произойдет, России и Швеции предстояло укрепить дружбу. (Дальше послы достаточно риторически заявляли, что, «когда два великих государства находятся рядом, питая взаимное доверие, никакая наружная сила не может так легко привести к разрыву отношений»). Но при этом все следует сделать в соответствии с Кардисским договором и решить проблемы, о которых речь шла в инструкции: вопросы о пленных, о свободе ведения торговли, об установлении границы. Согласно донесению графа Г. Оксеншерна Карлу XI, царь указывал, что Кардисский договор «был так хорошо продуман, что может оставаться без поправок, после того как мы решили примириться и придти к справедливости»; этот договор мог лечь в основу нового договора⁹³. Но русская сторона стремилась в первую очередь уяснить себе, что Швеция будет добиваться удовлетворения тех или иных требований.

Дальше последовали длительные переговоры о союзе против Османской империи, при этом после того как Кардисский мир не был подтвержден, переговоры в значительной степени утрачивали смысл. (В январе 1674 г. европейскими державами и даже азиатскими провинциями, Египтом было принято решение об организации нового похода против Порты; неизвестно, дошли ли эти сведения до Москвы)⁹⁴.

Показательно, что в русском статейном списке был довольно подробно освещен вопрос о том, как Россия и Речь Посполитая боролись с турками (вероятно, русские понимали, что серьезная угроза антирусского союза Швеции, Стокгольма и Парижа отсутствует, что, как показывал период после заключения Бучачского мира, Речь Посполитая намеревалась продолжать борьбу против Порты). Русская сторона стремилась продемонстрировать, что ведет серьезное наступление. Конкретно рассказывалось, что кн. Г.Г. Ромодановскому вместе с

И. Самойловичем удалось привести к покорности правобережного гетмана Д.П. Дорошенко. Впрочем, вполне возможно, что подробное описание происходивших событий было вставлено в текст задним числом; шведы не описывали происходившего⁹⁵; более того, шведы считали, что русские утаили известия о победе над турками (видимо, имелась в виду сдача Черкас)⁹⁶. Правда, в шведских протоколах переговоров было зафиксировано, что царь захватил врагов на местах, к счастью, для всего христианства⁹⁷.

Кн. Ю.А. Долгоруков также отмечал, что теперь Россия с Речью Посполитой вступила в союз, направленный против султана, князь настаивал, что Россия «ныне крепко и неотменно с королевством полским в дружбе пребывает» (имелись в виду переговоры 1671–1672 гг.)⁹⁸. В шведских протоколах достаточно лаконично упоминалось русско-польское военное сотрудничество, к которому шведы в силу названных причин не питали никакого интереса: «...говорилось о том, что действия против Порты ведут как русские, так и поляки»⁹⁹.

Граф Г. Оксеншерна стремился продемонстрировать готовность Швеции помогать России и Речи Посполитой: когда турки увидят, что христианские государства ведут против них совместную борьбу, Швеция и Речь Посполитая сделают так, что Османская империя хорошо об этом подумает, — перед нами типичный образец дипломатической риторики. (Таким образом, стокгольмские дипломаты всерьез рассматривали возможность объединения усилий, в первую очередь Москвы и Варшавы, при том, что шведам было известно о сложных русско-польских отношениях; шведы достаточно однозначно выражали отсутствие желания идти по пути сближения с русским государством)¹⁰⁰.

Русская сторона предполагала заключить военный союз, чтобы можно было не опасаться вооруженных столкновений. Бояре предлагали не касаться ничего другого, кроме как вопроса о союзе¹⁰¹, указывали, что «ничто не строится на песке»¹⁰², предлагали шведам, чтобы последние «упорство свое оставили, а вступили в договор против грамот королевского величества о вечном союзе» (при этом в шведском тексте ничего не говорилось о том, что союз должен быть направлен против

Османской империи)¹⁰³. Русские рассчитывали на получение от шведов отказа от сепаратных переговоров с противниками и по крайней мере делали вид, что ожидают конкретных предложений относительно ведения совместной борьбы против Османской империи¹⁰⁴.

В данном случае московское политическое руководство не собиралось обсуждать вопросов ни о границе, ни о пленных, ни об условиях ведения торговли. В связи с этим А.С. Матвеев, согласно шведским протоколам, подчеркивал, что, так как в королевском письме в первую очередь речь шла о союзе, это «должно быть вашим (шведских послов. — *Е.И.*) компасом, показаниям которого мы бы следовали». Глава Посольского приказа надеялся, что это будет способствовать отказу шведов от их требований.

В ответ на попытки графа Г. Оксеншерны и его спутников перейти к обсуждению других проблем глава Посольского приказа отвечал, что произойдет затягивание переговоров, потому что это спорные вопросы. «Что касается писем относительно примирения, он (А.С. Матвеев. — *Е.И.*) считает, что никакого примирения не надо, потому что не было никаких споров»¹⁰⁵.

Как свидетельствуют шведские протоколы, граф Г. Оксеншерна уже во время конференции 2 апреля поставил вопрос о военнопленных. По словам посла, король ожидал, что пленные, которые еще могли оставаться в живых и которых могли найти, будут сразу собраны и возвращены. Предполагалось, что русские сразу выплатят компенсацию после составления списков потерянных шведами людей¹⁰⁶. Русские не собирались никого отдавать, что, впрочем, стало очевидным только впоследствии.

6 апреля послы отметили, что в первую очередь должны быть приняты решения по вопросам о пленных, о свободе торговли, о размежевании территорий двух государств, о возможной выплате Россией компенсации Швеции¹⁰⁷. Но шведам стало очевидно, что противоположная сторона исходит не из Кардисского и Плюсского договоров, которые предполагали удовлетворение предъявленных шведами требований, а из своих собственных расчетов, связанных с надеждой получить

помощь в борьбе с Портой. (Две стороны вспоминали так и не состоявшуюся встречу в Курляндии, встречу, в которой предполагалось участие России, Швеции и Речи Посполитой¹⁰⁸; имелись в виду события 1668 г., когда в Курляндии должны были обсуждаться вопросы торговли; одновременно планировалось провести подготовку к заключению Россией Вечного мира с Речью Посполитой при посредничестве Бранденбурга, но переговоры так и не состоялись¹⁰⁹. Остается неясным, насколько в данном случае графа Г. Оксеншерну действительно волновала судьба упомянутого проекта).

Предполагалось договориться, что Россия и Швеция не будут совершать взаимного нападения, что шведами будет оказана помощь России войсками, что будут предоставлены деньги и провиант¹¹⁰.

Приехавшие дипломаты рассчитывали быстро, до Пасхи, завершить переговоры, однако стало очевидно, что две стороны не могут найти общего языка.

С учетом опыта апрельских переговоров комиссары представили на рассмотрение русских новый мемориал—проект, потребовав разъяснений, почему русские отказываются принять их проект и выплатить компенсацию¹¹¹.

В основу проекта было положено письмо полковника Н. фон Стадена, которое предусматривало установление дружбы между двумя государствами (уже 6 апреля обсуждались статьи, которые были присланы через Н. фон Стадена; эти статьи были приняты русскими к рассмотрению). Шведы по-прежнему настаивали на свободе торговли. На это им была дана отповедь, что они, шведы, не исполняют обязательств по отношению к русским купцам, которые терпят серьезные убытки (в этом варианте проекта ничего не говорилось о переносе архангельской торговли на Балтику)¹¹². В то же время шведы не включили в проект уже вызвавшие недовольство пункты о проведении границы и об отпуске пленных. Это не означало отказа графа Г. Оксеншерны от обсуждения названных проблем, оно было продолжено в дальнейшем. Однако он и его спутники достаточно четко поняли, что русские не желают принимать каких-либо решений. Проект был нацелен на то, чтобы по мере возможности посольство могло быстрее

завершить свои дела и покинуть Россию. Переговоры велись с учетом позиции других стран, в первую очередь Бранденбурга и Речи Посполитой.

А. Попов полагает, что Швеция хотела вовлечь Россию в войну против Соединенных Провинций¹¹³. Однако документальные свидетельства, которые подтверждали бы правильность этого высказывания, в нашем распоряжении отсутствуют.

Между тем южное направление не терпело промедлений. В мае русские отрядили войска для борьбы с Крымом¹¹⁴.

6 мая, во время третьей конференции, шведы, надеясь добиться путем переговоров реальных результатов, заявили о своей готовности оказать помощь против турок, одновременно предоставив ее полякам и русским, впрочем, вполне символическую – 3-5 тыс. чел. Русские продемонстрировали полное равнодушие к получению столь мизерной помощи (до этого они сообщали, что отправили в южном направлении 200 тыс. чел.). Переговоры снова не сдвинулись с мертвой точки. В то же время вопрос об оказании помощи против Порты стал предметом спора во время следующих конференций.

11 мая, когда проходила четвертая конференция, русская сторона пыталась настаивать, что, так как на юге у России нет никакой границы, отделяющей ее от врагов, можно заключить союз, не проводя размежевания территорий между Россией и Швецией. На это шведские послы подали реплику, что Речь Посполитая и все христианство находятся в опасности, но король будет оказывать помощь Речи Посполитой в том объеме, в каком он не может помогать России, Бранденбургу, Габсбургской монархии. Таким образом, было довольно четко показано, что Швеция не собирается поддерживать оружием или людьми Русское государство. Царь объявил, что будет ожидать информации о помощи, которая направлена Речи Посполитой. Стремясь воспрепятствовать сближению России и Бранденбурга, послы стали уверять собеседников, что Бранденбург сохраняет хорошие отношения и с Варшавой, и со Стокгольмом. Вместе с тем поступили известия, что Речь Посполитая будет претендовать на территории, захваченные войсками Алексея Михайловича. Послы, как они заявили, не имели инструкций

об оказании поддержки и сослались на необходимость снаряжения нового посольства¹¹⁵. В дальнейшем граф Г. Оксеншерна сообщал в Стокгольм, что русские требуют помощи «человечеству» (имелись в виду христианские страны), которое имеет достаточно сил. 12 мая послы писали королю о слабости армии кн. Г.Г. Ромадановского, видимо, на основе полученных сведений о том, как она была вооружена¹¹⁶ (на самом деле реальных оснований для таких высказываний не было¹¹⁷). Однако шведы, исходя из предложений России принять участие в борьбе против общих врагов христиан при том, что речь шла о помощи русским, были склонны к отказу. Теперь, в связи с переориентацией на Речь Посполитую, послы подчеркивали, что они готовы оказывать помощь амуницией, но не людьми.

Нежелание русских обсуждать предложенные проекты и отсутствие у шведов готовности помогать Москве вело к тому, что переговоры пробуксовывали на одном месте, о чем свидетельствовала шестая конференция, проходившая 18 мая. Кн. Ю.А. Долгоруков говорил, что «они встречались пять раз и ничего не было решено», при этом русские неумоимо приводили аргументы относительно того, какую угрозу создают турки: в качестве примера фигурировал Константинополь, который принадлежал то христианам, то туркам. В русских протоколах не нашли в полной мере лишь слегка, насколько можно судить по шведским протоколам, завуалированные высказывания шведов относительно того, что Швеция не хочет оказывать помощь. Русские, судя по шведским протоколам, напомнили шведам об отказе послать людей в Литву (такие переброски войск были сопряжены с большими расходами; во время Первой Северной войны 1655–1660 гг. шведы ограничились тем, что лишь содержали гарнизоны в захваченных ими крепостях). Граф Г. Оксеншерна говорил лишь о необходимости направить людей в Лифляндию («в конечном счете для обороны своей страны»). Пока там, согласно как русским, так и шведским протоколам, находилось очень незначительное число людей. Глава шведской делегации пользовался случаем, чтобы, с одной стороны, отвести возможные подозрения русских (хотя вряд ли ему это удалось), с другой — попытаться убедить А.С. Матвеева, что эти войска собирают для борьбы с

турками (действительно, в последующие годы в районе Новгорода, Пскова, Великих Лук собирали войска, которые предназначались для переброски в Крым). Это свидетельствовало, что Швеция не собирается заключать антиосманский союз.

Глава Посольского приказа видел, что его усилия договориться о предоставлении помощи против султана не приносят результатов (вряд ли на эти результаты он рассчитывал с самого начала). К тому же, сами русские отказывались отправлять войска на помощь, и так как речь должна была идти о двусторонних договоренностях, понимали, что статья не проходит. Видимо, русские надеялись, что, по крайней мере, шведы не будут настаивать на своих требованиях, предъявленных русской стороне. Так как Лифляндия, через которую могли перебрасываться направляемые на помощь русским войска, оставалась территорией, на которую претендовали русские, шведским послам предлагали «Лифлянской бы земли в том числе имянно не писать» (в дальнейшем русские, поняв, что переброска войск «за море» слишком дорого стоит как для русских, так и для шведов, наоборот, настаивали на том, чтобы шведы перебрасывали войска против султана через Лифляндию; возможно, русским стало казаться, что именно это может послужить надеждой то, что договоренность со Стокгольмом будет реально достигнута). Опять же в соответствии со шведским протоколом А.С. Матвеев как бы в укор своим собеседникам говорил о том, что, так как Швеция не желает предоставить существенную помощь, нужно обходиться без союза, учитывая, что, согласно поступающим сообщениям, турки набрали большую силу.

Вполне однозначно прозвучало высказывание А.С. Матвеева по поводу отказа шведов перебрасывать войска «из-за моря», зафиксированная в шведских протоколах: «Здесь ничего нельзя сделать, только отказаться от заключения такого соглашения». Отправление войск «из-за моря» вызвало бы большие трудности со стороны шведов. В свою очередь, согласно опять же шведским протоколам, граф Г. Оксеншерн обращал внимание своих собеседников на то, что «когда не будет никакого союза, не должно быть никакого»¹¹⁸.

Шведская сторона подтверждала свою готовность подписать те пункты, которые она первоначально предлагала,

но которые впоследствии были сильно изменены русскими, отказывавшимися выполнять предложенные шведами условия.

Основным аргументом, на который ссылались шведские послы, говоря, что не могут подписать проект, предусматривающий помощь против Османской империи, — это аргумент относительно того, что они не могут брать на себя соответствующее решение, не списавшись предварительно с королем (об этом моменте шла речь как в шведском, так и в русском протоколе). Граф Г. Оксеншерна подтверждал, что без этого договориться ни о чем окончательно невозможно, что «только путь положен» для начатого дела, настаивал, что в разбеге письма не следует упоминать Лифляндии. Русские еще раз убедились в слабой заинтересованности шведов в союзе с Москвой, тем более что первоначальные требования шведов были хорошо известны. Вместе с тем составители протоколов продолжали делать вид, что им не удалось договориться о предоставлении шведами помощи России против Османской империи в результате нежелания прибывших послов дать свое согласие, что в дальнейшем переговоры должны быть продолжены.

В конечном счете, как, согласно русскому протоколу, настаивали «бояре», шведам предстояло ограничиться оказанием помощи русским в Лифляндии, что ничего не дало бы в случае наступления турок (имелся в виду тот контингент шведских войск, который уже находился в Лифляндии). В русском протоколе говорилось, что для того, чтобы заключить союз, «будут еще многие пересылки». «...Ныне сия статья написать для розезжего писма», реально речь идет о шведских войсках, находящихся на территории Речи Посполитой. Обращалось внимание на неясность формулировок, которые не позволяли рассчитывать, что шведы будут защищать Лифляндию от турок. «Наконец, (шведами. — *Е.К.*) было приказано, чтобы генералы заключили и вели переговоры о близком союзе, но не о таком специальном союзе или о помощи, о которой они сейчас думали, тем самым показывая, насколько неудобны односторонние связи и оказание царю помощи против столь многочисленных и искусных нехристианских врагов,

находящихся на границе, и не иметь от Его Царского Величества никакой помощи, ожидая, что ее можно было бы использовать во всем мире, поэтому Его Королевское Величество проявил такое постоянство»¹¹⁹. Практически Россия не получала никаких гарантий относительно оказания шведами помощи.

В связи с проведением 29 мая седьмой конференции встал вопрос об осуществлении размежевания в Ингерманландии и Лифляндии. Граф Г. Оксеншерна настаивал, что рубеж должен пройти через Теплый Камень, что противоречило Кардисскому и Плюсскому договорам¹²⁰. Русская сторона в письме 29 мая предлагала, что в спорных случаях, «выбрав с обеих сторон знатных старожилов, и привести их с обеих сторон к вере»¹²¹. Русская сторона настаивала на своем предшествующем предложении, вопреки тому, что шведы говорили, что речь идет об очень небольшом участке земли. Предполагалось «начать межа речкою Меузицею и рубеж учинить любой, как исстари бывало. И тот развод камисарам закрепить и руками подписать»¹²². Когда с вступлением на престол Федора Алексеевича составлялся наказ отправляемым на пограничный съезд со шведскими послами окольным И.В. Бутурлину и его спутникам, то в этом документе говорилось, что на статьи графа Г. Оксеншерны 1674 г. о полоняниках, о рубежах, о торговле дал пространственный ответ кн. Ю.А. Долгоруков.

Шведам стало очевидно, что им не удалось добиться каких-либо результатов¹²³. Во время встречи 7 июня А.С. Матвеев предлагал исправить проект союза, граф Г. Оксеншерна отказывался вносить какие-либо поправки. И снова переговоры не дали никаких результатов¹²⁴. Когда 9 июня послы пришли на восьмую конференцию, их в основном волновал ответ о подготовке писем об отпуске¹²⁵.

В дальнейшем шведы писали королю, что русские не обладают достаточным терпением, чтобы проанализировать предложенные им пункты. Шведы объяснили, что король не делал никаких заявлений, в соответствии с которыми он должен предоставить помощь¹²⁶.

Вместе с тем в июне Алексей Михайлович выразил готовность вместе с Яном III Собеским воевать против турок¹²⁷.

Так как две стороны по-разному относились к перспективам переговоров, мы наблюдаем разное понимания сути обсуждаемых договоренностей об оказании помощи (при незаинтересованности Швеции поддерживать Россию), отсутствие у каждой из сторон желания поставить все точки над «i» и отказаться от ведения двумя сторонами дальнейших переговоров, которые должны были рано или поздно состояться в силу многочисленных противоречий между Россией и Швецией. (При том, что на рассматриваемом нами этапе обе стороны меньше всего стремились к разрыву дипломатических отношений). Русские, скорее всего, достаточно хорошо понимая суть происходящего, делали вид, что именно прибывшие в Россию послы не хотят идти на уступки, что их ссылки на необходимость списаться с королем исходят от них самих (именно так зачастую действовали находившиеся за границей русские послы), что на самом деле решение наболевших вопросов было во власти графа Г. Оксеншерны и его спутников. Все это вело к тому, что две стороны по-разному фиксировали суть происходящего в составляемых протоколах.

Русская сторона затягивала переговоры, настаивая на том, что не отпустит послов, пока не будет получен ответ от короля, делала вид, что уверена в успешном исходе переговоров. Соответствующие высказывания о продолжении переписки с Карлом XI по поводу заключения союза в шведских протоколах отсутствовали. В результате Россия и Швеция так и не заключили договора о союзе. Вопрос о подтверждении Кардисского договора еще предстояло решать.

* * *

Шведское посольство в Москву снаряжалось, когда в Европе сформировалось два «очага напряженности»: регион, где шла Голландская война, и Восточноевропейский регион, где вел войну султан. Голландская война препятствовала объединению сил европейских государств в борьбе с султаном.

На рассматриваемом этапе Швеция, выступив в начале войны против Соединенных Провинций, вышла из борьбы. Несмотря на скрепленное договором обещание предоставить

Речи Посполитой 3 тыс. чел., которые были бы направлены против Турции, Швеция не была заинтересована в борьбе с султаном.

В то же время, учитывая возможность в дальнейшем снова принять участие в Голландской войне, Стокгольм хотел подтвердить Кардисский мир.

Россия не могла отказаться принять посольство, которое ехало с предложением оказать помощь против Порты и подтвердить Кардисский мир. Шведское посольство стало единственным, побывавшим в Москве в анализируемый в монографии период. В Москве в политических кругах явно имелись сторонники конфронтации со Швецией (впрочем, конфронтации, не переходящей определенную грань; никто в это время не собирался начинать войну с Карлом XI). Судя по проходившим в столице переговорам, к шведам достаточно враждебно относились А.С. Матвеев и кн. Ю.А. Долгоруков. Русская сторона явно уклонялась от закрепления сложившегося статус-кво, соглашаясь перейти к рассмотрению связанных с проблемой мира вопросов, только если Швеция выразит готовность заключить союз, направленный против Порты (при том, что русские понимали незаинтересованность Швеции в борьбе с турками и хорошо знали о ее готовности идти по пути сближения с Францией, связанной дружескими отношениями с Портой). В этой ситуации переговоры заведомо приобретали тупиковый характер. Имевшие место в Москве инциденты: требование русских вести переговоры с покрытыми головами, одна или две попытки не отпускать А. Эберсшёльда, пришедшего вечером к послам (что заставило послов почувствовать себя в положении пленных), опять же говорит об отсутствии у русской стороны заинтересованности в быстром и гладком прохождении переговоров.

Об этом свидетельствует и сам порядок переговоров, предложенный русской стороной: сначала заключить союз, направленный против Порты, а затем перейти к мирному урегулированию. Москва, не удовлетворенная результатами переговоров 1661 г., предпочитала держать Стокгольм в напряжении, надеясь, что еще настанет тот момент, когда воюющему в Европе Карлу XI придется идти на существенные уступки России.

В Русском государстве понимали, что основной является борьба с Турцией и Крымом, хотя при отсутствии мирного договора с Речью Посполитой русские не собирались начинать открытое противостояние с султаном.

В итоге графу Г. Оксеншерне и его спутникам так и не удалось добиться подтверждения Вечного мира. Не были решены и другие задачи, стоявшие перед посольством. Более того, хотя указывалось, что будут соблюдаться статьи Валиесарского, Кардисского и Плюсского мира, добиться проведения размежевания спорных территорий под предлогом оказания помощи против Турции так и не удалось.

В конечном счете русское правительство ограничилось тем, что подтвердило свое намерение сохранять дружбу и любовь. Обе стороны брали на себя обязательство не оказывать помощь третьему государству, совершившему нападение на одну из сторон. Подчеркивалось, что Москва и Стокгольм имели право обращаться друг к другу за помощью, хотя союзный договор так и не был заключен. Страны давали взаимное обещание не совершать нападения. В случае возникновения конфликтов на границу должны были быть направлены комиссары для улаживания возникшей проблемы. Настояв на включение в текст этой статьи, Швеция рассчитывала избежать пограничных конфликтов, столь много раз упоминавшейся возможности вторжения русских в Лифляндию и Ингерманландию. Говорилось о том, что обе стороны не будут нарушать установленные правила торговли. В то же время подчеркивалось, что Швеция отказалась заключить антитурецкий союз, так как Швеция сильно удалена от тех земель, которые могут реально подвергнуться турецкому нападению.

Кардисский мир не был подтвержден в качестве Вечного мира, а союз так и не был заключен. Ведшиеся переговоры показали, что возникла ситуация балансирования, которая могла продолжаться в течение достаточно длительного периода¹²⁸.

Результаты переговоров привели графа Г. Оксеншерна в отчаяние: он получил отказ по всем содержавшимся полученным в инструкции пунктам. 2 июня он писал королю, что нет никакой надежды на то, что экспедиция в Россию даст ожидаемые результаты. «Теперь мы ходатайствуем об окончатель-

ной и категорической резолюции»¹²⁹. Видимо, посол опасался возможности разрыва дипломатических отношений России и Швеции.

В целом переговоры свидетельствовали о растущей мощи Русского государства, об усилении его влияния на международной арене. Шведы в равной мере боялись как возможности непосредственного нападения Русского государства в Лифляндии, так и угрозы его вступления в союзнические отношения с другими странами.

Это означало, что, как и в период Первой Северной войны (1655–1660 гг.), участники Габсбургской коалиции, Австрийская монархия, Дания, Голландия, снова присоединившийся к ним Бранденбург, который занимал колеблющуюся позицию, должны были предпринимать попытки с целью втянуть Россию в антигабсбургскую коалицию, участникам которой были достаточно хорошо известны итоги пребывания посольства графа Г. Оксеншерны в России, неудовлетворенность Русского государства миром, наличием русского войскового контингента на границе Лифляндии.

Примечания

- ¹ *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 120.
- ² *Fahlborg B.* Sveriges yttrepolitik 1668-1672. Stockholm-Göteborg-Uppsala, 1961. S. 25
- ³ Характерно, что партии обычно упоминаются в источниках иностранного происхождения. Это вполне понятно: когда иностранцы беседовали с представителями двора, для последних было вполне естественно говорить, что они были бы рады содействовать иностранцам, но этому препятствуют противники соответствующих взглядов. К тому же, слово «партия» было привычно европейцам.
- ⁴ Такое отношение к А.Л. Ордину-Нащокину сложилось после заключения Плюсского договора 1666 г., А. Эбершэльд воспринимал А.Л. Ордина-Нащокина как противника Швеции: последний, по словам шведского резидента, является «скрытым врагом Швеции; он думает о многом новом, но ни о чем хорошем» (А. Эбершэльд — Карлу XI. 24. 4. 1667. Цит. по: *Fahlborg B.* Op. cit. S. 25). Бесцветный Плюсский мир имел, по словам Б. Фальбурга, для А.Л. Ордина-Нащокина скандальный оттенок. В присутствии дьяков

- С. Дохтурова и Е.Р. Юрьева он сказал шведам, что он скорее сошел бы в могилу, чем подписал такой постыдный договор (Ibid).
- ⁵ Там же. С. 119-120. *Шепотьев Л.* Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурно-политический деятель XVII века (Опыт исторической монографии). СПб., 1906.
- ⁶ *Шепотьев Л.* Указ. соч.; *Рогожин Н.М.* Артамон Сергеевич Матвеев // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII веков. М., 1989. С. 146-178; *Перова О.А.* Дипломатическая деятельность А.С. Матвеева и формирование внешнеполитического курса России третьей четверти XVII в. Автореферат на соискание уч. ст. кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2000. П.В. Седов, ссылаясь на ряд источников, связывает возвышение А.С. Матвеева исключительно с придворной борьбой и с личными отношениями канцлера с Алексеем Михайловичем. Однако, учитывая степень востребованности этого бесспорно талантливого дипломата, думается, что важную роль в его карьере сыграли его личные качества.
- ⁷ *Санин Г.О.* Боротьба України і Росії проти турецької агресії в 1672 р. // Український історичний журнал. Київ. 1971. № 12. С. 50.
- ⁸ *Behrn H.* Sverige, Danmark och Frankrike 1672-1674. Stockholm, 1933. S. 23.
- ⁹ Ibid. S. 3-20.
- ¹⁰ *Zernack K.* Op. cit. S. 54
- ¹¹ *Форстен Г.В.* Датские дипломаты при русском дворе XVII века // ЖМНП. 1904. Ч. 355. Сентябрь. С. 139.
- ¹² *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 108.
- ¹³ *Korzon T.* Dola i niedola Jana Sobieskiego. 1629-1674. Т. III. Kraków, 1898. S. 99-101.
- ¹⁴ *Санин Г.А.* Русско-польские отношения 1667-1672 гг. и Крымская политика в Восточной Европе // Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVII вв. М., 1979. С. 284.
- ¹⁵ *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы... С. 111.
- ¹⁶ *Lappalainen M.* Stockholm – Constantinople Axis – Truth or Not? // Acta Historica Academiae scriptiarum hungarica. Т. 33. № 24. Budapest, 1987. 204.
- ¹⁷ *Максимов И.Н.* Идея антиосманского союза в практике русской дипломатии в начале 70-х гг. XVII в. // Славянский сборник. Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных стран и народов. – Саратов, 1990. С. 59.
- ¹⁸ *Fahlborg B.* Sveriges yttrepolitik 1668-1672. Stockholm-Göteborg-Uppsala, 1961. S. 25, 45-46, 64-65. Находившийся в Речи Посполитой французский посол Безье считал, что, чтобы поляки могли выступить против России, было желательно предпринять переговоры о формировании лиги, в которую могли бы войти все соседи Русского государства (*Wójcik Z.* Między traktatem an-

druszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667-1672. Warszawa, 1968. S. 43-44) Весной-летом 1668 г. дипломаты Людовика XIV несколько раз подчеркивали, что было бы хорошо, чтобы Швеция направила войска на границу с Россией, чтобы Русское государство само не начало войну. Французы убеждали шведов в том, что русские считали шведов основным противником избрания царевича на польский престол. При этом Франция стремилась отомстить шведам, которые заключили тройственный союз с Англией и Соединенными Провинциями. Людовик XIV ставил своей задачей ослабить этот союз

- ¹⁹ *Fahlborg B.* Op. cit. S. 30.
- ²⁰ Крестьянские войны в России в XVII-XVIII вв. Проблемы, поиски, решения. М., 1974.
- ²¹ Размышления о том, что следует делать при сложившейся конъюнктуре. [Конец 1672 г.] // RA. Betänkiande och memorial i utrikes ärenden. V. 3. 1671–1673.
- ²² Лилльекрона – Карлу XI. 15 июля, 30 августа, 21 сентября 1672 г., 30 марта 1673 г. // RA. Diplomatica. Danica. V. 69.
- ²³ Карл XI – К. Тотту, Е. Флемингу, Б. Горну. 18 февраля 1672 г. // RA. RR. V. 400. S. 55; Карл XI – Риксроду. Март 1672 г. // Ibid. S. 215; Карл XI – Риксроду. Июнь 1672 г. // Ibid. V. 401. S. 752; Карл XI – рыцарству и дворянству Лифляндии. Июнь 1672 г. // Ibid. S. 754.
- ²⁴ Инструкция А. Эбершшёльду. Сентябрь 1672 г. // RA. RR. V. 402. S. 214-214 v; Открытое письмо А. Эбершшёльду. Октябрь 1672 г. // Ibid. S. 514-514 v. См. также: Письмо Посольского приказа в ответ на письмо А. Эбершшёльду от ноября 1671 г. Январь 1672 г. Отрывок // РШЭО. № 196. С. 321-322. *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. М., 1998. С. 268.
- ²⁵ В настоящее время опубликованы отрывки третьей и четвертой статьи от 30 ноября 1670 г., которые Н. фон Стаден подал Алексею Михайловичу (та часть из них, которая содержала требования, связанные с торговлей), и ответы на них (РШЭО. № 192. С. 315-316). Видимо, в 1671 г. Н. фон Стаден вновь находился в Риге. Именно в результате переписки с Н. фон Стаденом в Стокгольме был решен вопрос об отправлении в Москву А. Эбершшёльда (Там же. С. 581. Прим. 1 к № 192). *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 266-267.
- ²⁶ *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 268.
- ²⁷ Письмо А. Эбершшёльда Д.А. Долгорукому, А.С. Матвееву, дьяку Карпу Богданову, Якову Поздышеву. 16 июня 1672 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 87.
- ²⁸ К сожалению, ни оригиналы, ни переводы указанных известий не сохранились. До нас дошла перепечатка из Висмара со ссылкой на Ригу – возможный источник известий. «А про войска царского величества в письмах твердят, будто все побиты, а бунтовщик послал царскому величеству 6 статей. Буде поволит ево царское величество те статьи содержать, для того чтоб ему, бунтовщику, впредь не наступать, се есть: 1. чтоб он, великий государь, именовал быть царем Астараханским и Казанским; 2. чтоб старому патриар-

ху быти на Москве по прежнему, 3. чтоб дать ему, бунтовщику, 20 миллионов золота, 4. чтоб десять князей выдать ему, 5. чтоб образ его, написав, воздвигнуть, 6. чтоб ежегодно ему давать дань» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. № 7. Л. 56-57. Эта цитата была любезно предоставлена мне С.М. Шаминам). В русле приведенного известия о восстании Степана Разина находится следующее известие от октября 1670 г. под заголовком «Московия все еще не спокойна»: «Между тем в Московии происходят все более удивительные дела, ибо у мятежников обнаружился кровный наследник прежних астраханских и казанских царей, который общается с ними» (Двадцать второе продолжение «Европейского дневника», или двадцать третья часть ежедневных исторических рассказов, в которых говорится о достопримечательных событиях, произошедших в оставшиеся месяцы 1670 г. и в первые три месяца 1671 г. Франкфурт-на-Майне. У издателя Вильгельма Ферлина, 1671 г. // Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1975. С. 139. В книге «Иностранные известия...» к этой статье дан комментарий: «...кровный наследник прежних астраханских и казанских царей» — речь идет о князе Андрее Черкасском, сыне кабардинского мурзы Камбулата Пшимаховича. Андрей Черкасский в стане разинцев выдавался за царевича Алексея (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. С. 149-150. Прим. 27).

- ²⁹ Здесь и далее цитаты приводятся в том виде, в каком они были опубликованы.
- ³⁰ Грамота Алексея Михайловича к папе римскому. 11 октября 1673 г. // ПДС. Т. IV. С. 760; Грамота Алексея Михайловича к Карлу XI. // Там же. С. 829, 830.
- ³¹ *Korzon T.* Dola i niedola Jana Sobieskiego. S. 320.
- ³² *Санин Г.О.* Борьба України і Росії против турецької агресії в 1672 р... С. 53.
- ³³ *Попов А.* Русское посольство в Польше в 1673-1677 годах. Несколько лет из истории отношений древней России к европейским державам. СПб., 1854. С. 12.
- ³⁴ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 482-483.
- ³⁵ *Максимов Н.И.* Планы русского наступления на Крым в годы русско-турецкой войны (1672-1676) // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993; АЮЗР, т. XI, № 55, С. 192-194 // 13 марта 1673 г. Поездка к гетману И. Самойловичу подьячего Шеголева.
- ³⁶ Перевод с цесарских и голландских курантов, присланных через виленскую и рижскую почту 18 марта 1673 г. // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Д. 9. Л. 17
- ³⁷ *Zernack K.* Op. cit. S. 54.
- ³⁸ Вероятно, именно это вело к тому, что Франция, а вместе с ней и Швеция после избрания польским королем Яна Собеского вынашивали планы развязывания войны с Речью Посполитой. (Отписка П. Менезиуса Алексею Михайловичу. 9 мая 1673 г. // ПДС. Т. 4. СПб., 1866. Стб. 906-907). В начале июня курфюрст направил посольство Донхоффа к Яну Собескому, выражая готовность в дальнейшем оказать помощь в борьбе с турками. В то же время курфюрст претендовал на польский престол. Он просил Яна Собеского пожаловать дворянство одному из своих сыновей, чтобы последний принял

участие в выборах следующего короля (*Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego. S. 357–358*).

- ³⁹ В конце 1672 г. Карл XI писал Христине о том, что Порта создает угрозу для всей Европы, в том числе для Империи. Стокгольмский монарх выражал готовность употребить военные силы для борьбы с султаном и выделить кредиты для обеспечения собственной безопасности. В то же время Карл XI, учитывая ситуацию «бескорольевья», намеревался сначала вести переговоры с Речью Посполитой и ничего не предпринимать, пока не будет заключен шведско-польский договор (Карл XI – Христине. Декабрь 1672 г. // RA. RR. V. 403. S. 739–740) Неясно, что стало побудительным моментом написания этого письма: чувства, которые Карл XI питал по отношению к матери, и желание избежать конфликта с Империей или это был своего рода пробный шар, брошенный с целью узнать, какую реакцию он вызовет. Вполне возможно, отправление этого письма следует рассматривать как собственную прихоть короля, не сыгравшую какой-либо роли в выработке внешнеполитического курса страны.
- ⁴⁰ Карл XI – Алексею Михайловичу. Декабрь 1673 г. // RA. RR. V. 404. S. 10 v –12.
- ⁴¹ *Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego. S. 363.*
- ⁴² *Zernack K. Op. cit. S. 49–55; Шаскольский И.П. Указ. соч. С. 270.*
- ⁴³ Инструкция Г. Оксеншерне и его спутникам. 28 июня 1673 г. // RA. RR. V. 408. S. 345.
- ⁴⁴ *Några observationer angående Ryssland. Sammanfatade av Erik Palmquist år 1674. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 г. М., 2012. С. 33.*
- ⁴⁵ Инструкция Г. Оксеншерне и его спутникам. 28 июня 1673 г. // RA. RR. V. 408. S. 341.
- ⁴⁶ *Ibid. S. 362–363.*
- ⁴⁷ *Några observationer angående Ryssland... S. 33.*
- ⁴⁸ *Опарина Т.А. Вопросы веры иностранных холопов в России первой половины XVII в. // Историография. Источниковедение. История России X–XX вв. М., 2008. С.159–186.*
- ⁴⁹ *Några observationer angående Ryssland... S. 33.*
- ⁵⁰ *Велувенками Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 161–162.*
- ⁵¹ *Чистякова Е.В. Новоторговый устав 1667 г. // Археографический ежегодник за 1657 год. М., 1958. С. 113.*
- ⁵² Инструкция Г. Оксеншерне и его спутникам. 28 июня 1673 г. // RA. RR. V. 408. S. 357 v.
- ⁵³ Там же. С. 341–365; Секретная инструкция Г. Оксеншерне и его спутникам. 28 июня 1673 г. // *Ibid. S. 365–366.* Экономические требования, содержащиеся в этих документах, а также в мемориале Г. Оксеншерне от 28 июля 1673 г. рассмотрены в работах: *Форстен Г.В. Сношения Швеции и России*

- во второй половине XVII в. (1648-1700) // ЖМНП. 1899. Июнь. С. 287-295; *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 270-271.
- ⁵⁴ *Krusenstiern von B. Philip* Crusius von Krusenstiern (1597-1693). Marburg, 1978. См. также: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655-1661 годах. М., 1998. С. 42-43.
- ⁵⁵ Мемориал Г. Оксеншерне и его спутникам. 28 июля 1673 г. // RA. RR. V. 408. S. 366 v -368
- ⁵⁶ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1899. Т. 355. Июнь. С. 294.
- ⁵⁷ *Troebst S.* Russland als "Magasin der Handlungen zwischen Asien und Europa". Die Frage der Orienthandels bey ser schwedischen Moscaugesandtschaft 1673 // Russische und Ukrainische Geschichte von 16.-18. Jahrhunderts. Wiesbaden, 2001. S. 287-300.
- ⁵⁸ Оксеншерне Г. – Карлу XI. 20 июля 1673 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 88.
- ⁵⁹ Карла XI настораживали сведения, которые заново поступали из России. Шведский комиссар Яган де Родес был арестован, все его имущество конфисковано. В Стокгольм приехал русский гость Стоянов, который сообщил, что ничего не будет сделано, пока, по словам царя, не будет заключен мир (Карл XI – Г. Оксеншерне. 23 октября 1673 г. // RA. RR. V. 90).
- ⁶⁰ *Шубинский С.Н.* Шведское посольство в России в 1674 г. // Исторический вестник. № 3. 1882. С. 655; *Коваленко Г.М.* Сочинение Эрика Пальмквиста в России и Швеции // Några observationer angående Ryssland...S. 62.
- ⁶¹ Оксеншерне Г. – Карлу XI. 20 июля, 20 ноября 1673 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 88.
- ⁶² Карл XI – Оксеншерне Г. 23 декабря 1673 г. // Ibid. V. 90
- ⁶³ *Форстен Г. В.* Датские дипломаты при русском дворе... // ЖМНП. Ч.. 355. 1904. № 9. С. 128-131.
- ⁶⁴ Статейный список пребывания в России Г. Оксеншерны, Г.Г. Тизенгаузена, И. Будберга. Записи 12 мая 1673 г. // РГАДА. Ф. 96 – Сношения России со Швецией. Оп.1. Кн. 92. Л. 507 об–508.
- ⁶⁵ *Korzon T.* Dola i niedola Jana Sobieskiego.1629-1674. Т. III. Kraków, 1898. S. 101, 216, 291-292, 298-299, 320. *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. Lwów-Warszawa-Kraków, 1923. S. 434.
- ⁶⁶ Фридрих Вильгельм – Алексею Михайловичу. Перевод. 25 ноября 1673 г. // РГАДА. Ф. 74 – Сношения России с Бранденбургом 1673 г. Кн. 4; Прием И. Скультетуса в Москве // Там же. Л. 42 об–43 об. Русские – что было вполне естественным – выражали сожаления по поводу смерти Михаила Вишневецкого и говорили о своих опасениях по поводу возможности вступления на польский престол шведского кандидата. По словам И.И. Скультетуса, Алексей Михайлович поинтересовался, умер ли польский король естественной смертью или приняв яд. При подготовке ответа бранденбургскому посланнику царь выразил готовность направить против

Османской империи калмыков, татар, донских казаков. Алексей Михайлович отдал своим войскам распоряжение идти для ведения совместных действий с казаками (*Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма бранденбургского // ЖМНП. Т. 330. 1900. Июль. С. 54–55).

- ⁶⁷ Оксеншерна Г. — Карлу XI. 20 ноября, 12 декабря 1673 г. // RA. *Diplomatica. Muscovitica*. V. 88.
- ⁶⁸ Карл XI — Лиллиенхёку А. 18 марта 1674 г. // RA. *Diplomatica. Polonica*. V. 87.
- ⁶⁹ Список подарков, поднесенных шведскими послами. Черновик. [Январь 1674 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674 г. № 3. Л. 11.
- ⁷⁰ Оксеншерна Г. — Карлу XI. 15 января 1674 г. // RA. *Diplomatica. Polonica*. V. 87.
- ⁷¹ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России... // ЖМНП. 1899. Т. 323. Июнь. С. 295.
- ⁷² Прибалтийские купцы Нуменс и Гизинг, пользуясь поручительством Я. де Родеса, в 1655 г. приобрели у русского правительства большую партию ревеня, но не уплатили свой долг до начала русско-шведской войны 1656–1661 гг., а после войны тянули с выплатой долга, надеясь, что он будет списан. В 1671 г. русская сторона решила списать долг и вернуть долговые свидетельства наследникам Я. де Родеса. Однако долги не отдавали, считая, что их некому передать (РШЭО. № 193. См. также: Прим. 4 к док.).
- ⁷³ Карл XI — Г. Оксеншерне. 23 октября, 23 декабря (два письма) 1673 г., 23 февраля 1674 г. // RA. *Muscovitica*. V. 90.
- ⁷⁴ Оксеншерна Г. — Карлу XI. 22 января 1674 г. // *Ibid*. V. 88.
- ⁷⁵ Оксеншерна Г. — Карлу XI. 29 января 1674 г. // *Ibid*. *Muscovitica*. V. 88.
- ⁷⁶ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России... // ЖМНП. 1899. Т. 328. Июнь. С. 308.
- ⁷⁷ Г. Оксеншерна в феврале 1674 г. передавал мнение польского резидента в России, что русские недостаточно многое предпринимают, чтобы, используя связи с литовской магнатерией, с М. Пацом, добиться, чтобы польская корона досталась русским (Оксеншерна Г. — Карлу XI. 29 января, 10 февраля 1674 г. // RA. *Diplomatica. Muscovitica*. V. 88).
- ⁷⁸ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России... // ЖМНП. 1899. Т. 328. Июнь. С. 297.
- ⁷⁹ Оксеншерна Г. — Карлу XI. 29 января, 10 февраля 1674 г. // RA. *Diplomatica. Muscovitica*. V. 88
- ⁸⁰ Статейный список приезда Г. Оксеншерны и его спутников в Россию. Запись протоколов 3–7, 10 января 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674 г. № 3. Л. 44–63, 86, 89–90, 116–127; 136; 140–142; 156–157; 160–162; Письмо А.С. Матвеева и других Г. Оксеншерне и его спутникам. 4 января 1674 г. // Там же; Письмо Г. Оксеншерны с товарищами в Посольский приказ. 4 января 1674 г. // Там же. Л. 71–74; Письмо Алексея Михайловича Карлу XI. 14 января 1674 г. // Там же. Л. 78–82; Особая записка Ю.П. Лутохина. 9 января 1674 г. // Там же. Л. 146–155. Указ Алексея Михайловича в Ямской приказ.

- 16 января 1674 г. // Там же. 16 января 1674 г.; Грамота Алексея Михайловича Карлу XI. // Там же. Л. 191-214. Оксеншерна Г. — Карлу XI. 15 января 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 88. См. *Шубинский С.Н.* Шведское посольство в России в 1674 г. // Исторический вестник. 1882. № 3. С. 64.
- ⁸¹ *Юзефович Л.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 179—180.
- ⁸² Оксеншерна Г. — Карлу XI. 3 марта 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 88.
- ⁸³ *Рое М.Т.* Op. cit. S. 459.
- ⁸⁴ Оксеншерна Г. — Карлу XI. 22 января 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 88.
- ⁸⁵ Карл XI — Оксеншерне Г. 23 февраля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 90.
- ⁸⁶ Камер-коллегия о продолжении фортификационных работ в Лифляндии. Апрель 1673 г. // Ibid. V. 405. S.327; Карл XI — Б. Тотгу. Апрель 1673 г. // Ibid. s. 660; Карл XI — генерал-губернатору Лифляндии. Апрель 1673 г. // Ibid. S. 620 v -628.
- ⁸⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VI. М., 1991. С. 408.
- ⁸⁸ *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. II. S. 456.
- ⁸⁹ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671-1725). С-Пб., 2008. С. 92-93. Наказ И. Бутурлину, Н.П. Прончищеву, Л. Голосову. [Без даты; после 12 марта 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 23. В наказе также говорится, что кн. Ю.А. Долгоруков подал роспись перебежчиков. Также он постоянно упоминается в связи с обсуждением других вопросов (Там же. Л. 45, 53).
- ⁹⁰ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 59. Прим. 26.
- ⁹¹ Шведские протоколы переговоров. 2 апреля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 92. Этому соответствует следующее место из статейного списка: «А как де между их, обоих государей, учинится союз, и то де видя, посторонние государи будут страшиться, да и для того де королевское величество с великим государем, с его царским величеством союз, и крепкую, и нерозорванную дружбу учинити склонен (Статейный список пребывания графа Г. Оксеншерны в России. Протоколы 2 апреля // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674. № 3. Л. 456).
- ⁹² *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России... С. 303.
- ⁹³ Оксеншерна Г. — Карлу XI. 2 апреля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 88
- ⁹⁴ *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С.113.
- ⁹⁵ «И во время наступления на корону полскую турецкой войны, потому что союзу великого государя нашего его царского величества учинил со своими

государскими ратми московскими, и донскими казаки, и калмыцкими, и едисанскими силами, и нагайскими татары, и запорожскими черкасы великую помоч и оборону; салтана турецкого от войны отвратил и хана крымского в своих юртах задержал. И не токмо теми силами помочь чинил, но и ныне его царского величества боярин и воевода Григорей Григорьевич Ромадановский с товарищи и подданный его царского величества гетман войска запорожского Иван Самойлович со многими ратными людьми на той стороне Днепра Дорошенка, гетмана тамошнего, которой со всеми городами поддался было салтану турецкому, царскому величеству к подданству, и в послушание привели, и над неприятели промысл чинят неотступной» (Статейный список пребывания Г. Оксеншерны в России. Протоколы РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674. № 3. Л. 460–461).

⁹⁶ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 117.

⁹⁷ Шведские протоколы переговоров. 2 апреля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 92. S. 180–181.

⁹⁸ Статейный список пребывания Г. Оксеншерны в России. Протоколы 2 апреля 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674. № 3. Л. 460–461.

⁹⁹ Шведские протоколы переговоров. 2 апреля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica... V. 92. S. 179.

¹⁰⁰ Шведские протоколы переговоров. 6 апреля 1674 г. // Ibid. S. 185–192

¹⁰¹ RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 92. S. 188–189. «... Чтоб между царским величеством и королевским величеством учинити союз для многих государственных прибылей и для того, естли будет наступление неприятелей на королевское величество, и королевское величество б от царского величества в ратном наступлении никаково опасения не имел». (Статейный список пребывания Г. Оксеншерны в России. Протоколы 2 апреля 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674. № 3. Л. 460–464).

¹⁰² Шведские протоколы переговоров. 6 апреля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 92. S. 188–189. «И говорили приклад, когда где кто учнет какое здание созидать, и он прежде устроит и укрепит основание, а, укрепя и устроя основание, начинает созидать храмину» (Статейный список пребывания Г. Оксеншерны в России. Протоколы 2 апреля 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674 г. № 3. Л. 489).

¹⁰³ Статейный список пребывания Г. Оксеншерны в России. Протоколы 2 апреля 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674 г. № 3. Л. 487–488.

¹⁰⁴ Оксеншерна Г. — Карлу XI. 6 апреля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 88.

¹⁰⁵ Шведские протоколы переговоров. 2 апреля 1674 г. // Ibid. V. 92. S. 181, 182.

¹⁰⁶ Ibid. S. 180

¹⁰⁷ Статейный список пребывания Г. Оксеншерны в России. Протоколы 2 апреля 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674. № 3. Л. 499.

¹⁰⁸ Статейный список пребывания Г. Оксеншерны в России. Протоколы 6 апреля 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674. Л. 482.

- ¹⁰⁹ Согласно шведским протоколам, Г. Оксеншерн обратил внимание на то, что никто не знает, что стало с проектом А.Л. Ордина-Нащокина, по инициативе которого предлагалось проводить Курляндский съезд, потому что дипломат пропал: «И никто не напишет королю, где искать Нащокина и где он живет». (Иностранцам оставалось неизвестным, что А.Л. Нащокин принял постриг). В итоге послам ничего не ответили. В статейном списке А.Л. Нащокин не упоминался. (Шведские протоколы переговоров. 2 апреля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 92. S. 188).
- ¹¹⁰ Статейный список пребывания Г. Оксеншерны в России. Протоколы 2 апреля 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1674. № 3. Л. 498.
- ¹¹¹ Оксеншерн Г. – Карлу XI. 21 апреля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 90.
- ¹¹² Проект. [апрель; без даты] // Ibid.
- ¹¹³ *Понов А.* Указ. соч. С. 65.
- ¹¹⁴ *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. S. 456.
- ¹¹⁵ Шведские протоколы переговоров. 11 мая 1674 г. // RA. Muscovitica. V. 92. S. 281-292.
- ¹¹⁶ Оксеншерн Г. – Карлу XI. 12 мая 1674 г. // Ibid. V. 90.
- ¹¹⁷ Как раз в это время, в мае, начался поход Г.Г. Ромадоновского и И. Самойловича за Днепр, они разбили татарские отряды, которые были посланы на помощь П.Д. Дорошенко (*Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 116).
- ¹¹⁸ Шведские протоколы переговоров. 29 мая 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 92. S. 374 v.
- ¹¹⁹ Шведские протоколы переговоров. 18 апреля 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 92. S. 318.
- ¹²⁰ Э. Пальмквист следующим образом описывает расположение Теплого Камня: «Шведская пограничная межа проходит по небольшой речке Мегозиц (Меузице), откуда от № 1 она идет от Теплого Камня № 2, который лежит с правой стороны дороги на Печоры на небольшом холме. Отсюда межа идет через небольшие болота к Красной Горке № 3. Расстояние по прямой от крепости Нейгаузена до Теплого камня, по моему точному измерению, равняется 1030 обыкновенных шагов, равным 1543 шведским локтям, то есть расстоянию выстрела из обычной маленькой пушки. Русские, наоборот, требуют, чтобы граница проходила не только по реке Мегозиц до ее слияния с рекой Пиусой, расстояние от которой до крепости вряд ли больше половины броска камня, но также и по упомянутой реке Пиусе до Красной Горки № 3. Таким образом они хотят отрезать от Шведской короны всю эту территорию в 6 хакв (единица, используемая в балтийских провинциях; может обозначать разный размер; обозначает территорию, с которой собирают налоги), или 90 тунландов (равняется приблизительно 0,46 га, т.е. речь идет приблизительно о 40 га), лежащую между двумя пограничными межами (Några observationer angående Ryssland... S. 288-289).

- ¹²¹ Ответное письмо Г. Оксеншерне и его спутникам. 29 мая 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. 1674 г. № 3 а.
- ¹²² Статейный список пребывания в России Г. Оксеншерны, Г.Г. Тизенгаузена, И. Будберга, И.П. Лилиенгофа в России. Протокол 29 мая 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. 1674 г. № 3 а. Л. 216–217.
- ¹²³ Оксеншерна Г. – Карлу XI. 2 июня // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 90.
- ¹²⁴ Шведские протоколы переговоров. 7 июня 1674 г. // Ibid. V. 92. S. 336–343.
- ¹²⁵ Шведские протоколы переговоров. 9 июня 1674 г. // Ibid. V. 92. S. 474–486.
- ¹²⁶ Оксеншерна Г. – Карлу XI. Пересказ письма 22 мая 1674 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 88. S. 326 v – 329.
- ¹²⁷ *Попов А.* Указ. соч. С. 87, 143.
- ¹²⁸ Статьи. [Июнь] 1674 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 92. Л. 602–609 об.
- ¹²⁹ Оксеншерна Г. – Карлу XI. 2 июня 1674 г. // RA. Muscovitica. V. 88.

Глава II

ГОЛЛАНДСКАЯ ВОЙНА В 1674–1679 гг. И РОССИЯ

Избрание на польский престол Яна III Собеского. Политическая ситуация в Восточноевропейском регионе и внешняя политика России в условиях разгара Голландской войны (весна 1674 – весна 1675 гг.)

Важнейшим событием с точки зрения развития внешне-политической ситуации и выработки Россией внешнеполитического курса было решение вопроса о польском престоле. Весной 1674 г. время «бескоролья» в Речи Посполитой кончилось (победа под Хотинном, которую Ян Собеский одержал в ноябре 1673 г., открыла ему путь к престолу; в Россию поступила информация, что Ян Собеский получил престол, атаковав Варшаву, что, естественно, породило к нему неоднозначное отношение). В Речи Посполитой боролись за влияние французский, бранденбургский и «цесарский» резиденты. Людовик XIV предпочел бы возвести на польский трон не Яна III Собеского (хотя последний считался его ставленником), а Карла Лотарингского, который полностью подчинился бы воле французского монарха. После того, как вопрос о польском престоле был решен, Париж прилагал все усилия, чтобы удержать Краков, который в это время являлся столицей Речи Посполитой, в орбите своей политики. Во Франции после Кардуса и Андрусова Речь Посполитая и Швеция рассматривались, согласно концепции кардинала Дж. Мазарини середины 60-х гг. XVII в. как противники Империи и России; на интересующем нас этапе, согласно поступавшим от находившегося в Варшаве В.М. Тяпкина сведениям, Париж стремился помирить польского короля с Османской империей, чтобы турки совершили нападение на «цесаря»¹, хотя борьба Речи Посполитой с турка-

ми продолжалась; французам предстояло «конечно ссорить с московским государством польское»².

В.М. Тяпкин писал, что шведы хотят объединиться с поляками в борьбе против Русского государства. В предшествующие годы в Речи Посполитой, судя по его донесениям, проявляли живой интерес к переговорам, которые граф Г. Оксеншер-на вел в Москве³.

В мае-июне В.М. Тяпкин, несмотря на присылаемые сведения о желании Франции столкнуть русских и поляков, сообщал, что Речь Посполитая собирается поддерживать дружбу с Московским государством, хотя продолжали ходить слухи, что Речь Посполитая помирится с турками. В то же время султан, как указывал В.М. Тяпкин, не намеревался совершить нападение на Речь Посполитую, если Краков и Москва не откажутся от совместных действий⁴. Ян III Собеский, желавший переложить на плечи России борьбу с султаном и крымским ханом, как стало известно В.М. Тяпкину в начале лета, являлся активным сторонником объединения русских и польских сил в борьбе с «бусурманами», король говорил своим советникам: «когда бы до обоих государств ратные б люди стояли против турка вместе войски подле войск, тогда бы де турки и татаровя зело страшны были. А как мы по одному государству и в дальнем разстоянии будем стоять, тогда от нас ни во что вменяти будет»⁵ (при этом не обсуждалось, каким должно быть соотношение русских и польских войск). К царю поехал С. Венславский (Венцлавский) договориться об объединении сил (его посольство было подготовлено к отправлению из Кракова в мае-июне).

В то же время поляки стремились разграничить сферы территориальных интересов России и Речи Посполитой, заставить Россию отказаться за ведение боевых действий за Правобережную Украину.

В Москве с повестки дня не сходил вопрос об отношениях с поляками.

Борьба России с Османской империей и крымским ханством продолжалась. Вопрос о том, кому — полякам или русским — должен принадлежать Чигирин, вызывал споры. Русские во все большей мере полагали, что османы могут напра-

вить основные силы против России, которой придется воевать с ними без союзников. В июле турки вместе с П.Д. Дорошенко взяли Чигирин. Летом на Украину отправили И. Самойловича и кн. Г.Г. Ромодановского. Последний отдал распоряжение Серку идти в Крым; правда, эти распоряжения, видимо, остались без последствий – Серок заявил, что будет ждать царских приказаний⁶.

Столкновения русских и турецких войск так и не произошло. Осенью турки отошли за Дунай. Но первоначальный план польского похода к Дунаю стал невыполнимым. Поляки едва ли могли рассчитывать на то, чтобы овладеть Правобережной Украиной. Поднестриевье за исключением одного турецкого пункта подчинилось полякам⁷. В сентябре польские войска начали, но затем прекратили осаду Чигирина.

Неопределенность позиции Яна III Собеского породила попытки России вести переговоры со странами Габсбургской коалиции, которых в Москве стали рассматривать как потенциальных союзников по борьбе с Османской империей (считалась возможной и желательной переориентация Речи Посполитой на «цесаря» и активное участие поляков в борьбе с турками). До этого Россия вела переговоры с членами габсбургской коалиции о союзе против Швеции еще во время русско-шведской войны 1656–1661 г.

Связи Русского государства с Империей, откуда подробную информацию в 1673 г. привез П. Менезиус, а также с союзниками «цесаря» возобновились. При этом одним из возможных сценариев, который могли предложить русские власти, скорее всего, в качестве запасного варианта, являлось создание угрозы со стороны России Швеции в Лифляндии. В дальнейшем, в 1675 г., В.М. Тяпкин был убежден, что создание такой угрозы могло в корне изменить ситуацию в Речи Посполитой: «Тогда бы не толко мир с поганы разорвался, но и вес бы двор полской нос свесит, и французская б и свейская фракция шею сломила». Исходя из того, что Карл XI мог начать войну с Россией, резидент указывал: «Также бы и швед, послыша около себя всех вышепомянутых войск, а наипаче бы его царское величество, совершенно бы опустил крыле храбрости своей и не узнал бы сам, куды с своими малыми часть-

ми войск обратитца, и вся бы их общая злохитрая умышления над государством московским разорились»⁸. Однако война с Османской империей и татарами продолжала требовать сосредоточения всех сил русских, воевать со Швецией Россия не могла.

Под влиянием поступивших от поляков в 1674 г. известий о намерениях Яна III Собеского, которые вызвали большое беспокойство в России, от Алексея Михайловича к Леопольду I было направлено посольство П.И. Потемкина и дьяка Я. Чернцова, выехавших из Москвы 7 июля (полученный ими наказ датируется 10 июнем).

В наказе посланникам отмечалось, что от В.М. Тяпкина в Москве получены сведения о желании Яна III Собеского помириться с султаном, «чтоб на государства Цес. Вел-ва пустить Турского Салтана войною, для отвращения войны Французской», самому выступить против «цесаря» («Короли де Французской и Свейской зело радуются, что в Полше обран Королем Сабезской»). П.И. Потемкину и Я. Чернцову предстояло узнать, какую позицию реально занимает польский король, будет ли последний продолжать войну с султаном, будет ли «цесарь» в свою очередь оказывать помощь полякам против турок, как развиваются события на театрах Голландской войны, нельзя ли ее остановить, чтобы направить все силы против «бусурман»⁹.

До этого в 1668–1669 гг. П.И. Потемкин вел переговоры с испанским королем Карлосом II о том, чтобы последний поддержал русскую кандидатуру на польский престол (в обмен Россия предлагала предоставить помощь в борьбе с Османской империей в размере 40 тыс. чел.). Это поручение и отчет П.И. Потемкина об их выполнении не нашли никакого отражения ни в наказе посланнику, ни в статейном списке, но описаны в испанских источниках¹⁰. П.И. Потемкину давались достаточно деликатные задания, которые могли не фиксироваться в официальной документации Посольского приказа. На этот раз, как мы убедимся в дальнейшем, посланникам предстояло довести до сведения венского двора, что шведы умаляют честь и достоинство русского царя. (Маловероятно, что П.И. Потемкин действовал на свой страх и риск так же, как вряд ли он

лично, не согласовав свои действия с властями, каким-то образом узнал об умалении шведами чести и достоинства русского самодержца). Скорее всего, еще в Москве посланнику была предоставлена соответствующая информация и тайный наказ сообщить эти данные при венском дворе. Никаких далеко идущих планов вступить в войну со Швецией у России не было (вопрос об оказании давления на Стокгольм и в дальнейшем вызывал в Москве споры).

Чтобы оставить факт отправления посольства в тайне от поляков и не пересекать польские земли, П.И. Потемкин и Я. Чернцов ехали через балтийские земли, что предопределило длительное нахождение посольства в пути: в известных случаях дорога занимала 2–2,5 мес., на этот раз дипломаты добирались до Вены почти пять месяцев.

В это же время, 19 июня в Бранденбург поехало посольство стряпчего Семена Ерофеевича Алмазова и подьячего Любима Домнина (миссии отводилась значительная роль: посольство получило жалование соболями на 700 руб.; для сравнения можно привести данные об отправлении в Бранденбург в 1661 г. посольства И. Желябужского: ему было дано 40 соболей на 50 руб.)¹¹. В это время в Москве были получены сведения о том, что Фридрих Вильгельм завершил войну с Людовиком XIV (в июне 1673 г. курфюрст заключил сепаратный мир с Францией; однако после того, как стал рушиться противостоявший Парижу «карточный домик прирейнских союзов»¹², 1 июля 1674 г. курфюрст снова присоединился к Франции); видимо, сведения о ведущихся переговорах поступили в Москву несколько раньше. Так как Бранденбург, несмотря на неопределенность позиции Речи Посполитой, рассматривался как потенциальный союзник русских и поляков в борьбе с султаном, наказ предписывал посланникам говорить о победах, одержанных русскими над турками и Крымским ханством¹³. Целью царя, согласно наказу, являлось «Украины и той стороны (Правобережной Украины. — Е.К.) не упустит», что, впрочем, не воспрепятствовало вторжению султана и хана с волохами и мультаями в польские земли: султан снова разбил стены Каменца Подольского. Тем не менее, русским благодаря выступлению в поход кн. Г.Г. Ромо-

дановского и гетмана И. Самойловича удалось одержать ряд серьезных побед¹⁴.

В отличие от посольства П.И. Потемкина, несмотря на не сходящий с повестки дня вопрос о союзе Парижа, Кракова и Стокгольма, мы не располагаем никакими письменными свидетельствами о намерении России оказать давление на Швецию. В то же время царь сообщал курфюрсту бранденбургскому о приезде в Москву графа Г. Оксеншерны с предложением сохранить дружбу и заключить союз, направленный против Порты¹⁵. Так как Стокгольм отказался вступать в союз против султана, а предложил союз против общих неприятелей, Россия отказалось. Следовали ли за этим намеки на то, что Алексей Михайлович и Карл XI не связаны никакими обязательствами и что Россия готова оказать давление на своего северо-восточного соседа, сказать трудно. В июле Карл XI, который, видимо, был хорошо осведомлен об отправлении посольств из России в Империю и Бранденбург, распорядился, чтобы жители Лифляндии были готовы к воинской службе¹⁶. Б. Горну, скорее всего, для перестраховки были направлены распоряжения относительно проведения мобилизации в Эстонии, Лифляндии и Ингерманландии. Но реально Швеция не питала опасений относительно войны с Россией¹⁷. Однако полностью исключать, что русские сделали в Бранденбурге какие-то высказывания по поводу возможности оказания давления на Стокгольм, не следует (скорее всего, как и в случае с посольством с П.И. Потемкиным и Я. Чернцовым, речь шла о запасном варианте русской политики).

В то же время Ян III Собеский активно проводил политику, направленную на объединение русских и польских сил в борьбе с Портой, просил царя выслать две партии войск к Каменцу и Львову, чтобы разъединить силы противника. Король вел постоянную переписку с Алексеем Михайловичем о планах включиться в борьбу с турками¹⁸ (по наблюдениям В.М. Тяпкина, у польских гетманов шла с «ссылка о случении войск безпрестанная»¹⁹). У русских сохранялись опасения, что Ян III Собеский пойдет по линии замирения с султаном²⁰. Требования поляков по отношению к русским ужесточились, с приходом к власти в Кракове нового короля предстояло под-

твердить Андрусовское перемирие (Ян III Собеский угрожал его разорвать, что означало новый виток в борьбе за Киев и Смоленск, хотя в конечном счете краковские дипломаты допустили, что не будут возобновлять войну с Россией). Хотя польский король уже чувствовал, что не может опереться на Людовика XIV в борьбе с султаном, но в то же время не был готов идти на существенные уступки России. В сентябре возобновились русско-польские андрусовские переговоры с С. Венславским. Расчеты короля строились на том, что Алексей Михайлович не будет стремиться овладеть Правобережной Украиной (была признана власть России над Запорожьем и неприкосновенность Правобережной Украины). Русская делегация получили от царя предписание отказаться от объединения русских и польских сил, так как в 1672 г. Речь Посполитая, вопреки договоренностям с Россией отказаться от сепаратного мира с Османской империей, заключила Бучачский договор. В ответ на отказ русских от совместной борьбы с Портой с приходом к власти Яна III Собеского поляки угрожали вынужденным прекращением войны с Портой²¹. Русская сторона отказывалась от не приносящих никаких результатов наступления «посилками отвращенными сил неприятельских з Дону и от Крыму донскими и калмыцкими силами»²².

Попытки Кракова добиться, чтобы турки направляли основные силы против русских, продолжались; часть поляков по-прежнему хотела «через факцию французскую и свою на злобу всю шляхту на московские войска привести»; по сведениям, полученным осенью В.М. Тяпкиным, польское руководство повсеместно рассылало в свои войска универсалы, чтобы войска были направлены против русских²³.

В то же время переориентации османских войск и самих поляков на борьбу с Россией не произошло. Силы поляков были на исходе: «Тревожатца грады полские и места ото Льова и до самой Варшавы и Гданска, начаются великого нахождения, потому отпор дать некем, войска мало что в зборе, и то яко трость от ветр колебаецца, толко тем утешаются ныне, что салтан умер (на самом деле никакой смерти султана не произошло; правление Мухмеда V продолжалось с 1648 по 1687 г. — *Е.К.*), начаются для того, что пойдут из войны в свою

землю или покой постановят». Османская империя была намерена возобновить войну весной 1675 г.: «Но наипаче от неприятеля великого наступления и разоренья чаят, которой всеми силами готовится на весну выступить на оба те государства»; в сложившейся ситуации «как тайные, так и явные замолкли»²⁴.

Ян III Собеский стремился разграничить сферы интересов России и Речи Посполитой, добиться временного прекращения русскими войны на Правобережной Украине, договориться о том, чтобы самому вести боевые действия в Валахии²⁵, а чтобы русские совершили поход в Крым. 16 ноября польский король писал Алексею Михайловичу, что стремится к объединению сил и ожидает похода в Крым²⁶.

Тем временем П.И. Потемкин и С.Е. Алмазов вели переговоры в Европе (именно Фридрих Вильгельм, единственный из всех, к кому обращались русские в 1672 г. с просьбой оказать помощь Речи Посполитой, отправил драгун на помощь Яну III Собескому)²⁷. С.Е. Алмазов предложил проект совместных действий с поляками против султана. Курфюрст ответил отказом, так как он в любой момент собирался объявить о своем участии в войне, которая шла между Леопольдом I и Людовиком XIV. По окончании войны он, Фридрих Вильгельм, был готов принять участие в антиосманской лиге. В Берлине сложилось впечатление, что с русскими трудно договариваться. С.Е. Алмазов представился там как безудержный хвостун: он говорил, что войска царя достигают 700 тыс. чел., из которых лишь незначительная часть принимала участие в войне со шведами²⁸. Посольство способствовало установлению связей России со странами Габсбургской коалиции.

После того как 2 ноября П.И. Потемкин и Я. Чернцов добрались до Вены, начались их переговоры с Империей. Переговоры с П.И.Потемкиным и Я. Чернцовым состоялись, согласно статейному списку, вероятно, 21 ноября / 1 декабря (указывать даты по старому является обычным для этой разновидности документов).

Русские в соответствии с наказом отмечали, что Ян III Собеский не подтвердил дружбу ни с царем, ни с императором и что рассчитывает на нападение султана на «цесаря» и на

украинские земли. На это был дан ответ, что многие польские магнаты являются сторонниками сближения с Леопольдом I²⁹.

Несмотря на то, что в отправленных в разные страны в 1672 г. царских грамотах делалось предложение прекратить Голландскую войну и сосредоточить все силы на борьбе с «бусурманами», теперь, в 1674 г., стало очевидно, что европейский конфликт охватывает все новые страны и что в обозримом будущем остановить его не удастся.

В Варшаве 28 ноября были получены известия о выраженном Фридрихом Вильгельмом желании, чтобы царь «в надежде соседственные дружбы с курфюрстом бранденбургским велел войско положить на шведской границе от Лифлянтов не для нарушения пактов с шведом или войны, толко для отвращения тех шведских войск от курфюрстра, понеж скоро услышат войска на границах войска России». «Тогда при своих границах и городах задержатца, опасаячися войск его царского величества»³⁰. Не исключено, что предложение перебросить войска в Лифляндию исходило от самих русских, П.И. Потемкина и Я. Чернцова, с меньшей степенью вероятности — от С.Е. Алмазова и Л.А. Домнина. Речь шла о том, что Алексей Михайлович создаст угрозу Швеции, если Карл XI будет поддерживать Яна III Собеского, французскую партию в Речи Посполитой. Как мы узнаем из донесения В.М. Тяпкина в Москву, 5 декабря резидент получил «про Петра Потемкина свежие ведомости, будто цесарском величеству предлагал жалобу на свейское государство о умалении чести великого государя его царского величества в пашквилных и печатных писмах, на свет выданных» (скорее всего, речь шла об обвинениях, предъявляя которые в 1670 г. Н. фон Стаден должен был добиться казни рижских «газытырей»; теперь соответствующая информация пускалась в ход в политических целях)³¹. Даже если исходить из того, если переговоры состоялись 21 ноября н. ст. и сведения о них 5 декабря стали достоянием политических кругов в Варшаве, можно предполагать, что речь шла не об официальных переговорах, а о предшествовавших последним личным беседах, которые имели место между русскими посланниками и венскими политиками. Неясно, поступали ли к В.М. Тяпкину какие-то известия из Москвы об отправлении посланников в Вену с по-

ручением объявить о готовности России оказать давление на Швецию или русский резидент независимо от полученных им предписаний получил сведения о переговорах в Вене от своих осведомителей. В дальнейшем В.М. Тяпкин писал, что к союзу против России склоняются шведы³².

При переговорах в Вене 21 ноября / 1 декабря П.И. Потемкину и Я. Чернцову стало известно, что император заключил союз с Данией против Швеции. «Цесарю» оставалось неясным, не вступит ли шведский король в войну. В то же время, как официально сообщается в статейном списке, посланникам сказали, что «хорошо бы де то было, что и Царское Величество изволил послать своих государских людей некоторые полки на Лифлянскую границу; а Цесарское Величество на Шлонскую (Силезскую. — Е.К.) границу» (видимо, с этого момента речь шла о предложенном русскими торге, который стал обсуждаться позже: русские должны были оказывать Габсбургам помощь в борьбе со шведами, а «цесарь» — предоставить помощь в борьбе с Османской империей)³³.

С конца 1674 г. в Европе начали говорить о том, что русские перебрасывают войска к границе Лифляндии. Как В.М. Тяпкин узнал в декабре, царь «указал боярину и воеводе князю Ивану Андреевичю Ховонскому, велел с войски своими стать на лифлянской границе для отвращения свейские войны от земел курфистра бранденбургского»³⁴ (на самом деле, как свидетельствуют документы Разрядного приказа 1675–1676 гг., к кн. И.А. Хованскому перебрасывались войска для отправления в Крым). К полякам поступила информация, что «московское государство и цесарское с немецкими всеми реши в немалом подозрении с стороны союзу между собою»³⁵.

На этот раз шведы всерьез опасались русского нападения. После переговоров, которые граф Г. Оксеншерн вел в Москве, король полагал, что царь решится на разрыв со Швецией; к тем же мыслям могли вести сведения, поступившие (если они действительно поступили) в Стокгольм о переговорах П.И. Потемкина в Вене (в дальнейшем король писал, что получил сведения о «направленных против нас намерениях царя и у нас есть основание бояться вторжения»: «тогда мы окажемся перед лицом необходимости именно здесь (в Ливонии,

а не в Померании. — *Е.И.*) использовать наше оружие»), хотя царь, который должен использовать войска на Украине, вряд ли будет наступать с большими войсками. Стокгольмский монарх снова направил на границу Б. Горна, а все командование прибалтийскими и финскими войсками было поручено А. де ла Гарди, чтобы последний следил за положением дел в Финляндии и обеспечил оборону со стороны России (как указывал Карл XI, «мы не хотим делать ничего, что могло бы встревожить русских, но чтобы при этом было готово все, чтобы встретить нападение»; пока, по мнению короля, причин для нападения со стороны России не было)³⁶.

На исходе зимы В.М. Тяпкин писал в Москву, что в Россию были снаряжены посольства, чтобы царь «изволил зацепит шведа с Лифляньские границы сею весною вскоре с тем от их земел, тем швецкой войне отвращение учинит»³⁷. Реально в феврале 1675 г. в Россию в ответ на грамоту, привезенную С.Е. Алмазовым, Фридрих Вильгельм с гонцом Г.Д. Георги послал Алексею Михайловичу грамоту, в которой сообщалось, что шведские войска совершили нападение на Померанию (это произошло...) и что русским представляется подходящий момент, чтобы можно было организовать «тем шведом знаменитое отвращение в Лифляньской или в ыных землях, прилежащих к границам их». Предполагалось, что если царь направит к русско-шведской границе в Лифляндии 20 тыс. человек, этого будет достаточно, чтобы Швеция разорвала союз с Францией (это было достаточно большое количество людей; при русско-польских переговорах, которые проходили в 1674–1675 гг., при обсуждении вопроса об отправлении русских войск в Крым обычно обсуждалась цифра 30–40 чел.)³⁸. Бранденбургский резидент в Речи Посполитой обратился к В.М. Тяпкину с просьбой передать царю, что желательно направить против Швеции войска в Лифляндию, «чрез которые бы могло учинитца отвращение войны швецкие из реш»³⁹. (Фридрих Вильгельм, как свидетельствуют события Первой Северной войны, вовсе не жаждал непосредственного соседства с Россией и получения Русским государством выхода к морю, а значит, и передачи Лифляндии во владение России; как показало дальнейшее развитие событий, Фридрих Вильгельм не желал видеть Москву в

качестве равноправного союзника, который в дальнейшем бы принимал участие на равных с другими государствами в мирном урегулировании).

Сразу после того как царю была доставлена грамота курфюрста, М. Тарасов повез в Стокгольм грамоту Алексея Михайловича от 22 апреля с требованием, чтобы шведский король прекратил военные действия против курфюрста. В царской грамоте нашел отражение старый лейтмотив: все европейские страны, в том числе Швеция, заинтересованы в том, чтобы объединить силы для борьбы с Османской империей, — только в этом случае можно нанести поражение султану. Напав на курфюрста, Карл XI «учинил» «нелюбовь» с царем. Алексей Михайлович подтвердил, что находится «в крепком союзе» с Фридрихом Вильгельмом (хотя на самом деле между Россией и Бранденбургом не было заключено никакого союзного договора). Царь объявил, что не направит посольства в Стокгольм, пока шведский король не выведет войска из Бранденбурга. Вместо переговоров в шведской столице царь предлагал проводить переговоры на границе⁴⁰.

После осенних переговоров с Россией Ян III Собеский, продолжая ориентироваться на Людовика XIV, всерьез думал об установлении мирных отношений с Портой. В феврале к В.М. Тяпкину приезжал доверенный польского короля Венявский и говорил, что Ян III Собеский намерен ехать ко Львову для заключения мира с Портой, Крымом и Д.П. Дорошенко, так как «бусурмане» обещают возвратить королю все завоеванные земли при условии, что король пропустит турецкие и татарские войска в Россию⁴¹. В конце февраля 1675 г. неофициальный французский резидент в Речи Посполитой Ф. де Бетюн Туссен Жансон сообщал, что Ян III Собеский желает заключить союз со Швецией, чтобы защищаться от общей угрозы с востока. Не исключалось, что против Россия могли вести борьбу Речь Посполитая и Турция или обе эти страны⁴².

Вместе с тем в 1675 г. обсуждались планы союза Франции, Швеции и Речи Посполитой против Фридриха Вильгельма. Реально существовали планы заключения франко-шведско-польского союза, направленного против Бранденбурга⁴³. Как считал В.М. Тяпкин, задачей русских являлось «ту фран-

цужскую и свейскую и прочих злохитрую факцию обличати и победити»⁴⁴. Фактически предполагаемая перегруппировка сил означала бы войну Речи Посполитой против Империи, в состав которой формально входил и Бранденбург. Польский король разработал программу, вошедшую в историографию под названием «балтийская политика». Он ставил своей целью отобрать у курфюрста Княжескую Пруссию, рассчитывая превратить ее в свое наследственное владение, основав в Речи Посполитой собственную королевскую династию. По разным причинам «балтийская политика» вызывала беспокойство в самых разных странах независимо от того, к какой коалиции они принадлежали; на Княжескую Пруссию претендовала Швеция (польский король обратился к Швеции с просьбой оставить Восточную Пруссию). Но балтийская программа требовала, чтобы были установлены мирные отношения Речи Посполитой с Османской империей⁴⁵. Ф. де Бетюн считал, что с помощью поляков надо вовлечь Россию в войну с татарами и таким образом предоставить Швеции свободу действий в Бранденбурге⁴⁶.

Между тем для Речи Посполитой опасность со стороны султана не была устранена. Из Порты шли сведения, что турки начнут свое выступление весной. Навстречу «бусурманам» король послал своих людей. Вскоре, в начале весны, турецкие войска появились в Речи Посполитой под предводительством шайтана Ибрагима-паши (Толстого)⁴⁷. В то же время у русских возникло убеждение, что необходимо организовать поход к Дунаю, Черному морю, Крыму⁴⁸. Осенью переписка с поляками об отправлении русских войск в Крым была продолжена. Ян III Собеский ожидал, что русские выступят в поход против Крыма весной 1675 г., выражал уверенность, что царь отдаст приказ о «случении»⁴⁹.

11/21 марта король направил к царю посланника А. Клодницкого (Кладницкого), чтобы договориться о месте и времени встречи русских и польских войск. 19/29 апреля он, прибыв в Москву, вновь обратившись к вопросу о «случении» войск, просил русских направить в Крым 30–40 тыс. чел. (по прикидкам поляков, турецкий султан готовился к наступлению со стотысячным войском)⁵⁰. Поляки надеялись, что русские вос-

препятствуют соединению турецких и татарских войск. В Речи Посполитой по-прежнему существовала убежденность, что османы, не соединившись с людьми хана, не будут наступать на поляков⁵¹. А. Клодницкий стремились к тому, чтобы полностью переориентировать Россию на борьбу с Крымом. В грамоте королю царь сообщил о своем намерении выступить в поход против Крыма, в то же время считая Крым исключительно зоной своих интересов. Царь просил, чтобы на сейме было постановлено, чтобы королевские и литовские войска выступили против Крыма к Дунаю и за Дунай, не помогая Крыму против царя и не нанося вреда московским ратям. Царь считал, что вопрос о «случении» войск должен быть решен после того, как будет подтвержден Андрусовский договор. Польский гетман не заключил договор и не пошел к Днепру⁵². В дальнейшем король дважды писал к царю с просьбой о присылке войск и об их «случении» с царскими войсками⁵³. В то же время, несмотря на переписку, которую Алексей Михайлович вел с поляками о подтверждении Андрусовского перемирия, добиться, чтобы договор был продлен, не удавалось⁵⁴.

Тем не менее военные действия двух стран против Османской империи были начаты. В мае-июне король и переправился через Днестр. Царь готовился выступить весной 1675 г. к Путивлю, при этом Россия ориентировалась на свои собственные силы. Как предполагает О. Курбатов, который любезно предоставил мне сведения, имеющиеся в архиве Разрядного приказа, реально, т.к. войска перебрасывались к Пскову и Великим Лукам, рати, подчинявшиеся кн. Ивану Андреевичу Хованскому, предназначались для отправления в Путивль. А.И. Хованскому было дано распоряжение присоединить к своим ратям Новгородский и Псковский полки. В Невль тому же воеводе было направлено предписание собрать часть войск и быть наготове к походу. Его отряды предполагалось двинуть в новгородскую область к шведской границе взамен тех, которые выступили к Пскову⁵⁵.

Однако к маю, как стало известно тому же В.М. Тяпкину из писем, которые присылал в Варшаву польский резидент в России П. Свицерский, русские войска стояли наготове не только в Великом Новгороде и Пскове, но также в Киеве, Пе-

реяславле, Белгороде, Смоленске⁵⁶. Сама география названных городов свидетельствует о том, что войска собирались, чтобы вести борьбу за Украину, выступить против султана и крымского хана. В июне, как доносил В.М. Тяпкин, были направлены войска к кн. Г.Г. Ромодановскому, а также черкесские, калмыцкие, ногайские войска для похода к Азову и в Крым, чтобы совместно с запорожскими казаками бороться против султана и крымского хана⁵⁷. Так как повсеместно говорили о том, что русские направляют войска против шведов, московские власти, думается, стремились не разрушать возникшие иллюзии (речь могла идти лишь о военной демонстрации). В дальнейшем вопрос о том, сколько войск находится около границы, неоднократно обсуждался приезжавшими в Москву дипломатами из стран габсбургской коалиции.

Таким образом, на первом плане стояла борьба с Крымом. Присоединение к Габсбургской коалиции и создание угрозы Швеции являлось запасным вариантом русской политики. (Показательно, что шведы никак не реагировали на происходящие перемещения русских войск, видимо, понимая, что речь идет о подготовке к крымскому походу, с 20 декабря 1674 г. по 24 сентября 1675 г. не было сделано ни одного распоряжения касательно укрепления обороноспособности русско-шведской границы в Ливонии; при этом в Стокгольме было прекрасно известно, что в этот период Россия вела переговоры с участниками габсбургской коалиции, однако, видимо, так как никаких сведений о переброске войск на границу не поступало, Карл XI не питал серьезных опасений относительно возможности нападения русских в Ливонии).

В мае 1675 г. В.М. Тяпкин прислал донесение о возможном союзе Франции, Речи Посполитой, Турции, Венгрии против России (в то же время Франция добивалась выступления Речи Посполитой против Бранденбурга и была против похода поляков против Крыма, которые отвлекли бы силы поляков и содействовали бы ослаблению сил султана). В.М. Тяпкин сообщал: «Чрез резидентов и агентов своих успокояет и приводит Турецкаго Султана с Польским государством, и с Дорошенком, и с ханом, чтоб, на чем возмогут, учинили мир и сею весною соединились иттить на Государство Московское». Для этого

Франции нужно было помирить Турцию и Речь Посполитую. Тогда Бранденбург для защиты от нападения с востока был бы вынужден отозвать войска, действовавшие на Рейне⁵⁸.

Однако Речь Посполитая так и не была втянута в войну с Бранденбургом. Вскоре стало очевидно, что Швеция будет воевать не в Пруссии, а в Бранденбурге, направив туда свои войска. Весной франко-польские и шведско-польские переговоры о союзе активизировались. Швеция стремилась заключить союз с Речью Посполитой. Франция и Швеция, являясь христианскими державами, никогда не рисковали вступить в открытый союз с Портой, направленный против христианской же державы. Однако Краков, не урегулировав отношения с Османской империей, реально боялся порвать с Веной⁵⁹.

Ян III Собеский по-прежнему надеялся переложить основную тяжесть войны с татарами и турками на плечи московского государства, «дабы свейскому войску с лифляндские границы войска его царского величества отвращения не учинили от войны, которую ныне швед, случаяся, с французом начинает»⁶⁰.

Король 11/21 июня писал, что многие принесли присягу Д.П. Дорошенко, что в Подолье стоят и его войска, и одновременно польские войска, что Каменец защищен поляками, что османские диверсии совершаются под Яссы⁶¹. Выступление Речи Посполитой против Бранденбурга так и не состоялось.

В 1675 г. Голландская война охватила Центральную Европу. И Фридрих Вильгельм, и Христиан V стремились захватить проливы. Швеция стала вооружаться против Дании. Шведский генерал Густаф Врангель выступил в поход в Померанию. В апрельской грамоте – ответе на соответствующие просьбы – царь в письменной форме выразил протест против похода шведского генерала Г. Врангеля в Померанию, обещал немедленно написать в Стокгольм, но в то же время подчеркнул, что у России заключен со Швецией Вечный мир⁶². После имевших место колебаний Леопольд I и Фридрих Вильгельм решили наступать на Балтику. Император и Дания прилагали специальные усилия, чтобы удержать Бранденбург на своей стороне. 5/15 мая 1675 г. курфюрст объявил о своем участии в борьбе.

Бранденбург оказался в центре военных действий, армия шла к Эльбе⁶³.

Фридрих Вильгельм нанес сокрушительное поражение Карлу XI в битве при Фербеллине 18/28 июня 1675 г., что привело к падению престижа Швеции. Вслед за этим 3/13 сентября Империя, Бранденбург и Дания вырабатывали совместные планы, направленные против Швеции. Дания и Бранденбург боролись за возвращение земель, захваченных шведами во время Первой Северной войны 1655–1660 гг. Основной театр военных действий по-прежнему должен был остаться в Нижней Померании (границу между шведскими и бранденбургскими владениями в Померании, вопрос о которой не был решен при заключении Вестфальского мира, установили в 1653 г., Швеция передала Нижнюю Померию во владение курфюрста бранденбургского). Вместе с тем в рамках коалиционной войны шла борьба за Сконе, в 1675 г. Дания объявила войну Швеции⁶⁴.

Думается, несмотря на распространившиеся сведения о переброске русских войск к границам Лифляндии, в условиях подготовки к борьбе с Крымом, при том, что союз России с Речью Посполитой не состоялся, в Москве испытывали большие сомнения относительно того, как реагировать на ожидаемые предложения представителей Габсбургской коалиции относительно оказания со стороны Русского государства давления на Швецию. Приставам, которые сопровождали прибывшее в Москву от Леопольда I посольство Ф. де Баттони и К.-Г. Терлингера, предписывалось: «буде посланники учнут спрашивать про какие вести, и им говорить кратким обычаем, а больше отговариваться неведением: что он был в отъезде и слышать ему нелучилось»⁶⁵.

Ситуация в принципе позволяла России оказать давление на Швецию, по крайней мере дипломатическим путем.

Попытка втянуть Россию в габсбургскую коалицию (осень 1675 г.)

Параллельно развивались события, связанные с борьбой с султаном и ханом. Вопрос о том, какую позицию Ян

III Собеский займет по отношению к султану и к России, по-прежнему не получал ответа. Алексей Михайлович сообщал В.М. Тяпкину, что направил Яну III Собескому грамоту с предложением подтвердить Андрусовское перемирие и предоставил резиденту соответствующие полномочия. В свою очередь В.М. Тяпкин писал 16 января королю, говоря о желательности продлить перемирие. Тогда русские готовы выступить в поход в Крым 8 апреля. При этом при наличии опасений относительно столкновения русских и польских войск ставилось условие, что во время этого похода Ян III Собеский не должен оказывать Крыму помощи⁶⁶. Это означало, что крымское направление оставалось для России основным.

После того как в Австрийской империи побывал П.И. Потемкин и стали распространяться слухи о переброске Русским государством войск к лифляндской границе, все участвовавшие в Голландской войне страны габсбургской коалиции активизировали свои усилия, пытаясь убедить Россию в агрессивных планах Карла XI, при том, что шведы «воинское пламя яко новым маслом разжигали»⁶⁷. В случае нападения русских в Лифляндии «у Шведов де от того силы их раздвоятся, потому что в Лифлянтах без ратных людей пробыть им будет не мочно»; перед участниками габсбургской коалиции стояла задача добиться того, «чтоб Свейской король с Французы на Цесаря не совокуплялся»⁶⁸.

Борьба за влияние в Стокгольме продолжалась. Карл XI, хотя и не предпринимал новых действий, направленных на укрепление ливонской границы, уже в это время питал серьезные опасения относительно возможности сближения России с габсбургской коалицией, с Данией, которая содействовала тому, чтобы мир России и Швеции был нарушен⁶⁹. (Видимо, так – достаточно своеобразно – шведы трактовали события 1656 г.: когда осенью 1656 г. Алексей Михайлович осаждал Ригу, к нему приезжало датское посольство Г. Коса, которое стало ответным посольством на миссию кн. Д. Мышецкого, пытавшегося весной 1656 г. найти в лице Дании и Бранденбурга союзников России по борьбе со Швецией; шведам не могли остаться неизвестными сведения о прибытии Г. Коса⁷⁰).

Весной 1675 г. Бранденбург, Империя, Дания и Голландия стали стремиться к тому, чтобы оказать давление на Россию как на своего потенциального союзника (Дания и Голландия не ответили на грамоты, присланные царем в 1672 г. с предложением присоединиться к антиосманской коалиции, но теперь с готовностью отправляли в Москву ответные посольства, хотя по-прежнему не были заинтересованы в участии в борьбе против Турции). Участники габсбургской коалиции по-разному относились к проблеме союза с Русским государством, особенно Леопольд I, которого продолжал тревожить вопрос о политике Османской империи, о сближении Франции, Речи Посполитой, султана против Вены, и император старался предупредить вмешательство Франции в конфликт в восточноевропейском регионе. (В свою очередь Людовик XIV в дальнейшем внимательно следил за тем, как развиваются русско-австрийские отношения; для Франции, которой стало хорошо известно об отправлении посольства из Вены в Москву, было существенным, сможет ли оно добиться присоединения России к габсбургской коалиции). Леопольд I, не питая серьезных опасений относительно сближения Речи Посполитой и Франции и особенно не опасаясь непосредственной угрозы нападения Порты, рассматривал Россию в первую очередь как страну, которая ведет борьбу с султаном, а не Швецией, хотя сам император, участвуя в Голландскую войну, не был готов к вооруженному столкновению с Турцией и стремился к тому, чтобы Россия и, если это удастся, Речь Посполитая приковали к себе силы султана, лишив турок возможности вести войну в Трансильвании (император был заинтересован в войне в восточноевропейском регионе).

Голландия и Дания связывали с перспективой привлечения России на свою сторону и нанесением поражения Швеции возможность перехода рижской торговли в свои руки. (Не случайно вопросы торговли занимали очень существенное место в переговорах, которые в 1676 г. вел в России К. фан Кленк, член магистрата города Амстердама⁷¹). Сохранился мемориал датского чрезвычайного посла Мейеркрона в Соединенных Провинциях от 7 июня 1676 г. Этот документ показывает, что датский король приложил усилия, чтобы инициировать от-

правление посольства К. фан Кленка в Россию, а также пребывание в России резидента Голландских Провинций⁷².

Но Голландии, а также и Дании, скорее всего, подобно Бранденбургу, вряд ли импонировала возможность превращения России в морскую державу. В дальнейшем ставился вопрос о том, чтобы Москва предъявила претензии на Карелию и Ингерманландию (Ижорскую землю), не располагавшими удобными гаванями, все крепости — Ивангород, Ям, Копорье — находились на значительном расстоянии от береговой линии. К этой территории также относился находившийся в устье Невы Орешек, представлявший собой крепость, который было нереально использовать как порт. Когда в 1676 г. в Москву прибыл датский посланник Ф. фон Габель и стал говорить о перспективе получения Русским государством выхода к Балтийскому морю, он указывал: «Но о сем намерение ни малое, что ведат не надобно ни агличаном, ни галанцом, понеж они хотя как нибудь претворятца по изволению своему. Однако ж они крайнею силою промышляти будут, чтоб его царское величество не допустит к Варяжскому морю»⁷³.

Бранденбург так же, как и Дания, скептически относились к перспективе участия России в войне, в которой, по их представлениям, Москва должна была играть второстепенную роль (но все же, видимо, приняла бы в ней участие)⁷⁴. К. фан Кленк не считал желательным, чтобы русские напали на Швецию⁷⁵ и, как видно из его последующего высказывания, был против того, чтобы Россия получила какие-либо земли путем оказания дипломатического и военного давления на Швецию. В одной из своих депеш секретарю Фаахелю К. фан Кленк выражал опасения относительно того, что если Россия вступит в войну, то это может привести к затягиванию мирных переговоров между Францией, Швецией и участниками Габсбургской коалиции. Одновременно голландский посол указывал, что было бы хорошо, если бы Москва отправила войска к границе и на этом все завершилось: «если царь действительно вынет меч из ножен, то это, может быть, затянет заключение генерального мира, ибо пришлось бы его, царя, также включить в него»⁷⁶. Эта цитата свидетельствует о том, что представитель Соединенных Провинций, в какой-то мере являясь выразителем ев-

ропейского мнения, также не был готов рассматривать Россию как равноправного партнера. Со временем Фридрих Вильгельм получил сведения, что присланный в Москву из Империи Ф. де Батонни не имеет никаких указаний относительно обсуждения возможности союза с Россией против Швеции, кроме как указаний на своевременность момента для нападения на Лифляндию⁷⁷.

Тем не менее дипломаты из стран габсбургской коалиции, приезжая в Москву, настаивали, что русские имели шансы добиться пересмотра Кардисского договора и присоединения Ижорской и Карельской земель и Лифляндии к России. Весной 1675 г., после возвращения в Бранденбург Г.Д. Георги, в Россию повторно был направлен И. Скультетус⁷⁸. Согласно полученной инструкции, И. Скультетус должен был говорить, что Стокгольм имеет средства только для обороны страны⁷⁹, а это означало, что Швеции можно было легко нанести поражение.

Из Империи Габсбургов в Россию выехало посольство уже упомянутого Франциска де Баттони, советника эрцгерцогского правления Нижней Австрии, и Карла Густава Терлинго. Сопровождавший их А. Лизек писал, что посланники прибыли к русской границе 18 августа и находились в пути девять недель, т.е. они выехали из Вены приблизительно 10 июня⁸⁰. Утверждение К. ван Кленка в качестве отправляемого в Россию посла состоялось в Амстердаме 8 мая 1675 г. 31 июля он отплыл из Голландии. В Русское государство практически одновременно с И. Скультетусом прибыл гонец Соединенных Провинций капитан Р.Г. Рейзер с информацией о том, что в Россию приедет К. ван Кленк.

В Москве находился датский резидент М. Ге. В конце лета 1675 г. он сообщил, что король Кристиан V очень давно выражал желание вступить в переговоры с русскими⁸¹.

Сам М. Ге весной пытался поссорить царя со Швецией. М. Ге предлагал выслать из Москвы всех подозрительных шведов, стремился их дискредитировать (такое предложение вряд ли можно было считать уместным: это вело к дополнительному напряжению между Россией и Швецией при том, что два государства сохраняли мир), глумился над шведами. Занятая

М. Ге позиция препятствовала установлению им хороших отношений с А.С. Матвеевым. По словам М. Ге, А.С. Матвеев говорил ему о готовности заключить союз с Данией и Габсбургской империей против Швеции. В то же время с самого начала русские вызвали недоверие у датчанина. В мае 1675 г. М. Ге писал королю, что нельзя что-либо предпринимать, исходя из обещаний русских: «...непостоянство, неискренность и эгоизм их не подлежат никакому сомнению». Видимо, несколько позже датский резидент сообщал Христиану V, что сделал все возможное, чтобы убедить царя начать войну со Швецией. По выражению М. Ге, чтобы чего-нибудь добиться в России, надо «обмануть обманщика». М. Ге был уверен, что царь не вмешается в войну, пока не убедится, что все союзники начали вооруженную борьбу со Швецией. В июне А.С. Матвеев шепнул «на ухо» резиденту, что у царя одно желание — напасть на Швецию, но для такого шага надо подготовиться, чтобы не повторилась история с осадой Риги. Вполне возможно, что такие высказывания если и делались, то лишь с целью продемонстрировать благожелательное отношение к Копенгагену⁸².

27 июня / 6 июля до Стокгольма дошла информация о том, что в Москву один за другим направляются посольства противников Швеции, но вряд ли это к чему-нибудь приведет, потому что Фридрих Вильгельм убит во время боя. (Последнее известие было неверным; думается, курфюрста перепутали с французским виконтом де Тюрреном, погибшим 27 июня у Сасбаха в битве с возглавлявшим армию союзников Р. Монтекукколи). Соответствующая информация была помещена в «переводе с цесарских печатных курантов», которые русский резидент в Речи Посполитой В.М. Тяпкин прислал царю (только от И. Скультетуса А.С. Матвеев узнал, что на самом деле курфюрст жив⁸³). Вместе с тем в курантах сообщалось о перемещениях русских войск, но шведы выражали надежду, что Вечный мир сохранит свою силу⁸⁴. (В дальнейшем шведы настаивали, что русско-шведские отношения обострились из-за того, что на царя оказывали давление западноевропейские державы; как показывает последующее развитие событий, судя по всему, союзники целенаправленно внушали Карлу XI, что ему угрожает реальная опасность со стороны Русского государства).

Внимание России действительно по-прежнему было приковано к борьбе с Османской империей. Чтобы добиться победы в Голландской войне, Людовик XIV стал стремиться, по словам французского историка Ф. Блюша, к «обходным союзам»⁸⁵.

Между тем давление на Швецию со стороны России реально усилилось. Летом, после того, как в Москве побывал Г.Д. Георги, русскими была организована переброска войск на границу. Не ясно, насколько можно доверять высказываниям М. Ге относительно того, что он сам видел царский указ о вторжении в Лифляндию⁸⁶.

Тем временем 11 июня 1675 г. Людовик XIV заключил Яворовский договор с Яном III Собеским. Договор предусматривал замирение поляков с султаном и противодействие Фридриху Вильгельму при условии получения французских субсидий. Под влиянием Франции, а также при содействии Османской империи в Варшаве вновь стала обсуждаться идея направленного против Бранденбурга союза со Швецией, возможно, при участии Франции⁸⁷. В связи с приездом в Россию А. Клодницкого (Кладницкого), видимо, еще до того, как в Москву поступила информация об Яворовском договоре, последовал указ царя от 26 июня / 6 июля: кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович со своими ратями должны были идти за Днепр, если вторгнутся турки и татары; но в то же время не использовать русских войск на подъездах, в битвах на первый бой отправлять поляков⁸⁸. На этот раз царь столкнулся с нежеланием казацких политиков Левобережной Украины идти на «случение сил», так как это создавало препятствие для утверждения власти И. Самойловича на Правобережной Украине. Вместе с тем в июне кн. Г.Г. Ромодановскому было прислано распоряжение готовиться к нападению в Крыму⁸⁹. Указ Алексея Михайловича не был выполнен.

В июле А.С. Матвеев поставил М. Ге в известность, что царь спрашивал Фридриха Вильгельма, действительно ли у Бранденбурга есть причина объявить войну Швеции. Царь отправил письмо Карлу XI с требованием прекратить боевые действия против курфюрста, в противном случае войска вторгнутся в Лифляндию⁹⁰. (В сентябре действия кн. И.А. Хованского, который, по наблюдениям шведов, стягивал все войска

к Пскову с тем, чтобы отправить рати в Крым, снова стали вызывать явное беспокойство в Стокгольме⁹¹; на самом деле никаких перебросок войск в это время не производилось. В сентябре для вооружения рейтарских полков было отправлено по 2000 пар пистолей в ольстрах (ольстра – кобура, чехол для пистолета или ружья, привешенный у передней части седла) и карабинов (1 сентября 1675 года⁹²).

Приезд М. Тарасова и привезенная им грамота дополнительно насторожили шведов. (М. Тарасова приняли в Стокгольме 26 июня, и он был на аудиенции у короля 15 июля). Карл XI был обеспокоен отказом русских снарядить посольство в Стокгольм до момента вывода шведских войск из Бранденбурга и выражением Алексеем Михайловичем желания вести переговоры на границе. Карл XI писал в грамоте царю, что готов оказать помощь полякам и русским в борьбе с Османской империей, если Россия будет помогать Швеции против врагов последней и будут решены спорные вопросы, возникшие между русской и шведской сторонами (подобное заявление носило явно декларативный характер; было очевидно, что Россия не согласится выполнить эти предложения)⁹³.

Тем временем посланцы из стран габсбургской коалиции один за другим прибывали в Москву. Они, чтобы привлечь Россию на свою сторону, передавали многочисленные письма и газеты (куранты), «вестовые листы» с новостями о победах участников габсбургской коалиции над Карлом XI (в Посольском приказе все эти материалы подобно тому как куранты, присланные В.М. Тяпкиным, так и куранты, поступавшие через рижскую почту, переводились на русский язык). И. Скультетус писал, что «у русских сейчас на все есть свое мнение и они достаточно информированы из газет о происходящем»⁹⁴. Согласно подсчетам С.М. Шамина, интерес к событиям за рубежом заметно возрос: в 1676–1677 гг. было зачитано 70% переводов курантов, присылавшихся через рижскую почту; в среднем доклады делались чаще, чем раз в неделю; три четверти текстов докладывались боярам и царю, около четверти – царю, 2% – только боярам⁹⁵. К сожалению, данные за 1675 г. отсутствуют, что не позволяет говорить, когда стал усиливаться интерес к происходившему в Европе, но можно предполагать,

что повышение внимания к соответствующей информации было связано как с борьбой, которую Османская империя вела в Восточной Европе, так и с вопросом о том, какую позицию займет Речь Посполитая, так и с попытками представителей Берлина, Вены, Копенгагена, а затем и Амстердама втянуть Россию в борьбу со Швецией (соответственно, достаточно пристально следили и за событиями Голландской войны).

В то же время русские, понимая, о чем идет речь, испытывали серьезные сомнения относительно своего желания оказать содействие габсбургской коалиции. Москва проявляла большую сдержанность в отношениях с приехавшими посланниками.

И. Скультетус прилагал все усилия, чтобы добиться выступления России против Швеции. В беседах с представителями Посольского приказа И. Скультетус отмечал, что со стороны Швеции исходит вооруженная угроза России. Вместе с тем, подобно тому, как это делалось в февральской грамоте Фридриха-Вильгельма, И. Скультетус настаивал, что для войны со Швецией не потребуется много сил. Согласно пунктам, которые были представлены бранденбургским уполномоченным на рассмотрение русской стороне 20/30 августа, «его царскому величеству никогда лутчаго времени, нежели нынешняго, ко отмщению найти и обретати не может» (речь шла о том, чтобы Россия добилась в первую очередь возвращения Ижорской и Карельской земель). Как отмечалось в пунктах, шведы потеряли весь пыл, воюя с немецкими князьями, и больше не могли вербовать войска. Единственным финансовым источником, которым располагал Карл XI, являлись деньги, предоставляемые Людовиком XIV, а между тем «у того короля у самого дела ныне много, и всякими нутренними непокоями и мятежами своих подданных зело развлагается» (очевидно, имелась в виду борьба французского монарха с католиками⁹⁶), что, в соответствии с пунктами, требовало больших затрат внутри страны. Что касается Карла XI, то оставшаяся армия под командованием генерала графа Г. Врангеля была необходима Швеции для защиты собственной страны. В Лифляндии у шведов в это время не было никаких войск, и они не имели достаточных сил на море, чтобы обеспечить ее оборону⁹⁷.

Но, по наблюдениям М. Ге, русские ожидали новостей из Порты – если бы была получена информация о росте военной угрозы со стороны Османской империи, могло бы произойти резкое изменение внешнеполитического курса⁹⁸.

Как И. Скультетусу стало известно 21/31 августа от польского резидента в Москве П. Свицерского, турки, предпринявшие наступление в глубь Речи Посполитой, послали к полякам с предложением объединиться с ними против России и Литвы⁹⁹ (не вполне ясно, о чем идет речь; известно обращение хана Селим-Гирея к населению, проживающему за Бугом, и казакам, поддерживавшим М. Ханенко, подчиниться власти П.Д. Дорошенко¹⁰⁰).

После переговоров с А.С. Матвеевым 17/27 августа 1675 г. И. Скультетус фиксировал в своих записях: «... здесь очень склоняются к тому, чтобы со всеми союзниками и государством Римского императора заключить союз против Турции, но не против христианских государств (имелась в виду Швеция. – *Е.К.*)»¹⁰¹. А.С. Матвеев исходил из того, что Россия должна вступить в антитурецкий союз с участниками габсбургской коалиции, Бранденбургом и ориентироваться на ведение борьбы против Османской империи, тем более учитывая новые осложнения в отношениях с турками (сам Бранденбург боялся начала войны с Речью Посполитой и заключения польско-шведского союза¹⁰², и все же был склонен рассматривать Россию как союзника по борьбе со шведами).

Тем временем, как свидетельствуют материалы, найденные О. Курбатовым, кн. И.А. Хованский с сыном А.И. Хованским прибыли в Луки Великие. Кн. И.А. Хованский должен был решить по своему усмотрению, ратным людям каких уездов собираться на Луках, а каким – в Пскове. В 20-х числах августа кн. И.А. Хованский направил грамоту торопецкому воеводе А.И. Траханиотову о высылке людей к нему, кн. Хованскому, на Невль. Однако по грамоте из Разрядного приказа от 5 сентября ратные люди отправлялись к Лукам Великим. Кн. И.А. Хованский выехал из Лук Великих в Псков в конце августа или в начале сентября. 9 сентября соответствующие распоряжения были доведены до сведения новгородских городских воевод стольника кн. М.А. Черкасского с товарищами.

Кн. М.А. Черкасскому было велено разослать высельщиков во все пятинь¹⁰³. Секретарь И. Скультетуса Г.Д. Гессе в октябре доносил посланнику, что в связи с тем, что Швеция собиралась напасть или на Бранденбург, или на Россию, русские планировали совершить нападение на Лифляндию, об этом получил указания кн. А.И.Хованский. По сведениям, поступившим к Г.Д. Гессе, А.И. Хованскому вместо первоначально предполагавшихся 30 тыс. войск было предоставлено всего 10 тыс.¹⁰⁴ На самом деле речь шла о подготовке к походу в Крым.

В результате И. Скультетус совершенно справедливо писал: «...Как говорят, русским трудно разорвать со Швецией, потому что нельзя упускать из глаз Речь Посполитую, когда это государство может принять неожиданное решение относительно Турции». По словам И. Скультетуса, А.С. Матвеев не торопился брать на себя никаких обязательств по отношению к Фридриху Вильгельму, продолжая занимать ту же позицию, что и в апреле, когда в Россию приезжал Г.Д. Георги. Как летом, так и осенью (17/27 августа, 23 августа / 2 сентября 1675 г., 23 сентября / 3 октября) И. Скультетус подчеркивал: «они (русские. — Е.К.) всеми силами стремятся поддерживать Вечный мир со Швецией»; «здесь считают большим грехом нарушить Вечный мир¹⁰⁵. 29 сентября А.С. Матвеев объяснял бранденбургскому посланнику: «порвать Вечный мир со Швецией — дело очень легкое, начать войну — дело одного дня, а затянуться война может на долгие годы — исход же ее никому не известен»¹⁰⁶.

1/11 сентября И. Скультетус послал Фридриху Вильгельму письмо, отмечая, что не видит смысла продолжать переговоры о нападении в Лифляндии¹⁰⁷.

Переговоры московского руководства с посланцами Леопольда I Ф. де Баттони и К.Г. Терлингера имели место 4 сентября 1675 г. Дипломаты монархии Габсбургов настаивали на том, чтобы Россия продолжала помогать полякам в борьбе с Османской империей. В том случае, если после замирения с Турцией состоится союз Речи Посполитой с Францией и Швецией, все эти страны могли заключить союз, направленный против габсбургской коалиции, России, Бранденбурга, Империи¹⁰⁸. «Но понеже с одной стороны от Турка zelo опасатися Цес. В-ву

и Цар.В-ву (такие сокращения используют издатели текста. — *Е.К.*) надобно, также не менши и с другой стороны обоим государем и от Короля Свейского опасатися надобно и от его злых вымыслов, чтоб и он чего злова не учинил...»¹⁰⁹ (упоминалось желание шведского короля овладеть всеми побережьями Балтийского моря).

Подобно И. Скультетусу Ф. де Баттони и его спутник, настаивавшие на том, что шведы беспричинно напали на Бранденбург, предлагали России направить войска в Лифляндию с целью оттянуть туда шведские войска. Русская сторона уклонилась от переговоров, объявив, что поставленные вопросы должны решаться путем обмена письменными посланиями, на что послы ответили, что им поручено изъясняться словесно, но тем не менее 12 октября подали письмо¹¹⁰. Попытка договориться о союзе России и Империи не принесла результатов¹¹¹.

13/23 сентября состоялась встреча И. Скультетуса с Ф. де Баттони. Габсбургский дипломат указывал своему собеседнику, что говорил о разрыве со Швецией¹¹².

17 сентября, пользуясь рижской почтой, М. Тарасов, отпущенный из Стокгольма 21 августа, прислал в Москву грамоту Карла XI. Король отметил, что Россия вопреки утверждению, которое содержалось в отправленной с М. Тарасовым царской грамоте, не заключала союза с Бранденбургом¹¹³.

В то же время 30 сентября царь передал И. Скультетусу свою адресованную Фридриху Вильгельму грамоту с сообщением о миссии М. Тарасова и об отказе России отправлять послов в Стокгольм до момента вывода шведских войск с территории земель, которые исконно принадлежали Бранденбургу, и из Померании, о своем намерении снарядить посольство во главе с В.С. Волынским для проведения переговоров с представителями Карла XI на границе¹¹⁴ (В.С. Волынский являлся окольничим с 1657 г.¹¹⁵, участвовал в русско-польских переговорах на вторых ролях и, судя по всему, являлся человеком, которому в силу занимаемого положения при дворе можно было дать достаточно серьезное поручение, но который вряд ли являлся серьезным дипломатом)¹¹⁶.

Как доносил королю М. Ге, А.С. Матвеев спрашивал, действительно ли у Бранденбурга был повод начать войну со

шведами. Г.В. Форстен считает, что привезенная М. Тарасовым информация произвела сильное впечатление на царя, который утвердился в своем решении сохранять мирные отношения со шведами. В своей грамоте царь подчеркивал, что Фридрих-Вильгельм сам виноват в происшедшем разрыве отношений¹¹⁷. Думается, позиция России по отношению к Швеции осталась неизменной.

И. Скультетус дождался возвращения М. Тарасова в Москву. М. Тарасов приехал в Ругодив (Нарву) 2 сентября¹¹⁸, дорога из Ругодива занимала около месяца, так что, скорее всего, М. Тарасов должен был прибыть в Москву 30 сентября / 10 октября. Бранденбургскому посланцу сообщили, что государственный канцлер Швеции М. Делагарди подтвердил намерение шведов поддерживать мирные отношения с Русским государством, что для России союз со Швецией выгоднее, чем союз с ее противниками, Стокгольм всегда приходил на помощь Москве в борьбе с врагами последней, например с Речью Посполитой (в данном случае собеседники посланца кривили душой: во время Смоленской войны 1632–1634 гг. шведы не выполнили союзнических обязательств по отношению к русским и не выступили против поляков)¹¹⁹.

И. Скультетус снова писал, что курфюрст не должен рассчитывать на возможность разрыва русских со Швецией, чтобы вести борьбу в Померании¹²⁰.

На этом переговоры русских с представителями Бранденбурга и Империи в основном завершились.

Между тем султан и татары требовали постоянного внимания со стороны России, не позволяя думать о том, чтобы отправить посольство в Швецию. Осенью турки во главе с Ибрагимом-пашей осадили Трёмовале, который являлся важнейшей преградой на пути к Каменцу, в глубь России.

Алексей Михайлович возобновил переписку с Яном III Собеским, чего требовала сложность положения, нависшая над Восточной Европой турецкая угроза. Яворовский договор не привел к установлению мира между Речью Посполитой и Портой. Король по-прежнему добивался выступления царя против Крыма, где к этому времени остался только Салдин-калга (турки включали татар в свои войска, что нередко позволяло

удвоить численность направляемых против поляков, русских и любых других противников войск; однако в Крыму часто практически не оставалось людей, которые могли бы обеспечить оборону полуострова). 21 сентября царь сообщал, что князь Куспулат Муцалович Черкасский послан для разорения Крыма, куда он и ходил в сентябре с большим количеством людей¹²¹. Алексей Михайлович написал Яну III Собескому, что готов «случить» силы около Днепра. Так как поляки не прислали своих людей к Днепру, не выполнили взятые на себя обязательства, «случение» войск стало невозможным (одной из причин этого было желание Яна III Собеского разграничить сферы русских и польских интересов, с тем чтобы русские воевали в Крыму, а поляки продолжали бы борьбу за Правобережную Украину (русские воеводы в свою очередь не хотели, чтобы поляки вели борьбу по другую сторону Днепра; учитывая большие потери, понесенные польскими войсками, король, по-прежнему возлагая надежды на сотрудничество с царскими ратями, предполагал нанести поражение туркам под Хотинном, чтобы заставить их идти к Дунаю или к Каменцу). Такое поведение польских воевод в принципе могло освободить русских от их обязательств по отношению к полякам. 9/19 октября Ян III Собеский написал царю, жалуясь, что гетманы сами не выполняют приказов, не прислали своих людей¹²². Однако так как до султана дошли слухи о готовящемся объединении войск, турки не решились совершить нападение на Речь Посполитую¹²³.

Во время конференции 22 сентября Ф. де Баттони просил, чтобы царь проявил «доброчаемое уважение» к французскому королю с тем, чтобы склонить Людовика XIV вместе с английским королем выступить против Порты¹²⁴. Однако Алексей Михайлович предпочитал решать вопросы борьбы с султаном собственными силами и, возможно, в результате «случения» сил с войсками Яна III Собеского (постепенно становилось очевидным, что польский король будет вынужден переориентироваться на союз с Россией и «цесарем», хотя Андрусовский договор оставался неподтвержденным).

В условиях, когда кн. К.М. Черкасский выступил в поход в Крым и шли споры вокруг внешнеполитического курса, был составлен черновик русского ответа от 4 октября на пун-

кты, представленные И. Скультетусом 20/30 августа. Авторы документа указывали, что «достоверно ведомо, какую великую досаду шведы в прежних временах царскому величеству и царскому преимуществу по взятии Ижерские и Корелские земель и городов сь их уездами Орешка и Ругодива учинили». В то же время был зачеркнут первоначальный текст: «того дела всчинать ныне с королевским величеством свейским и взятых в прежних временах в Лифлянтех городов отыскивать не соизволяет», так как Россия и Швеция заключили Вечный мир. Вместе с тем была зачеркнута часть текста с обещанием отправить гонца или написать через почту¹²⁵. Москва не стала объявлять о нежелании оказывать какое-либо давление на Швецию. Частично это могло быть вызвано тем, что Россия была заинтересована в сближении с участниками габсбургской коалицией как с потенциальными союзниками по борьбе с Османской империей, тем более что позиция Речи Посполитой оставалась неопределенной. Вместе с тем, так как русское руководство не собиралось порывать дипломатические отношения со шведами, Фридриху Вильгельму в своей грамоте царь делал упрек в том, что был нарушен Вестфальский мирный договор 1648 г.¹²⁶

Видимо, осенью, когда в Москве велись переговоры с представителями Фридриха Вильгельма и Леопольда I, М. Ге прибег к новой тактике: он стал говорить, что об обещании царя присоединиться к формирующейся лиге уже всем известно. Все ожидают вступления России в войну, если Швеция не сохранит нейтралитет. Датский резидент упоминал о том, что Дания отказалась принять очень выгодные условия, предложенные шведами. Теперь главное заключается в том, чтобы царь не изменил своему слову¹²⁷.

Однако русские старались как можно быстрее завершить переговоры с прибывшими послами. Как писал один из участников имперского посольства А. Лизек, «заметно было, что они хотели поскорее нас выпроводить» (А. Лизек предполагал, что русские стремились ограничить издержки, затрачиваемые на содержание посольств; на самом деле А.С. Матвеев был против усиления западноевропейского влияния в России, отрицательно относился к пребыванию в Москве европейских

резидентов, которое могло породить лишние споры вокруг внешнеполитического курса; к тому же, вероятно, в условиях обсуждения вопроса о том, какие требования предъявлять Стокгольму, глава Посольского приказа, принадлежа к числу противников войны со Швецией, не хотел, чтобы западноевропейские дипломаты оказали влияние на его противников). По словам А. Лизека, русские неоднократно настаивали на немедленном отъезде И. Скультетуса и якобы досрочный отъезд не состоялся исключительно благодаря хлопотам посланников Леопольда I. В это время в России уже было известно о готовящемся прибытии голландского посланца. Видимо, в Москве прекрасно понимали, что К. ван Кленк также будет уговаривать Алексея Михайловича выступить против Карла XI. Тем не менее, по наблюдениям Ф. де Баттони, «московиты ухитрились разгласить, что предметом его (голландского. — Е.К.) посольства суть дела собственно торговые». Московское руководство стремилось дезинформировать польского резидента в России о введшихся переговорах: речь шла о том, что Ф. де Баттони стремился добиться, чтобы русские оказывали помощь в Польше против турок¹²⁸.

Очевидно, уже после отъезда «цесарского» и бранденбургского дипломатов из Москвы А.С. Матвеев, по свидетельству М. Ге, говорил, что прошло то время, «когда мы свой государственный корабль направляли по вашей воле, теперь мы только и исключительно преследуем свои интересы». В Москве, как отмечал М. Ге, удивлялись тому, что столько союзников не может справиться со Швецией (не ясно, насколько всерьез русское руководство относилось к высказываниям относительно того, что Стокгольм воюет на французские деньги, что позволяет использовать большую наемную армию). Русские считали, что союзники не могут одержать победу над Швецией, или потому что слишком слабы, или потому что между врагами Швеции нет полного согласия. М. Ге стало казаться, что в дальнейшем бесполезно «толочь воду в ступе»¹²⁹. (Видимо, русские еще не знали об осенних поражениях шведов — сведения о происходящих событиях доходили до России месяц и более спустя. Между тем 3/13 сентября Империя, Бранденбург и Дания выработывали

совместные планы, направленные против Швеции. Основной театр военных действий по-прежнему должен был остаться в Нижней Померании, но вместе с тем в 1675 г. Дания начала войну со Швецией за Сконе¹³⁰. Союзники наносили шведам следовавшие одно за другим поражения. К октябрю Фридрих-Вильгельм пробился в остававшуюся под властью шведов часть Померании. Шведы были напуганы происшедшим. Им казалось, что предстояло потерять все приобретения, которые они сделали к 1648 и 1658 гг. (последние были закреплены Оливским мирным договором 1660 г.)¹³¹.

Между тем в Швеции возрастало напряжение, связанное с опасениями, что Россия нарушит мир. Король указывал, что каждый день получает большое число писем от графа Г. Оксеншерны и генерал-губернатора прибалтийских провинций И.И. Таубе, которые сообщали о постоянном изменении ситуации. В Стокгольме намеревались сформировать два полка, которые предполагалось расквартировать в Эстляндии и Лифляндии. Чтобы обезопасить обстановку на лифляндской границе, Карл XI предлагал находящимся в этом районе шведским войскам отойти, но вскоре распорядился продолжать оборонительные работы в Эстляндии, Лифляндии, Ингерманландии, велел графу Г. Оксеншерне позаботиться о защите страны¹³².

Шведы стали готовиться к отправлению посольства для проведения переговоров с русскими на границе — у Карла XI сложилось впечатление, что русские реально собираются снарядить посольство и что если переговоры состоятся, угрозу со стороны России удастся устранить.

В конце октября в Москву была доставлена грамота шведского короля от 17 сентября. Карл XI сообщал, что Фридрих Вильгельм нарушил мирный договор 1648 г., разорвал мир со Швецией, пытался против шведов «иных неприятелей навести»¹³³.

Алексей Михайлович, получив грамоту, как и надеялся шведский король, сделал шаг в направлении проведения переговоров на границе. 29 октября послал через И.И. Таубе в Стокгольм грамоту. Царь подтверждал, что курфюрст разорвал мир со Швецией. Русская сторона выражала намерение

отправить на границу для переговоров кн. П.С. Прозоровского, который до этого не имел опыта ведения дипломатических переговоров, и И.А. Прончищева (И.А. Прончищев уже и раньше принимал участие в переговорах со Шведией, в том числе вызвавших неоднозначную реакцию в переговорах о заключении Кардисского мира; он был назначен вести переговоры в тот момент, когда от них был отстранен А.Л. Ордин-Нащокин, заключивший Валиесарское перемирие 1658 г.; это назначение свидетельствовало о том, что и теперь русские не хотели разрыва дипломатических отношений со Стокгольмом, тем более учитывая, что поход в Крым продолжался). Фамилия В.С. Волынского в отправленной Карлу XI грамоте не фигурировала.

В то же время царь не торопился с началом переговоров. Правда, в октябре Ян III Собеский сообщал шведскому королю, что борьба с Турцией не помешает его вступлению в союз, направленный против Бранденбурга и России. Он отмечал, что отсрочка в войне будет недолгой. На самом деле момент разрыва дипломатических отношений мог быть отложен на неопределенный период¹³⁴, а заинтересованность Кракова в Москве как в союзнике по борьбе с султаном, несмотря на существующие между двумя странами противоречия, продолжала возрастать.

Король торопил русскую сторону с началом переговоров, потому что кончался сезон военных действий «и пора воинская престанет». 19 ноября Алексей Михайлович сообщал Яну III Собескому о переходе П. Дорошенко в русское подданство и о победе, одержанной К.М. Черкасским над крымцами. Турки, слыша о готовящемся объединении войск, не решились совершить нападение на Речь Посполитую¹³⁵.

В связи с крымским походом царь задерживался со снаряжением посольства в Швецию. В грамоте, отправленной 29 октября в Стокгольм, указывалось, что послы не могут успеть приехать на съезжее место между Печерским монастырем и Новгородом, где царь реально собирался проводить переговоры (переговоры на р. Плюсе его не устраивали в связи с тем, что это место находилось на небольшом расстоянии от Пскова)¹³⁶.

С точки зрения стратегического положения существенного различия между Меузицей и Плюсой не было. (В 1642 г. А.Л. Ордин-Нащокин вел пограничные переговоры с А. Бёлевым о размежевании земель в соответствии со Столбовским договором по рекам Пивже и Меузице; в дальнейшем периодически вспыхивали споры, где проводить пограничные переговоры — на р. Плюсе или на р. Меузице; русские предлагали чередовать два места переговоров; в 1679—1680 гг. Москва настаивала на проведении переговоров на р. Меузице, так как перед этим переговоры проходили на Плюсе. Русская сторона поднимала споры о том, где состоятся переговоры, когда хотела затянуть с началом съездов).

В принципе речь должна была идти о том, чтобы дождаться того момента, когда ляжет зимний путь; шведские послы выехали на место переговоров 1 ноября; вероятно, из России, где снег ложился не так рано, послы могли отправиться несколько позже, но ненамного. Алексей Михайлович явно не хотел брать на себя никаких обязательств в плане переговоров со Швецией и отправлять зимой посольство. В Москве так и не приступили к составлению наказа и подготовке посольства в путь.

М. Ге окончательно убедился, что все цели русских связаны с Турцией; если русские и привлекают послов, то только для того, чтобы побеспокоить Швецию и гарантировать себе успех на пограничном дипломатическом съезде. А.С. Матвеев объявил М. Ге, что русские не стремятся ни к чему иному, как только к тому, чтобы немного побеспокоить шведов и обеспечить хорошую игру для русских¹³⁷.

24 ноября вопрос об отношениях со Швецией, если доверять не очень надежным сообщениям М. Ге, обсуждался дважды. М. Ге подчеркивал, что Артемон Сергеевич ведет себя вероломно, что Россия собирается ограничиться отправлением войск на границу, чтобы напугать шведов, но не планирует ничего другого. А.С. Матвеев говорил, что в Швецию будет послано письмо с требованием отдать Ингрию и Нарву¹³⁸. И все же под нажимом западных дипломатов русские испытывали колебания относительно того, какой политический курс следует избрать (возможно, при этом определенную роль играла информация, поступающая с Украины).

А. Лиллиехёк боялся втягивания Речи Посполитой и России в войну против Швеции. Он сообщал, что Россия присоединилась к Империи, Речи Посполитой, которую Швеция в это время считала своим врагом, и Бранденбургу. Шведский резидент вел переговоры с Яном III Собеским, прилагал все усилия, чтобы между Краковом и Стокгольмом был сохранен мир, хотя, по словам шведского резидента, в это время заключить союз двух стран было невозможно¹³⁹.

Подготовка России и Швеции к переговорам (конец 1675 – первая половина 1676 г.)

В сентябре, когда царю из Швеции была направлена грамота, в Стокгольме полным ходом шла подготовка к снаряжению посольства на границу. 17 сентября 1675 г. член Риксрода Э.И. Крейц возглавил делегацию, в состав которой вошел член земельного совета Эстляндии Г. фон Тизенгаузен (до этого Г. фон Тизенгаузен приезжал в Россию вместе с Г. Оксеншерной в 1673–1674 гг.). Первоначально назначенного секретарем посольства Г.Й. фон Будберга сменил И.К. Клинкстедт. Э.И. Крейцу и его спутникам предстояло приехать в Нарву. Считалось, что с царем было согласовано начать обсуждение спорных пунктов Кардисского договора¹⁴⁰. Карл XI указывал, что посольство хочет установить границу, понимал, что это может вызвать враждебное отношение со стороны русских (как мы помним, во время посольства Г. Оксеншерна в Москву русские отказались от того, чтобы провести границу через Теплый Камень). Карл XI писал: «Мы в большей степени опасаемся разрыва отношений, чем ожидаем чего-либо другого», хотя он отдавал себе отчет в том, что этого могло и не произойти¹⁴¹.

Послы выехали на р. Плюсу 1 ноября¹⁴² (как раз за два дня до этого царь послал королю грамоту о намерении отправить своих представителей на границу).

К зиме посольство Э.И. Крейца прибыло на место предстоящих переговоров. Так как русское посольство в назначенный срок не приехало, шведы, с одной стороны, питали опасения, что русские могут нарушить мир, с другой — оставались в недоумении, что им делать.

19 января 1676 г. Карл XI поставил царя в известность об отправлении посольства для переговоров на границе. Карл XI написал Алексею Михайловичу, что Фридрих Вильгельм сообщил в Стокгольм, что потерял силы. Курфюрст, по словам шведского короля, был готов оказать помощь в борьбе с противниками христиан (имелась в виду борьба с Османской империей)¹⁴³. С конца ноября 1675 г. маршал Тюрен начал Эльзасскую кампанию; после разгрома войск Леопольда I 16 января нанес поражение войскам при Тюркгейме. В первой половине 1676 г. возник план сепаратного заключения мира между Швецией и Бранденбургом. Сделанное в Стокгольме С. Пуфендорфом предложение начать непосредственные переговоры с Фридрихом Вильгельмом столкнулось с отрицательной реакцией Риксрода: в этом случае Швеции пришлось бы признать все потери, имевшие место во время войны с курфюрстом¹⁴⁴.

19 января 1676 г., основываясь, скорее всего, на несколько более ранней информации, поступившей в конце 1675 г., Карл XI отмечал, что царь не знает, где проводить переговоры¹⁴⁵.

Э.И. Крейц исходил из того, что граница должна быть проведена в соответствии с условиями Кардисского договора, т.е. по шведской стороне р. Меузице. Он подчеркивал, «что, чем больше мы будем на этом (уступке спорной полосы. — *Е.К.*) настаивать, тем больше жесткости будут проявлять русские» (в руках русских останется Нейгаузен — «Новгородок» (крепость Вастсейлина)). Вопрос об Эстляндии и Ингерманландии в этот момент представлялся Э.И. Крейцу спорным, шведский дипломат, судя по всему, допускал возможность передать их России: по его убеждению, «королю не следует желать, чтобы Эстляндия с Ингерманландией стали его землями». Ходили слухи, что русский полковник Ульянов якобы получил приказание идти в Лифляндию; вполне возможно, эта информация распространялась русскими умышленно; она явно не имела под собой реального основания. В одном из писем шведский дипломат указывал: «За это время мы получили так много сведений, что неясно, что делать, это покажет время». Э.И. Крейц считал, что со стороны Швеции могут потребоваться существенные уступки. Вместе с тем Э.И. Крейц ориентировался на то, что дворянство прибалтийских провинций в случае

обсуждения вопроса об уступке этих земель России, вероятно, если приложить соответствующие усилия, перейдет на сторону шведов¹⁴⁶.

22 января Карл XI отвечал на письмо Э.И. Крейца от 19 января. Было решено проводить переговоры на р. Меузице, по русскую сторону границы. По мнению короля, «наши враги русские всеми путями ищут, как порвать с нами. Мы считаем, что нужно под любым предлогом добиваться приезда русских послов на запад для переговоров, во время которых мы можем добиться справедливости». Король настаивал на перенесении места проведения съездов в любой пограничный пункт, например в Плюсу. Карл XI, по его утверждению, обращался к царю с предложением уступить России прибалтийские провинции за контрибуцию¹⁴⁷, однако реальных королевских грамот, адресованных царю, не сохранилось.

Тем временем Голландская война возобновилась, в Москву по-прежнему поступала свежая информация о победах союзников.

В конце декабря – начале января 1676 г. Г.Д. Гессе писал, что русские заключили Вечный мир со Швецией и «поют эту песню уже два года». Но между двумя странами много существенных противоречий, шведы не получили удовлетворения¹⁴⁸.

Между тем подготовка к крымскому походу продолжалась. Царь по-прежнему добивался продления Андрусовского перемирия. Между тем обсуждалась возможность, чтобы русские и польские войска вели действия против Османской империи так, чтобы интересы русских и поляков не сталкивались в Подолье. Царь отказывался идти в поход, если Ян III Собеский не пришлет своих людей. Алексей Михайлович добивался, чтобы на сейме было постановлено, чтобы королевские и литовские войска выступили к Дунаю, не оказывая помощь Крыму против России и не нанося вреда царским ратям. Договор так и не был заключен, поляки не пошли к Днепру¹⁴⁹. Русским войскам предписывалось выступить в поход с Дона и из Белгорода¹⁵⁰. Правобережная Украина подчинялась П.Д. Дорошенко. В январе 1676 г. приехавший от него посол П. Яненко просил, чтобы царь сохранил за П.Д. Дорошенко сан гетмана Правобережной Украины под его царской властью¹⁵¹. Алексей Михай-

лович стал убеждать П.Д. Дорошенко отказаться от гетманства и передать власть И. Самойловичу. Последний выражал желание перейти через Днепр и начать боевые действия против П.Д. Дорошенко. Имперский резидент в Речи Посполитой Я. Жировский в начале 1676 г. поставил Вену в известность, что султан не испытывает сомнений относительно верности П.Д. Дорошенко, который подчинился царю лишь под давлением обстоятельств¹⁵². Но гетман продолжал играть двойную игру, в принципе он был готов принести присягу царю.

Поглощенный Голландской войной Леопольд I по-прежнему был не склонен брать на себя роль защитника поляков в противостоянии с султаном, хотя стремился привлечь на свою сторону Речь Посполитую, давая соответствующие обещания (император был, подобно Людовику XIV, заинтересован в войне с Портой в восточноевропейском регионе, так как эта война оттягивала на себя силы султана).

Поляки с большей энергией стали распространять сведения о стремлении Франции добиться их окончательного замирения с турками, так как французы не желали оказывать Речи Посполитой помощи в войнах с «бусурманами».

П. Свидерский, получая средства из Парижа, полагал, что не только не следует рассчитывать на помощь со стороны Русского государства, но что надо подумать о мире с Турцией, потому что можно ожидать сюрпризов со стороны русских властей, Россия претендует на всю Украину (из донесений П. Свидерского стало известно, что русские удерживают Днепр и оглядываются во все стороны)¹⁵³.

Франция, испытывая беспокойство относительно планов Москвы против Крыма, прилагала усилия, чтобы изолировать Россию, воспрепятствовать заключению Вечного мира Речи Посполитой с Русским государством, стремилась оказать дополнительное давление на Яна III Собеского¹⁵⁴. Людовик XIV вновь добивался установления направленного против России союза Речи Посполитой и Швеции. Союз так и не был заключен.

Ян III Собеский уже не рассчитывал на помощь европейских стран, которые были поглощены Голландской войной¹⁵⁵. В начале 1676 г. распространялись сведения, что польский ко-

роль, чтобы сохранить мирные отношения с Османской империей, готов урегулировать отношения с Россией, отдав ей территории, которые русские захватили в 50-е гг. XVII вв.¹⁵⁶

Польский король по-прежнему пытался использовать казаков Правобережной Украины в борьбе против русских. Алексей Михайлович рассчитывал, что Ян III Собеский отправит войска к Дунаю¹⁵⁷, но расчеты царя не подтвердились. В Посольском приказе было получено письмо из Речи Посполитой: османские войска стоят на границе Речи Посполитой, все войска собираются на Дунае, но поляки не могут отправить туда людей¹⁵⁸. Поляки требовали немедленного соединения русских и польских войск, которые при этом фактически оказались бы под началом поляков.

На этот раз русские отказались от «случения» войск, таким образом, опять не взяв на себя никаких обязательств по отношению к полякам и сохранив возможность отправить посольство в Швецию и по-прежнему держать войска на северо-западе.

В конце декабря в Москву прибыл К. фан Кленк, переговоры с которым вел А.С. Матвеев. Первая конференция с голландским посланником проходила 19/29 января. Он подчеркивал, что существует угроза усиления Швеции, что России следует присоединиться к союзу Дании, «цесаря», Испании, Бранденбурга (хотя на самом деле К. фан Кленк не жаждал вступления России в войну)¹⁵⁹.

Вторая конференция, состоявшаяся с ним, последовала 22 января / 1 февраля. К. фан Кленк яркими красками обрисовал ситуацию в Европе, ситуацию, сложившуюся после того, как Франция напала на Голландию. Франции помогает Швеция. «Король шведский, очевидно, надеется найти здесь случай и средство, чтобы укрепить свое могущество, особенно на севере, и сделать его ужасным». Швеция «помогает вышеназванному королю французскому во всех завоеваниях государств и земель, которые лежат в южных частях Европы, с тем, чтобы оба этих короля могли повелевать над всеми королями, князьями и державами в Европе, имея возможность их покорить и уничтожить». Швеция напала на Бранденбург, который поддержала Дания. Голландия пред-

лагала России подумать о вступлении в союз против Франции и Швеции, «в Лифлянтех или в ыных местех учинити отмшение». К. фан Кленк, хотя реально не желал вступления России в войну, сообщил о готовности датского короля заключить направленный против шведов союз, «до тех мест низложить, доколе с обоих сторон надежность будет иметь о исполнении вредительных советов, которые они уж по многое время на великое преосуждение и шкоды обоих великих государей помыслили». Так же, как и при осенних переговорах с представителями Бранденбурга и «цесаря», А.С. Матвеев подтвердил, что у России заключен со Швецией Вечный мир, который «нарушить невозможно». Вместе с тем шведы преступили условия мирного договора, в связи с чем царь не будет отправлять посольство в Стокгольм, а снарядит посольство для проведения русско-шведских переговоров на границе (таким образом подтверждались осенние обещания). Но в то же время, как свидетельствует направленное в Амстердам донесение К. фан Кленка, А.С. Матвеев уверял, что Соединенные Провинции содействовали тому, чтобы Швеция нарушила договоры с Россией. Подобное высказывание не имело под собой никаких оснований, и К. фан Кленк с негодованием его отверг. Голландский представитель также говорил о том, что союзники в случае вступления России в войну гарантировали бы неприкосновенность русской территории — это условие было легко исполнимо, так как шведы не располагали свободными силами, которые могли бы воевать на русской территории. К. фан Кленк, понимая, что Россия не начнет войну, что речь идет лишь о дипломатическом и военном давлении, указывал, что союзники согласятся не заключать мир, пока царь не добьется компенсации (в принципе шведы действительно, видимо, могли с большей легкостью пойти на уступки в Ингерманландии, чем на уступки Бранденбургу и Дании). Русские обещали К. фан Кленку, что, прибыв по месту назначения, будут настаивать на том, чтобы король прекратил войну «с цесарским величеством и его союзниками». В то же время К. фан Кленк просил устроить военный лагерь на границе со Швецией. Для этого, как ему отвечали, не было препятствий. Русская сторона заявила, что если во время пе-

реговоров русские не добьются получения компенсации, «у царского величества с королевским величеством Свейским до чего дойдет, тому покажет время»¹⁶⁰.

Третья конференция проходила 15/25 февраля. К. фан Кленк подчеркивал, что Россия должна воспользоваться исключительно подходящим моментом для нападения на Швецию, что речь идет о спасении всего христианства. Теперь, после осенних переговоров русских с представителями Габсбургской коалиции и имевших место в Москве колебаний относительно того, какую политику проводить, собеседники К. фан Кленка достаточно четко говорили о противоречиях, разделяющих их со Швецией. Представитель Соединенных Провинций надеялся на переброску русскими армии к Пскову, а также на Корельскую границу и к Орешку. Зная, что Москва направляла к лифляндской границе войска и что предполагается встреча русского и шведского посольств, К. фан Кленк указывал, что при наличии у границ Лифляндии войскового контингента, который может начать наступление, король будет вынужден согласиться на условия, которые ранее считал неприемлемыми, — имелась в виду уступка России Ингерманландии (свои предложения К. фан Кленк повторил в письме царю 22 февраля). Посланнику отвечали, что так как шведы нарушили мирный договор, русские послы будут направлены на съезд, где будут обсуждаться соответствующие нарушения. Вместе с тем русские сообщили К. фан Кленку, что Соединенные Провинции доброжелательно относятся к Швеции, имея в виду голландское посольство Н. Гейнса (Гейнзия) в Москву в 1669–1671 гг. На это К. фан Кленк заявил, что посольство было отправлено только для того, чтобы предложить посредничество в русско-шведских переговорах (к моменту приезда в Россию К. фан Кленка вопрос о посольстве Н. Гейнса в значительной мере утратил актуальность: Соединенные Провинции и Швеция были втянуты в Голландскую войну, оказавшись в разных лагерях).

К. фан Кленку отвечали, что во время переговоров «на съезде учнут говорить прежде всего о неисправных и нарушенных статьях, а потом и о прекращении с великим государем с его царским величеством и с его союзными всчатой войны...»¹⁶¹.

В период Тридцатилетней войны Россия продавала по сниженным ценам хлеб шведам, тем самым оказывая им существенную финансовую поддержку. Теперь Вильгельм III Оранский обратился, используя К. фан Кленка, к царю с просьбой продать рожь (скорее всего, опять же имелась в виду поставка зерна по ценам ниже рыночных). В апреле в Москву поступила повторная просьба¹⁶².

Людовик XIV, возможно, еще не располагая полной информацией о результатах переговоров, выражал свое удовлетворение по поводу того, что переговоры, которые вели представители Дании и Голландии в Кремле, принесли мало результатов¹⁶³.

После смерти Алексея Михайловича (29 января 1676 г.) на престол вступил 14-летний, достаточно болезненный, Федор Алексеевич. В историографии, в том числе современной, очень по-разному оценивается состояние управления страной и роль нового монарха в государственных делах. По мнению Н.Ф. Демидовой, первый период царствования Федора охватывает 1676–1679 гг., когда все дела вершили Милославские, а царь, которому было не на кого опереться, оставался в значительной мере пассивным, в то время как его родственники стремились к власти и обогащению (следует оговориться, что в первой половине 1676 г. значительная часть приказов была сосредоточена в руках А.С. Матвеева; вне всякого сомнения именно он решал вопрос о выборе внешнеполитического курса)¹⁶⁴. А.П. Богданов считает, что Федор Алексеевич проводил самостоятельную политику¹⁶⁵. Большинство исследователей, в первую очередь П.В. Седов¹⁶⁶, склоняются к тому, что в 1676–1678 гг. вся власть находилась в руках боярских кланов, царь был практически устранен от дел.

Кн. Ю.А. Долгоруков по-прежнему активно участвовал в дипломатических переговорах и, вероятно, играл важную роль в выработке политического курса. В Москве продолжал оставаться датский резидент М. Ге. Пребывание М. Ге в русской столице, по крайней мере, в это время, с точки зрения К. фан Кленка, не оказало существенного влияния на развитие событий¹⁶⁷. Вероятно, М. Ге действительно не являлся тем человеком, который мог оказать заметное влияние на проис-

ходящее. Однако вполне возможно, что, так как между Данией и Соединенными Провинциями имели место существенные противоречия, представитель последних частично в силу этого относился к датскому резиденту с нескрываемой антипатией.

В то же время смерть Алексея Михайловича стала причиной отмены похода в южном направлении, что позволяло русским по крайней мере оказать военное и дипломатическое давление на Швецию (сведения о том, что после атаки Тюррена шведы, так и не заключив сепаратного мира с Бранденбургом, были вынуждены перебросить в Померанию новые силы, что в борьбу включилась Дания, должны были получить в России с месячной задержкой, в марте-апреле 1676 г.).

Карл XI испытывал большое напряжение в связи с прибытием в Россию К. фан Кленка и в связи со смертью Алексея Михайловича. 15 марта шведский король предупреждал Э.И. Крейца, что, хотя было получено письмо от 6 февраля (скорее всего, русский подлинник письма не сохранился), русские скрывают смерть царя. В Москву была направлена грамота, в которой выражалась готовность шведов уступить России за контрибуцию Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию. Федор Алексеевич не ответил на это предложение¹⁶⁸.

21 марта стокгольмский монарх по-прежнему жаловался на отсутствие ожидаемых сведений. Надеясь, что русские не нарушат мира, король стал проявлять определенное терпение: вряд ли они не сообщали о смерти царя, руководствуясь какими-либо особыми соображениями. Король исходил из того, что русские не намерены говорить о происшедшем, чтобы за короткое время шведское посольство уехало из страны. В конечном счете, по представлениям Карла XI, русские должны были прислать письмо и снарядить посольство¹⁶⁹.

Грамота Федора Алексеевича о его вступлении на престол была помечена 9 февраля 1676 г., т.е. десятым днем после смерти Алексея Михайловича (в наказе впоследствии поехавшим на съезд со шведскими послами И.В. Бутурлину и думному дворянину И.А. Прончищеву было написано, что о происшедшей в Москве смене власти шведам сообщили 17 февраля¹⁷⁰).

В Москве считалось вполне своевременным послать уведомление о кончине царя 9 февраля (более того, скорее всего,

это было вполне естественным — двор занимался похоронами, затем шли траурные дни; соответствующая грамота в Речь Посполитую была отправлена накануне, 8 февраля). Подьячий С. Протопопов, которому вручили соответствующие грамоты, должен был доставить ту же информацию не только в Швецию, но и в Данию. Вместе с тем в Стокгольме предстояло повторно написать о готовности вести переговоры с послами Карла XI на границе, подтвердив полномочия русских послов, объяснить, по какой причине они выехали позже.

Гонец прибыл в шведскую столицу 24 марта¹⁷¹, всего три дня спустя после того, как король выражал беспокойство по поводу того, что не получил известий о смене власти в России. С. Протопопов привез грамоту, согласно которой на границу из Москвы были отправлены послы и русские планировали переговоры в ранее намеченном месте — между Печерским монастырем и Новогородком¹⁷².

Король, по словам подьячего, отвечал, что надеется на сохранение добрососедских отношений на основе Кардисского мира, повторял, что послы двух стран должны встретиться на границе. С. Протопопов зафиксировал в своем статейном списке: «Королевское величество гневен зело на сенаторей своих, которые для принятия владетельства его королевскаго, государство Свейского управляли, для чего они с французским королем против всякого неприятеля союз учинили, обрадовався французским прелестным деньгам». Неясно, какое впечатление это высказывание произвело на русскую сторону, при том что на молодого Федора Алексеевича его окружение оказывало сильное влияние. В то же время подьячему сказали, что после того как Швеция была втянута в войну, «Свейская корона в самый стыд приходит». В Дании С. Протопопов узнал, что датчане нанесли шведам серьезные поражения, хотя шведы пытаются распространить слухи о своих победах¹⁷³.

Э.И. Крейц получил подтверждение полномочий о ведении переговоров в установленном месте¹⁷⁴.

В Швеции обсуждались планы оказать влияние на Францию, чтобы она убедила Османскую империю совершить нападение на Империю Габсбургов вместо того, чтобы воевать с Речью Посполитой и Россией. Однако молодому Карлу XI, по-

добно, впрочем, и Людовику XIV, были чужды планы использовать Турцию в борьбе против христиан¹⁷⁵.

Тем временем в феврале - марте отношения России и Речи Посполитой с Портой продолжали обостряться. От В.М. Тяпкина пришло письмо, в котором указывалось, что Магмет IV дал указ господарю волоскому, чтобы Ибрагим-паша как гетман полный 1 марта, «случась» с ханом, пошел к Днепру, чтобы над Днепром изготовить мосты. Султан намерен идти в Киев, к крепости над Днепром, в Запорожье, до самого моря. Он планирует половину силы обратить в Речь Посполитую, а вторую – под Киев, потому что надеется собрать большие войска. «Также послышав, что царь московский от Дорошенка присяги и селжаки приняв, возярился зело и болшую под Киев силу умыслил обратити», назначил половину войска в Речь Посполитую¹⁷⁶.

Ян III Собеский снова ставил вопрос о «случении» войск и опять просил, чтобы кн. Г.Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу было велено идти в Крым. Король указывал, что было бы желательно, чтобы царь послал часть войск, предназначенных для похода в Крым, на Дунай¹⁷⁷.

В то же время опасность того, что турки направят войска против русских, сохранялась. (И. Самойлович обращал внимание на угрозу захвата турками Чигирина; жители Черкас задержали русских гонцов; весной был назначен сбор войск во главе с кн. Г.Г. Ромодановским¹⁷⁸). 21 февраля / 3 марта 1676 г. Ибрагим-паша писал полякам, что стоит с войсками наготове¹⁷⁹. 14 марта, как сообщал В.М. Тяпкин, в Варшаву прибыл гонец от Седмиградского князя. Визирь соглашался быть посредником между ним и Яном III Собеским, требовал уступки всей Украины. Турки, войска которых заняли Каменец, могли беспрепятственно подойти ко Львову¹⁸⁰.

В апреле польский король, ведя переговоры с Людовиком XIV, выражал готовность подписать договор с Османской империей и в результате вступить в тесный союз с Францией против России и Бранденбурга (в этом случае Ян III Собеский гарантировал бы, что русские пропустят шведские войска в Померанию¹⁸¹). В.М. Тяпкин всерьез опасался союза Речи Посполитой и Швеции и советовал объявить войну Карлу XI¹⁸².

Ян III Собеский шел по линии замирения с Османской империей, чтобы воевать с Бранденбургом, опасения, выраженные В.М. Тяпкиным, подтвердились. Неясно, действительно ли Россия рассчитывала на помощь в борьбе с султаном со стороны Леопольда I.

Ведение переговоров о заключении союза, направленно-го против Бранденбурга, было поручено Карлом XI шведскому резиденту в Речи Посполитой А. Лиллиехёку. Ян III Собеский боялся, что нападение Швеции на Пруссию может помешать его планам возвратить Речи Посполитой потерянные прусские земли. Речь Посполитая добивалась, чтобы Швеция выступила против России. А. Лиллиехёку не удалось договориться о союзе со Стокгольмом — Швеция не была готова к войне с Россией. Людовик XIV считал, что замирение Речи Посполитой с Турцией может вызвать реакцию Москвы, что возникнут дополнительные трудности с Варшавой, которые станут причиной усиления «папской» (габсбургской) дипломатии¹⁸³. Людовик XIV боялся, что успешные переговоры России и Швеции, т.е. сохранение мира между двумя странами, приведут к выступлению Русского государства против Крыма¹⁸⁴.

В то же время становилось все более очевидным, что союз Людовика XIV и Яна III Собеского не состоится. Литовский канцлер Х. Пац просил, чтобы вспомогательное русское войско было передано под командование польских воевод, а польское — под командование русских воевод, т.е. польские воеводы в значительной степени распоряжались русскими войсками по своему усмотрению¹⁸⁵, что опять же не устраивало русских.

У В.М. Тяпкина под влиянием того, что ему говорили в Варшаве, сложилось впечатление о неизбежности объединения русских и польских войск в борьбе с турками и Крымом. Резидент писал А.С. Матвееву 13 февраля и 4 марта (соответственно, эти письма были доставлены в Москву месяцем позже) об объединении русских и польских сил (речь шла, как и раньше, об использовании в первую очередь сил калмыков, которых следовало обеспечить государевым жалованием): «...зело, зело скоро то учинить надобно, по первой травы сея весны. Еще же я смотрю по здешним поступкам и готовности их, объявляю тебе, государю моему, страшно бы то было зело всем

неприятелем государства Московского, когда бы подлинно услышали о походе В. Государя Его Царского Величества в Киев. Задрожал бы Турчин своими силами, не токмо иные страны» (В.М. Тяпкин, судя по всему, еще не знал о смерти Алексея Михайловича). Но так как поляки не торопились идти по линии сближения с Россией, резидент не получил ожидаемого ответа от канцлера. Обращаясь к полякам, В.М. Тяпкин отмечал: «Это молчание заставляет меня верить слухам, что сношения о мире с Турками вам препятствует отвечать мне решительно». Неясно, думал ли резидент, что переговоры действительно ведутся или, готовя соответствующее письмо, надеялся получить более быстрый ответ. Несмотря на свое предложение объединить русские и польские силы, В.М. Тяпкин питал явное недоверие к Речи Посполитой, считая, что она хочет воспользоваться затруднительным положением России и потом действовать против нее, что турки готовы заключить мир с Речью Посполитой, уступить Каменец и всю Украину. Несколько позже, 23 апреля, В.М. Тяпкин прислал письмо, что Франция рассчитывает разгромить Империю и Бранденбург, а затем вместе с поляками и шведами напасть на Русское государство¹⁸⁶. Паны отрицали слухи. Тем не менее переписка польского короля с русским царем — на этот раз уже Федором Алексеевичем — продолжалась.

Неоднозначная ситуация на юге страны, остававшийся нерешенным вопрос об объединении русских и польских сил заставляли Россию дополнительно испытывать сомнения относительно оказания дипломатического и военного давления на Швецию.

После смерти Алексея Михайловича подготовка войск к участию в Крымском походе продолжалась. Как свидетельствуют материалы Разрядного приказа, предоставленные мне О. Курбатовым, 6 марта 1676 г. Федор Алексеевич указал и «бояре приговорили» установить новый срок сбора ратных людей во Пскове — 20 марта 1676 г.¹⁸⁷ Если сбор предполагалось провести в названный день, это означало, что сроки начала похода сдвигались — выступить в поход 8 апреля, как планировалось раньше, в этом случае было невозможно. Дата выступления в

поход, скорее всего, была перенесена в связи со смертью Алексея Михайловича. Но, вполне вероятно, определенную роль играла и информация, поступавшая из Речи Посполитой об изменении планов Яна III Собеского и об его возможном отказе от войны с султаном.

Находившиеся в России иностранцы по-прежнему считали, что речь идет о подготовке к нападению на Швецию. Как сообщал Г.Д. Гессе, кн. И.А. Хованскому вновь было отдано распоряжение держать наготове рати у ливонской границы¹⁸⁸. Известия о том, что русские стали сосредотачивать войска в Ливонии, были получены в самых разных странах также и после вступления на престол Федора Алексеевича, в марте¹⁸⁹. Ругодивский торговый человек А. Сунт говорил С. Протопопову: «Свейских порубежных городов жители зело опасны великаго государя ратных людей, видя себя от всех посторонних государей в притеснении, которые многими городами и месты Свейскаго государства позавладели и дале тщатся поступить». (В апреле С. Протопопов с соответствующими сведениями вернулся в Москву)¹⁹⁰. Как шведам, так и пребывавшим в России иностранцам оставалось неясным, чего следует ожидать от Русского государства.

Вместе с тем, как казалось резиденту Соединенных Провинций в Стокгольме Ромпфу и как он писал об этом К. ван Кленку в письмах от 20/10 и 27/17 марта, после смерти Алексея Михайловича шведы испытали облегчение, считая, что нападения в Ливонии можно не опасаться. Карл XI, по словам Ромпфа, направил против Дании 10 тыс. человек, которых предполагалось использовать для защиты ливонской и финляндской границ¹⁹¹. Однако, как свидетельствуют материалы, найденные О. Курбатовым, 29 февраля люди из полков, кн. И.А. и А.И. Хованские были отозваны из Пскова и из Лук Великих¹⁹².

Габсбургская коалиция связывала с пограничными русско-шведскими переговорами большие надежды, считая, что по сравнению с февралем антишведские настроения в Кремле усилились.

После того как, несмотря на сделанное обещание отправить послов на рубеж по зимнему пути, оно так и не было вы-

полнено, дальше затягивать со снаряжением делегации было практически невозможно, хотя половодье еще не кончилось и это задерживало выезд посольства. Но «по просухе» оно должно было покинуть русскую столицу.

В то же время в России были получены сведения, что турецкий султан готовится при участии крымского хана совершить поход против Речи Посполитой¹⁹³. Ян III Собеский возвратился к планам борьбы с султаном и татарами. Он надеялся, что русские, как и собирались, выступят в поход в Крым, откуда татары вышли в украинские земли, а сам выражал намерение идти в Валахскую и Молдавскую земли. Таким образом, предполагалось, что русские и польские войска будут вести боевые действия в разных направлениях. Стали приходиться новые письма от Яна III Собеского: от 20/30 марта с просьбой «случить» войска, направить кн. Г.Г. Ромадоновского и гетмана И. Самойловича в Крым. Совершить поход к Дунаю в это время было невозможно, так как там стояли все турецкие войска. Король писал, что желательно, чтобы царь отправил часть войск, предназначенных для похода в Крым, на Дунай¹⁹⁴. Снова польский король поставил вопрос, чтобы русские направили для «случения» 30–40 тыс. чел. В то же время Ян III Собеский говорил о своем намерении вести с султаном переговоры о мире. Тем не менее к середине апреля сейм отказался от ведения борьбы с Крымом, куда готовились идти султан и хан¹⁹⁵. И. Самойлович, наоборот, сообщил, что турки намерены ударить на Заднепровскую Украину и Киев. Федор Алексеевич ответил, что войска уже пришли на Украину и что Россия намерена продолжить войну с Турцией. Он предписывал своему резиденту, если Речь Посполитая будет заключать мир с Портой, присутствовать при переговорах¹⁹⁶.

К. фан Кленк получал информацию от Ромпфа. Последний сообщал, что Швеция перестала опасаться нападения со стороны России. 21 апреля / 1 мая К. фан Кленк информировал М. Ге и Г.Д. Гессе о поступивших сведениях и заявил о своем намерении представить царю мемориал. 22 апреля / 2 мая К. фан Кленк передал через А.С. Матвеева письмо Федору Алексеевичу, в русском собрании документов имеется перевод этого письма (по содержанию оно совпадает с мемориалом,

подлинник которого находится в голландском архиве и перевод которого на современный русский язык опубликован). К. фан Кленк подчеркивал, что шведы намерены послать 12–14 тыс. чел. не в Лифляндию, а против Бранденбурга и Дании. Голландский дипломат просил московское руководство доказать шведам, что пребывание русских войск вблизи рубежей имеет существенное значение¹⁹⁷ (в этом случае шведы снова стали бы опасаться нападения со стороны России).

Из участников габсбургской коалиции переговоры К. фан Кленка с русскими оказались наиболее результативными (или как раз подоспел момент, когда под влиянием всех ранее ведшихся переговоров, а также под влиянием других обстоятельств – обещания отправить посольство по зимнему пути, временной отсрочки крымской экспедиции – решили снарядить посольство для переговоров со Швецией и сделать вид, что при решении этого вопроса важная роль принадлежит посланнику Соединенных Провинций). 29 апреля 1676 г., за день до появления официального указа о снаряжении посольства на русско-шведскую границу (1 мая), К. фан Кленк предложил обсудить те же вопросы, что и в письме от 22 апреля. Он выражал надежду, что усилиями Москвы Стокгольм воздержится от переброски в Померанию новых сил. Когда К. фан Кленк просил русских послать к границе войска, в ответ было сказано, что царь терпит убытки, тратясь на содержание отправляемых туда полков. Посол возразил, что в районе Новгорода всегда находится достаточно большое количество вооруженных людей. Однако в связи с поступившими сведениями о подготовке Порты к походу был установлен новый срок сбора ратных людей в Пскове – 20 мая 1676 г.¹⁹⁸ В конечном счете К. фан Кленку дали обещание, что на время проведения переговоров на границе будут пребывать стольники – кн. И.Б. Троекуров и кн. Ф.И. Шеховской с новгородским и «севским» полками. Вместе с тем К. фан Кленк предлагал, чтобы И.В. Бутурлина и И.А. Прончищева сопровождали ратные люди¹⁹⁹. Вместе с тем по сведениям, имеющимся у А. Попова, 29 апреля К. фан Кленку обещали отправить к границе 18 тыс. чел.²⁰⁰ (скорее всего, это было блефом).

Но русские категорически отказывались начинать вооруженные действия против шведов.

Империя тем временем сама предпринимала попытки оказать давление на Россию путем общения в Вене австрийского резидента Я. Жировского с В.М. Тяпкиным. Когда польско-шведские переговоры о союзе не дали результатов, Я. Жировский прилагал все усилия, чтобы убедить русских в шведской угрозе Габсбургам и в необходимости готовиться к войне. В мае в Посольском приказе была получена проходившая через В.М. Тяпкина информация, что Швеция направит в Лифляндию дополнительные силы для их переброски в Пруссию (точная дата поступления сведений неизвестна). Для союзников может стать спасительным разрыв русско-шведских отношений²⁰¹. Вопрос о том, оказали ли поступавшие из Вены известия какое-либо влияние на московское руководство при снаряжении посольства И.В. Бутурлина и его спутников, остается открытым: продолжали собирать войска для похода в Крым, по-прежнему делая вид, что эти войска предназначаются для похода на Лифляндию.

Как свидетельствуют сохранившиеся столбцы, К. фан Кленк услышал следующее: «А скол те полки многочисленны, и про то ведомо всех государств иноземцом, толко те рати при его царского величества великих и полномочных послех у свейского рубежа будут не для того, чтоб съ его королевским величеством всчать война, но чтоб cesарское величество римской, и королевское величество датцкой, и союзные их съ его королевским величеством были во успокоении. А cesарское б величество римской и королевское величество датцкой, и союзные их на те царского величества рати ко вчинанию войны с королевским величеством свейским надежды не имели, а искали между собою» (цитата дана по документу, вошедшему в состав столбца)²⁰². В какой-то мере это высказывание, прозвучавшее, скорее всего, из уст кн. Ю.А. Долгорукова, было искренним. Россия проявляла заинтересованность в хороших отношениях с Империей Габсбургов. Вена играла важную роль, когда на повестку дня ставился вопрос об урегулировании отношений России и Речи Посполитой. Хотя сама Россия являлась сторонником оказания давления на Швецию, а в Москве

в определенной степени рассчитывали на выступление Леопольда I против Османской империи и считали нужным поддержать габсбургскую коалицию, реально до создания антитурецкой коалиции было еще далеко. Несколько другой вариант речи, произнесенной кн. Ю.А. Долгоруковым, приводит в своей монографии А. Попов (этот текст был включен в состав книги дипломатических отношений): Россия хочет лишь восстановления всеобщего мира, чтобы потом склонить все государства к борьбе против Турции²⁰³. Думается, при окончательном редактировании статейного списка в Посольском приказе решили сгладить сказанные князем слова, которые в большей мере свидетельствовали о расчетах России получить реальную помощь в борьбе с Портой. В результате приведенное выше место заменили типичной для этого периода фразой о заинтересованности христиан в борьбе с неверными.

Речь в том виде, в котором она сохранилась в составе столбца, была адресована не столько непосредственно слышавшему ее К. фан Кленку, сколько всем представителям габсбургской коалиции, заинтересованным в выступлении России против Швеции, и была бы более уместной, когда в Москве находилось посольство Ф. де Баттони и К.Г. Терлинге-ра. Произнося процитированные слова, кн. Ю.А. Долгоруков, скорее всего, полагал, что, очевидно, они станут известны в Вене, Берлине, Копенгагене.

Так как существовала угроза сближения Кракова и Стокгольма, которые могли вступить в союз против России, согласно наказу послам, отправленным в Швецию, И.В. Бутурлину и И.А. Прончищеву поручалось вести переговоры о заключении союза России, Речи Посполитой и Швеции. Предложение заключить антиосманский союз шло в традиционном русле переговоров о создании широкой коалиции, направленной против султана, переговоров, так и не принесших никаких результатов в 1672–1674 гг., в первую очередь переговоров с Г. Оксеншерной – сначала ему предложили вступить в союз против Османской империи, но затем быстро потребовали подтвердить Кардисский мир.

Послам вменялось просить шведскую сторону представить письмо с выражением готовности рассмотреть вопрос о

союзе с Речью Посполитой. Перед главой посольства ставилась традиционная для предшествующих лет задача склонить Швецию присоединиться к союзу против татар и турок. В наказе говорилось, что «тот союз належит всем им, трем великим государем и государствам, их ко общей ползе». Следовало добиваться, чтобы Карл XI написал Яну III Собескому с предложением заключить союз трех государств и даже провести встречу представителей Москвы, Кракова и Стокгольма, которые и приняли бы решение о союзе²⁰⁴.

Составителей наказа, скорее всего, интересовало, какой будет реакция Стокгольма. Шведские послы отдавали себе отчет в том, что Швеция, по всей видимости, не согласится участвовать в коалиции, направленной против Турции²⁰⁵. 12 июня И.В. Бутурлину и И.А. Прончищеву была послана царская грамота: «говорить всякими меры накрепко» о нарушении Кардисского мира, «а о союзе (союзе России, Швеции, Речи Посполитой. — *Е.К.*) велено умолчать»²⁰⁶. Вероятно, на принятие подобного решения оказали влияние сведения о предстоящих переговорах с приехавшим в Москву из Речи Посполитой А. Чихровским о «случении» сил, а также полученная информация о несостоявшемся союзе Речи Посполитой и Швеции.

И.П. Шаскольский считает, что заключение союза являлось основной политической задачей посольства и лишь в дальнейшем, учитывая сложившуюся в Европе ситуацию, И.В. Бутурлин и его спутники решили попробовать перейти в наступление (при этом они обвиняли шведов в умалении чести и достоинства царя)²⁰⁷. Подобное заявление исследователя в значительной мере противоречит сложившейся дипломатической практике, в соответствии с которой послы должны были вести переговоры, руководствуясь полученным наказом. Историка остались неизвестными как наказ послам, так и грамоты, которые царь направлял послам и которые содержали дополнительные распоряжения.

Русские все больше склонялись к тому, чтобы снова оказать дипломатическое и военное давление на Швецию, не совершая нападения, тем более что вопрос о проведении переговоров на границе уже был решен. Однако, видимо, вокруг

соответствующего решения продолжались споры, отъезд послов откладывался (как уже говорилось, в черновик ответа на пункты, предложенные И. Скультетусом, была внесена правка: первоначальный текст, что русские не собираются пытаться бороться за потерянные в Лифляндии города, был зачеркнут). Указ об отправлении посольства относится к 1 мая. Царь обещал, что послы прибудут на границу 30 мая, однако посольство снова задерживалось из-за того, что, как по крайней мере отмечалось в наказе, дороги не высохли: стало очевидным, что по распутице «к вышепомянутому сроку поспеть им на съезжее место за вешним временем некоторыми мерами не мочно»²⁰⁸. 23/3 мая в думе зачитывали меморандум К. фан Кленка и М. Ге (от 22 марта / 2 апреля) и отдавали 6/16 мая распоряжения о переброске войск на границу за день до того, как послы покинули Москву²⁰⁹; бояре так и не огласили решения, что Россия предъявит представителям Карла XI свои претензии. В то же время создается впечатление, что в Москве затягивали с отправлением посольства, до последней минуты не зная, что предстоит делать послам, во всяком случае, должны ли им поручить предъявить шведам обвинения в том, что последние оскорбляли честь и достоинство царя; этот факт может отражать наличие противников конфронтации со Стокгольмом, отсутствие желания идти на поводу у габсбургской лиги при том, что в свое время А.С. Матвеев прилагал усилия, чтобы ее представители как можно быстрее уехали из Москвы.

Решение вести переговоры принималось в те же дни, что и решение о переброске войск к русско-шведской границе. До этого кн. И.А. Хованский сменил кн. И.Б. Троекурова, переброшенного в Архангельск²¹⁰, – об этом было сообщено К. фан Кленку²¹¹. 20 мая, согласно материалам, предоставленным О. Курбатовым, П.В. Шереметеву был направлен указ в Псков выделить из ратных людей Новгородского разряда псковичей рейтар из дворян 102 человека для отправления на посольский съезд со шведами²¹². 16/26 мая К. фан Кленк адресовал письмо Ромпфу, переслав ему список направляемого на границу войска²¹³. Того же числа, за день до того, как послы выехали из Москвы, кн. И.Б. Троекуров получил приказ идти к Нарве. (Понимая, что Россия, скорее всего, не начнет вой-

ны со Швецией, на следующий день К. ван Кленк, явно преувеличивая размер перебрасываемых на границу со Швецией войск, писал Вильгельму III Оранскому: «в это лето их (русских. — *Е.К.*) армия, правда, заставит шведов позаботиться о хорошем защищении границ в Лифляндии, Карелии или Финляндии», договоры «будут до осени исполняться лишь кое-как»²¹⁴. В глазах шведов перемещения войск приобрели угрожающий характер²¹⁵.

В то же время в дальнейшем русские продолжали оказывать давление на Швецию, предъявляя те же территориальные требования, что и в 1676 г., уже после завершения Голландской войны и заключения Нимвегенского мира в 1679 г., когда рассчитывать на уступки со стороны шведов было бессмысленно. Проводившаяся как в 1676 г., так и в 1679–1680 гг. политика, как, видимо, считала часть государственных деятелей, соответствовала интересам России, не расставшейся с мыслью получить выход к Балтийскому морю.

Кто мог являться сторонником, а кто противником оказания давления на Швецию (при том, что многие испытывали колебания, получая информацию о том, как развиваются события на Украине, как идет война между Османской империей и Речью Посполитой, выступит ли Ян III Собеский в поход против турок)? Кто в 1674 г. давал поручение П.И. Потемкину и Я. Чернцову сообщить при венском дворе о умалении шведами чести и достоинства русского царя? В 1675 г. И. Скультетус обращал внимание на расхождение во мнениях самодержца и бояр. Уже 20/30 августа он доводил до сведения курфюрста, что царь настроен в пользу войны со Швецией, но бояре были против разрыва дипломатических отношений двух стран²¹⁶. Подобное противопоставление характерно для всех иностранцев, которые в это время побывали в России, а также для шведов, которые вели пограничные переговоры с русскими в 1676 г. Вполне вероятно, идея о расхождении взглядов царя и бояр (сначала Алексея Михайловича, а затем Федора Алексеевича) на возможность объявить войну Швеции насаждалась самими боярами, очевидно, с целью подчеркнуть, что самодержец действительно намерен воевать с Карлом XI, хотя бояре в этом не заинтересованы. По наблюдениям И. Скультетуса, «царь (Алек-

сей Михайлович. — *Е.К.*) очень сердиться, что шведы напали на Бранденбург (впрочем, неясно, насколько искренним был царский гнев. — *Е.К.*), они (русские. — *Е.К.*) хотели бы порвать со Швецией, но из бояр никто этой мысли не поддерживает»²¹⁷. Подобная ссылка на мнение царя, которая в какой-то мере могла соответствовать действительности, позволяла скрыть реальные взгляды бояр, держать шведов в напряжении и в то же время избавиться от представителей Габсбургской коалиции и оказать влияние на царское окружение²¹⁸.

Об отсутствии у русских намерений начинать войну при наличии соответствующего желания у царя свидетельствуют шведские протоколы русско-шведских переговоров 1676 г. По завершении 5 августа пятой конференции Э.И. Крейц беседовал с возглавлявшим русское посольство И.В. Бутурлиным, который говорил о том, что происходило при московском дворе. Русский посол подчеркивал, что царь молод. По словам И.В. Бутурлина, послы перед отъездом из Москвы советовали ему, Федору Алексеевичу, избавиться от напрасного кровопролития, не слишком размышлять о вмешательстве в войну на стороне Дании и курфюрста бранденбургского (в соответствующих высказываниях была большая доля истины, на самом деле воевать со Швецией русские не собирались). Послы указывали царю на то, что Христиан V и Фридрих Вильгельм, преследуя свои интересы, старались соблазнить царя выступить в их поддержку. В протоколе отмечено, что И.В. Бутурлин много сказал, чтобы шведы могли понять, что реально происходит. Конечно, несколько удивляет та степень откровенности, которую дипломат позволил себе при встрече с Э.И. Крейцем (следует отметить, что, как мы убедимся в дальнейшем, шведский протокол существенно отличается от русского и порой вызывает определенные недоумения). Обращает внимание на себя и тот факт, что этот эпизод из русско-шведских переговоров не нашел никакого отражения в донесениях Э.И. Крейца королю, хотя шведский дипломат достаточно подробно излагал свои впечатления по поводу намерений русских. В то же время подобное утверждение вполне объяснялось тем, что при русском дворе не собирались нарушать мир со Швецией, но были готовы создать видимость угрозы Стокгольму (как и

прежде, русские пытались настаивать на том, что царь — теперь уже Федор Алексеевич — хотел воевать со Швецией, но бояре ему отсоветовали)²¹⁹.

Польский резидент П. Свидерский в разговоре со И. Скультетусом сказал, что бояре хорошо помнят поражение под Ригой и больше не хотят войн со Швецией, желая только подтверждения мира²²⁰. Также следует упомянуть Ф. фон Габеля, датского посланника, приехавшего в Россию позже, чем все названные послы, в 1676 г., чтобы подобно своим предшественникам попытаться убедить русских вступить в войну со Швецией. По крайней мере в ноябре 1676 г. у Ф. фон Габеля подобно его предшественникам, сложилось убеждение, что большинство в России не имеет никакой склонности воевать за выход к Балтийскому морю и противники войны оказывают давление на царя (правда, следует отметить, что это говорилось уже после отправления русского посольства на границу со Швецией, после того, как в Москву стали поступать известия о категорическом отказе представителей Карла XI идти на уступки).

Активным сторонником войны со Швецией являлся В.М. Тяпкин, считавший, что до истечения срока Андрусовского перемирия Речь Посполитая не совершит нападения на Россию. «Сего ради подобает конечно Шведу от Лифлянтов заиграть трубными и рыцерскими гласы. И не трудно, Господь поможет первым счастием помазанника своего благословити и не точию Лифлянты или Ригою, но и самим Варяжским морем обдарити. Теперь тому час и время, не яко ближняго соседа, но яко внутренняго врага и ласкателя разорить и от лукавых его намерений с двором Польским отвести». «А zde его посол гласы похвальные производит: хотя де лихи были на нас зело ближние советники Царскаго Величества, а наипаче Артамон Сергеевич, которого отвращали от покою бывшаго Великого государя, однако ж, помилуй боже святейшаго патриарха Московского, нынешняго молодаго Государя своими духовными беседами склонил к покою с Шведами и великих и полномочных послов Царь на комиссию выслал, которая все ныне по воле их шведской учинила. Не гневайтесь, что слышу, то и пишу: ей, если Шведу тесноты какие не учиним, на будущее

время, чего боже сохрани, тяжело нам самим будет от Шведа»²²¹ (письмо было написано 27 мая уже после отъезда посольства из Москвы и не могло сыграть какую-либо роль при его снаряжении; показательно, что В.М. Тяпкин, человек, который в силу своего положения не имел возможности оказать влияния на выработку политического курса, все же пытался убедить А.С. Матвеева, что настало подходящее время для войны со Швецией; к такой точке зрения резидент мог придти под влиянием бесед, имевших место в Речи Посполитой, но частично его мнения могли сложиться и еще до отъезда в Варшаву, под влиянием А.Л. Ордина-Нащокина; вполне вероятно, что сходных взглядов придерживалась целая группа людей, впрочем, не слишком влиятельных).

Если обсуждать высказывания И. Скультетуса и Ф. фон Габеля о желании царей воевать со Швецией, то, конечно, в Европе помнили о русском походе к Риге в 1656 г. Однако в дальнейшем шло противопоставление бояр уже не Алексею Михайловичу, а Федору Алексеевичу, хотя оснований для этого было гораздо меньше, тем более что Федор Алексеевич в эти годы, как признает большинство историков, не являлся монархом, который самостоятельно правил государством.

Бояре, думается, отмечали расхождение во мнениях с царем, с одной стороны, чтобы продемонстрировать лояльное отношение к иностранцам, с другой — чтобы подчеркнуть, что они, слуги своего государя, во всем подчиняются царю. Между ними самими, очевидно, велись жаркие споры, как реагировать на испытываемое давление со стороны Габсбургской коалиции, тем более что в первые месяцы после смены царя шла борьба за то, чье влияние одержит верх. Как указывал Г.Д. Гессе, «туго идут дела в Москве: каждый ищет здесь своих личных интересов; что постановлено сегодня, отменяется завтра»²²². Вероятно, при дворе шли ожесточенные споры между самими боярами (именно этим можно объяснить то, что наказ отправленный весной на границу со Швецией посольству, как мы еще будем иметь возможность убедиться, перерабатывался и последний вариант был послан вдогонку посольству, когда оно уже покинуло Москву, а требования, предъявляемые по отношению к шведам, становились более жесткими — вряд ли из-

менения в наказ вносились только под влиянием иностранцев или поступавшей в Посольский приказ свежей информации о происходивших событиях, хотя в столице могли быть получены первые сведения о наступлении турецкой армии).

Старшее поколение бояр, их дети, унаследовавшие право вести архангельскую торговлю, не было заинтересовано в балтийских гаванях. Ф. фон Габель, в какой-то мере понимая сложившуюся ситуацию, подчеркивал, что в России сильным влиянием обладает купечество. Все купцы (трудно сказать, о каком реально слое идет речь, вероятно, могут иметься в виду влиятельные роды типа Милославских), которые торгуют через Архангельск, лишают царя возможности с удобством и пользой вести балтийскую торговлю и всеми силами стремятся воспрепятствовать развитию последней²²³. Бояре же «уповают чрез многие ложные вести о пребывании шведов и силы их, також и чрез гражданские службы и подарки у многих бояр и у великих дело к тому привести, что они, не хотя удобность и прибыли, которую они от свейских торговых людей имеют, отставить и отложить лутче, всякими мерами радети будут, его царское величество от войны против шведов отговорити»²²⁴. В то же время следует учитывать, что на Ф. фон Габеля, когда он упоминал бояр и купцов, пытаясь противопоставить мнение противников войны и мнение царя, произвели впечатление как сложившиеся стереотипы восприятия, так, вероятно, и стремление бояр убедить иностранцев, что Федор Алексеевич действительно собирается воевать со Швецией.

Ф. фон Габель считал, что едва ли не основной причиной борьбы между сторонниками южного и северо-западного направлений является то, что русская аристократия владела землями, которые находились на юге страны, и испытывала серьезные опасения относительно возможности татарских набегов. Наоборот, владельцы поместий на северо-западе были заинтересованы в выгодной торговле со Швецией²²⁵. Утверждение Ф. фон Габеля относительно стремления боярской аристократии гарантировать принадлежавшие им земли от татарских набегов повторяет в своем исследовании П.В. Седов. В то же время, когда обсуждался вопрос о борьбе за выход к Балтике, не мог не возникнуть вопрос об угрозе с юга.

Между тем Россия должна была своими силами бороться против турок и татар; рассчитывать на союз Яна III Собеского, который продолжал ориентироваться на Францию, обсуждал возможность заключения союза со Швецией, а при переговорах с Россией начинал добиваться пересмотра Андрусовского перемирия, не приходилось. Русские во все большей мере ориентировались на Габсбургскую коалицию, одновременно надеясь добиться переориентации Речи Посполитой на «цесаря» и его выступление против Османской империи. При наличии в русских кругах противников Швеции при том, что члены габсбургской коалиции активно добивались оказания Россией давления на Стокгольм, голоса с предложением создать угрозу Стокгольму звучали все громче. Вопрос о том, как строить отношения со Швецией, как можно предполагать, решался не столько с учетом экономических интересов России и выражавшегося частью политиков стремления получить выход к Балтийскому морю. Впрочем, вряд ли об этом было хорошо известно Ф. фон Габелю. Видимо, от Ф. фон Габеля скрыли и активно ведущуюся подготовку к совместной борьбе с поляками против турок и татар.

Судя по тому, на что делал акцент датский дипломат, создается впечатление, что о государственных интересах страны никто не заботился, хотя, например, борьба с татарами явно этим интересам соответствовала. Наконец, наверняка кто-то из государственных деятелей думал о том, что даже если России будут переданы ижорские земли, то дальше все равно придется бороться за выход к Балтийскому морю силой оружия.

К. фан Кленк писал, что русские, не склонные воевать, не только не хотят войны с Крымом, но и заключают соглашения со шведами²²⁶.

Составление русского наказа послам. Россия и Швеция перед началом переговоров

Если обратиться к русской документации порубежных переговоров 1676 г., то в книге, входящей в собрание НИОР РГБ, имеется запись, что отпуск послов состоялся 30 апреля и они покинули Москву 18 мая²²⁷. Как полагает А. Попов, вести из

Речи Посполитой, предвещающая опасность со стороны татар и турок, замедлили распоряжения²²⁸. Возможно, послов задержали с отъездом в связи с доработкой наказа. Установить момент, когда было окончательно завершено составление наказа, не удается из-за имеющегося разнобоя в датах.

От В.М. Тяпкина шли слухи о том, что Речь Посполитая заключит мир с Турцией и вместе со Швецией будет действовать против Бранденбурга (вариант, что Османская империя вступит в союз с Францией и Швецией и что эти государства нападут на Россию, отпал). «Ныне совершенное намерение имеют, чтоб с Турецким Салтаном учиня перемирие, войну обратити поляком на Пруссы купно с Свейскими войски, отвращающи Прусского князя от войны Французской и Шведской и от соединения с Цесарскими Немцы. А Салтана Турскаго и Хана Крымскаго всеми силами устремить в туж пору чрез Украину на государство Московское, для того чтобы войска Царскаго Величества не мыслили отвращение чинить Польским и Свейским войскам. И сие намерение истинною правдою объявляю и предостерегаю»²²⁹.

Сохранившийся черновик наказа, а также чистовик, вошедший в состав кн. 100, хранящейся в Ф. 96 РГАДА, был помечен апрелем, затем название месяца зачеркнули и написали вместо «апреля» «май», поставив первое число. В столбцах набело переписанный наказ помещен безо всякой даты. В составе кн. 100 сохранилась отписка посла И.В. Бутурлина и его спутников о том, что наказ был принят в Новгороде у стольника И.А. Прончищева 12 июня²³⁰. Видимо, новый вариант наказа послали вдогонку послам; неясно, отпустили ли послов без наказа или вверив им какой-то текст. Вполне вероятно, что окончательное завершение редактирования наказа относится к последней декаде мая – первым числам июня, после этого И.А. Прончищеву оставалось еще достаточно времени, чтобы догнать послов (обычно гонцы доезжали до Новгорода за неделю). Тот факт, что наказ подвергся доработке, свидетельствует, скорее всего, о поступивших новостях из Крыма.

В апреле в связи с предстоящим участием в готовящейся миссии ее глава Иван Васильевич Бутурлин был назначен окольничим. Уже с 1674 г. он обладал достаточно большой

властью, являясь одним из спальников, ведая судным приказом²³¹ (роль царской комнаты в управлении государством усиливалась). И.В. Бутурлин выдвинулся как дипломат именно в этот момент, в 1676 г., ему впервые доверили ведение переговоров. Это назначение было связано с происшедшей в Москве сменой власти. Выбор И.В. Бутурлина в качестве главы делегации, с одной стороны, являлся результатом перестановок, происшедших внутри правящей группировки (в дальнейшем И.В. Бутурлин участвовал в переговорах с Империей Габсбургов и с Речью Посполитой)²³². Вместе с тем назначение И.В. Бутурлина главой посольства отразило тот факт, что результатом миссии, возможности заставить Стокгольм пойти на существенные уступки, не придавали большого значения. Второй посол, окольный, думный дворянин Иван Афанасьевич Прончищев, как мы уже знаем, принимал участие в Кардисских мирных переговорах 1661 г. (после смерти Алексея Михайловича И.А. Прончищев вполне пришелся ко двору – годом позже, по возвращении из Швеции, в 1677 г. он стал окольным²³³). В состав посольства также вошли думный дьяк Лукьян Голосов, дьяк Меньшой.

В соответствии с наказом, после предложения заключить союз России, Речи Посполитой и Швеции, послы должны были подтвердить Вечный Кардисский мир (в дальнейшем от этого предложения отказались). Предполагалось рассмотрение тех же проблем, которые обсуждались во время приезда в Москву в 1674 г. графа Г. Оксеншерны. При этом следовало добиваться того, чтобы перенести границу на небольшое расстояние, с тем чтобы она прошла через Теплый Камень – речь шла об уже фигурировавшей при переговорах 1674 г. спорной полосе земли (в качестве свидетелей следовало привлечь местных старожилов); также послам предписывалось решить вопросы о военнопленных, о перебежчиках, проблемы, связанные с торговлей²³⁴. Впрочем, как свидетельствует наказ и документы, переданные И.В. Бутурлину после его прибытия в Новгород, и как это справедливо отмечает И.П. Шаскольский, составители наказа и послы достаточно смутно представляли себе, какие нарушения допускали шведы в сфере торговли.²³⁵

Русским предстояло предъявить Швеции определенные претензии относительно умаления чести и достоинства царя при том, что царь перебрасывал войска к лифляндской границе.

Показательно, что на время переговоров со Швецией командование пограничными войсками было передано кн. Ивану Борисовичу Троекурову, еще до смерти Алексея Михайловича принадлежавшему к группировке, враждебной А.С. Матвееву (подобно тому, как И.А. Бутурлин явно не являлся человеком, способным добиться серьезных результатов при дипломатических переговорах, в точности также кн. И.Б. Троекурову и кн. Федору Ивановичу Шеховскому, которых вряд ли правомерно отнести к числу опытных воевод, едва ли можно было поручить ведение каких-либо серьезных военных операций; И.Б. Троекуров являлся одним из самых влиятельных спальников Алексея Михайловича²³⁶, по словам современника-иностранца, «при дворе играет пустую роль и назначен более для увеселения царя, нежели для совещаний в государственных делах»). Кн. И.Б. Троекуров, получив назначение в войска, что было для него своего рода почетной ссылкой, только 20 мая пришел к патриарху, чтобы снискать благословения на службу. По свидетельству К. фан Кленка, 25 мая И.Б. Троекурову было велено покинуть Москву под «страхом немилости». В тот же день он уехал на место назначения²³⁷. Кн. Ф.И. Шеховской также не был опытным воеводой. Как указывает П.В. Седов, против имени кн. Ф.И. Шеховского в боярском списке 1677/1678 гг. помечено, что князь «был с Новгородским полком»; в 1679 г. кн. Ф.И. Шеховскому приказали разбирать дворян в Понизовых городах²³⁸.

Вместе с тем черновик наказа предполагал, что В.И. Бутурлин и его спутники будут говорить о нанесенных царскому величеству обидах, за которые требовалась компенсация (такого рода «обидные дела» обычно перечислялись, когда одна из сторон готовилась начать войну). Первоначально в черновике присутствовала впоследствии зачеркнутая формулировка, предполагавшая компенсацию за нанесенный ущерб, т.е. территориальные уступки: «А надобно им за такое царского величества чести умаление по всенародному праву безо всяко-

го милосердия лишение живота учинить, а буде королевское величество тем правителем государства своего и великим и полномочным послом по всенародному праву лишения живота учинить не похочет, и вместо того, чем великого государя его царского величества удовлетворит, просить удовлетворения».

Послам предписывалось упомянуть о печатавшихся в Риге «лживые курантах» о Стеньке Разине и других «непристойных делех», о которых в свое время писал Н. фон Стаден. Теперь, спустя шесть лет, как раз настал самый подходящий момент, чтобы вспомнить о былых обидах²³⁹. Послам, как бы специально нарываясь на конфликт, следовало выдвинуть заведомо невыполнимое требование, грозившее разрывом дипломатических отношений, — казни «газетырей»²⁴⁰.

В наказе упоминалась грамота, где русский царь был назван великим князем московским, при этом отмечалось, что «...в прошлых годах за такие ж досадительно и за прописки в титулах у царского величества с полским королем и война всчалась, и многое кроворазлитие чинилос» (при этом послы в ответ на соответствующую просьбу должны были отказаться предъявить имевшуюся у них грамоту). В наказе речь шла о напечатанной в Колывани книге, где царь был назван «мучителем и свирепейшим зверем»²⁴¹.

Шведы обвинялись в том, что в той же Колывани некий Иван Шваб напечатал книгу, в которой Иван Грозный не был назван великим государем (еще в XVI в. немецкая пресса писала о зверствах опричников; в дальнейшем ставшая известной информация воспроизводилась в разных сочинениях²⁴²). Согласно наказу, «...во многих де местех написано к укоризне и к бесчестию Российского царствия тираном и мучителем»²⁴³. Наказ И.В. Бутурлину предусматривал, как и в случае со Степаном Разиным, явно невыполнимую кару — казнить автора. Так Россия еще раз выражала намерение нарушить мир.

Думается, именно при доработке наказа требования по отношению к шведам были ужесточены (в какой-то мере на то, в каком направлении проходило редактирование наказа, могла повлиять информация из Империи, проходившая через В.М. Тяпкина). Согласно последнему варианту наказа, послам прямо было велено по крайней мере оказать на шведское по-

сольство более сильное давление (неясно, рассчитывало ли московское руководство добиться реальных результатов). Теперь было окончательно сформулировано требование о территориальных уступках.

Следовало «просить удовольствования прежде бывших московского государства городов, Ивана города, Корелы, Орешка, Ямы, Копоря и иныя»²⁴⁴, т.е. практически всю Ижорскую землю (Ингерманландию) и Карелию. Видимо, русские не решились предъявлять претензии на Лифляндию, причем часть последней в результате переговоров, которые вел со шведами А.Л. Ордин-Нащокин, отошла к России по Валиесарскому перемирию 1658 г.: теперь ходили слухи, что в Лифляндию будут направлены войска союзников, и это обстоятельство вело к тому, что Лифляндия превращалась в спорную территорию, которую могли хотеть присоединить к своим землям участники Габсбургской коалиции. Русские власти оставались верны ответу, который был дан на пункты И. Скульгетуса: «взятых в прежних временах в Лифлянтех городов отыскивать не соизволяет». В свое время, в период между заключением Валиесарского перемирия и Кардисского мира в 1660 г. А.Л. Ордина-Нащокина имел место острый конфликт с властями. Он настаивал на том, чтобы удержать хотя бы один ливонский город (Ливония рассматривалась как плацдарм для ведения борьбы за Зап. Двину). В результате дипломат был отстранен от ведения переговоров, а на его место назначен И.А. Прончищев, которому теперь опять предстояло принять участие в переговорах. Не вполне понятно, считали ли русские, что шведы заведомо не пойдут на соответствующую уступку или опасались конфликта с также претендовавшими на Лифляндию европейскими державами.

Хотя было принято решение оказать на шведов давление, русские вряд ли питали серьезные намерения относительно попыток добиться территориальной компенсации. Очевидно, речь шла о политических играх.

Россия, согласно наказу, должна была попытаться выступить в роли миротворца. Послам следовало напомнить Карлу XI о нападении султана на Речь Посполитую, о том, что Алексей Михайлович обращался к французскому и английско-

му королям с просьбой о помощи в борьбе против Османской империи, предлагая им прекратить войну с Соединенными Провинциями. Составители наказа ссылались на якобы заключенный договор с посланником курфюрста бранденбургского, утверждалось, что Фридрих Вильгельм имеет наготове войска, которые будут посланы против султана. В наказе упоминалось, что Россия уже пыталась предложить Швеции заключить мирный договор с Фридрихом Вильгельмом. Также говорилось о посольстве монархии Габсбургов (посольство Ф. Баттони и К.-Г. Терлингера), которое жаловалось на то, что Швеция, вступив в союз с Францией, вторглась в Померанию. Датский резидент М. Ге, как отмечалось в наказе, рассказывал о намерении шведского короля, который планировал вести войну в Европе. К. ван Кленк, согласно тому же документу, привез в Москву сведения о том, что Соединенные Провинции тоже были втянуты в войну. В результате, как И.В. Бутурлину следовало сообщить шведам, Леопольд I «иных окрестных государей, которые к той помочи и к христианскому намерению были склонны, особою и несканчаемою войною отвратил и тою его царскому величеству оказался нелюбовю». Русские послы должны были обратиться к шведскому королю с предложением восстановить мир между европейскими державами и, по крайней мере, не нарушать Кардисского мира²⁴⁵.

Наказ фактически предусматривал несколько вариантов ведения переговоров, что отражало сомнения и споры относительно выбора внешнеполитического курса, которые могли быть вызваны как новостями, поступавшими из Речи Посполитой, так и давлением со стороны потенциальных союзников Русского государства.

Тем временем шведы также обсуждали вопрос о том, как следует действовать в сложившейся ситуации. Возможности Карла XI были на исходе. В результате в 1675–1676 гг. Швеция не имела сил, чтобы противостоять Дании на море. В июне 1676 г. шведский флот потерпел поражение у о. Эленд, затем последовала победа Людовика XIV и отвоевание им Хельсинборга. Угроза со стороны России Швеции действительно стала заметна. Свои мысли по поводу сложившейся ситуации излагал государственный канцлер М. Делагарди. Он отмечал, что у

Швеции в этот момент было достаточно сил, чтобы вести борьбу с Данией. Шведы, с его точки зрения, должны были подумать о границе с Россией в Карелии. М. Делагарди понимал, что русские в конечном счете хотят овладеть возможностью вести торговлю по Зап. Двине. Ингерманландия, Эстляндия, Лифляндия должны были отделить русские земли от Зап. Двины. Активный сторонник борьбы с Россией, непосредственно руководивший военными действиями во время русско-шведской войны 1656–1658 г., М. Делагарди говорил о том, что следует продолжать настаивать на условиях Кардисского мира. По его мнению, Швеция была достаточно хорошо вооружена, чтобы внимательно следить за своей границей, в том числе в Померании. Война, как указывал канцлер, могла породить тяжелую болезнь. В этом случае Стокгольму предстояло думать о трудностях, тем более что море находилось под угрозой, что могло привести к прекращению торговли (Швеция вела войну с Данией). В то же время М. Делагарди боялся, что Швеция окажется в безвыходном положении, что приведет к опасным последствиям²⁴⁶.

Э.И. Крейц уже выехал для ведения переговоров. Он руководствовался мартовскими распоряжениями короля. Карл XI, несомненно, располагал сведениями о стягивании русских войск к границе. Э.И. Крейц писал: «Мы хотим выиграть время, чтобы справиться с их (русских. — *Е.К.*) нелепыми (вздорными) претензиями на Ингерманландию и Карелию» (послы желали, чтобы вопрос о том, что им делать в дальнейшем, был поставлен на рассмотрение в Риксроде; так как у шведов сохранялись опасения относительно возможности нападения русских, посольство рассчитывало на защиту находящихся в Лифляндии шведских войск). По наблюдениям шведов, русские послы заняли угрожающую позицию; Э.И. Крейцу казалось, что после того как русские, по своему обыкновению, потребовали внести изменения в царский титул, «до войны и реального кровопролития остается немного шагов». Шведский посол рассчитывал на защиту своих войск, в то же время отмечая, что шведы никогда не будут нападать первыми. Отправляя 20 мая очередное донесение королю, Э.И. Крейц надеялся, что дальнейшее развитие событий последует не раньше, чем через четыре недели,

т.е. в конце второй декады июня (реально, как мы знаем, русские послы прибыли еще позже, в середине июля)²⁴⁷.

Тем временем события на юге России развивались своим чередом. Когда Левобережная Украина принесла присягу Федору Алексеевичу, 26 мая Д.П. Дорошенко получил письмо кн. Г.Г. Ромодоновского и согласился принять русское подданство. Однако Д.П. Дорошенко отказался переезжать через Днепр.

К.И. Самойловичу поступили сведения, что Д.П. Дорошенко и Серко ждут татар, чтобы заключить с ними мир, что татары и турки готовятся к наступлению на Украину. В Малороссию был направлен кн. В.В. Голицын.

Речь Посполитая по-прежнему во все большей мере нуждалась в помощи России против Османской империи: Ян III Собеский получил сведения, что султан собирается напасть на поляков с трех сторон; в 1677 г. Речь Посполитая впервые после 1657 г. возобновила союз с Империей Габсбургов.

Еще весной в Россию из Речи Посполитой был послан К.А. Чихровский, чтобы поздравить царя с вступлением на престол и одновременно предложить заключить союз (переговоры с поляком состоялись уже в июне, после того, как русское посольство, снаряженное для переговоров со шведами, покинуло Москву)²⁴⁸. Как мы знаем по переписке, которую вел В.М. Тяпкин, полякам было достаточно хорошо известно о том, что Россия стремится оказать давление на Швецию. Это означало, что русские, скорее всего, не будут торопиться перебрасывать войска в южном направлении и соглашаться проводить «случение» (объединение сил) против турок на выгодных для Речи Посполитой условиях. У поляков в условиях, когда «балтийская программа» еще продолжала существовать и они не опускали возможности заключить союз со Швецией, возникла надежда, что удастся добиться от России территориальных уступок и заключить Вечный мир на выгодных условиях. К.А. Чихровский прибыл для того, чтобы продлить Андрусовское перемирие (вопрос о Киеве по-прежнему не сходил с повестки дня). К.А. Чихровский также был уполномочен Яном III Собеским, если обстоятельства будут этому благоприятствовать, договориться о заключении Вечного мира при условии территориальных уступок со стороны России (сам

мир предстояло заключать, конечно, не К.А. Чихровскому, а специальному посольству). Ян III Собеский, несмотря на то, что Бучачский договор 1672 г. сохранял свою силу, велел объявить, что с султаном не было заключено никакого договора, что в Порту ездил польский гонец с предложением заключить перемирие, но ответа не последовало.

Возможности добиться от русского правительства помощи или, наоборот, согласия на территориальные уступки у К.А. Чихровского, как это понимали поляки, были ограниченными. Он прибегнул к обычной риторике этого времени, что давление со стороны Порты возрастает, что «если против такого сильного неприятельского наступления королевское величество войсками своими не устоит, тогда и паче того все христианство будет не безопасно»²⁴⁹. К.А. Чихровский сообщил, что если русские откажутся помогать полякам, то Речь Посполитая заключит мир, несмотря на отсутствие у нее такого желания при том, что султан нарушает договоры²⁵⁰. 16 июля русское правительство ответило, что собирается продолжить войну на юге. Россия отказалась от проведения переговоров о союзе Москвы, Стокгольма и Кракова.

20 июня посланник очередной раз добивался предоставления Русским государством 30–40 тыс. чел. для отправления в Крым, подчеркивая, что, так как царь не прислал войска, король не хочет продлевать Андрусовского перемирия (посланник настаивал на возвращении Речи Посполитой отошедших к России Невиля, Велижа, Себежа). Если «случение» не будет проведено до августа, Ян III Собеский будет добиваться возвращения Киева²⁵¹. Так как заявление, которое должно было бы исходить от короля, не носило официального характера, а у Речи Посполитой не было средств на ведение борьбы, то письмо не произвело сильного впечатление на русских, хотя в тот же день царь дал польскому уполномоченному положительный ответ²⁵². К.А. Чихровский ответил, что в этом случае Речь Посполитая готова продлить перемирные годы. Царь выразил желание, чтобы Андрусовское перемирие сохраняло свою силу на 13 лет. Ян III Собеский предлагал отправить часть войск в Крым, часть — на Украину²⁵³. Реально решение вопроса о «случении» сил откладывалось на неопределенный срок. Русские

отказались от переброски на границу войск, ограничившись лишь тем, что кн. И.Б. Троекурову, как свидетельствуют материалы Разрядного приказа, предоставленные мне О. Курбатовым, был направлен наказ «быти на государеве... службе от литовского и от немецкого рубежа для бережения от приходу воиских людей»²⁵⁴ (не состоялось «случение войску», несмотря на переписку, которая шла между Федором Алексеевичем и Яном III Собеским, и осенью 1676 г., хотя русские войска получили указание идти к Днепру; однако многие польские гетманы туда не пришли; поляки, вопреки Андрусовскому договору, подходили к Киеву, совершали наезды на принадлежащие к нему места²⁵⁵). Российское руководство, вероятно, как считает Б.Н. Флоря, не располагало информацией, куда пойдет собравшаяся на Дунае турецкая армия.

Тем временем войска П.Д. Дорошенко, которые раздирали противоречия, продолжали удерживать Чигирин. Видимо, в начале лета, когда турецкая армия выступила против Речи Посполитой, Россия стала готовиться к вооруженной борьбе на юге страны²⁵⁶. На самом деле Ибрагим-паша был уже под Бучачем. По сухой весне обмелели реки, татары вброд перешли через Днестр. Польский король выступил в поход, 22 июня был под Журавно²⁵⁷. Когда были получены сведения, что султан направляет свою армию, в которой примут участие крымцы, против Речи Посполитой, Москва дала войскам указание к выступлению. Русское руководство не стало направлять И.В. Бутурлину и И.А. Прончищеву никаких документов в связи с ведшимися переговорами с поляками за исключением грамоты Федора Алексеевича от 3 июля о готовности России вести борьбу с Турцией и Крымским ханством.²⁵⁸

В июне Э.И. Крейц доносил королю, что будет договариваться о ведении переговоров с русскими на Меузице (как это предполагалось и раньше), но что окончательного решения еще не принято. Э.И. Крейц был обеспокоен увеличением численности находящихся на границе русских войск. Он был убежден, что если бы шведы располагали армией, они могли бы договориться с русскими²⁵⁹. К 1 июля стало известно, что датский король написал царю, сообщив, что Дании принадлежит

Готланд (Кристиан V в июле отдал указание занять остров, которое было немедленно исполнено²⁶⁰), после чего были названы Лифляндия и Эстляндия как территории, на которые могла претендовать Россия. Шведы получили сообщения от губернатора Риги Ферзена, что русским послам приказано требовать возвращения Ингерманландии. С этого момента события приобрели в глазах представителей Стокгольма неожиданный поворот, Э.И. Крейц указывал на возможность чрезвычайных событий²⁶¹.

Но по крайней мере оставшийся в Речи Посполитой В.М. Тяпкин, по-прежнему питал сомнения относительно того, на кого — на Францию или на Империю — будет делать ставку Ян III Собеский (летом ходили слухи о возможном распаде Речи Посполитой). В Москве опасались заключения направленного против России союза Речи Посполитой и Швеции. В июле 1676 г. В.М. Тяпкин выражал опасения относительно формирования союза Швеции, Франции, Речи Посполитой и Турции против Империи²⁶². (Дальнейшее развитие событий заставило шведов 17 октября подписать трактат под Журавно²⁶³: договор отменял дань, которые поляки платили Порте по Бучачскому договору, но Османская империя удерживала Подолию).

* * *

Итак, весной — в начале лета 1675 г. — в Москву выехали посланники стран-участниц габсбургской коалиции: Империи, Бранденбурга, Дании, Соединенных Провинций (К. ван Кленк в связи с тем, что ему предстоял долгий путь, приехал позже других дипломатов), при этом первоначальным инициатором, выразившим готовность оказать давление на Швецию, видимо, выступила Россия. Летом-осенью 1675 г. у всех посланников сложилось впечатление, что их как можно скорее хотят выпроводить из Москвы. Тем не менее они активно добивались, чтобы Россия направила к границе Лифляндии свои войска с целью заставить шведов держать значительный контингент на границе с Россией и ограничить переброску войск в Померанию, где шли основные бои между Фридрихом Виль-

гельмом и Карлом XI. Прибывшие в русскую столицу дипломаты говорили, что путем дипломатического давления при наличии русских вооруженных людей у границ Швеции последняя может легко согласиться на уступку России Ингерманландии и Лифляндии.

Русские, не заинтересованные при наличии угрозы со стороны Крыма и неурегулированных отношений с Речью Посполитой в обострении отношений со Швецией, колебались относительно принятия того или иного решения. Источники иностранного происхождения постоянно противопоставляют царя (сначала Алексея Михайловича, а затем — Федора Алексеевича): царь хотел воевать со Швецией, а бояре его отговаривали. Возможной целью подобного противопоставления являлось показать нежелание бояр вести войну со Швецией. Ряд сведений свидетельствуют о борьбе, которая шла вокруг политического курса и которая обострилась в связи с угрозой со стороны Крыма.

Дополнительные опасения у русских вызывали переговоры о союзе, которые велись между Швецией и Речью Посполитой относительно их сотрудничества с Османской империей против Бранденбурга, а возможно, и России. Обсуждался вопрос о союзе Стокгольма, Кракова и Москвы (при том, что сближение России и Османской империи было совершенно нереально). Отправление посольства откладывалось. Иностранцы с напряжением следили, будут ли посланы войска на русско-шведскую границу. В конечном счете в начале лета посольство покинуло Москву.

Наказ включал многочисленные обвинения в умалении чести и достоинства царя, при этом эти обвинения часто не имели под собой реальной почвы. В то же время, как показал дальнейший ход переговоров, шведы, подозревая, что русские действуют с подачи стран габсбургской коалиции, всерьез опасались вторжения последних.

Примечания

- ¹ *Попов А.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 годах. Несколько лет из истории отношений древней России с европейскими державами. СПб., 1854. С. 147
- ² Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. [Без даты]; 2 июня 1674 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 163. Л. 3.
- ³ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 2 июня 1674 г.; [без даты, осень 1674 г.] // Там же. Л. 7 об, 156 об. См. также: *Birnbaum K.E.* Johan Sobieskis svenska förbindelser // KFA. 1950. S. 25.
- ⁴ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. [Без даты]; 2 июня 1674 г. // Там же. Л. 3-3 об, 5; Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. [Без даты]; 2 июня 1674 г. // Там же. Л. 6 об.
- ⁵ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 2 июня 1674 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 163. Л. 25 об-26.
- ⁶ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 10-24 декабря 1674 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 16.
- ⁷ *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. S. 457.
- ⁸ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. Из Варшавы 1 мая 1675 г. (получена 29 мая) // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 190 об, 192 об, 193 об-194.
- ⁹ Наказ П.И. Потемкину и Я. Чернцову. 10 июня 1674 г. // ПДС. 1856. Т. 4. С. 1115-1122.
- ¹⁰ *Wójcik Z.* Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667-1672. Warszawa, 1968. S. 130-131.
- ¹¹ Отпуск С. Алмазова и Л. Домнина. 19 июня 1674 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Кн. 4. Л. 110 об-112.
- ¹² Цит. по: *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1988. С. 293.
- ¹³ Благодаря действиям кн. К.М. Черкасского крымский хан был удержан в Крыму.
- ¹⁴ Грамота Алексея Михайловича Фридриху Вильгельму. 20 июня 1674 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Кн. 4. Л. 159-160.
- ¹⁵ Там же. Л. 164-165.
- ¹⁶ Запись С. Алмазова и Л. Домнина. 15 июля 1674 г. // Там же. Л. 177 об.
- ¹⁷ Карл XI – Б. Горну. 5 июля 1674 г. // RA. RR. V. 410. S. 474 v.-475; Карл XI – А. Лиллиехёку. 10 июля 1674 г. // Ibid. S. 514 v.-15.
- ¹⁸ *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. S. 456.
- ¹⁹ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 10-24 декабря 1674 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 16.
- ²⁰ *Попов А.* Указ. соч. С. 101-103.

- ²¹ Соловьев С.М. Сочинения. Т. VI. М., 1991. С. 496. + Попов А. Указ. соч. С. 108-109.
- ²² Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. [Без начала; декабрь 1674 г. – январь 1675 г.] // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 47.
- ²³ «Салтана, и везиря, и хана наустили» совершить нападение на Украину, чтобы московские войска к полским войскам в соединение не допустить и мечем поганским до конца погубити». «А сами вожди и правители полские, чтоб войска свои поготову в собрании имели, но еще уневерсалы розослали всей Речи Посполитой, чтоб не збиралис, радуючис тому, что все поганство рушилися на государство московское». В то же время поляки не располагали достаточными войсками, чтобы оказать сопротивление нападавшим на них туркам». (Донесения В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 3/13 октября из Львова – 10 октября 1674 г. из Варшавы; без даты, начало отсутствует // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 163. Л. 82, 108-108 об.).
- ²⁴ Донесения В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 3/13 октября из Львова – 10 октября 1674 г. из Варшавы [без даты, начало отсутствует]; 5 декабря // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 163. Л. 73 об-77, 82 об, 100, 108-108 об, 173 об. А о покою с турским и с ханом сее осени и зимы договоров никаких не слышат, потому что не токмо чтобы салтан завоеванных земель и городов хотел уступит, но и в пред на весну войну в Полше обещал. (Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. [Без даты; получено 29 октября 1674 г. из Варшавы; начало отсутствует] // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 163. Л. 122 об).
- ²⁵ Наказ С.Е. Алмазову и Л. Домнину. 20 июня 1674 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Кн. 4. Л. 150-159. Еще в декабре 1673 г. волоские и мултянские земли били царю челом с просьбой принять их в российское подданство; в ответ, который был послан господарям 10 марта 1674 г., говорилось об условиях, на которых царь готов принять их под свое покровительство, предлагалось прислать посольство, которое могло бы обсудить условия принятия этими землями русского подданства; Порта была всерьез обеспокоена ростом интересов России в этом регионе (Семенова Л.Е. Молдавия и Валахия в международных отношениях в Восточной и Юго-Восточной Европе (50-70-е гг. XVII в.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 202).
- ²⁶ Ян III Собеский – Алексей Михайлович. 16 ноября 1674 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 144 об.
- ²⁷ В 1673 г. курфюрст выражал царю пожелание успехов в борьбе против Османской империи и говорил, что сложившаяся международная ситуация в Восточной Европе крайне невыгодна для совместных действий против султана.
- ²⁸ Форстен Г.В. К внешней политике Фридриха Вильгельма бранденбургского // ЖМНП. 1900. Июль. С. 305-306 (такого рода заявления были вполне характерны для русских: когда в 1656 г. посланник кн. Д. Мышецкий искал в лице Бранденбурга союзника по борьбе со Швецией, он назвал ненамного меньшую цифру – 500 тыс. человек, говоря, что эти войска могут быть использованы в борьбе против Швеции).

- ²⁹ Статейный список П.И. Потемкина и Я. Чернцова. Запись 16 декабря 1674 г. // ПДС. Т. 4. С. 1233-1234.
- ³⁰ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 28 ноября 1674 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 163. Л. 162.
- ³¹ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. [Без даты; осень 1674 г.] // Там же. Л. 178.
- ³² Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 5 декабря 1674 г. // Там же.
- ³³ Статейный список П.И. Потемкина и Я. Чернцова. Запись 16 ноября 1674 г. // ПДС. Т. 4. С. 1224.
- ³⁴ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 10-24 декабря 1674 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 27 об.
- ³⁵ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 15 января 1675 г. // Там же. Л. 52 об.
- ³⁶ Карл XI – Г. Оксеншерне. 18 декабря 1674 г. // RA. RR. V. 412. S. 625 v-627; Карл XI – служилым людям и дворянству Эстляндии и Лифляндии. 20 декабря 1674 г. // Ibid. S. 663-664; Карл XI – Б. Таубе. 20 декабря 1674 г. // Ibid. S. 664 v. Инструкция графу А. де ла Гарди. 20 декабря 1674 г. // Ibid. S. 665-667; Предписания и инструкция графу А. де ла Гарди 20 декабря 1674 г. // Ibid. S. 667-668; Предписания графу А. де ла Гарди. 20 декабря 1674 г. // Ibid. S. 668-669.
- ³⁷ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. Из Варшавы 13(17) марта 1675 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 110.
- ³⁸ Письмо Фридриха I Вильгельма к Алексею Михайловичу. 3 февраля 1675 г. (получена 11 апреля 1675 г.) Перевод // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1675 г. № 1. Л. 21-23. См. также: + *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста... // ЖМНП. 1900. Август. С. 307-310.
- ³⁹ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. [Без даты]; получено 11 марта 1675 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 96.
- ⁴⁰ Алексей Михайлович – Карлу XI. Копия грамоты. 27 апреля 1675 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1675. № 4. Л. 5 об-7. См. также: + *Попов А.* Указ. соч. С. 120.
- ⁴¹ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VI. С. 496-497.
- ⁴² *Grönebaum F.* Op. cit. S. 74. *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674-1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1976. S. 24.
- ⁴³ Ibid. S. 29.
- ⁴⁴ «салтана, и везирия, и хана наустили» совершить нападение на Украину, чтобы московские войска к полским войскам в соединении не допустити и мечем поганским до конца погубити». «А сами вожди и правители полские, чтоб войска свои поготову в собрании имели, но еще уневерсалы розослали всей Речи Посполитой, чтоб не збиралис, радуючис тому, что все поганство рушилися на государство московское». В то же время поляки не располагали достаточными войсками, чтобы оказать сопротивление нападавшим на

- них туркам. Донесения В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 3/13 октября из Львова — 10 октября 1674 г. из Варшавы; без даты, начала отсутствуют // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 163. Л. 82, 108-108 об.
- ⁴⁵ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 44-45. *Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629–1696. Wyd. 2. Warszawa, 1994. *Grönebaum F.* Frankreich in Ost- und Nordeuropa. Die französisch-russischen Beziehungen von 1648-1689. Wiesbaden, 1968. S. 72. *Birnbaum K.E.* Johan Op.cit. S. 29, 33-35. + *Zernack K.* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Teil I: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689. 1958. S. 82-83; *Piawski.* The Baltic policy of King John Sobieski // *Baltic countries.* II. 1. 1936. Ян III Собеский говорил французскому послу кардиналу епископу Туссену Жансону де Форбену, что готов помириться с Турцией, а после заключения мира с султаном направить войска в Восточную Пруссию, на которую Франция имеет право (*Wójcik Z.* Op. cit. S. 23–24). *Hoffstedt R.* Sveriges utrikespolitik under krigsåren. Uppsala, 1943.
- ⁴⁶ *Birnbaum K.E.* Op. cit. S. 33-35.
- ⁴⁷ *Понов А.* Указ. соч. С. 122.
- ⁴⁸ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. 10-24 декабря 1674 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 16.
- ⁴⁹ Письмо А. С. Матвеева к П. Свидерскому. 15 января 1674 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 140 об; Грамота Яна III Собеского Алексею Михайловичу. 9 декабря 1674 г. // Там же. Л. 150 об; Грамота Яна III Собеского Алексею Михайловичу. 20 декабря 1673 г. // Там же. Л. 151 об.
- ⁵⁰ *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. S. 463.
- ⁵¹ Отрывок из книги пребывания А. Кладницкого в России. Переговоры 19 апреля 1675 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 155 об-156 об.
- ⁵² Грамота Алексея Михайловича Яну III Собескому. [Без даты; вторая половина января — начало февраля 1676 г.] // Там же. Л. 27 об-31.
- ⁵³ Грамоты Яна III Собеского Алексею Михайловичу. 18, 22 апреля 1675 г. // Там же. Л. 156-157, 157-158.
- ⁵⁴ Алексей Михайлович — В.М. Тяпкину. 14 января 1675 г. // Там же. Л. 160–161 об; В.М. Тяпкин — Яну III Собескому. 16 января 1675 г. // Там же. Л. 163–165 об.
- ⁵⁵ *Понов А.* Указ. соч. С. 204. Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. III. С. 1569.
- ⁵⁶ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. Без даты; май 1675 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 200-201.
- ⁵⁷ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. Без даты; 12 июня 1675 г. // Там же. Л. 226–227.
- ⁵⁸ *Понов А.* Указ. соч. С. 153–154.
- ⁵⁹ *Hoffstedt R.* Op. cit.

- ⁶⁰ Донесение В.М. Тяпкина А.С. Матвееву. Без даты; 4 мая 1675 г. (получено 29 мая) // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 190-190 об.
- ⁶¹ *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. S. 463.
- ⁶² «...вешенно, каким случаем коруна свийская с своим войскомъ, которое войско в цесарской земле правит генерал Густаф Врангель, вступили в ваши курфистровы маркъские и померские земли без всякой причины и в те не точию неприятельски вошли, но разорили и опустошили» (Грамота Алексея Михайловича Фридриху I Вильгельму. 21 апреля 1675 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1675 г. № 1. Л. 43-44. Согласно грамоте 19 апреля, царь берет на себя обязательство не отправлять посольство в Стокгольм, а провести съезд на границе (*Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста... // ЖМНП. 1900. Июль. С. 311-314).
- ⁶³ *Droysen I. G.* Geschichte des Preussischen politik. S. 541-542.
- ⁶⁴ *Lisk U.J.* The Struggle for the Supremacy in the Baltic. NY. 1967. P. 121.
- ⁶⁵ *Понов А.* Указ. соч. С. 156-157.
- ⁶⁶ Алексей Михайлович – В.М. Тяпкину. 14 января 1675 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 160-161 об; В.М. Тяпкин – Яну III Собескому. 16 января 1675 г. // Там же. Л. 163-165 об.
- ⁶⁷ Статейный список пребывания в России К. фан Кленка. Протоколы переговоров 22 января 1676 г. // РГАДА. Ф. 50 – Сношения России с Голландией. Оп. 1. 1675 г. № 3. Л. 440.
- ⁶⁸ Статейный список пребывания в России Ф. де Баттони и К.-Г. Терлингера. Протокол переговоров 4 сентября 1675 г. // ПДС. Т. V. М., 1858. С. 214, 215. «... Принуждены будут Шведы половину силы своей, которую они вывели для опасения границ своихъ, паки назад возвратить, и тем им не малое отвращение от войны учинено будеть...» (Там же. С. 220). Статейный список. Запись 20 сентября (Там же. С. 238). См. также: *Zernack K.* Op. cit. S. 66. + Мемориал Мейеркрона. 7 июня 1676 г. // Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900 (Рязань, 2008). С. LIII-LIV.
- ⁶⁹ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1899. Июнь. С. 318-319.
- ⁷⁰ *Иванова О.* Русско-датские переговоры в 50-е гг. XVII в. (история вопроса и источники) // Русская и украинская дипломатия в Евразии. 50-е годы XVII века. М., 2000. С. 94.
- ⁷¹ К. фан Кленк, подобно шведам, намеревался, используя волжский водный путь, торговать с Персией. Во время его пребывания в Москве здесь шли переговоры с персидским посланцем Магметом Усейн Бекон, конечным пунктом назначения которого являлась Речь Посполитая. К. фан Кленк рассчитывал получить право покупки персидского шелка из первых рук, право перепродажи, продажи товаров, на которые до этого в Архангельске выменивали шелк сырец (Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 463. Прим. 7). Сам К. фан Кленк принадлежал к нидерландскому купеческому роду, который вел тор-

- говлю в России начиная со Смутного времени. Кампания братьев Кленк и Рейнира де Свана вела активную торговлю с Архангельском, покупая там в первую очередь рожь, поташ, пеньку. В 1672 г. Кленк был назначен членом магистрата Амстердама и практически оказался на вершине социальной лестницы, неоднократно входил в коллегию девяти судей, занимался судебными делами по вопросам морского дела (*Велувенкамп Я.В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550–1785. М., 2006. С. 153-154).
- ⁷² Мемориал Мейеркрона. 7 июня 1676 г. // Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900 (Рязань, 2008). С. LIII-LIV.
- ⁷³ Габель фон Ф. — Долгорукову Ю.А. 25 октября 1676 г. Перевод 10 ноября 1676 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1676 г. № 2. Л. 59; Статейный список пребывания Ф. фон Габеля в России. Его аудиенция у Лариона Иванова [Без даты; 15 ноября — 4 декабря] // Там же. Л. 231-238.
- ⁷⁴ *Zernack K.* Op. cit. S. 65.
- ⁷⁵ Примерно такой же точки зрения придерживался датский король. Датский король отдавал себе отчет, что Русское государство не пойдет на открытый разрыв отношений со Швецией, но Кристиан V надеялся, что оно предоставит союзникам свои войска (Мемориал датского чрезвычайного посла в Соединенных Провинциях Мейеркрона. // Посольство Кунраада Фан Кленка... С. LIII-LIV).
- ⁷⁶ Кленк фан К. — Фаахелю. 19/29 января 1676 г. Цит. по: Там же. С. 422.
- ⁷⁷ *Zernack K.* Op. cit. S. 65; И. Скультетус — Фридриху Вильгельму. 1 сентября 1675 г. // UA. V. 19. S. 299.
- ⁷⁸ *Форстен Г.В.* К внешней политике Вильгельма бранденбургского... // ЖМНП. 1900. Июль. С. 53; Август. С. 304-306. Краткую справку о посольстве Скультетуса И. см.: *V. von Köhne.* Berlin, Moskau, St. Petersburg 1649 bis 1763. Berlin, 1882. S. 15.
- ⁷⁹ Инструкция И. Скультетусу. 10/20 мая 1675 г. // UA. Bd. 7. P. 297.
- ⁸⁰ Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского к великому царю московскому Алексею Михайловичу в 1675 году. СПб., 1837. С. 337.
- ⁸¹ Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675 nach Russland angetreten // *Busching A.F.* Magazin für die neu Historie und Geographie. IX. Theil. 1775. S. 40.
- ⁸² *Форстен Г.В.* Датские дипломаты при русском дворе XVII века // ЖМНП. 1904. Т. 355. Сентябрь. С. 129-141.
- ⁸³ *Его же.* К внешней политике великого курфюрста... // ЖМНП. 1900. Август. С. 318.
- ⁸⁴ «Из Стеколна июля 6г числа. Королевское В-во паки приехал в Стеколно и великог государя гонцу велел быти у себя на приезде. И у насъ в Стеколне велми дивятся, для чего Хованскому на рубеже велено войско собирать и пять человекъ полковников с Москвы к нему послать. Так ж у нас слышно,

что четыре посланных идут к Москве, а именно царской, датской, галанской, брандбургской, которые ищут помощи, чтоб царское величество шведу в Лифлянтах учинил помешку. А у нас надежны, что царское величество скоролевским величеством их ради советников вековечной мир и соседственную дружбу не нарушит, потому что курфюрст брандбургской недавно на бою убит и ныне ищет мириться, чего ради помочи просити ему ненадобно». (Перевод с царских печатных курантов, каковы присланы через виленскую почту... 7 августа // Ф. 79 – Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1675 г. № 6. Л. 204).

- ⁸⁵ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 297.
- ⁸⁶ 21/31 августа И. Скультетус говорил, что после того как Бранденбург подвергся нападению со стороны Швеции, царь приказал кн. И.А. Хованскому и его сыну идти к шведской границе и «предстать перед глазами шведов», расположиться между Новгородом, Псковом и Луками (Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675... S. 37).
- ⁸⁷ *Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674-1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej.* Wrocław-Warszawa-Krakow, 1976. S. 23-24.
- ⁸⁸ *Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce.* Т. II. S. 465.
- ⁸⁹ *Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672-1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 120-121.*
- ⁹⁰ *Форстен Г.В. Датские дипломаты...* С. 138.
- ⁹¹ Карл XI – А. де ла Гарди. 22 сентября 1675 г. (два письма) // RA. RR. V. 417. S. 575-575 v, 578 v.; Карл XI – Г. Оксеншерне // Ibid. S. 450-451.; + См. также: *Zernack K.* Op. cit. S. 68.
- ⁹² РГАДА. Ф. 210 – Разрядный приказ. Книги Новгородского стола. Кн. 30. Л. 15.
- ⁹³ Грамота Карла XI Алексею Михайловичу. [Без даты; прислана 17 сентября 1675 г.]. Перевод // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 99. Л. 39-48.
- ⁹⁴ Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675... S. 44. Помимо этого регулярно присылались «цесарские» и голландские газеты через виленскую почту. (см.: *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.-СПб., 2011.) Виленской почтой пользовался и русский резидент в Речи Посполитой В.М. Тяпкин, также постоянно сообщавший о происходившем. Иногда «куранты» содержали ложную информацию, например о серьезном поражении войск Фридриха Вильгельма и о его гибели, так что И. Скультетусу пришлось специально опровергать эти сведения (*Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900. Август. С. 318).
- ⁹⁵ *Шамин С.М.* Указ. соч. С. 113.
- ⁹⁶ Блюш Ф. Указ. соч. С. 477.
- ⁹⁷ Немецкий текст - Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675... S. 33. Этот пункт был переведен на русский язык: «Для того

чтобы их убедить, следует использовать самые сильные аргументы, показать этой нации, что они не имели лучшей возможности в течение ста лет, чтобы нанести шведам, которые по природе являются их злейшими врагами, такое сильное поражение, получить назад все захваченные ими провинции и поставить их перед лицом происшедшего». В переводе пунктов, поданных в Посольский приказ, указывалось: «И понеже достоверно ведомо, какую великую досаду шведы впрежних временах его царскому величеству и царскому преимуществу по взятии Ижорские и Корельские земел и городов съ их уездами Орешка и Ругодива учинили. А его царское величество икогда лутчаго времени, нежели нынешняго, ко отмщению найти и обретати не можеть... его царское величество время себе получит счасливо и по своему желанию наступления своя совершити безо всякой помехи, потому что шведы бол'ши одного войска не имеют под владением генерала графа Густава Врангеля, которые потребляет ко обереганью земель своих в Римском государстве, в Лифляндии ныне тож воинских людей не имеют, а водою, оружием ничем не готовы, и нелзя им на земские свои даточные надеяться, в Римском государстве они ж всю любовь потеряли, и нигде им поволят нанят служивых людей. А если ныне нашего благополучия, которой впрעד никогда паки настанет, прогулят и пропускат учнуть. Может быти, что е.с.в.во каятися станет». (Статьи, поданные посланником 10/20 августа 1675 г. (перевод 19 августа ст.ст.) // РГАДА. Ф. 74 – Сношения России с Пруссией. Оп. 1. 1675 г. № 2. Л. 102-104). По убеждению И. Скультетуса, «пришло время, когда нужно сказать или да, или нет. Если у царя к этому времени сложилось впечатление, что Швецию должны схватить за горло столько врагов, собравшись вместе, я позабочусь, чтобы они раскаялись и не откладывали это дело на сто лет» (+ Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675... S. 36-37). См. также: *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900. Август. С. 319. Вместе с тем русское правительство получило информацию о положении Швеции из отписки М. Тарасова: «А королевского величества генерал Врангел своими курфирста бранденбургского владение войною вступил и многие города побрал. И ныне де государь стоит под городом Берлиным. А для де того королевское величество указал в курфистрово владение вступить, чтоб курфирстр бранденбургской царскому величеству и галанским статом против королевского величества французского помочи не чинил. А меж де королевским величеством французским и королевским величеством свейским союзство учинено такое, что им, обоим государем, против неприятелей их, кто будет, отпор давать единодушно. А королевское, де, величество французской королевскому величеству французской обещал ежегод давать по несколку тесяч золотых червонных, смотря по времени. Да королевское де величество аглинской обещал дать королевскому величеству свейскому восемьдесят кораблей воинских, как ему, королевскому величеству, понадобится. А ругодивский генерал, государь, с твоей стороны зело страх имеет и город Ругодив беспрестанно крепит». (Отписка М. Тарасова Алексею Михайловичу. 31 мая 1675 г. (получена 1 июля) // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 99. Л. 33-34).

- ⁹⁸ В результате у датского резидента сложилось впечатление, что в России все делается для видимости, а не для достижения реальных целей. Благоприятное настроение датчан, по наблюдениям Г.В. Форстена, вскоре сменилось недоверием. (*Форстен Г.В.* Датские дипломаты... С. 129-141).
- ⁹⁹ Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675... S. 35.
- ¹⁰⁰ *Санин Г.А.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672-1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. С. 109.
- ¹⁰¹ Упоминалась попытка Россия договориться с курфюрстом – имелись в виду переговоры бранденбургского посла Ю.К. Эйленберга с Россией в 1656 г. Тогда в связи с распространением сведений о том, что Швеция намерена совершить нападение на Россию, Бранденбург гарантировал безопасность Эстляндии и Лифляндии. В порядке подтверждения дружбы царь брал на себя обязательство оказывать курфюрсту помощь.
- ¹⁰² Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675... . S. 25, 41, 60. *Zernack K.* Op. cit. S. 62; *Birnbaum K.E.* Op. cit. S. 48-50.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 210. Книги новгородского стола. № 30. Л. 15 об, 17-19.
- ¹⁰⁴ Гессе Г.Д. – Скультетусу И. 9/19 октября 1675 г. // UA. Bd. 12. S. 293. Гессе Г.Д. – Фридриху Вильгельму. 24 октября / 3 ноября 1675 г. // UA. Bd. 12. S. 313.
- ¹⁰⁵ Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675... S. 25, 35, 60. *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста... // ЖМНП. 1900. Август. С. 319.
- ¹⁰⁶ *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста... // ЖМНП. 1900. Август. С. 320.
- ¹⁰⁷ Скультетус – Фридриху Вильгельму. 1/11 сентября 1675 г. // UA. Bd. 12. S. 300.
- ¹⁰⁸ Статейный список пребывания в России Ф. де Баттони и К.-Г. Терлингера. Протокол переговоров 4 сентября 1675 г... ПДС. Т. V. С. 212-216. Письмо Ф.- де Баттони и К.-Г. Терлингера. Перевод. 12 октября // Там же. С. 217-220. См. также: *Zernack K.* Op. cit. S. 66.
- ¹⁰⁹ Статейный список пребывания в России Ф. де Баттони и К.-Г. Терлингера. Протокол переговоров 4 сентября 1675 г... С. 218-219.
- ¹¹⁰ Статейный список пребывания в России Ф. де Баттони и К.-Г. Терлингера. Протокол переговоров 4 сентября 1675 г... С. 214-215, 218-221. См. также: *Zernack K.* Op. cit. S. 66.
- ¹¹¹ *Понов А.* Указ. соч. С. 161; *Birnbaum K.E.* Op. cit. S. 49.
- ¹¹² Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675 nach Russland angetreten... S.53.
- ¹¹³ Грамота Карла XI Алексею Михайловичу. [Без даты; прислана 17 сентября 1675 г.]. Перевод // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 99. Л. 39-48.
- ¹¹⁴ Грамота Алексея Михайловича Фридриху Вильгельму. 30 сентября 1675 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1675 г. № 2. Л. 136-137.

115

- ¹¹⁶ По М.Т. Российская элита в 17-ом веке. Т. 1. Думные и церемониальные чины государева двора 1613-1713. Хельсинки, 2004. С. 394 / *Poe M.T. with Kosheleva O., Martin B., Morozov B.* The Russian elite in the seventeenth Century. V. 1. The consular and ceremonial ranks of the Russian "sovereign court" 1613-1713. Helsinki, 2004. V. 1.
- ¹¹⁷ Форстен Г.В. К внешней политике великого курфюрста... // ЖМНП. 1900. Август. С. 321.
- ¹¹⁸ Статейный список М. Тарасова. Запись 2 сентября 1675 г. // РГАДА. Ф. 96. Кн. 99. Л. 36-36 об.
- ¹¹⁹ Форстен Г.В. К внешней политике великого курфюрста... // ЖМНП. 1900. Август. С. 320.
- ¹²⁰ Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675 nach Russland angetreten... S. 66-67.
- ¹²¹ Грамота Алексея Михайловича Яну III Собескому. 21 сентября 1675 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 21 об-22.
- ¹²² Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. S. 472-474.
- ¹²³ Ян III Собеский – Алексею Михайловичу. 12 сентября 1675 г. Перевод // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 21; Грамота Алексея Михайловича Яну III Собескому. 21 сентября 1675 г. // Там же. Л. 21-22. Грамота Алексея Михайловича Яну III Собескому. 19 ноября 1675 г. // Там же. Л. 24-2.
- ¹²⁴ Статейный список пребывания в России Ф. де Боттони и К.-Г. Терлингера. Протокол переговоров 22 сентября 1675 г... С. 246; *Grönebaum F.* Op. cit. S. 72.
- ¹²⁵ Ответ на статьи, представленные И. Скультетусом. 4 октября 1675 г. Черновик // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1675 г. № 2. Л. 157, 158, 167.
- ¹²⁶ Грамота Алексея Михайловича Фридриху Вильгельму. 30 сентября 1675 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1675 г. № 2. Л. 136-137.
- ¹²⁷ Форстен Г.В. Датские дипломаты... С. 137.
- ¹²⁸ Сказание Адольфа Лизека ... С. 41, 49-50.
- ¹²⁹ Форстен Г.В. Датские дипломаты... С. 139-140.
- ¹³⁰ *Lisk U.J.* The Struggle for the Supremacy in the Baltic. NY. 1967. P. 121.
- ¹³¹ *Droysen I.G.* Op. cit. S. 543-544.
- ¹³² Карл XI – А. де ла Гарди. 22 сентября 1675 г. (два письма) // RA. RR. V. 412. Ibid. S. 575-575 v, 578 v; Карл XI – Камер-коллегии. 23 сентября // Ibid. S. 579 v – 580; Карл XI – Я. Секулу. 23 сентября // Ibid. S. 580; Карл XI – Г. Оксеншерне. 23 сентября // Ibid. S. 580-581 v; Карл XI – Г. фон Ленгдену. 23 сентября // Ibid. S. 581-581 v; Карл XI – Г. Оксеншерне. 24 сентября 1675 г. // Ibid. S. 450-451. См. также: + *Zernack K.* Op. cit. S. 68.
- ¹³³ Грамота Алексея Михайловича Карлу XI. 29 октября 1675 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100. Л. 4-4 об.
- ¹³⁴ *Birnbaum K.E.* Op. cit. S. 29.

- ¹³⁵ Грамота Алексея Михайловича Яну III Собескому. 19 ноября 1675 г. // РГА-ДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 24-25. Воспользовавшись ситуацией, Д.П. Дорошенко заставил калынского воеводу И. Сирка с пришедшими казаками из Сечи и с Дону принести присягу царю, и изъявил покорность Москве, отослал в Москву своего тестя Павла Яненко Хмельницкого. Окончательно Д.П. Дорошенко поддался Г.Г. Ромодановскому с приходом последнего под Чигирин. 20 последующих лет он провел под Новгородом. (Ibid. S. 474-475+ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 124. *Wójcik Z.* Op. cit. S. 25).
- ¹³⁶ Отписка М. Черкасского Алексею Михайловичу. 19 октября 1675 г. // РГА-ДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100. Л. 1-2; Грамота Алексея Михайловича Карлу IX. 29 октября 1675 г. // Там же. Л. 4-7.
- ¹³⁷ *Форстен Г.В.* Датские дипломаты... С. 143.
- ¹³⁸ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671-1725). СПб., 2008. С. 80. Прим. 58, 59.
- ¹³⁹ Лиллиехёк А. — Карлу XI. 19 октября ст.ст., 3 ноября 1675 г. // RA. *Diplomatica. Polonica.* V. 69.
- ¹⁴⁰ Карл XI — Крейцу Э.И. 15 сентября 1675 г. // RA. RR. V. 417. S. 551.
- ¹⁴¹ Карл XI — А. де ла Гарди // RA. RR. V. 417. S. 575-575 v.
- ¹⁴² Отписка М. Черкасского Алексею Михайловичу. 24 октября 1675 г. // РГА-ДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100. Л. 1-2 об.
- ¹⁴³ Карл XI — Алексею Михайловичу. 19 января 1676 г. // RA. RR. V. 421. S. 222 v — 226 v. Правда, шведский резидент в Речи Посполитой Лиллиехёк А. отмечал, что габсбургская коалиция, Дания, Испания, монархия Габсбургов не обладают достаточной сплоченностью. «Никто не в состоянии сам справиться, тем более оказать помощь другим». Как писал шведский резидент, «все находится в большом волнении», Швеция «совсем не опоздала с войной» с Габсбургской коалицией. Лиллиехёк — Карлу XI. 3 ноября 1675 г. // RA. *Diplomatica. Polonica.* V. 69.
- ¹⁴⁴ *Hoffstedt R.* Op. cit. S. 85.
- ¹⁴⁵ Карл XI — генерал-губернатору Эстляндии, Лифляндии, Ингерманландии. 21 января 1676 г. // RA. RR. V. 421. S. 247.
- ¹⁴⁶ «И если король не отправит посольства, король может придти к миру и безопасности с соседями, они с радостью могут принести присягу, так как они будут освобождены от других трудностей, это может оказаться очень хорошо для обеих сторон. Они могут поступить на королевскую службу, если у меня будут королевские письма, я их покажу (представителям дворянства. — *Е.К.*) при первой возможности» (Крейц Э.И. — Карлу XI. 8, 15, 19, 21 января 1676 г. // RA. *Diplomatica. Muscovitica.* V. 93).
- ¹⁴⁷ Карл XI — Крейцу Э.И. 22 января 1676 г. // RA. *Diplomatica. Muscovitica.* V. 97. S. 1-3.
- ¹⁴⁸ Гессе Г.Д. — Фридриху Вильгельму. 26 декабря 1675 г. / 5 января 1676 г., 15/26 января 1676 г. // UA. Bd. 12. P. 302-303. См. также: + *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста... // ЖМНП. 1900. Август. С. 322.

- ¹⁴⁹ Грамота Алексея Михайловича Яну III Собескому. [Без даты; 14 января – 8 февраля 1676 г.] // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 27 об-31.
- ¹⁵⁰ *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. Январь. С. 2.
- ¹⁵¹ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 125.
- ¹⁵² ???
- ¹⁵³ Цит. по: *Gr nebaum F.* Op. cit. S. 71.
- ¹⁵⁴ Цит. по: Ibid
- ¹⁵⁵ *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. S. 475.
- ¹⁵⁶ В качестве компенсации Речь Посполитая полагала, что ей передадут Прусское княжество, Śląsk или часть Węgier, которые Ян III Собеский надеялся присоединить в результате уступок со стороны Австрии и Бранденбурга, опираясь на помощь Франции и Швеции (*Wójcik Z.* Op. cit. S. 55).
- ¹⁵⁷ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 125.
- ¹⁵⁸ *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей.... С. 2-3.
- ¹⁵⁹ Пребывания в России К. фан Кленка. Протокол переговоров 19 января 1676 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1675 г. № 3. Л. 433-440, 446, 449.
- ¹⁶⁰ Пребывания в России К. фан Кленка. Протокол переговоров 21 января 1676 г. // Там же. Л. 433-449. + Посольство Кунраада фан Кленка... С. 415-424.
- ¹⁶¹ Пребывание в России К. фан Кленка. Протокол переговоров 15 февраля 1676 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1675 г. № 3. Л. 533-539. Те же требования были повторены в письме К. фан Кленка (Письмо К. фан Кленка в Посольский приказ. Перевод 22 февраля 1676 г. // Там же. Л. 486-488). + Посольство Кунраада фан Кленка... С. 443-444.
- ¹⁶² Вильгельм Оранский – фан Кленку К. Перевод 13 апреля 1676 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1675 г. № 3. Л. 604.
- ¹⁶³ *Gr nebaum F.* Op. cit. S. 73.
- ¹⁶⁴ *Демидова Н.Ф.* Федор Алексеевич // *Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 175-182.
- ¹⁶⁵ *Богданов А.П.* Царь Феодор Алексеевич. 1676-1682. М., 1994.
- ¹⁶⁶ *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
- ¹⁶⁷ М. Ге вызывал большое недоверие у фан Кленка. В марте 1676 г., как К. фан Кленку сообщил Г.Д. Гессе, двор датского резидента стали охранять стрельцы. В дополнении к составленному К. фан Кленком описанию голландского посольства (1676 г.) отмечается, что М. Ге «впал за дурное поведение в немилость в Москве 3 года тому назад, теперь занимается лишь выдумками на высокопоставленных лиц (hooge Ministers), каковые выдумки сообщает своему королю». Ввиду этого фан Кленк просит, чтобы верили лишь сообщениям его, фан Кленка. Как он утверждал, М. Ге – «человек, стоящий

- совершенно не в курсе дел при Московском дворе: ему не дали никакой информации о своем деле императорские послы» (можно было бы добавить, что так как монархия Габсбургов и Дания преследовали в России различные интересы, Ф. де Баттони, учитывая низкий статус датского резидента, не считал нужным ставить его в известность о происходящем). М. Ге, по убеждению К. ван Кленка, «черпает сведения вообще из мутных источников, сообщения его часто оказывались неправильными, к участию в конференциях бояр с Кленком он едва ли будет допущен» (опять же встает вопрос о том, насколько объективно голландец относился к датчанину). Вероятно, М. Ге действительно не являлся тем человеком, который мог сыграть существенную роль в развитии событий. Однако вполне возможно, что, так как между Данией и Соединенными Провинциями имели место существенные противоречия, представитель последней относился к датскому резиденту с нескрываемой антипатией. (Посольство Кунраада ван Кленка... С. 442. Прим. 7).
- ¹⁶⁸ Карл XI – Крейцу Э.И. 15 марта 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 97. S. 4d.
- ¹⁶⁹ Карл XI – Крейцу Э.И. 21 марта 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 97. S. 4b-4c.
- ¹⁷⁰ Наказ И. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. [Май 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. Д. 3. Л. 9-10.
- ¹⁷¹ Протопопов С. – Матвееву А.С. [Без даты; после 11 апреля 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 2. Л. 46-48.
- ¹⁷² Федор Михайлович – Карлу IX. 9 февраля 1676 г. // Там же. Л. 15-16.
- ¹⁷³ Цит. по: *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Швецией и Данией в царствование Феодора Алексеевича // *Русский вестник.* 1889. Т. 200. Январь. С. 4-5.
- ¹⁷⁴ Карл XI – Федору Алексеевичу. 7 апреля 1676 г. // RA. RR. V. 422. S. 361-366; Верительная грамота Э.И. Крейцу, Г. фон Тизенгаузену, Г.Й. фон Будбергу. 7 апреля 1676 г. // *Ibid.* V. 422. S. 367 v – 369.
- ¹⁷⁵ *Hoffstedt R.* Op. cit. S. 62.
- ¹⁷⁶ Польское письмо. Перевод. [Без даты; февраль-март 1676 г.] // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 192-193.
- ¹⁷⁷ Грамота Яна III Сообеского Федору Алексеевичу. 20 марта 1676 г. // Там же. Л. 201-205.
- ¹⁷⁸ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 127.
- ¹⁷⁹ *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. S. 475.
- ¹⁸⁰ *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. Январь. С. 3.
- ¹⁸¹ 3 мая / 23 апреля французский посол в Речи Посполитой Туссен Форбин-Жонсон писал, что Ян III Собеский пойдет по пути сближения с Людовиком XIV, чтобы вести войну с Россией и Бранденбургом. Тогда бы Швеция могла совершить нападение на Пруссию. Обсуждалась возможность

превратить Лифляндию в территорию, где расположены польские и шведские войска, направленные для захвата Восточной Пруссии. Обеспокоенный сложившейся ситуацией Фридрих Вильгельм в мае 1676 г. направил к Яну III Собескому канцлера Ховербека, которому польский король дал неопределенный ответ, чем вызвал большое беспокойство канцлера (*Wójcik Z. Op. cit. S. 78-80, 91-98; Birnbaum K.E. Op. cit. S. 51-53, 59-65; +Zernack K. Op. cit. S. 81-82*).

¹⁸² Попов В. Указ. соч. С. 184-185.

¹⁸³ *Birnbaum K.E. Op. cit. S. 52-53; Hofstedt R. Op. cit. S. 190-191. Wójcik Z. Op. cit. S. 42-43.* Ян III Собеский говорил о своих планах борьбы с Бранденбургом, условием чего являлось заключение мира с Турцией, Людовик XIV считал, что замирение Речи Посполитой с Турцией может вызвать реакцию Москвы, что возникнут дополнительные трудности с Варшавой, которые приведут к усилению «папской» (габсбургской) дипломатии. Джон Пинч, английский резидент в Стамбуле, писал лорду Арлингтону Перу 31 мая 1676 г.: «Касаясь ответа, которое его величество желает относительно переговоров с поляками, мы дадим им понять, что их нация настолько непостоянна, что от них нельзя ожидать ничего твердого и постоянного, что мешает делать какую-либо оценку их предложениям» (*Ibid. S. 43, прим. 129*).

¹⁸⁴ *Wójcik Z. Op. cit. S. 55; Г.Д. Гессе — Фридриху-Вильгельму. 5/15 апреля 1676 г. // UA. V. XIX. S. 305-306.*

¹⁸⁵ Попов А. Указ. соч. С. 183.(ст.сп. Л. 620-631)

¹⁸⁶ Там же. С. 184-185, 191-192.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 30. Л. 60-64.

¹⁸⁸ Гессе Г.Д. — Фридриху I Вильгельму. 26 декабря / 5 января 1676 г. // UA. Vd. 12. S. 302-303. Там же.

¹⁸⁹ Бушкович П. Указ. соч. С. 91-92. Прим. 2.

¹⁹⁰ Цит. по: *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Швецией и Данией в царствование Феодора Алексеевича // *Русский вестник.* 1889. Т. 200. Январь. С. 4-5. См. также: ПДС. Т. V. С. 460-461. С. Протопопов привез мартовские сведения от купца из Нарвы: те, кто живут на шведском побережье Балтийского моря, предвидя возможность нападения русских, питают серьезные опасения относительно всех своих соседей, которые заняли значительное число городов и мест шведского государства и там закрепились. Многие шведы покинули свои поместья и пришли в город. Жители приморских районов получили указания Карла XI отвезти треть собранного хлеба в прибрежные города. См. также: *Zernack K. Op. cit. S. 71.*

¹⁹¹ Посольство Кунраада фан Кленка... С. 502. Прим. 2.

¹⁹² РГАДА. Ф. 210. Книги новгородского стола. № 30. Л. 60-64.

¹⁹³ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 125.+ *Попов А.* Указ. соч. С. 209-210; *Wójcik Z. Op. cit. S. 55.*

- ¹⁹⁴ Ян III Собеский – Федору Алексеевичу. 20/30 марта 1676 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 201 об-205.
- ¹⁹⁵ Ян III Собеский – Федору Алексеевичу. 14 апреля 1676 г. // Там же. Л. 35 об-37; Федор Алексеевичу – Яну III Собескому. 14 апреля // Там же. Л. 38-40.
- ¹⁹⁶ *Попов А.* Указ. соч. С. 209-210.
- ¹⁹⁷ Письмо К. фан Кленка Федору Алексеевичу. 22 апреля 1676 г. Перевод // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1675 г. № 3. Л. 576-577. Издатель описания посольства К. фан Кленка обращает внимание на расхождения между мемориалом и реляциями Ромпфа Фан Кленку. Посол ссылается на письмо 8/18 марта и дает более точную по сравнению с реляциями Ромпфа выдержку из реляции того же автора. Количество войск также изменено: вместо 10 указано 12-14 тыс. чел. (Посольство Кунраада фан Кленка... С. 502. Прим. 2). Согласно сообщению датского резидента М. Ге, голландский и датский послы 23 апреля / 3 мая потребовали вторжения русских войск в Лифляндию (неясно, кто имеется в виду, когда речь идет о датском после; Ф. фон Габель прибыл в Россию значительно позже, в августе 1676 г.). Составленный этими послами меморандум был оглашен в думе (*Бушкович П.* Указ. соч. С. 91. Прим. 12). Скорее всего, имеется в виду документ, поданный К. фан Кленком.
- ¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 210. Книги новгородского стола. № 30. Л. 60-64.
- ¹⁹⁹ Статейный список пребывания в России К. фан Кленка. Протокол переговоров 29 апреля 1676 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1675 г. № 3. Л. 634-640. Это место практически без изменений воспроизведено в голландском документе (+ Путешествие Кунраада фан Кленка... С. 505. Прим. 2 к С. 504).
- ²⁰⁰ *Попов А.* Указ. соч. С. 207.
- ²⁰¹ «О шведах слышать, что в Лифлянтах собираютца и хотят иттить в Прусы курфистровы или в Померскую землю, потому что им зело тесно. А буде с Москвою договоры разорвутца у них, пишут подлинно ис Курляндии, что кротчае будут в своих намерениях. (Перевод с польского письма. [Без даты; май])» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1676 г. № 4. Л. 187). 13/23 мая И. Жировский сообщал о готовящихся русско-шведских переговорах, о намерении шведов вывести в поле войска: «чаять, будто к своей воле принудить царское величество». «Ненадобно времени умедливать, потому что, хто ныне шведов нарывать, подлинное себе несчастье готовить» (И. Жировский – В. Тяпкину. 23 мая / 2 июня 1676 г. // Там же. Л. 200). Это письмо было получено в Москве уже после отправления посольства на границу.
- ²⁰² Статейный список пребывания в России К. фан Кленка. Протокол переговоров 29 апреля 1676 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1675 г. № 3. Л. 634-640.
- ²⁰³ *Попов А.* Указ. соч. С. 208.
- ²⁰⁴ Наказ И. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. [Без даты; 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 21-23; Наказ И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. Май 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 258 об.
- ²⁰⁵ Крейц Э.И. – Карлу XI. 28 августа 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93. S. 5 v.

- ²⁰⁶ Грамота Федора Михайловича И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. 12 июня 1676 г. // НИОР РГБ. Ф. 29. № 85. Л. 258.
- ²⁰⁷ *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 279.
- ²⁰⁸ Наказ И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. Черновик [Без даты; после 17 февраля 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 11-12.
- ²⁰⁹ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671-1725). СПб., 2008. С. 91. Прим. 12.
- ²¹⁰ *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.
- ²¹¹ Посольство Кунраада фан Кленка... С. 430. + *Бушкович П.* Указ. соч. С. 91-92. Прим. 12. Из Москвы Г.Д. Гессе также сообщал Фридриху Вильгельму о своей конференции с фан Кленком, которая состоялась тоже 16/26 мая. Во время этой встречи речь шла о дополнительных укреплениях в Лифляндии и Ингерманландии. Г.Д. Гессе считал нужным сообщить, что шведские купцы, заинтересованные в торговле, против войны в Померании, и что следующим номером будет совершено нападение русских на Лифляндию (последнее утверждение было безобоснованным, но так выглядела ситуация в глазах Гессе и, вероятно, не его одного) (Гессе Г.Д. — Фридриху I Вильгельму. 16/26 мая 1676 г. // UA. Bd. 19. S. 304-305.)
- ²¹² РГАДА. Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 30. Л. 79-81.
- ²¹³ Посольство Кунраада фан Кленка... С. 511-512.
- ²¹⁴ Там же. С. 513. Прим. 4. к с. 512.
- ²¹⁵ *Zernack K.* Op. cit. S. 73.
- ²¹⁶ *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста... // ЖМНП. 1900. Август. С. 318. Прим. 1.
- ²¹⁷ Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675 nach Russland angetreten... S. 41.
- ²¹⁸ *Бушкович П.* Указ соч. С. 91. Как отмечает американский историк П. Бушкович, «в источниках не обнаруживается ни малейшего намека на то, чтобы кто-то из бояр возражал против политики осторожного давления на Швецию». Однако само по себе «осторожное давление» не налагало никаких обязательств на бояр, у них не было причин для возражений.
- ²¹⁹ Протокол переговоров. Пятая конференция. 5 августа 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 488. Видимо, этому месту шведских протоколов соответствовало следующее место статейного списка: «И царского величества великие и полномочные послы свейским послом говорили, великий государь его царское величество с велеможнейшим государем их сь его королевским величеством свою государскую дружбу и любовь ныне имеет и свое государское намерение в государственных поступках не по преложению тех помянутых великих государей, но по своему государскому благо-

разсуждению управляет» (Статейный список И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого. Протоколы переговоров 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 5. Л. 73 об). Когда в Москву в 1677 г. из Дании приехал Ф. фон Габель, чтобы еще раз попытаться убедить Россию вступить в войну со Швецией, он обратил внимание на то, что царское окружение иначе, чем свидетельствуют приведенные источники, относится к проблеме, объявлять ли войну Стокгольму. По словам пересказывающего Ф. фон Габеля П.В. Седова, «молодые советники» стремились уговорить царя считать главным направлением внешней политики балтийское, а «старые бояре» были против этого (+П.В. Седов. Указ. соч. С. 347). Конечно, возможно, что у кн. Ю.А. Долгорукова, который являлся основным информантом Ф. фон Габеля, при том, что кн. Ю.А. Долгоруков был человеком старым (уже в 1627 г. он являлся стольником), могли вызывать возмущение любые противники, в том числе люди среднего возраста. П.В. Седов связывает происшедшие изменения во взглядах молодого поколения с тем, что взгляды последнего формировались в годы русско-польского сближения 60–70-х гг. XVIII в. У А.Л. Ордина-Нащокина появились последователи (+Там же. С. 346). На это можно возразить, что изменение отношения к Речи Посполитой было обусловлено не столько появлением нового поколения политических деятелей, сколько переменами в существующей расстановке сил в Европе, изменением самой политики Речи Посполитой, которая, как мы убедимся в дальнейшем, начинала видеть в России единственного надежного союзника по борьбе с султаном. Возможно, когда И.В. Бутурлин говорил о «молодом царе», а Ф. фон Габель — о «молодых советниках» царя, и русский, и датский дипломаты на самом деле имели в виду одно и то же. Вместе с тем при дворе действительно имелись сторонники А.Л. Ордина-Нащокина, которые в лице Одоевских уже после построения дипломата организовали его приезд в Москву в 1679 г. для участия в переговорах с польскими посланцами К. Бростовским и Я. Гнинским (см. главу 3 настоящей работы). Однако главной проблемой оставался вопрос о том, на каких условиях следует заключить Вечный мир с Речью Посполитой (вопрос о Смоленске и Киеве оставался нерешенным), а не вопрос о союзе с Варшавой в принципе.

²²⁰ Цит. по: *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900. Август. С. 318. Прим. 1.

²²¹ *Попов А.* Указ. соч. С. 193.

²²² *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского... С. 318.

²²³ *Форстен Г.В.* Датские дипломаты.... С. 153–154. Прим. 2 на с.153.

²²⁴ Габель Ф. — Долгорукову Ю.А. 25 октября 1676 г. Перевод 10 ноября 1676 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1676 г. № 2. Л. 59; Статейный список пребывания Ф. фон Габеля в России. Его аудиенция у Лариона Иванова [Без даты; 15 ноября — 4 декабря] // Там же. Л. 231–238.

²²⁵ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 104.

²²⁶ Посольство Кунраада фан Кленка... С. 513. Прим. 4, к с. 512.

- ²²⁷ Статейный список посольства И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого. Запись 18 мая 1676 г. // НИОР РГБ. Ф. 29. № 85. Л. 30.
- ²²⁸ *Попов А.* Указ. соч. С. 204.
- ²²⁹ Там же.
- ²³⁰ Отписка И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого. [После 18 мая 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Кн. 100. Л. 80-80 об.
- ²³¹ И.В. Бутурлин просил, чтобы ему дали отсрочку во всех делах, «кроме татинных и убивственных». Отсрочка была предоставлена, о чем свидетельствует помета, которую Е. Украинцев сделал на обороте челобитной Бутурлина (Челобитная И.В. Бутурлина. [Без даты; не позднее 3 мая 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 96. Л. 60-60 об). Отсрочка была подтверждена 30 мая (Подтверждение о предоставлении И.В. Бутурлину отсрочки в делах. [30 мая] // Там же. Л. 80). Видимо, эта отсрочка понадобилась в связи с задержкой с отъездом послов.
- ²³² *Седов П.В.* Указ. соч. С. 69-70, 235. Прим. 195.
- ²³³ *По М.Т.* Указ. соч. С. 390, 437.
- ²³⁴ Отписка И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого. [После 18 мая 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Кн. 100. Л. 21-75.
- ²³⁵ *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 278; Из выписи по сказкам новгородских и ладожских людей в Новгородской приказной палате. [Без даты; не ранее 16 июня 1676 г.] // РШЭО. № 225. С. 384-391; Из выписи по сказкам новгородских торговых людей в Новгородской приказной палате [Без даты; не ранее июня 1676 г.] // Там же. № 226. С. 391-392.
- ²³⁶ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 234.
- ²³⁷ Посольство Кунраада фан Кленка. С. 515. Прим. 1. *Седов П.В.* Указ. соч. С. 234.
- ²³⁸ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 453.
- ²³⁹ Подборку сведений о Степане Разине из иностранных газет, а также выполненных переводов известий из иностранных газет («куранты») см. в кн.: Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1975. См. также: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России с державами иностранными. Ч. IV. С. 89-90. Когда в 1672 г. в Москве проходили переговоры со шведским резидентом А. Эберсшёльдом, русские жаловались, что шведы распространяют ложную информацию: Степан Разин прислал лист в Карельскую и Ижорскую землю. (Из записей переговоров А. Эберсшёльда. 29 декабря 1672 г. // Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. III. № 236. С. 285-286); *Шамин С.М.* «Клеветы многие» о России (о первых попытках русского правительства бороться против распространения в европейских информационных изданиях негативных и ложных сведений о Московском государстве) // XXV Пушкинские чтения. А. С. Пушкин и Россия. Секция 4: Современная культурология и межкультурная коммуникация. М., 2006. С. 51-60. Однако на этом этапе клеветы о Степане Разине не проводились.

- ²⁴⁰ Наказ И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. Окончательный вариант. Май 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 174, 246 об.
- ²⁴¹ Там же. Л. 258 об -273 об.
- ²⁴² *Kappeler A. Die deutschem Russlandschriften der Zeit Ivans des Schrecklichen: Ivan Groznyi im Spiegel der ausländish Druckschriften seiner Zeit // Reiseberichte von Deutschen über Russland und von Russen über Deutschland. / Hrsg. von Fr. B. Kaiser und B. Stasiewski. Köln, Wien. 1980. S. 262–263. Рец.: Kessler W. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. Н. 2. S. 262–264; Лобанов Н.А. Образ России в германском обществе XVI-XVII веков // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 142–146.*
- ²⁴³ Наказ И. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. [Без даты; после 17 февраля 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 115–116.
- ²⁴⁴ Выписка из наказа И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л.Голосову, Меньшому. 19 мая 1676 г. // Там же. Л. 262.
- ²⁴⁵ Наказ И. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. [Без даты; после 17 февраля 1676 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 103–114.
- ²⁴⁶ Размышления М. Делагарди, касающиеся опасного положения Швеции. 30 марта 1676 г. // RA. Betänkiande och memorial i utrikes ärenden.
- ²⁴⁷ Крейц Э.И. – Карлу XI. 20 мая 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.
- ²⁴⁸ *Попов А.* Указ. соч. С. 210–211.
- ²⁴⁹ Цит. по: *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. С. 7.
- ²⁵⁰ Там же. С. 8.
- ²⁵¹ Письмо К.А. Чихровского. 20 июня 1676 г. Перевод // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 177. Л. 222 об–224.
- ²⁵² Федор Алексеевич направил в Путивль В.В. Голицына. Кн. Г.Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу поручалось списаться с польскими гетманами по поводу «случения» войск. Царь выражал готовность выступить в Крым, направив туда кн. К.М. Черкасского.
- ²⁵³ Федор Алексеевич велел кн. Г.Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу идти к Днепру и заключить договор о «случении» сил. Ответ Федора Алексеевича К.А. Чихровскому. 20 июня 1676 г. // Там же. Л. 233–233об. Ответ К.А. Чихровскому. 20 июня 1676 г. // Там же. Л. 233 об–234 об.
- ²⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Книги Новгородского стола. № 30. Л. 106 об, 111, 112.
- ²⁵⁵ Грамота Яна III Собеского Федору Алексеевичу. 20 сентября 1676 г. // Там же. Л. 306; Грамота Федора Алексеевича Яну III Собескому. 11 октября 1676 г. // Там же. Л. 318–323; Грамота Яна III Собеского Федору Алексеевичу. 20 ноября 1676 г. // Там же. Л. 326–327; Грамота Федора Алексеевича Яну III Собескому. 11 декабря 1676 г. // Там же. Л. 331–325 об.
- ²⁵⁶ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 125. В то же время 17/27 мая К. фан Кленк писал к себе на родину с предположением: «Государственные советники в столь молодые годы царя не желают войны», отказываются от диверсии в Кры-

му (Посольство Кунраада фан Кленка... С. 513. Прим. 4. к с. 512). Вряд ли царское окружение избегало столкновения с Крымом, учитывая молодость царя. Прошло меньше десяти лет с момента заключения Андрусовского перемирия. Силы России были истощены изнурительной войной с Речью Посполитой, на войска П. Дорошенко нельзя было положиться. Как показали Чигиринские походы 1677-1678 гг., двор не располагал опытными воеводами, которым можно было поручить ведение крупных военных операций. Имелась целая совокупность причин, по которым Россия не торопилась втягиваться в борьбу с Крымом.

- ²⁵⁷ *Korzon T.* Dzieje wojen wojskowości w Polsce epoka przedrozbiorowa. Т. II. S. 477–484.
- ²⁵⁸ Грамота Федора Алексеевича И.В. Бутурлину, А.И. Прончищеву. 3 июля 1676 г. // НИОР РГБ. Ф. 29. № 85.
- ²⁵⁹ По сведениям посла, находившиеся в районе Пскова кн. И.Б. Троекуров и кн. И.А. Хованский располагали 4 тыс. стрельцов и 2400 рейтар (видимо, Э.И. Крейц описывает тот момент, когда кн. И.Б. Троекуров прибыл на смену И.А. Хованского, но последний еще не успел уехать). Также речь шла о том, что 1 тыс. стрельцов будет переброшена к Ладогe. Крейц писал о том, что русские купцы, которым нравится торговать в Швеции, встревожены сложившимися обстоятельствами и думают, что русские войска будут направлены в Лифляндию (на самом деле речь могла идти о представителях тех придворных кругов, которые были заинтересованы в торговле со Швецией). (Крейц Э.И. — Карлу XI. 20 мая 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93).
- ²⁶⁰ *Штенцель А.* История войн на море с древнейших времен до конца XIX в. М., 2002. Т. 2.
- ²⁶¹ Крейц Э.И. — Карлу XI. 1 июля 1676 г. // Ibid.
- ²⁶² *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. С. 4.
- ²⁶³ *Korzon T.* Dzieje wojen wojskowości w Polsce epoka przedrozbiorowa. Т. II. S. 477–484.

Глава III

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ НА МЕУЗИЦЕ 1676 г. РУССКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ГОЛЛАНДСКОЙ ВОЙНЫ

Русско-шведские переговоры 1676 г.

Когда русская сторона готовилась к переговорам на Меузице, а бои в Померании продолжались, в Нимвегене начался конгресс, целью которого являлось мирное урегулирование в Европе. Теперь завоевания Густава II Адольфа и Карла XI Густава вызывали у шведов равнодушие и уныние, что давало противникам возможность легко добиться успеха. Датские и норвежские войска устремились к шведским границам, был разграблен Готланд, и складывалось впечатление (как показал опыт, совершенно справедливо), что вскоре Швеция потеряет немецкие провинции. Сначала полагали, что неудачи Карла XI носили случайный характер, но постепенно слабость Швеции становилась очевидной для всех участников конгресса. Веры в то, что Швеция может справиться со своими трудностями, не прибавлялось. Тем не менее шведы хотели продолжения войны (в то же время обсуждалась возможность заключения сепаратного мира с Соединенными Провинциями). Как стало очевидным с началом Нимвегенского конгресса, осенью 1676 г. надежд на быстрое заключение мира было очень мало¹. Карл XI думал о том, что следует перебросить войска из Лифляндии в Померанию, чтобы противостоять угрозе с моря, но в балтийских провинциях не было значительных сил при отсутствии средств для их содержания. Не было войска, готовых к отправлению на границу. Тем не менее Б. Горн был послан, чтобы провести предварительные работы для осуществления лифляндской экспедиции. Считалось, что если от нее откажутся, а пыл Яна III Собеского остынет, союзный договор Швеции с Речью Посполитой не приведет к войне в северонемецких провинциях².

В такой ситуации начались переговоры на Меузице, вызвавшие большое напряжение у шведов. После прибытия русских послов на место переговоров через их руки стала проходить предназначенная для Посольского приказа рижская почта. Они получили разрешение переводить необходимые для ведения переговоров материалы присылаемых через почту иностранных газет (курантов). Сохранились отписки И.В. Бутурлина о том, что сопровождавший его переводчик перевел нужные сведения, после чего газеты отослали в Москву³. В результате русские дипломаты первое время находились в курсе происходящих в Европе событий. В дальнейшем доставка посольству курантов была прекращена.

Русская сторона все же продемонстрировала намерение вести переговоры о заключении союза между Россией, Речью Посполитой и Швецией, хотя Ян III Собеский, конечно, не собирался становиться союзником Федора Алексеевича по борьбе с султаном и крымцами (мнение поляков относительно балтийских планов не было единым; члены сейма стремились к мирному разрешению конфликта⁴). 3 июля русским послам была послана новая царская грамота, в которой говорилось о заключении России с Речью Посполитой союза, направленного против Османской империи и Крыма⁵.

Первые съезды русских и шведских послов состоялись 18 и 20 июля. В своем донесении Карлу XI Э.И. Крейц констатировал, что оба государства хотят мира, может быть установлена дружба и заключен союз, «который будет покоиться на прочном фундаменте»⁶. Но, сделав это высказывание, Э.И. Крейц сразу начал проявлять обеспокоенность, так как русские говорили, что нужно начать с заключения двумя сторонами союза против Турции и татар⁷.

На повестку дня были поставлены традиционные вопросы – вопрос о проведении границы, которая должна была пройти через Теплый Камень, а также вопросы торговли, полоняников и перебежчиков. И.В. Бутурлин и И.А. Прончищев очередной раз обратили внимание на ограничение шведами прав русских купцов. В том числе в Стокгольме и Риге последним разрешают торговать лишь с местными жителями. Шведам в свою очередь не удалось добиться, чтобы русские высла-

ли пленных (при том, что, как можно добавить, все пленные должны были принять православие).

Стало очевидным стремление русских уйти от обсуждения этих проблем. Г. фон Тизенгаузен отмечал, что Риксрод (Государственный совет), как и прежде, исходил из того, что русские скрывают злостные намерения, добиваясь, чтобы переговоры были начаты с вопроса о союзе. По мнению Г. фон Тизенгаузена, русские считали, что сближение двух стран и тем более добрая дружба реально не могут состояться⁸. Э.И. Крейц и его спутники опасались, что русские будут настаивать на непредвиденных претензиях (что и произошло в действительности) и могут начать войну. (Правда, шведы были, судя по всему, достаточно хорошо информированы о разногласиях, которые имели место по этому поводу в Москве). Как мы еще раз сможем убедиться в дальнейшем, в Стокгольме знали, что на русских оказывают давление противники Карла XI.

Повторилась ситуация, с которой уже в 1674 г. столкнулся Г. Оксеншерна, хотя формально цели посольства 1674 и 1676 гг. были противоположными; на самом деле задачи, которые пытались решить Россия и Швеция, и при тех, и при других переговорах оставались одними и теми же. Тогда обсуждался проект союза против Османской империи, согласно которому предстояло установить дружбу между двумя государствами: обе стороны должны были сообщать друг другу о вступлении в войну с третьим государством. Теперь, в 1676 г., шведы, не заинтересованные в заключении союза, добивались, чтобы им представили проект союза, обсуждавшийся во время переговоров в Москве. Русские отвечали, что проект был изложен в грамоте, которую Михаил Федорович направил Карлу XI. Шведские послы не имели этой грамоты, хотя, по мнению И.В. Бутурлина и И.А. Прончишева, должны были бы привезти с собой, и требовали ее копию, которую в свою очередь не хотели предъявлять русские⁹. В царской грамоте от 3 августа напоминалось, что послам предписывалось лишь узнать, есть ли королевский указ по поводу союза, и просить показать им письмо, которое предстояло переслать царю¹⁰. Таким образом, у правительства не было серьезных намерений вести переговоры о союзе, соответствующее предложение было пробным камнем, оно исполь-

зовалось русскими с целью выиграть время. В конечном счете было решено, что русские представят новый проект договора.

23 июля Э.И. Крейц подтвердил желание шведской стороны заключить союз против Турции и крымского хана в том случае, если Османская империя и татары захватят Речь Посполитую, в том числе земли, которые Россия завоевала во время русско-польской войны. Предполагалась, что Россия и Швеция всегда будут сохранять дружбу. Каждая сторона была должна предупреждать другую, «если бы что обрелось», например произошел конфликт с третьим государством. И Стокгольму, и Москве следовало отказываться от предоставления помощи противникам другой стороны. При просьбе одной из сторон оказать ей помощь другая сторона должна была согласиться это сделать¹¹. Говоря о готовности заключить союз, шведский дипломат, вероятно, стремился покончить с этим вопросом и добиться, чтобы И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев перешли к обсуждению других вопросов.

26 июля состоялся третий съезд. Послы сообщили о намерении Федора Алексеевича вступить по поводу союза в переписку с Яном III Собеским. Русская сторона предлагала, когда будет получено письмо из Речи Посполитой, договориться о месте переговоров. Шведские послы дали положительный ответ, отметив, что Карл XI мог сам решать, следует ли ему писать к польскому королю по поводу заключения союза. Практически это означало, что шведская сторона не брала на себя относительно союза никаких обязательств. Русские послы сказали, что о союзе с обеих сторон «говорено довольно»¹².

К сожалению, никаких отписок послов за конец июня не сохранилось. Видимо, как только сведения о состоявшихся переговорах достигли Москвы, царь, поняв, что реально договориться ни о чем не удастся, направил послам три грамоты, уже упомянутую грамоту от 3 августа, а также от 10 и 12 числа, в соответствии с которыми посольство, если шведы не подадут письма о союзе, должно было перейти к вопросу о допущенных нарушениях Кардисского мира, т.е. об оскорблениях в адрес царя. «А о союзе велено умолчать»¹³.

Со времени составления наказа послам до момента, когда они получили предписание прекратить переговоры о союзе и

фактически были должны предъявить шведам подготовленные обвинения, в Москве произошла смена руководства Посольского приказа. А.С. Матвеев, которого обвинили в колдовстве, был отстранен от должности. На следующий день, 4 июля, к исполнению своих обязанностей приступил Ларион Иванов, возглавлявший дипломатическое ведомство на протяжении всего правления Федора Алексеевича, до 1682 г. (в связи с недовольством, которое Ларион Иванов вызвал у царя по поводу переговоров с Речью Посполитой, думный дяк был временно лишен своей должности, но потом вновь назначен главой того же приказа¹⁴). В отличие от большинства канцлеров Ларион Иванов практически не принимал участия в ведшихся переговорах. Тем не менее, скорее всего, его пребывание на соответствующем посту вполне устраивало непосредственное царское окружение, И.М. Милославского, постепенно сосредоточившего в своих руках значительную власть, кн. Ю.А. Долгорукова, который мог выбирать внешнеполитический курс страны по своему усмотрению. Смена руководства приказа в 1676 г. была обусловлена не столько сменой внешнеполитического курса, сколько внутривластной борьбой — К. фан Кленк говорил о падении влияния А.С. Матвеева и росте влияния кн. Ю.А. Долгорукова¹⁵. Отставка А.С. Матвеева совпала с обострением борьбы с Турцией. Политика России по отношению к Швеции осталась прежней. Впрочем, возможно, новый канцлер и кн. Ю.А. Долгоруков были в большей степени готовы оказывать давление на Швецию, хотя обстановка на юге страны этому препятствовала.

Четвертый съезд на Меузице проходил 8 августа, еще до того, как послы успели получить перечисленные грамоты. Согласно шведскому протоколу, русские послы обращали внимание на готовность Фридриха Вильгельма предоставить России помощь в борьбе с Османской империей и в то же время отмечали то, что курфюрст оказался не в состоянии направить войска против турок, так как был вынужден оказывать сопротивление выступившим против него шведам. (Реально Фридрих Вильгельм не намеревался вмешиваться в войну против Турции, однако, так как в Бранденбурге побывал С.Е. Алмазов с просьбой поддержать Русское государство,

И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев, если верить шведскому протоколу, сочли возможным об этом упомянуть). Также, согласно тем же шведским документам, русская сторона при переговорах с делегацией Э.И. Крейца подчеркивала, что едва ли не все государства, с которыми вели борьбу Франция и Швеция: монархия Габсбургов, Дания, Генеральные Штаты, — могли бы принять участие в войне с султаном, если бы Швеция не нарушила с ними мир¹⁶. Если обратиться к тем документам, которые были вручены И.В. Бутурлину и А.И. Прончищеву, о возможном выступлении европейских стран против Османской империи упоминалось в гораздо более осторожной форме — речь шла не об оказании помощи России, а о довольно абстрактном объединении сил христиан в борьбе с «бусурманами».

Русская сторона еще раз, согласно шведским протоколам, напомнила об обещании шведов оказать помощь против турок. Соответствующая информация могла отсутствовать в статейном списке, так как И.В. Бутурлин получил царскую грамоту с указаниями, что переговоры о союзе вести не следует. Э.И. Крейц и его делегация отвечали, что сначала надо понять, как достичь мира и единства между христианскими державами, чтобы оказать сопротивление Османской империи (естественно, о союзнических отношениях Швеции, Франции и султана не было и речи). Шведы указали, что от английского посла были получены сведения, что в скором времени с Османской империей может быть заключен мир¹⁷. В результате шведам снова не удалось добиться, чтобы было начато обсуждение конкретных вопросов, на что жаловался в своем донесении королю Э.И. Крейц¹⁸.

Русские снова предъявили список нанесенных им обид. При отправлении на съезд в Курляндию¹⁹, вопреки нормам, установленным Кардисским договором, Алексей Михайлович был назван не царем, а Великим Князем (шведы отвечали, что на шведском, а также на латинском языках, в том числе в Вестфальском договоре 1648 г., царя всегда величали князем). По утверждению И.В. Бутурлина, Карл XI не стал сам спрашивать у прибывшего в Стокгольм гонца М. Тарасова про здоровье царя, «будто для того, что его королевское величество еще не коронован»; подобный аргумент, действительно при-

водившийся шведской стороной, явно никак не удовлетворял русскую сторону. Не были забыты ни «ложные куранты», ни подвергнутый подробному разбору пасквиль в адрес «тирана и мучителя» Ивана Грозного, пасквиль, напечатанный И. Швабом. Шведским послам было прямо сказано, что «в прошлых годах великого государя нашего его царского величества у отца у великого государя блаженные памяти у его царского величества с королевским величеством за такие ж досадительства и в его царского величества титлах за прописки и война всчалась, и многое кроворазлитие учинилось» (на самом деле имевшаяся в виду русско-шведская война 1656–1661 гг. разразилась в результате столкновения русских и шведских интересов в Литве, боязни со стороны России, что Швеция слишком усилится за счет Речи Посполитой, а также вследствие желания Русского государства получить доступ к Балтийскому морю). Рижский губернатор Ферзен (Форзен), как отмечали русские послы, перепутал царское отчество: Федор Михайлович вместо Федор Алексеевич. За все перечисленные оскорбления И.В. Бутурлин и его спутники потребовали уступки названных в наказе городов, которые раньше принадлежали России: Ивангорода, Корелы, Орешка, Ямы, Копорья и других, «потому что в неосторожности чести государственной множицею в великих государствах возгнещаетца огонь военной, и угасить будет трудно»²⁰. Обвинения были сфабрикованы преднамеренно, чтобы оказать дипломатическое давление на шведов: в принципе г. Йена, как указывали шведы, находился во владениях императора; реально г. Йена в это время являлся столицей герцогства Саксон-Йена (другой возможный вариант — плохое знание географии служащими Посольского приказа).

Последовало обсуждение вопроса о том, насколько серьезные подобные ошибки в титулах. Обсуждение было продолжено и 9 августа (с этого времени русская и шведская нумерация съездов расходится: русские считают, что в этот день состоялся пятый съезд, шведы не рассматривают переговоры 9 августа как конференцию). Э.И. Крейц призывал вести переговоры «как христиане», пытаясь объяснить, что соглашаться исправить погрешности и отказываться дать царю верный титул — разные вещи. В ответ на это А.И. Прончищев настаивал

на том, что в Русском государстве царь обладает абсолютной властью, может все решать по собственному усмотрению, в том числе вопрос о войне и мире, никого об этом не спрашивая (т.е. царь может объявить войну и за допущенные погрешности)²¹. Э.И. Крейц и его делегация, судя по всему, испытали чувство растерянности, попросив время, чтобы продумать ответ (очевидно, русская сторона это понимала). Однако послы были удовлетворены тем, что получили подобную передышку, потому что могли известить начальников пограничных крепостей об опасности.

В то же время уже через несколько дней, 12 августа, на пятом (шестом²²) съезде Э.И. Крейц вместе со своей делегацией сумел дать довольно членораздельный ответ относительно обид, заверив русскую сторону, что такое никогда не должно повторяться. Так, король назвал царя Великим Князем Московским, потому что был в «недорослех летех» (также подчеркивалось, что царь еще не коронован). Шведские послы утверждали, что «король сам с непокрытой головой спрашивал про здоровье царя». Город Йена, где была издана книга И. Шваба, находился, как справедливо еще раз объяснили шведы, не во владениях короля, а во владениях «цесаря» (такие «адвизы»²³ печатали по всей Европе, в том числе в Италии). Шведы, отменяя упреки относительно «лживых курантов», сообщили, что в Риге газет не печатают, почта приходит из Королевца и немецких земель. Послы настаивали, что хотят поддерживать дружбу с Россией. Русские даже якобы просили прощение за предъявление обвинений. Первоначально, судя по шведским протоколам, аргументация шведов произвела достаточно убедительное впечатление: И.В. Бутурлин признал, что будет неприятно, если царь начнет давать разъяснения, и нежелательно, чтобы возник конфликт²⁴. Конечно, шведской стороне при составлении протоколов надо было показать, что она сделала все, что было в ее силах, чтобы заверить русских в отсутствии преднамеренного желания умалить честь и достоинство царя. Неясно, было ли это основной причиной появления в протоколе соответствующей записи или — нет дыма без огня — русские действительно почувствовали безосновательность своих претензий. Состоялась конфиденциальная беседа шведских

послов с И.В. Бутурлиным, где он, согласно шведскому протоколу, заявил, что на царя оказывают давление противники Швеции, стремясь к тому, чтобы Москва выступила против Стокгольма. Записи шли в том же русле, что и упомянутые высказывания И.В. Бутурлина от 5 августа о том, что в Москве он и А.И. Прончищев советовали молодому царю не думать о присоединении к воюющим со Швецией Дании и Бранденбургу (так как А.И. Прончищев никогда не был сторонником войны со Стокгольмом, то вполне убедительно, что он до того, как покинуть русскую столицу, пытался отговорить сторонников оказания давления на Швецию предъявлять Карлу XI обвинения в умалении царской чести и достоинства). Теперь те же русские послы даже якобы просили прощение за предъявление обвинений²⁵. 13 августа Э.И. Крейц всерьез рассчитывал, что приведенные аргументы будут приняты и на этой основе переговоры продолжатся. Однако надежды дипломата не оправдались, русские явно не торопились с ответом.

Очередное письмо Э.И. Крейца королю последовало уже на следующий день, 14 августа, когда якобы И.В. Бутурлин стал отказываться от своих претензий. Шведский уполномоченный жаловался, что русские предъявляют слишком большие претензии на Ингерманландию и Карелию, повторяли, что совсем скоро может начаться война. Э.И. Крейц даже поставил вопрос об эвакуации мирного населения²⁶. В письме Риксроду и государственному канцлеру графу М. Делагарди Э.И. Крейц писал, что так как шведы не будут отдавать земли, становится неизбежной война и кровопролитие, и не нужно себе внушать, что царь в этот момент или раз и навсегда смог отойти от этих требований²⁷. В тот же день послы также дали письменный ответ русской делегации, отметив, что не имеют полномочий решать вопрос об уступке земель. Они указывали на необходимость списаться с королем и в связи с этим попросили отложить переговоры на десять недель, затем сократили срок до четырех недель, до 12 сентября. Переслать до назначенной даты письмо королю, который в это время воевал с датчанами на полуострове Сконе, было невозможно (очевидно, русская сторона это понимала; реально ответ от короля пришел только в октябре)²⁸.

Казалось, время работало против шведов. Несмотря на все усилия Э.И. Крейца и его спутников скрыть, что реально происходило, в сентябре И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев могли узнать о новых поражениях Карла XI. Сконская война завершилась полным поражением шведов. Датчане захватили Сcone. Вслед за этим русскими послами были получены сведения, что Кристиан V обложил Сконскую землю поборами, стал получать в свои руки зундские пошлины. Противники шведов заставили их уйти из Бременской земли, покорили Христианштадт. «И взятием того города король датской в самую швейскую землю врата отворил». Датчане добились существенного успеха в Норвегии, в их руки перешел Готеборг. Шведы начали отступать к Стокгольму, участники габсбургской коалиции собирались за ними последовать. Положение Карла XI, как стало известно из курантов, оказалось настолько тяжелым, что Франция стало добиваться, чтобы союзники заключили перемирие со шведами, «чтоб шведам овсе не погинуть». В Швеции был объявлен всеобщий призыв в войска дворян. (Видимо, в Посольском приказе осталось неизвестным, что Фридрих Вильгельм целиком покори Готланд²⁹). Из письма от Фридриха Вильгельма Э.И. Крейц узнал о том, что Дания и Бранденбург собираются идти к Пскову для оказания поддержки царю (неясно, насколько эта информация была правильной, не распространялась ли она предумышленно, так как на самом деле Россия не собиралась начинать войну). Ходили, скорее всего, опять же преднамеренно распространяемые слухи, что в связи с затишьем русские намеревались захватить Ингерманландию³⁰.

В грамоте, которая была написана Карлом XI Федору Алексеевичу 9 сентября 1676 г. с оглядкой на происшедшие события, вновь указывалось, что Россию пытались втянуть в конфликт со Швецией ее союзники: «На наше королевское величество столь многие неприятели совокупилися. Такими твердыми словами против нас они пристали». Шведский король никогда не «имели охоту корыставатца» с царем. Федор Алексеевич уже должен был понять, что нельзя рассчитывать на противников Швеции, которые «склонили и привели» царя к идее воевать со шведами, при этом «чинили все по своему на-

мерению и ищучи себе всякого блага» (грамота была получена в Москве 15 ноября)³¹.

В целом ситуация располагала к тому, чтобы Москва продолжала оказывать давление на шведов.

В конце августа - начале сентября Федор Алексеевич получил отписку послов о том, что они на четыре недели предоставили шведам отсрочку в ведении переговоров (аналогичная по содержанию отписка была отослана царю также и 1 сентября; в ней указывалось, что шведские послы не могут решить вопрос о территориальных уступках, не списавшись с королем)³². Готовя ответ, царь исходил из информации, напечатанной в курантах, которая была получена 30 августа и 2 сентября, о наступлении голландских войск под Маастрихтом, о сдаче шведами Стадена, о том, что шведов скоро заставят уйти из «Померской» и «Шконской» земель. 6 сентября послам направили грамоту с требованием настаивать на предъявленных требованиях. Было велено, чтобы И.В. Бутурлин и его спутники «свейским послом о удоволствовании говорили всякими мерами накрепко с великими вычеты». На следующий день, 7 сентября, Федор Алексеевич написал другую грамоту, в которой подчеркивалось, что шведские послы обсуждали лишь «самые малые дела», т.е. избегали переговоров о нарушении царского титула и о территориальных уступках России³³. Ситуация накалилась. Шведскому послу в Речи Посполитой А. Лиллиехёку поручалось говорить с поляками о том, чтобы они склонили русских заключить со шведами мир³⁴.

Не позднее 27 сентября из Москвы Э.И. Крейцу были доставлены сведения от 17 сентября, что Дания и Бранденбург готовы выступить в поход к Пскову. Вместе с этими новостями поступили известия от того же числа из Новгорода о перемещениях русских войск: туда привезли порох и пришло несколько сотен человек. Все прибывшие, а также стрельцы и всадники, были вооружены пиками и направлялись к Пскову, вместе с кн. И.Б. Троекуровым прибыли олонечские солдаты. Ожидали еще тысячу человек³⁵. Реально, насколько можно судить по материалам Разрядного приказа, никаких распоряжений о переброске войск не отдавалось.

Вместе с тем с конца августа началась подготовка к обороне Чигирина. Организовывалась защита крепостей на случай нападения татар. Шло комплектование Белгородского полка и гарнизонов южных городов. 17 августа кн. Г.Г. Ромодановский получил новое распоряжение идти к Днепру навстречу с запорожским войском во главе с И. Самойловичем³⁶. Но это не привело к прекращению давления на шведов. В то же время шведы были убеждены в том, что русская политика отличалась непостоянством. Они надеялись выиграть время, рассчитывая, что русские откажутся от своих требований. В курантах, присланных в Москву в конце сентября, было помещено сообщение от 27 августа из Риги: «С посольского стану из Лифляндии пишут, что царского величества послы стоят крепко о возвращении корелские и ижерские земли, но понеже нашим послом о том от короля указу не было, просили сроку на 4 недели и хотели писать к свейскому королю. Однако ж надеемся, что впред лутчее увидим для того, что русской народ, когда учнут крепкие чинит пыхи, скоро потом здаются»³⁷.

16 сентября Карл XI ответил на письма, отправленные комиссарами 13 и 14 августа: нельзя давать никаких надежд на удовлетворение русских требований. Король предусматривал возможность, что царь пойдет на разрыв отношений со Швецией. В крайнем случае Стокгольм был готов выплатить часть той суммы, которую русские требовали за Ингерманландию. Карл XI предупреждал своих послов, что следует «хорошо себя с ними вести», чтобы не произошло разрыва отношений, говорить, что шведы осознают свою вину. Русские «никогда не принимают то, что им предлагают». Вместе с тем король подчеркивал необходимость обезопасить войска на случай разрыва отношений. Заседание Риксрода показало, что его члены считают, что нет никакой надежды на продолжение переговоров, и король с этим согласен. По его словам, речь шла «о безопасности и вынесении решения»³⁸.

Месячный срок, который просили Э.И. Крейц и его спутники, истек, и хотя писем от короля получено не было, И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев потребовали продолжения переговоров. Шестой (седьмой) съезд состоялся 13 сентября. Послы добивались уступки городов, потому что, несмотря на

все аргументы, проведенные шведской делегацией, «с стороны королевского величества во многих прописках и во изданных печатью нестерпимыми и злодерзкими безчестьями и укоризнами исполненных пашквильях учинено безчестье и умаленье, чево не токмо великим государем, царем, монархом, но и простому человеку терпеть и слышать не годитца». И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев, насколько позволяет судить статейный список, уверено отметали все аргументы шведов, подчеркивая, что одни и те же описки повторялись нередко по несколько раз. Снова встал вопрос о г. Йене, и снова русская сторона продемонстрировала невысокий уровень знания европейской географии, обвинив шведов в том, что сказанное — «явная неправда»: Э.И. Крейц и его спутники сначала написали, что г. Йена находится в Империи, а затем утверждали, что этот город расположен в Саксонии (из московских послов никто не знал, что Саксония входила в состав Империи). Относительно сочинения И. Шваба было отмечено, что «в города злодерзких своих слогов пашквиль к печати посылат дерзають». И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев, согласно и статейному списку, и шведским протоколам, повторили слова об угрозе начала войны. Обстановка накалилась: «И говорили о том великом деле с свейскими послы многими вычеты и споры и с великим с шумом» (шведские протоколы также указывают на жаркие споры; А.И. Прончищев перешел на крик, в ответ на что Э.И. Крейц заявил, что шведы, когда русские ведут себя столь невежливо, перестают их слушать). Как русские послы доносили царю, «в том великом деле щитятца они (шведы. — Е.К.) все неправдою...». Глава шведской делегации в свою очередь достаточно бестактно выразил надежду, что Бог научит царя править, что царь научится обращаться с боярской думой и боярами — располагать честным советом и господами (вряд ли такие слова произносились на самом деле, — скорее всего, они были добавлены при составлении шведского протокола; это высказывание, сделанное, по-видимому, в письменной форме, было откликом на утверждение русских послов относительно того, что Федор Алексеевич молод и что ему не советуют воевать на стороне Бранденбурга и Дании, что царь сам решает вопросы войны и мира; что они никого не боятся так, как царя³⁹).

Э.И. Крейц писал королю, что в конце концов русские отказались от своих претензий, но необходимо еще раз собраться вместе. Правда, по словам шведских послов, следовало убедиться в правдивости желания царя сохранять дружбу, понять, не будет ли он пытаться отвоевать захваченные провинции⁴⁰. Неясно, почему после прошедшего съезда послание Э.И. Крейца было написано так, что казалось, что съезд прошел в примирительных тонах. Возможно, Э.И. Крейц связывал определенные надежды с доверительными высказываниями И.В. Бутурлина. В дальнейшем вопрос об «обидах» всплыл вновь.

В Москву поступали сведения о переговорах на границе. За происходящими в столице событиями пристально следил П. Менезиус. Дипломат прилагал усилия, чтобы уговорить русских, порвав отношения со Стокгольмом, начать войну в Лифляндии. 14 сентября бояре, как казалось ему, были решительно настроены против Швеции. 20 сентября они дали П. Менезиусу холодный ответ, но царь и дума колебались⁴¹.

Вероятно, после съезда 13 сентября И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев сообщили царю о происшедшем. Хотя соответствующая отписка не сохранилась, скорее всего, именно в ответ на нее послам через десять дней была направлена царская грамота от 23 сентября. Такое предположение вполне правдоподобно, так как почта от шведской границы до Москвы шла около недели и, следовательно, отписка должна была придти числа 20; вывод о том, что грамота стала ответом на отписку, вытекает и из содержания полученного документа. Царь, учитывая, что Карл XI терпит поражения, стремился выиграть время и настаивал, чтобы русские послы не отпускали шведских послов: не соглашались отложить переговоры или дать Э.И. Крейцу разъезжую грамоту, предварительно не получив положительный ответ со стороны царя. Если шведские послы уедут без разъезжей грамоты, следовало сразу же сообщить об этом в Москву (неясно, на что надеялся Федор Алексеевич и его окружение: добиться уступок или повысить свой статус в глазах потенциальных союзников)⁴².

Тем временем из Дании в Россию в ответ на миссию С. Протопопова ехал уже упомянутый посланник Ф. фон Габель — авантюрист, сметавший все стоявшие на его пути пре-

пятствия. Еще в мае Ф. фон Габель получил от Кристиана V инструкцию убедить царя в своевременности попытки отвоевать Лифляндию, Ингерманландию, Финляндию⁴³. Посланник добрался до Москвы 18 октября. До этого, 31 августа, находясь в Гданьске, он направил письмо кн. Ю.А. Долгорукову. 25 сентября, после того как И.В. Бутурлину и А.И. Прончищеву послали царскую грамоту, письмо было переведено. Посланник заверял русскую сторону, что Дания является активным сторонником получения Россией выхода к Балтийскому морю. Он подчеркивал, что настал подходящий момент, чтобы присоединить к России не только Корельскую землю и Ингерманландию, но и финские территории, так как из Финляндии были выведены шведские войска, первоначально предназначавшиеся для борьбы с Данией. Ф. фон Габель предлагал полностью отрезать шведов от Лифляндии (в этом случае русские были бы должны завладеть Эстляндией, датчане к этому времени захватили о. Эзель (о. Сааремаа) и контролировали Ирбенский пролив, вход в Рижский залив). Ф. фон Габель надеялся, что царь сможет осадить какой-нибудь шведский порт (правда, датчанин не учитывал такую деталь, что Россия не располагала собственным флотом)⁴⁴. Снова 29 сентября написав с пути в Москву, дипломат предлагал «злосмышленным шведом, покамест мочно, крыле отсекаети». Впрочем, как отмечал сам посланник, шведы могут оказаться в таком положении, что не станут воевать против России⁴⁵. Письма Ф. фон Габеля не оказали заметного влияния на события.

Очередной, седьмой (восьмой) съезд на границе состоялся 21 сентября, еще до того, как послам была отправлена грамота Федора Алексеевича, а Э.И. Крейц получил порождавшие серьезные опасения новости из Москвы и Новгорода. К этому моменту военное положение Швеции дополнительно ухудшалось, что, вероятно, было известно русским послам, — скорее всего, в их распоряжение успели поступить сведения, что датчане поджидают войска, чтобы преследовать шведского короля⁴⁶. Можно предполагать, что русские исходили из того, что Стокгольм согласится на существенные уступки. И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев были убеждены, что ответ Карла XI Э.И. Крейцу уже пришел и что комиссары просто скрывают

этот факт. Сложившаяся ситуация придавала русским послам большей смелости. По словам отчитывавшегося перед королем Э.И. Крейца, И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев вновь пытались настаивать на желании России удержать Ингерманландию и Карелию. Шведские послы указывали, что требование территориальных уступок ни с чем не соразмерно. «В истории не найдется примера такого беззакония». Э.И. Крейц и его делегация стремились исключительно выиграть время. По их наблюдениям, русские ни о чем не хотели с ними говорить (видимо, имелось в виду рассмотрение вопросов, поставленных на повестку дня в конце июля, — вопрос о границе и др.). И.В. Бутурлин и его спутники вызвали шведского секретаря и переводчика, и русский переводчик сказал, что если шведы не «побеспокоятся» по поводу латинского царского титула, с ними в течение пяти дней будет покончено, начнется война.

И.В. Бутурлин и И.А. Прончищев угрожали походом в глубь Швеции, говорили, что знают, где находится Выборг, что они могут легко добраться до Упсалы. Русские послы, согласно статейному списку, повторили, что «о том удовольствовании стояли и ныне стоят крепко и упорно». «А как по воли ево всемогущево спалитца огонь военной, то впервых он, праведной судья, взыщет со шведов». Однако ни одна сторона не могла привести новых аргументов. Результат съезда был тот же, что и в предшествующий раз⁴⁷.

Почти сразу после этого русские послы написали, что Э.И. Крейц и его спутники отказывались идти на уступки, предлагали разъехаться⁴⁸. 30 сентября, уже получив очередную отписку послов, Федор Алексеевич отправил И.В. Бутурлину и А.И. Прончищеву грамоту с требованием не покидать место переговоров. Кн. И.Б. Троекурову, как указывалось в грамоте, было велено готовиться к походу⁴⁹. Как отметил П. Менезиус, 11 октября бояре сделали вид, что планируют крупные действия, однако двор отбывает за город⁵⁰. Реальных распоряжений о выступлении кн. И.Б. Троекурову так и не было отдано. В октябре же в Псков был послан стольник П. Протасьев, чтобы отпустить кн. И.Б. Троекурова с товарищами и ратных людей со службы⁵¹ (как свидетельствуют материалы Разрядного приказа, предоставленные мне О. Курбатовом, роспуск Псков-

ского полка должен был произойти в середине ноября 1676 г., потому что такой же указ о роспуске Луцкого полка был получен на Луках Великих 7 ноября 1676 г.).

2 октября русские послы, после того как пришла царская грамота от 23 сентября с указаниями не давать шведским послам разъезжей грамоты, объявили Э.И. Крейцу и его спутникам, что хотят получить территориальные уступки до того, как настанет судный день. Шведы спросили, когда же это случится? Согласно шведским протоколам, И.В. Бутурлин ответил, что это произойдет быстро, ведь шведы собираются спастись бегством до того, как датчане успеют прославить свое имя⁵² (в статейном списке не было сделано никаких записей относительно переговоров в этот день; под 3 октябрём в посольской книге указывалось, что «и малой деревни с своей стороны государь их королевское величество уступить николи не поволит»⁵³). С точки зрения шведов, продолжать переговоры стало бессмысленно. Русские требовали провести еще один съезд. Шведы добивались, чтобы им выдали разъезжие грамоты и чтобы таким образом все было завершено. В отписке царю Бутурлин обещал, что «такова писма и впред у них не примем»⁵⁴.

В результате 5 октября шведы «общие с свейской стороны ковры, которыми были стены обиты, ободрали и с стола, за которым для розговоров они, свейские послы, садились, ковер сняли и стулы вынесли. И сами они, свейские послы, с посольского стану со всеми посольскими людьми и со всем обозом поехали». Возможно, совершив такой шаг, шведы опасались начала военных действий. В этот день подъезжали шведские конные люди в латах, стояли до вечера в лесу на своей стороне «неведомо для чего»⁵⁵. Того же числа Э.И. Крейц и его спутники написали русским, что переезжают в другое место, чтобы дожидаться ответа короля. Шведы предлагали, если русские откажутся от своих претензий, внести исправления в Кардисский договор и согласовать завершение переговоров. И.В. Бутурлина и А.И. Прончищева просили подтвердить, что мирные отношения будут сохранены⁵⁶. Одновременно, не откладывая ни дня, русские послы писали ко кн. И.Б. Троекурову, который, вероятно, еще не получил распоряжений об отпуске. Его просили прибавить ратных людей⁵⁷.

8 октября шведские послы жаловались на то, что разъезжее письмо так и не было подготовлено, их последние предложения не приняты. Русские прислали королю такое надменное письмо, что, по мнению шведов, его было нельзя обсуждать. Э.И. Крейц и его люди сочли за лучшее уехать в Киромпе на расстояние 3–4 миль от Ниенгауза⁵⁸. 9 октября они сообщали, что нет никакой возможности заключить договор. Русским стало известно о том, что союзники нанесли шведам серьезные поражения. По словам Э.И. Крейца, доносившего Карлу XI о сложившейся ситуации, было больше нельзя ссылаться на Кардисский договор или говорить о какой-либо дружбе, отвергая тот факт, что датский король взял Сконе, а шведы одновременно потеряли Померанию (Померания была захвачена Фридрихом Вильгельмом осенью 1675 г., после битвы при Фербеллине) и Бремен, что они не будут уступать земли и города, которые до этого принадлежали Русскому государству. Стало хорошо известно об осаде Выборга. В письме к королю Э.И. Крейц делал упор на то, что шведы могут уступить провинции, но не готовы к столкновению с такими большими претензиями. Посол воспринимал происшедшее как сигнал, что никакой договор не удастся заключить, рассматривал возможность начала войны как вполне вероятную, особенно учитывая, что русские вновь перебрасывали войска к границе. Шведские послы не возражали против того, чтобы оставаться на том же месте, пока русские не откажутся от неоправданных претензий или не найдут другого способа распрощаться со шведскими послами. Тогда между двумя странами была бы сохранена дружба⁵⁹. В дальнейшем царь с осуждением писал о том, что шведы растягивали переговоры во времени, отказываясь идти на какие-либо уступки: «И по обещанию вашего королевского величества великих послов при упрощении четырех недельного сроку доволства не учинили и продолжили съезды без дела многое время. И от таких продолжительных съездов всегда вырастает нелюбов»⁶⁰. Как считали шведы, русские уехали домой, не попрощавшись с Э.И. Крейцем и его спутниками, т.е. разорвав переговоры. Разрыв переговоров обычно означал начало войны, но русские не придерживались правил, установленных в Европе⁶¹.

Тем временем попытка России оказать давление на Швецию привела к тому, что под влиянием Людовика XIV Речь Посполитая начала переговоры с Османской империей. Французский король убедил Яна III Собеского, что при содействии Франции Турция заключит мир с Речью Посполитой, уступив занятые земли. Ян III Собеский подчеркивал, что примирение с Турцией было связано с усилением русской угрозы Лифляндии. Франция возлагала на договор большие надежды. Неофициальный французский резидент в Речи Посполитой Ф. Бетюнде Туссен Жансон писал из лагеря под Журавно, где проходили переговоры Речи Посполитой и Турции, о привлечении с помощью субсидий на сторону Франции Крыма с целью «помешать России ослабить Швецию в результате захвата Ливонии». 16/26 октября между Речью Посполитой и Турцией был заключен Журавненский договор, в соответствии с ним поляки возвращали Османской империи земли, в свое время захваченные у России, Подольское воеводство, крепость Каменец, значительную часть Правобережной Украины. Порта вместе с татарами направила свои силы не против Речи Посполитой, а против России (под влиянием Франции в Журавненский договор была включена статья, что Турция может применять против Русского государства силу). Журавненский договор противоречил духу Андрусовского перемирия. Вступление договора в силу полностью изменило ситуацию в Восточной Европе. Франция надеялась, что поляки выступят против Империи и Фридриха Вильгельма, однако этого не произошло. В дальнейшем, как предполагала Франция, Речь Посполитая должна была начать в союзе со Швецией борьбу против России, тогда поляки смогли бы напомнить русским о реституции Киева и утраченных земель⁶². Переговоры стали одной из причин усиления давления на Речь Посполитую со стороны Людовика XIV и Карла XI, начала сближения Речи Посполитой и Турции, заключения Журавненского договора. Договор породил самый тяжелый с 1667 г. кризис в отношениях России и Речи Посполитой⁶³.

Его вступление в силу означало, что Османская империя, а вместе с тем и Речь Посполитая могут направить основные силы против России. В начале ноября находившейся в Мо-

скве английский посол Дж. Гебдон говорил о распространенном мнении относительно намерения Речи Посполитой начать войну с Русским государством. Поляки уже потребовали возвратить город Киев и район Смоленска⁶⁴. Когда о заключении Журавненского договора узнали в Москве, поступившие сведения всколыхнули весь двор, каждый день шли заседания боярской думы и патриарха Иокима, однако бояре были явно заняты другими делами, никаких решений не последовало⁶⁵.

Серьезные опасения по поводу происходящих перемен питали в Берлине. Заключением Журавненского договора были встревожены папская курия и Империя Габсбургов. 24 ноября нунций Мартелли, политика которого соответствовала политике папской курии, официально запротестовал против трактата. Возникла надежда, что Россия начнет переговоры и пойдет на уступки Речи Посполитой. Нунций Мартелли надеялся, что Речь Посполитая не согласится на мир с Турцией, тем более что в Турции были сильны настроения против мира с Речью Посполитой. Усиливалась возможность для втягивания России в сферу габсбургской политики⁶⁶. В то же время, пока продолжались русско-шведские переговоры, Россия не торопилась направлять войска против татар.

Для России вступление в силу Журавненского трактата в первую очередь могло означать отказ от дипломатического давления на Швецию (хотя ход Голландской войны привел к консолидации габсбургской коалиции, 23 декабря был заключен союз Дании и Бранденбурга). До шведских послов доходили слухи о том, что русские под влиянием осенних событий не хотели воевать со Швецией, шведы отмечали, что им было известно о том шуме, который вызвал в Москве А.С. Матвеев. Перемены в России, как утверждали писавшие, могли иметь существенные последствия. Выражалась надежда, что царь придет к разумным мыслям; как казалось, Россия склонялась к возобновлению переговоров, хотя послы не располагали никакими точными сведениями о намерениях русских⁶⁷. В конечном счете Э.И. Крейцу стало очевидно, что, ведя переговоры с Россией, можно обойтись без уступки ей Ингерманландии⁶⁸. Фактически Журавненский договор означал крупное

поражение русской дипломатии, которое в очередной раз принесло южное направление в жертву попытке оказать давление на Швецию.

Тем временем подготовка к обороне Чигирина продолжалась⁶⁹. У П.Д. Дорошенко практически не оставалось людей. 19 сентября он капитулировал⁷⁰. В то же время даже в октябре происшедшие перемены не оказали влияние на развитие событий на русско-шведской границе. В начале октября Э.И. Крейц и его спутники получали донесения из русской столицы, что царь не хочет отказываться от попыток возвратить отошедшие к Швеции земли. Считалось, что русские решатся на ведение войны. Из Новгорода к шведам продолжали доходить сведения, приобретающие после обращения 5 октября И.В. Бутурлина ко кн. И.Б. Троекурову все более угрожающий характер: приказных стрельцов и казаков направляли в действующую армию в Псков, везли артиллерию, готовили для войны дороги⁷¹. Неясно, происходило ли в районе Пскова и Новгорода какое-либо перемещение полков, или шведское посольство, как и за месяц до этого, питалось непроверенными слухами. Шведские дипломаты, с их точки зрения, приложили все усилия, чтобы избежать начала войны, которую они рассматривали как вполне вероятную⁷². 22 октября в Плегориц дипломаты попытались возобновить переговоры. И снова не удалось достичь никакого соглашения.

26 числа русско-шведские порубежные переговоры все же возобновились⁷³. К этому моменту известие о заключении Журавненского договора еще не могло быть получено представителями русской и шведской сторон, хотя, как предполагает З. Вуйчик, текст договора стал очень быстро известен в Москве, вероятно, при помощи дипломатов Фридриха Вильгельма⁷⁴. (Поляки тщательно скрывали факт подписания договора; его текст оставался неизвестен русским даже 10 лет спустя, когда речь шла о подписании Вечного мира)⁷⁵. В то же время какие-то сведения о введущихся переговорах Речи Посполитой и Османской империи, очевидно, поступили, по крайней мере, к русскому резиденту в Варшаве; В.М. Тяпкин сообщал 17 октября, что Ф. Бетюн старался уговорить польского короля ока-

зять помощь Швеции против Дании и Бранденбурга, а также — по истечении перемирных лет по Андрусовскому перемирию — против России; в сложившейся ситуации В.М. Тяпкин в своих отписках в Москву советовал начать военные действия против Швеции (на самом деле такой вариант мог бы привести к дальнейшему обострению отношений Русского государства и с Речью Посполитой, и со Швецией, втягиванию Москвы в войну в двух разных направлениях)⁷⁶. Так как в сохранившемся комплексе документов явно имеются пробелы, мы не можем делать какие-либо утверждения относительно степени информированности послов.

7 ноября Э.И. Крейц писал королю о том, как прошел съезд 26 октября, опять сообщая об угрозе нападения со стороны России. В то же время, по утверждению дипломата, русские вновь возвратились к идее объединения усилий России, Швеции и Речи Посполитой в борьбе против Османской империи. И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев представили шведам проект союза. Как русская, так и шведская документация переговоров (за исключением донесения Э.И. Крейца) отсутствует. В русских источниках мы не находим никаких следов тому, что вопрос о союзе действительно был поставлен на обсуждение. Не сохранилось и царских грамот с соответствующими предписаниями. Но шведы вряд ли могли придумать то, чего просто не было в действительности. Обратиться к проблеме союза было вполне естественно в условиях, когда параллельно шли переговоры в Журавно, при том что сближение Речи Посполитой и Турции явно противоречило интересам русских, хотя В.М. Тяпкин считал, что следует идти по пути обострения отношений. Остается неясным, заговорили ли И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев о союзе на свой страх и риск, сообразуясь с реальным положением вещей (что в принципе противоречило нормам дипломатической практики, хотя подобного рода случаи известны), или они получили какую-то несохранившуюся грамоту Федора Алексеевича.

Вероятно, успев узнать о Журавненском договоре (или о предшествовавших ему переговорах), шведский дипломат и его спутники справедливо считали — и это соответствовало реальному положению вещей, — что Речь Посполитая может от-

влечь силы русских, которые уменьшат свое давление на Швецию. Шведские комиссары говорили, что заключение союза против Османской империи не соответствует «нашим общим проектам».

В то же время беспокойство шведов не ослабевало, тем более, как им представлялось, положение России было стабильным. Угроза войны приобрела еще более осязаемый характер. Согласно донесениям Э.И. Крейца королю, Россия в любой момент могла, пользуясь затруднительным военным положением Швеции, разорвать мир. Оружие, направленное против Швеции, оставалось наготове, шведы ожидали, что русские силы будут увеличиваться; в соответствии с имеющимися сведениями царь направил к границе полки. Участники шведского посольства также опасались, что русские будут пытаться захватить Ингерманландию. Э.И. Крейц был убежден, что нужно защитить эти провинции, чтобы «предотвратить зло»⁷⁷. Однако, как можно предполагать, И.В. Бутурлин и И.А. Прончищев где-то к концу ноября⁷⁸ получили информацию о заключении Журавненского договора и поняли, что их возможности оказывать давление на шведов исчерпаны.

Шведы, согласно их донесениям, делали вид, что переговоры были прерваны русскими: последние не просили у шведов никакого отпуска и уехали в Москву, не оказав, с точки зрения Э.И. Крейца, должного почтения Карлу XI.

Э.И. Крейц со своей делегацией переехал в Дерпт (Тарту). Фон Г.Г. Тизенгаузен и И.К. Клингстедт, которые после отъезда И.В. Бутурлина и И.А. Прончищева оставались там до конца года, 30 декабря писали королю, что русские нарушили заключенные договоры. По словам послов, переговоры были прекращены, так как у русских не было никакого желания продолжать встречи⁷⁹.

Пока шли переговоры, Карл XI был вынужден держать войска в Лифляндии, отказываясь от их переброски в Померанию, что позволило участникам габсбургской коалиции одержать ряд побед над шведами.

Содержание писем, в которых кратко излагался ход переговоров, в значительной мере совпадало со статейным списком. И шведские, и русские документы аналогичным образом

и вполне адекватно отражали происходившее: московским послам вменялось оказывать постоянное давление на противоположную сторону, угрожая начать войну. Ориентируясь на получаемые письма, король исходил из того, что Швеция в любой момент подвергнется нападению со стороны России. В то же время шведские протоколы переговоров, в целом совпадая по содержанию и с донесениями послов, и со статейным списком, свидетельствовали о внушавшемся шведам расхождении мнений готового к вооруженной борьбе с Карлом XI молодого царя и не хотевшими воевать со шведами бояр. Возможно, утверждение относительно намерения царя воевать делалось с целью придать большую весомость высказыванию, что русские собираются начать войну — воля царя непререкаема, даже если аргументы о допущенных шведами оскорблениях в адрес царя несостоятельны. В то же время шведские протоколы явно содержат высказывания, которые не могли быть сделаны при переговорах и были включены в текст, чтобы продемонстрировать негативно-отрицательное и даже насмешливое отношение к русским.

Определенные различия шведских протоколов и донесений послов объясняются тем, что когда Э.И. Крейц направлял Карлу XI свои письма, основной задачей посла являлось доказать, что делается все необходимое с целью отвратить «кровопролитие», но что тем не менее становится вполне реальным разрыв отношений между двумя странами. В этой ситуации в донесениях не оставалось места, чтобы было можно и нужно отражать содержание бесед Э.И. Крейца с московскими послами, бесед, которые часто носили личный характер.

События Голландской войны продемонстрировали, что европейские государства рассматривали Россию как потенциального союзника (хотя, как свидетельствует высказывание К. ван Кленка, вовсе не жаждали делиться с ней добычей и допускать ее представителей на международные конгрессы). Как свидетельствуют публикации в курантах, участники Габсбургской коалиции придерживались мнения, что оказанное осенью 1676 г. давление на Швецию со стороны России привело к тому, что Швеция ограничила силы, направляемые против Бранденбурга и Дании. В курантах приводились сведения о Ф. фон

Габеле, который приехал в Москву и собирался стать резидентом, но возникли опасения, что скоро ему дадут отпуск, так как он изложил свои дела на письме г. До...ву (кн. Ю.А. Долгорукову), — подобное обращение частного лица к государственному деятелю в то время считалось в русской столице за великое преступление. Ф. фон Габеля держали на посольском дворе, и никого к нему не пускали. (Таким образом, и издателям, и читателям иностранной газеты, известия из которой были переведены, по всей видимости, оставалось неясным, пойдет ли Россия по пути сближения с Данией и сможет ли последняя оказать существенное влияние на политику царя и его окружения, вовлечь Москву в габсбургскую коалицию)⁸⁰.

В действительности русские не стремились к установлению союзнических отношений со странами Западной Европы, европейским государствам по-прежнему не разрешали, чтобы в русской столице находились их резиденты. Как и в сентябре 1675 г., когда российское руководство прилагало все усилия, чтобы по возможности быстрее завершить переговоры с находившимися в Москве представителями Империи и Дании, так и осенью 1676 г. московское руководство достаточно отрицательно относилось к Ф. фон Габелю. Известие рижской газеты об этом факте, судя по всему, соответствовало действительности.

Осенью в Россию приехал бранденбургский агент Г.Д. Гессе, чтобы выполнять обязанности резидента. Ему не разрешили остаться в Москве, сославшись на то, что для решения срочных дел есть почта. Было отдано приказание отпустить его в Бранденбург. Осенью от него потребовали официальной бумаги Фридриха Вильгельма, в которой удостоверялось бы, что он, Г.Д. Гессе, действительно является агентом⁸¹.

Несмотря на успехи союзников, переброску войск на границу со Швецией, попытку добиться возвращения Русскому государству Ижорской земли путем дипломатических переговоров, Россия не стала объявлять Швеции войну. Москва так и не присоединилась к антишведской коалиции, давление на Швецию со стороны России оказалось недостаточно сильным, оно не отвечало интересам российского руководства.

Предыдущие конфликты России сначала с Ливонским орденом, а затем со Швецией (соответственно, в период Ливонской войны и русско-шведской войны 1655–1661 гг.) выливались в авантюру и, несмотря на то, что сначала удавалось закрепить сделанные приобретения, заканчивались провалом – основным фактором внешней политики Русского государства оставалось противостояние татарам и Османской империи, борьба за Украину с Речью Посполитой, турками, татарами. Обострение этой борьбы неизменно заставляло Москву переключиться на южное направление. Теперь, в 70-е гг. XVII в., Россия, несмотря на усилившееся давление со стороны европейских государств, проводила более взвешенную и осторожную политику – в Москве еще была свежа в памяти неудачная война 50-х гг. XVII в. После заключения Кардисского мира успело смениться руководство Посольского приказа, на место стремившегося получить выход к Балтийскому морю А.Л. Ордина-Нашокина пришел активно отстаивавший Украину А.С. Матвеев. Вооруженные силы России в значительной мере были подорваны тринадцатилетней войной с Речью Посполитой. К тому же, в середине XVII в. существенный толчок обострению русско-шведских отношений дало столкновение интересов двух стран в Литве, ставшей зоной территориальных противоречий Москвы и Стокгольма. Теперь, в первой половине 70-х гг., русско-шведские отношения сохраняли достаточно стабильный характер, острого желания начать войну со Швецией и настоять на пересмотре Кардисского мира при наличии угрозы со стороны татар в Москве не возникало. Тем не менее дипломатия России вновь потерпела поражение, которое нашло выражение в заключении невыгодного для нее ~~заклю-~~ ~~чении~~ Журавненского мира между Портой и Речью Посполитой.

Тем временем попытки Ф. фон Габеля втянуть Россию в войну со Швецией продолжались. (В то же время Ф. фон Габель прилагал все усилия, чтобы втянуть Русское государство в зимнюю войну с целью «царское обладательство до Варяжского моря распространить»⁸²). После того как И.В. Бутурлин и И.А. Прончищев возвратились с границы, в Швецию была направлена грамота Федора Алексеевича, в которой вновь,

несмотря на контраргументы шведских послов, приводились все обвинения в адрес шведов по поводу неправильного написания царского титула. Подчеркивалось, что это — нарушение Кардисского договора «с явным досадительством и умалением» чести и достоинства царя. Напоминалось, что русские послы добивались, чтобы шведы уступили ряд городов⁸³. Обращает на себя внимание, что в отличие от наказа послам 1676 г. грамота не содержала непосредственной угрозы разорвать дипломатические отношения. Возможно, русские собирались организовать очередную демонстрацию силы, заверив габсбургскую коалицию в том, что готовы оказать ей поддержку.

Но попытка добиться территориальных уступок от Стокгольма даже в том виде, в котором она была осуществлена, не оправдывала себя. Она отвлекала — хотя и в незначительном размере — силы и, что более существенно, внимание государства, мешая активизировать борьбу с татарами, стала причиной заключения Журавненского договора. Москве ничего не давало и сближение России с Габсбургской коалицией; реально ситуаций, когда Дания и Бранденбург пришли бы на помощь России, так и не возникло. Когда в условиях Великой Северной войны начались переговоры России, Дании и Бранденбурга о союзе против Швеции, эти государства оказались ненадежными. Сближение России и Империи в 80–90-е гг. XVII в. шло по другой линии; по линии совместной борьбы с Портой, с точки зрения установления союзнических отношений с Венной, предъявление шведам со стороны Москвы ультиматума также не дало существенных результатов.

В плане взаимоотношений со Стокгольмом пограничные переговоры не дали никаких результатов, содействуя лишь росту напряжения между двумя странами. Требования русских в восприятии шведов являлись «вздорными», шведское руководство понимало, что Москва вела переговоры, действуя с подачи габсбургской коалиции. Россия не располагала реальной возможностью бороться против Швеции, эта борьба стала возможной, лишь когда турецкая угроза была устранена. Ведя переговоры на Меузице, Россия не получила обещанной в обмен помощи в борьбе с Турцией.

Тем не менее неуклонно шло втягивание России в систему международных отношений. Если в 1676 г. Речь Посполитая ориентировалась на Францию и Османскую империю, то уже в последующие годы произошла переориентация поляков на борьбу с султаном в союзе с Россией и Габсбургской империей. Империя и папская курия признали присоединения, которые Русское государство сделало по Андрусовскому перемирию. С точки зрения сближения с габсбургской коалицией и признания авторитета России на международной арене посольство И.В. Бутурлина и И.А. Прончищева могло сыграть положительную роль.

**От пограничных переговоров 1676 г. к отправлению в Швецию
осенью 1677 г. кн. В.Д. Долгорукова.
Выработка политического курса России в условиях
подготовки и начала Чигиринской войны**

Разрыв переговоров заставлял шведов уделить в конце 1676—1677 гг. внимание тому, чтобы обеспечить защиту западных границ, в то время как приходили сообщения о том, что русские войска скапливаются между Ладогой и Псковом. Швеция ставила вопрос о том, кто окажет ей помощь в борьбе с Русским государством⁸⁴. Но для России ситуация изменилась. Весь 1677 г. в значительной степени прошел под знаком подготовки и начала Чигиринского похода, что практически должно было означать прекращение попыток оказать давление на Стокгольм. (Правобережная Украина, которую рассчитывали занять османы, должна была остаться в вассальной зависимости от Порты; новый гетман Ю. Хмельницкий оказался марионеткой под властью султана; весной гетман стал рассылать универсалы, призывая местных жителей подчиниться туркам)⁸⁵. В марте — начале апреля в Русском государстве шло комплектование полков для борьбы с османами. 2 апреля служилым людям московских чинов был объявлен приказ о призыве для участия в Чигиринском походе (войска находились под командованием кн. В.В. Голицына, кн. Г.Г. Ромодановского и его сына кн. М.Г. Ромодановского)⁸⁶. В апреле В.М. Тяпкин получил подтверждение от литовского гетмана М. Паца,

что турки, которых сопровождает Ю. Хмельницкий, переправляются через Дунай.

Тем не менее Габсбургская коалиция по-прежнему пыталась убедить Россию принять участие в войне со Швецией. Продолжавшему оставаться в Москве бранденбургскому агенту Г.Д. Гессе Фридрих Вильгельм прислал инструкцию с требованием добиваться аудиенции у царя; Г.Д. Гессе вслед за И. Скультетусом, видимо, получая информацию из тех же источников, что и Ф. фон Габель, неизменно верили, что Федор Алексеевич готов продолжать прежнюю политику давления на Швецию и что основное препятствие для этого — оппозиция бояр. Фридрих Вильгельм предписывал своему агенту объяснить, что необходимо, чтобы Россия напала на Швецию (речь шла о захвате все тех же земель, что и раньше). От Москвы как минимум требовалось, чтобы она, как и прежде, делала вид, что собирается воевать со Швецией, не планирует заключать никакого договора и таким образом держит северо-западных соседей в страхе. Если Россия и Швеция начнут войну, Речь Посполитая окажется в затруднительном положении (имелось в виду ведение поляками вооруженных операций в Пруссии)⁸⁷. Ориентируясь на полученные, скорее всего, в марте-апреле письма, 12 мая Кристиан V изложил в адресованном Ф. фон Габелю послании требование, чтобы московское войско весь год не оставляло границ со Швецией⁸⁸.

В последующие месяцы в Москве вопрос о борьбе, направленной против Стокгольма, русскими не ставился⁸⁹ — шла подготовка к походу в Крым. Ф. фон Габель пытался обращаться ко кн. Ю.А. Долгорукову, на словах готового его поддержать (посланник считал князя сторонником оказания давления на Швецию)⁹⁰. Затем датский посланник, убедившись, что таким способом ничего не добьется, стал писать в Посольский приказ. Он подчеркивал возможность формирования направленной против России коалиции в составе Речи Посполитой, Швеции, Османской империи, Крымского ханства (за спиной коалиции, как указывал дипломат, стояла Франция). Однако, как настаивал Ф. фон Габель, сейм, на котором возобладали враждебные Яну III Собескому группировки, принял решение сохранять мир. (И действительно невыгодные условия мира

Речи Посполитой и Турции, опасения относительно того, что султан в любой момент может повернуть оружие против поляков, которые тогда останутся без союзников, привели к тому, что датская и бранденбургская дипломатия одержали победу на сейме; Речь Посполитая 24 апреля подтвердила мир с Империей Габсбургов и 17 мая – с Бранденбургом; впрочем, очень быстро после этого, 21/31 августа, Ян III Собеский подписал договор со Швецией, Карл XI должен был содействовать присоединению Восточной Пруссии к Речи Посполитой; таким образом подтверждался Оливский мирный договор, а Франция становилась гарантом нового договора; Швеция не получала ничего взамен, что вызывало ее недовольство)⁹¹.

Великое княжество литовское, по словам Ф. фон Габеля, не позволило Речи Посполитой укрепить мир с Турцией. Визирь, с которым установила контакты Франция, как сообщал Ф. фон Габель, умер, и теперь турки и татары потеряли интерес к войне (в данном случае представитель Кристиана V жестоко ошибался – Османская империя, как мы хорошо знаем, вынашивала далеко идущие завоевательные планы). Соответственно, в связи с якобы происшедшим снижением интереса к войне у турок, по заверениям Ф. фон Габеля, уменьшилось желание участвовать в войне и у поляков. Царю, по утверждению дипломата, теперь нечего было опасаться альянса Кракова и Стамбула и следовало попытаться добиться получения выхода к морю. Если царь упустит лето, после Нимвегенского конгресса притязания Швеции возрастут. Против Карла XI воевали почти все европейские державы. Мир, как отмечал посланник, обращаясь к Кристиану V, не надвигается долготерпению царя⁹².

Как и его предшественники, 14 мая в письме в Посольский приказ Ф. фон Габель настаивал, что России следует добиться присоединения Лифляндии. Датский посланник предлагал предоставить жителям Лифляндии освобождение от торговых пошлин на двадцать лет, особенно если эти жители примут царское подданство. Он подчеркивал, что русские могут захватить часть морского побережья и в результате овладеть балтийской торговлей, хотя при этом будет нарушена архангельская торговля (такое развитие событий, как считал сам Ф. фон Габель, не устраивало старых бояр, ведущих торговлю

через Архангельск). Датский король был готов, по словам посланника, предоставить корабли для ведения торговли с Персией, а русским – возможность приобрести торговый дом в Копенгагене (все это писалось в духе фантазий Ф. фон Габеля; даже если бы его планы осуществились, вряд ли русские могли бы рассчитывать получить льготы в полном объеме; скорее всего, Ф. фон Габель предлагал сделать первый шаг, совершив который, Дания имела бы шансы овладеть волжским торговым путем – речь шла о заветной мечте морских держав).

Ф. фон Габель отмечал, что Карл XI, перестав испытывать опасения относительно нападения России и в то же время продолжая получать французские деньги, стал перебрасывать войска для борьбы с Данией, «и тем война в том месте велими сумнительная в протяжке чинится» (опять же говорилось о возможности нападения в недалеком будущем Швеции на Россию)⁹³.

22 мая посланник указывал, что Франция и Швеция стремятся «возбудить» поляков «ко оружию», чтобы Речь Посполитая не начала войны против Бранденбурга, но Ян III Собеский ответил, что невозможно ему «ничего творити радением своим шведом ко благополучению». Ф. фон Габель обращал внимание получателей письма, что поляки хотят назначить украинским гетманом (имелся в виду гетман Правобережной Украины) «молодого» Хмельницкого (в действительности назначение Ю. Хмельницкого уже произошло). Так как султан боялся наступления русских, он ставил своей целью оторвать от России не только чигиринских, но и черкасских казаков, что может «паче отягчати наступление на Крым». Османы «опасством, а не гордостью к войне против вашего царского величества готовятца». По мнению Ф. фон Габеля, султан может склониться к заключению договора с Россией (при этом царю следует укрепить Чигирин и Киев) и предпочесть войну с Речью Посполитой, вместо того чтобы вывести свои войска против России в «болшие степи». Иначе начнется война, «о которой конец неведом». Если Русское государство не разорвет мир с Турцией, оно сможет выступить «на стороне древних своих и верных друзей» «римское цесарское величество» и курфюрста бранденбургского и начать войну против шведов⁹⁴.

Федор Алексеевич, после того как, по наблюдениям того же Ф. фон Габеля, между боярскими группировками было восстановлено равновесие, решил поддержать планы борьбы со Швецией, что вызывало большое раздражение бояр (опять же можно задаваться вопросом о том, насколько хорошо посланник понимал сложившуюся ситуацию, хотя, по его утверждению, у него «появился преданный постоянный друг среди тех, кто сидит в ближнем совете»). Дипломат неустанно продолжал бомбить Посольский приказ своими письмами. Ф. фон Габель четыре раза писал королю о намерении царя воевать со Швецией (23 и 30 мая; 6 и 20 июня)⁹⁵. Из чего при этом исходил датский уполномоченный?

Тем временем в России шла активная подготовка к Чигиринской войны (при этом русские опасались военных действий со стороны Речи Посполитой и в связи с этим размещали вооруженные силы на значительном расстоянии от Днепра с целью защитить русскую границу). 9 мая кн. Г.Г. Ромодановский получил отпуск и 23 мая выехал в Севск⁹⁶). Ни о каком резком изменении политического курса и войне со Швецией в этот момент не могло быть и речи, хотя, видимо, русские сохраняли желание оказать давление на шведов в дальнейшем.

Ф. фон Габель с его требованиями объявить войну шведам успел порядком надоесть в Москве. В начале мая в Посольском приказе составили распоряжение, чтобы он готовился к отъезду. Однако посланник ответил, что не уедет, пока не получит санкционирующего его отъезд королевского письма⁹⁷. Письмо Ф. фон Габеля от 22 мая было зачитано царю, согласно сделанной помете, 24 мая. Еще до того, как письмо слушали, 22 мая, царь указал и бояре приговорили, что дадут посланнику ответное письмо и отпустят его из Москвы. Царь передавал Ф. фон Габелю, что заключил Вечный мир с Карлом XI. Если что-то случится, царь и шведский король спишутся между собой⁹⁸. На переводе письма Ф. фон Габеля от 31 мая также была сделана помета отпустить посланника на родину⁹⁹.

Между тем 24 мая до сведения посланника доводилось, что переговоры на Меузице не дали никаких результатов; шведские послы «удовольствования» вечному миру «не učinили», делегации разъехались; то, что подготовке текста письма

Ф. фон Габелю предшествовали споры, видно из того, что в черновике была зачеркнута фраза относительно того, что «мирног договору нарушити невозможно»¹⁰⁰; таким образом, как бы оставалась лазейка, используя которую можно было пытаться посорить Россию и Швецию).

Ф. фон Габель не торопился уезжать. 5 июня последовало его новое письмо в Посольский приказ, в основном посланник просил о том, чтобы ему еще некоторое время разрешили остаться в Москве (именно эту дату, 5 июня, датчанин опять же называл как день, когда царь объявил, что планирует совершить нападение на Швецию)¹⁰¹.

Еще одно письмо Ф. фон Габеля относится к 16 июня (оно было зачитано боярам 20 июня, т.е. очередной раз в тот день, когда, по сведениям Ф. фон Габеля, речь шла о желании Федора Алексеевича порвать мирные отношения со Стокгольмом). Теперь неизбежность войны с Турцией стала очевидна и Ф. фон Габелю. В письме от 16 июня говорилось, что Османская империя не планирует вести боевые действия против России, однако турки готовятся начать войну, чтобы летом завоевать Украину; они намерены переправиться через Днепр и «вырубить» все близлежащие земли, чтобы русские не могли туда подойти. Поляки побуждают турок воевать с русскими. В том же письме Ф. фон Габель сообщал, что поляки не собираются воевать со шведами, чтобы последние могли направить все силы против царя. Тем не менее Ф. фон Габель задавал вопрос о том, не могут ли русские заключить договор с поляками. Посланник вновь выражал надежду на то, что царь выступит против шведов¹⁰².

Насколько можно доверять датскому посланнику, что Федор Алексеевич намеревался начать войну со Швецией и четыре раза говорил об этом в мае-июне? Возможно, в каких-то случаях речь шла опять же о создании угрозы Швеции в порядке оказания помощи союзникам, тем более что Карл XI располагал противоречивой информацией, хотя даже на какое-то давление со стороны России рассчитывать было трудно. Правомерно ли характерное для всех иностранцев противопоставление царя и бояр? Как мы могли убедиться, названные Ф. фон Габелем числа были выбраны не случайно: как прави-

ло, они были сопряжены с чтением писем посланника. В письме Ф. фон Габелю от 22 мая указывалось, что при переговорах 1676 г. шведы не согласились удовлетворить русские требования. Из каких-то источников Ф. фон Габелю, очевидно, становилось известным, когда его письма оглашались, во всяком случае он писал, что царь высказался в пользу войны 20 июня, когда бояре слушали полученное от посланника письмо. В то же время в мае Ф. фон Габель сталкивался с упорным желанием выпроводить его из столицы, своими требованиями он явно раздражал московское руководство. Между тем царь большую часть времени летом-осенью 1677 г. жил в подмосковных селах (в его отсутствие государственные вопросы решали кн. Г.С. Куракин, кн. Я.Н. Одоевский, кн. Ю.П. Трубецкой; военное руководство кампанией 1677 г. осуществлял кн. Ю.А. Долгоруков)¹⁰³. Скорее всего, перед нами вновь характерное для всех находившихся в России иностранцев клише: царь хочет воевать со Швецией, а бояре — нет.

К концу весны — началу лета со стороны Порты нависла угроза над Чигирином, в то время как русская сторона действовала достаточно медленно; возникла опасность добровольного подчинения местного населения султану¹⁰⁴. В то же время 16 мая Ф. фон Габель ставил Кристиана V в известность, что не следует рассчитывать на вторжение русских в Ливонию. Пока царь не сделал ни одного активного шага в направлении войны. Если из Пскова и Новгорода будут отозваны войска, шведы совершат нападение на Бранденбург (при этом — неясно, насколько это соответствовало истине, хотя Ф. фон Габель обращал на это внимание, — «многие теперь начинают жалеть, что вовремя не послушались Ф. фон Габеля, что сразу же вместе с Данией не объявили войны Швеции»¹⁰⁵).

Тем временем для русских вопрос о том, что при переговорах со шведами при условии, что на них окажут определенное давление, снова был поставлен на повестку дня. По этому поводу велась переписка, об этом Карл XI упоминал 26 мая в грамоте, предназначенной для Федора Алексеевича. Как указывалось в грамоте, И.И. Таубе объявил, что в пограничных с Россией районах распространились соответствующие слухи. По вопросу о возобновлении переговоров шведы вели пере-

писку с новгородским воеводой кн. Н.С. Урусовым, шведские послы во главе с Э.И. Крейцем продолжали ожидать прибытия русских послов¹⁰⁶.

14 июня Г.Г. Клинкстедт писал королю из Ревеля о том, что царь послал королю какое-то письмо (видимо, имелась в виду так и неотправленная грамота Федора Алексеевича от 7 января; возможно, письмо было послано в связи с проходившем в мае — начале июня обсуждением вопроса о войне со Швецией, после 22 мая, когда Ф. фон Габеля в письменном виде поставили в известность, что пограничные переговоры 1676 г. не дали результатов)¹⁰⁷.

Тем временем 18 июня в порядке подготовки к Чигиринскому походу кн. В.Д. Долгорукому было приказано собрать в Брянске новгородский полк; однако выяснилось, что наступающее турецкое войско не столь велико. 28 июня царь вернулся с богомолья и на следующий день велел князю идти к Пскову для военной демонстрации против шведов; кн. В.В. Голицын, войска которого предназначались для борьбы с турками и который просил о прибавке войск, в первую очередь пехоты, на следующий день получил отказ¹⁰⁸. В результате кн. В.В. Голицын не был назначен верховным главнокомандующим и остался с незначительными войсками. Скорее всего, намереваясь организовать военную демонстрацию против Швеции и получив агентурные сведения, что шведское войско не столь велико, как предполагалось, двор лишь дождался возвращения царя с богомолья в Москву с тем, чтобы был подготовлен указ.

Как реагировали на перемены в России шведы? Они, не зная, что реально происходит при русском дворе, надеялись, что после того как расправились с А.С. Матвеевым, Россия будет придерживаться более «благоразумной» политики. В какой-то момент, по мере того как становилось известно о переброске русских войск для борьбы с турками, в Стокгольме упрочилось мнение относительно того, что особой угрозы со стороны России нет, хотя определенные опасения сохранялись¹⁰⁹. Шведская делегация, включая как Э.И. Крейца, так и двух его спутников, знала о прибытии в Москву датского посланника (не случайно А. Лиллиехёк получил распоряжение доставить Ф. фон Габеля к шведскому королю). Шведские

послы по-прежнему старались внимательно следить за происходившем в России, считая, что русская угроза все еще существует. Стокгольм использовал своего резидента Х. Коха для ведения шпионажа. Не позже марта Х. Кох просил, чтобы для этой цели ему доверили 1 тыс. дукатов и вместе с тем писал, что царь, на которого оказывает давление датский посланник, стремится занять Ингерманландию и Кексгольм, так что вести переговоры с русскими бесполезно (неясно, откуда Х. Кох черпал свои сведения)¹¹⁰. Согласно поступившей информации, в марте шведы, подобно Ф. фон Габелю, были убеждены, что царь (вполне вероятно, следовало говорить об активных сторонниках оказания давления на Швецию) не хочет соблюдать никакие договоры (далее повторялось то же, о чем говорил Х. Кох); царские министры (бояре) высказывают много разумных мыслей (очевидно, предполагалось, что они настроены против войны)¹¹¹.

Возникшие слухи о намерении царя возобновить переговоры вызвали неоднозначную реакцию. Когда шведские послы узнали, что королю направлена царская грамота, у них, как они указывали в своем донесении королю от 14 июня, возникли сомнения относительно намерений Федора Алексеевича: то ли он строит враждебные планы, собирается «совершить какое зло», то ли предполагает соблюдать заключенные договоры. Речь Посполитая решила ратифицировать Журавненский трактат, поэтому оставалось неизвестным, как будут развиваться события на Украине. Как было очевидно шведам, Турция могла организовать нападение на русские земли. Не обязательно, чтобы кн. Г.Г. Ромодановский, который защищает границу, смог легко предотвратить беду и вернуться. С точки зрения Э.И. Крейца, была создана почва для ведения переговоров с Россией и именно на это следовало ориентироваться. Э.И. Крейц подчеркивал, что время не терпит промедлений, что русские предъявляют большие претензии, что в течение года царь может решиться на разрыв отношений — Федор Алексеевич научил не затягивать с началом переговоров¹¹². В дальнейшем Карл XI писал, что он боялся, что русские совершат нападение со стороны Лифляндии, но, когда был отдан приказ доставить царское письмо королю, привезший это письмо русский генерал ушел¹¹³.

30 июня Э.И. Крейц сообщил королю, что царь повторил свои претензии. Теперь дипломат снова не видел смысла возобновлять переговоры — переговоры об Ингерманландии и Карелии. Э.И. Крейц считал, что ситуация изменилась после того, как Карл XI приказал послать финскую милицию в Лифляндию, чем мог рассердить царя. Король стремился продлить Кардисский мир, не узнавая, хочет ли этого царь¹¹⁴. И все же страх перед нападением русских проходил. В конечном счете в Москве стало известно, что уже, судя по всему, в июне шведы стали перебрасывать войска из Лифляндии, направляя их против Дании¹¹⁵.

К 20 июля шведами были получены сведения о нападениях турок и татар на Украину. Э.И. Крейцу стало очевидным, что царь будет должен согласиться с существующим положением вещей, дать указания подтвердить договоры (в первую очередь подразумевался Кардисский договор). Послы выражали уверенность, что царь отправит послов на границу (впрочем, шведский посол не исключал возможности, что это будет сделано в порядке подготовки к новому наступлению). Э.И. Крейц просил прислать инструкции, решив, какие методы должны использовать его уполномоченные. Шведский посол надеялся, что можно будет за две-три встречи покончить со «вздорными претензиями»¹¹⁶.

В ответном письме от 27 июля король подчеркивал, что со стороны царя можно ожидать всякого, весь мир охотно увидит, что Федор Алексеевич довольно нерешительно склоняется к тому, чтобы идти по пути примирения со шведами. Пока Карл XI не считал нужным выводить войска из Лифляндии, намереваясь дожидаться ответа от царя. Король по-прежнему не собирался отдавать те земли, на которые претендовали русские. По его словам, не нужно было проводить никакого дополнительного анализа, чтобы доказать, что Ингерманландия и другие места принадлежат Швеции. (Карл XI связывал большие надежды с успешной осадой Мальмё¹¹⁷, расположенном на Сконе, в 30 км от Копенгагена¹¹⁸).

В конце июля в Чигирин поступили сведения о продвижении в сторону города многочисленных турецких войск. 2 августа турки начали осаду Чигирина¹¹⁹. Ф. фон Габель,

который снова подтверждал желание Федора Алексеевича объявить шведам войну, доносил Кристиану V, что царь стремится отстранить старых советников¹²⁰ (однако осада Чигирина практически не позволяла правительству проводить активную внешнюю политику в других направлениях; видимо, кн. Ю.А. Долгоруков при разговорах с порядком успевшим надоесть в Москве Ф. фон Габелем делал добрую мину при плохой игре и пытался ему внушить, что желание воевать со Швецией сохраняется; что касается попыток Федора Алексеевича отстранить старых советников, то вряд ли эти попытки реально имели место).

Новости, связанные с русско-турецкой войной, еще не успели достичь Швеции. Тем временем до шведов дошли слухи, что царь собирается возобновить переговоры, что на границу уже отпущены послы, о чем писал в отправленном в Москву письме И.И. Таубе. Несколькими днями позже, 9 августа, шведами были получены сведения, что русские обеспокоены тем, что Карл XI направляет свои войска в Финляндию и Лифляндию, И.И. Таубе подчеркивал, что Швеция хочет сохранить дружбу с Россией¹²¹. В конце августа датский посланник сообщил, что Федор Алексеевич склоняется к войне со Швецией, резко изменив свое отношение к боярам. Однако Ф. фон Габель выдавал желаемое за реальное — в этот момент Русское государство явно не могло вести войну на двух театрах¹²². (Дополнительные усилия, чтобы воспрепятствовать якобы готовящемуся нападению русских на Швецию, приложили англичане).

Русское посольство на границу не снаряжалось в течение длительного времени, а царь, соответственно, не отдавал никаких распоряжений¹²³. На протяжении всего октября — первой половины ноября шведы ожидали прибытия послов.

В августе в Швецию, Данию и Англию был послан в качестве гонца Г. Понамарев; он должен был, передав королю грамоту, выяснить, готов ли Стокгольм пойти на территориальные уступки России или собирается начать с Русским государством войну, собрать сведения о Голландской и особенно датско-шведской войне, посмотреть, «каков в Стеколне будет прием и из Стеколна отпуск¹²⁴». Вместе с тем в Дании следовало добиться — об этом говорилось в специальной грамоте, ко-

торою Федор Алексеевич направил Кристиану V, — чтобы датчане потребовали возвращения Ф. фон Габеля, которому еще 13 января был объявлен отпуск (перед нами беспрецедентный случай — чтобы выпроводить дипломата из страны, пришлось дать Г. Понамареву поручение потребовать от датского короля отозвать посланника). Кристиан V выражал искреннее огорчение по поводу намерения русских заставить Ф. фон Габеля уехать из Москвы, что было сделано «на печаль»¹²⁵.

Посольство в Швецию было подготовлено к отправке в октябре, после возвращения Г. Понамарева. Посольство должен был возглавить боярин, кн. В.Д. Долгоруков (при преобладающем влиянии клана Долгоруковых летом-осенью 1677 г. 18 июня он был пожалован в «комнату»; его назначение послом, скорее всего, было обусловлено его принадлежностью к клану¹²⁶; в то же время именно он получил в июне указание идти с войсками к Пскову). В состав посольства также включили принимавшего постоянное участие в переговорах со шведами, в том числе в предшествующем посольстве, И.А. Прончищева, а также дьяков.

Предполагалось, что послы повезут с собой грамоту Федора Алексеевича. Русские отказывались практически ото всех своих предшествующих требований за исключением желания провести размежевание с учетом того, что могут сказать старые люди. Царь согласился с тем фактом, что Теплый Камень, на проведение границы через который русские настаивали в 1674 и 1676 гг., не упомянут в Кардисском договоре. Федор Алексеевич признавал несостоятельность части своих обвинений в адрес шведов в «обидях». Говорилось о том, что все газеты с известиями о Степане Разине были напечатаны в Королевце и других местах. Подданные Карла XI оказались здесь ни при чем. Другим почерком в черновике царской грамоты была сделана вставка, что И. Шваб проживает на территории Римской империи. Отмечалось, что многие пленные отпущены из России (трудно сказать, насколько при существующих порядках заставлять пленных принимать православие это соответствовало истине; никаких документов относительно отпуска пленных не сохранилось; возможно, речь шла о беженцах). Царь извинялся за те требования, которые были предъявлены в 1676

г., таким образом признавая свою неправоту, что должно было оказывать влияние на падение престижа Русского государства в глазах Карла XI (в принципе это мнение не было особенно высоким и прежде, когда речь шла об «обидях», никогда не наносившихся шведами): «Однако ж его королевское величество никогда иноко, токмо в дружбе всякими образцы, как Кардиской договор указывает, объявлявал, також де и его царское величество в розных дружелюбных грамотах писал и доброе обнадеживание явил. И того де для его королевского величества зело не чаял, что его царского величества послы против того сступили с пути и такие нечаемые и непристойные запросы объявили и просят в уступку городов и мест и предлагали, естли того не уступать, то война и кроворазлитие взочнетца»¹²⁷. На отказ могли повлиять как Чигиринская война (в первую очередь), так и Нимвегенские переговоры, тот факт, что габсбургская коалиция потеряла заинтересованность в том, чтобы Россия оказывала давление на Швецию. В то же время дальнейшее развитие событий свидетельствовало о том, что московское руководство еще несколько лет после этого (впрочем, уже после завершения Чигиринской войны) продолжало настаивать на требованиях, которые предъявили И.В. Бутурлин и А.И. Прончищев. Дополнительную роль в принятии соответствующего решения сыграли противники оказания давления на Швецию.

Карл XI узнал о готовящемся отправлении послов 25 августа, когда в Стокгольм прибыл Г. Понамарев. Видимо, от московского гонца поступили сведения о начале Чигиринской осады. Шведский монарх исходил, что русские вновь поставят вопрос об Ингерманландии и Кексгольме, но полагал, что ко времени переговоров ситуация может приобрести угрожающий характер для русских, тогда переговоры реально состоятся, но русские ничего не получат¹²⁸.

В то же время от имени Федора Алексеевича 19 октября было принято решение не отправлять посольства (русское руководство предпочло посмотреть, как будут развиваться события под Чигирином, как пойдут Нимвегенские переговоры; определенную роль опять же могли сыграть сторонники оказания более активного давления на Швецию, считавшие, что

не следует отказываться от ранее предъявленных требований). Царь указывал, что отказ снаряжать посольства был сделан также с учетом того, что Швеция продолжала войну с Данией и Бранденбургом¹²⁹.

До середины ноября находившиеся в Ревеле фон Г.Г. Тизенгаузен и И.К. Клингстедт оставались в неведении относительно намерения Москвы отправить царское посольство. В то же время к послам поступили сведения, что московские послы приедут и собираются встречать шведское посольство с большой помпой. Однако шведская делегация должна была предстать перед глазами русских в том же облачении, что и во время предшествующих переговоров. Шведы выражали опасение, что это не послужит успеху дела, потому что русские относятся к тем нациям, которые придают большое значение внешности своих послов. Русские, как считали фон Г.Г. Тизенгаузен и И.К. Клингстедт, могут с некоторым пренебрежением судить по внешности представителей Стокгольма об их статусе (так как об этом говорилось в письме, адресованном королю, следует рассматривать сделанное высказывание как выраженную в достаточно деликатной форме просьбу прислать новую одежду). Послы не понимали, будут ли русские добиваться возвращения захваченных шведами земель, хотя обратили внимание на обстоятельства, связанные с якобы предстоящим в скором времени прибытием посольства¹³⁰. Фон Г.Г. Тизенгаузен и И.И. Клингстедт также отметили, что русские по-прежнему хотели продолжать переговоры на Меузице, где шведское посольство остается безо всякого прикрытия, в то время как русская армия стояла под Псковом. Шведы опасались, что русские будут делать ужасные вещи, которые могут привести к тому, что король потерпит убытки¹³¹.

Шведские послы долгое время продолжали ждать русских послов. После того как угроза войны, как полагали стокгольмские дипломаты, миновала, основные вопросы, которые занимали фон Г.Г. Тизенгаузена и И.И. Клингстедта, были связаны со свободой торговли. Шведы по-прежнему надеялись на уступки со стороны России и добивались, чтобы им были предоставлены большие по сравнению с другими нациями привилегии; на самом деле речь шла о том, чтобы шведам подоб-

но англичанам и голландцам предоставили те права, которых они, шведы, были лишены согласно Новому торговому уставу. В одном из донесений королю послы выражали опасения, что в порядке «мести» (видимо, имелась в виду месть за понесенные оскорбления) русские могут потребовать денег¹³².

Тем временем польско-шведские планы нападения на Бранденбург реально осуществились. В октябре Г.Д. Гессе общал о намерении шведов совершить, используя войска, которые находятся в Лифляндии, а также польских людей, поход через Лифляндию в Померанию¹³³. В январе вновь распространились слухи, что стоящие в Лифляндии шведские войска наступают на Пруссию.

Бранденбургскому представителю прислали дополнительную инструкцию попытаться добиться, чтобы русские совершили нападение на Лифляндию¹³⁴. Г.Д. Гессе располагал противоречивой информацией относительно намерений русских совершить нападение на Швецию, что опять же отражало отсутствие единства по вопросу об отношении к Стокгольму в Москве. Г.Д. Гессе написал курфюрсту, что разрыва России со Швецией, скорее всего, не произойдет¹³⁵. 16 января Г.Д. Гессе был на отпускной аудиенции. В середине февраля 1678 г. он получил подтверждение от Лариона Иванова, что Россия сохраняет со Швецией Вечный мир¹³⁶ (агент курфюрста оставался в Москве до весны 1678 г.¹³⁷).

Таким образом, с подготовкой к Чигиринским походам Россия постепенно перестала оказывать давление на Швецию. Ситуация не оставляла места для маневра, хотя в правящих кругах не стали отказываться от тех обвинений, которые были предъявлены Стокгольму. В то же время, вероятно, усилиями участников Габсбургской коалиции, прежде всего Г. фон Габеля, в Швеции, особенно когда зашла речь о прибытии туда русского посольства, питали серьезные опасения относительно намерений России.

Тем временем Турция приобретала все большее значение как силовой фактор, направленный против России и Речи Посполитой (в первую очередь, как отмечает Ф. Грэнбаум, именно так к Османской империи относился Людовик XIV). Положение дел в отношениях с султаном не позволяло Речи Поспо-

литой участвовать в войнах на Балтике. Для поляков оставался открытым вопрос, «отдать ли предпочтение надежному миру с Турцией или обманчивым надеждам на помощь московитов, на гарантии императора и римские деньги». Однако, по настоянию неофициального французского посла в Речи Посполитой Ф. Бетюна Туссена Жансона, на границе со Швецией были оставлены войска на случай шведского нападения. Ян III Собеский, понимая, что Франция не будет оказывать помощи в борьбе с «бусурманами», после непродолжительного сближения со Швецией и Францией стал снова переориентироваться на Империю, видя в ней потенциального союзника по борьбе с Османской империей.

Вместе с тем существовала опасность того, что Вена не сможет удержать Варшаву в орбите своих интересов (при том, что император по-прежнему, пока не кончилась Голландская война, не был готов направить против султана значительные силы, хотя куруцы под предводительством И. Тёкёли в октябре 1677 г. вступили в Венгрию)¹³⁸.

На повестку дня был поставлен вопрос о создании анти-османской коалиции, в состав которой вошли бы Империя и папская курия. Вместе с тем становилось все более актуальным сближение в борьбе с Портой России и Речи Посполитой. Нунций Мартелли был против замирения России и Речи Посполитой ценой существенных уступок поляков русским, начинал выступать в роли сторонника союза Москвы и Варшавы в борьбе с Османской империей, настаивал на объединении сил в борьбе с Турцией¹³⁹. При этом в Варшаве приходило понимание того, что Русское государство является наиболее надежным союзником по борьбе с Портой.

Уже сейм 1677 г. постановил отправить в Москву посольство М. Чарторыйского, П. Сапеги, Г. Комара. Посольство было отложено до весны 1678 г. В декабре 1677 г. Ян III Собеский решил, что дальше затягивать со снаряжением посольства нельзя. П. Сапега считал, что посол должен склонить царя к заключению Вечного мира¹⁴⁰.

В декабре 1677 г. в свою очередь из Москвы в Варшаву выехали окольничий И.И. Чаадаев и дьяк Е.И. Украинцев. В этой ситуации в России стали всеми силами добиваться за-

ключения Вечного мира на условиях Андрусовского перемирия. В официальном наказе Федора Алексеевича послам поручалось, если после двух съездов не удастся заключить Вечного мира, договориться о месте предстоящих переговоров, вместе с тем соглашаясь на участие в переговорах посредников, и проводить следующий съезд в июне 1678 г. (скорее всего, имелось в виду посредничество Леопольда I, хотя в дальнейшем неоднократно возникали сомнения, следует ли просить императора об участии в переговорах; в то же время при наличии в Вене заинтересованности в том, чтобы поляки и русские вели борьбу против Османской империи, Россия могла надеяться на то, что «цесарь» будет действовать в интересах Российского государства)¹⁴¹.

Переговоры состоялись в середине мая 1678 г. Они свидетельствовали о том, что Речь Посполитая не собиралась идти на уступки России. Развитие отношений Варшавы и Москвы грозило, что между двумя этими странами произойдет разрыв. Правильная оценка ситуации В.М. Тяпкиным убедила русскую сторону в том, что можно ставить твердые условия¹⁴². Русские обвиняли поляков в том, что последние заключили Журавненский договор, поддерживают отношения с Турцией и Крымом; поляки ставили в упрек русским, что последние вовремя не прислали на помощь войска, что и привело к тому, что был заключен Журавненский договор¹⁴³. В сентябре две стороны подписали договор о продлении перемирия. Царь уступил Невель, Велиж и Себеж¹⁴⁴. Переговоры дали повод императору и папе вновь добиваться улучшения русско-польских отношений¹⁴⁵.

В то же время литовский гетман М. Пац выступал за сближение с Россией и совместную борьбу двух стран против Швеции, тем самым продолжая политику, которую в свое время проводил А.Л. Ордин-Нащокин. Но так как Дания и Бранденбург пытались добиться вступления России в войну против Лифляндии, и политическая линия Кристиана V и Фридриха Вильгельма оставалась не вполне очевидной, Литва не знала, что надо делать. Речь Посполитая заняла позицию, враждебную России¹⁴⁶, однако такая ситуация продолжалась недолго.

Возможно, настроения в пользу оказания давления на Речь Посполитую усилились. Г.Д. Гессе сообщал, что новгородская армия должна идти на границу с Лифляндией¹⁴⁷.

* * *

Несмотря на заявления русских, что она снаряжает послов на границу, выполняя просьбу союзников, давление на Швецию соответствовало интересам России. Не случайно Русское государство не подтвердило Кардиский мир с вступлением на престол Карла XI, когда в Москву прибыло посольство графа Г. Оксеншерна. Россия всерьез опасалась, что Швеция и Речь Посполитая объединят против нее свои силы.

Вопрос об отправлении посольства в условиях отсутствия единства мнения об оказании давления на Швецию решался непросто, что было связано с угрозой со стороны Крыма, неурегулированностью отношений с Речью Посполитой, а вместе с тем — с обсуждением вопроса о «случении» русских и польских сил.

Шведам были предъявлены все перечисленные в наказе И.В. Бутурлину и А.И. Прончищеву обвинения в умалении чести и достоинства русских царей. (Когда на границе начались переговоры со шведами, стокгольмские послы были всерьез напуганы «вздорными требованиями» русских, король был вынужден постоянно держать на границе с Россией войска, что заставило его уменьшить количество людей, перебрасываемых в Померанию; это позволило союзникам одержать осенью 1676 г. ряд существенных побед).

Русское государство ничего не получило взамен, но ее престиж на международной арене возрос. Русско-шведские переговоры стали одной из причин примирения Порты и Речи Посполитой, заключения Журавненского мира. Однако в дальнейшем Россию стали рассматривать как серьезного потенциального союзника по борьбе с Османской империей.

Политика умеренного давления на Швецию проводилась и в последующие годы. Посольство в Стокгольм с отказом от предъявленных ранее требований так и не было снаряжено. Москва и в дальнейшем, уже после заключения Нимвегенского мира, продолжала настаивать на своих требованиях.

Примечания

- ¹ *Hoffstedt H. Sveriges utrikespolitik under krigsåren 1675-1679. Uppsala, 1943. S. 155–156, 161, 174.*
- ² *Ibid. S. 195.*
- ³ Отписка И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева Федору Алексеевичу. 11 июня 1676 г. Копия // НИОР РГБ. Ф. 29 – Собрание Беляева. № 85. Л. 73 об – 74.
- ⁴ *Birnbaum K.E. Johan Sobieskis svenska förbindelser // KFÅ. 1950. S. 58-59.*
- ⁵ Грамота Алексея Михайловича И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голозову, Меньшому. 3 июля 1676 г. // НИОР РГБ. Ф. 29. № 85. Л. 57.
- ⁶ Крейц Э.И. – Карлу XI. 22 июля 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.
- ⁷ Статейный список И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голозову, Меньшому. Протоколы переговоров 18 июля 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 5. Л. 1-48; Крейц Э.И. – Карлу XI. 22 июля 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.
- ⁸ Протокол переговоров 19 июля // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 262.
- ⁹ Согласно шведскому протоколу переговоров, посольство на границу было направлено с целью заключить союз на старых или каких-либо иных основаниях, Э.И. Крейц был готов рассмотреть как новый, так и старый проект союза. Согласно статейному списку порубежных переговоров, по вопросу о союзе Г. Оксеншерне была вручена царская грамота, адресованная королю. Теперь, в 1676 г., И.В. Бутурлин добивался, чтобы противоположная сторона объявила, как король относится к вопросу о заключении союза, и изложила вопрос в письменном виде. Э.И. Крейц и его спутники попросили русских письменно изложить вопрос. Русские послы сказали, что они не могут представить никакого письменного проекта, что статьи были изложены в грамоте Алексея Михайловича Карлу XI, о чем свидетельствует ее копия. Э.И. Крейц и его спутники отвечали, что они не видели этой грамоты, что она должна храниться в архиве в Стокгольме, и они едва ли верят, что письмо содержит все условия и пункты. Как теперь предполагали шведские послы, скорее в этом письме должно было говориться о проблемах, которые обсуждались во время московских переговоров. Поэтому шведские дипломаты желали, чтобы был представлен хотя бы старый проект, составленный в Москве. Согласно статейному списку, речь шла исключительно о том, чтобы русские представили список с царской грамоты. На это русские послы ответили, что «не годится» давать списка с грамоты, в то время как у Карла XI имеется ее подлинник, который теперь при подготовке к отъезду шведские послы не взяли с собой. В результате двум сторонам осталось лишь выразить удивление по поводу, соответственно, попыток своих собеседников добиться, чтобы противоположная сторона письменно изложила свои требования. Когда шведские послы обещали прислать письмо, русские послы выражали готовность его принять, но отказывались прислать свое.

- Последовали длительные пререкания, прежде чем вопрос был решен (Статейный список И.В. Бутурлииа, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого. Протоколы русско-шведских переговоров 20 июля 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100. Л. 109–116 об; Протокол переговоров И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого с Э.И. Крейцем, Г. фон Тизенгаузеном, И.К. Клинкстедом, Г.Й. фон Будбергом. 18 августа // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 278–284).
- 10 Грамота Федора Алексеевича И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. 3 августа 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100. Л. 192–192 об.
 - 11 Крейц Э.И. – Бутурлину И.В. 23 июля 1676 г. Перевод // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 123.
 - 12 Статейный список И.В. Бутурлииа, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого. Протоколы переговоров третьего съезда 26 июля 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100. Л. 120–122 об.
 - 13 Грамота Федора Алексеевича И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. 10 августа 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 101. Л. 248; Грамота Федора Алексеевича И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. 12 августа 1676 г. // НИОР РГБ. Ф. 29. № 85. Л. 57.
 - 14 *Седов П.В.* Указ. соч. С. 363.
 - 15 Там же. С. 234. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу... С. 503.
 - 16 Протокол переговоров И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого с Э.И. Крейцем, Г. фон Тизенгаузеном, И.К. Клинкстедом, Г.Й. фон Будбергом. 18 августа // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 468.
 - 17 *Ibid.* S. 469–470. + *Zernack K.* Op. cit. S. 77.
 - 18 Э.И. Крейц – Карлу XI. 22 июля 1676 г. // *Ibid.* V. 93. Карл XI, получив письмо от послов, писал о том, что русские проектируют несколько союзов, московские планы следует постараться разрушить, предложив другие условия, чтобы у России не было предлога для разрыва отношений. Монарх выражал свои опасения, что русские имеют общие с поляками замыслы, направленные против шведов. В Стокгольме достаточно хорошо осознали, что Москва откажется заключить договор, который не предполагал бы союзных отношений против Турции, что, естественно, не соответствовало интересам Швеции. По словам короля, вряд ли будет достигнут успех, если обсуждать возможность борьбы против общих врагов двух стран. Шведам предстояло всеми силами сдерживать датчан, над которыми до этого они одержали победу (Карл XI – Э.И. Крейцу. 28 августа 1676 г. (получено 26 сентября) // *Ibid.* V. 97. S. 5 v – 6 v).
 - 19 В 1668 г. в Курляндии предполагалось провести совещание представителей России, Речи Посполитой и Швеции по вопросам торговли. Ян Казимир стал готовиться к отречению от престола, шведы отказались от участия в переговорах, вступив в длительную переписку.
 - 20 Статейный список И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого. Протоколы переговоров 8 августа 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г.

№ 5. Л. 53-63. Список «обид» также сохранился в переводе на шведский язык (*Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России... С. 321).

- ²¹ Э.И. Крейц лишь указывал, что одно дело – исправить погрешности (а именно о легко исправимых погрешностях речь шла, когда русские предьявляли шведам свои обвинения), а другое дело – отказываться дать царю верный титул (этого шведы явно не собирались делать). Отсюда, как отмечал тот же представитель Стокгольма, вытекает желание начать войну, что шведы могут сделать, однако русские позволяют себе зависеть от этого, т.е. придают вопросу о титулах слишком большое значение. И.А. Прончищев отвечал, что русский царь обладает абсолютной властью, что никто из бояр, а также астраханский и сибирский наместники, не позволят исказить царский титул, в противном случае виновник поплатится жизнью. Таким образом давалось понять, что любая, даже случайная, ошибка оканчивается непостыдной. И.К. Клинкстедт пытался возражать, что христиане сохраняют определенные традиции использования титулов, в результате искажения царского титула польским королем между Россией и Речью Посполитой началась война (имелась в виду война, разразившаяся в 1654 г.; на самом деле, конечно, фактический отказ польского короля Яна Казимира называть царя обладателем Малой России отражал не столько намерение целенаправленно исказить царский титул, сколько нежелание признать переход Западной Украины под власть царя). Статейный список не отражает контраргументов сразу же, в тот же день приведенных шведской стороной, – возможно, русским они показались недостаточно убедительными. Принять их означало признать несостоятельность претензий русской стороны, и с этой точки зрения поведение русских, их нежелание протоколировать приведенные доводы в пользу их невинности вполне понятны. Так, шведы говорили, что обязанности короля, когда надо было спрашивать о здоровье царя, выполнил надворный советник, и такого порядка шведы придерживаются в отношениях со всеми христианскими странами. Отчество царя могло быть написано по старой привычке, потому что шведы помнили его отца, Алексея Михайловича. Молодой король, как отмечали шведы, мог думать, что всех русских царей зовут Михайловичами, подобно тому, как в древности всех египетских правителей называли фараонами, а римских императоров – Августами. Король приказал провести расследование относительно «авиз», но выяснилось, что некоторые уже напечатаны, король велел их показать; стало известным, что часть из них напечатана в городах, которые не входят в состав Швеции, и король, как резонно ответил посол, не может отвечать за то, что происходит в других государствах. Шведские послы выразили свое мнение, что Карл XI не совершил никаких проступков, в связи с которыми могут быть предьявлены такие пугающие и несоразмерные претензии (Протокол переговоров И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого с Э.И. Крейцем, Г. фон Тизенгаузенем, И.К. Клинкстедом, Г.Й. фон Будбергом. 8 августа // *RA. Diplomata. Muscovitica. V. 95. S. 473-479*).

- ²² Этот съезд назван шестым в русском статейном списке (РГАДА. Оп. 1. Кн.1. Л. 296), пятым – в шведских протоколах переговоров. Последующий

съезд в статейном списке назван седьмым, дальнейших сбоев в нумерации съездов нет.

- ²³ Этот термин, не зафиксированный в словарях, в конце XVII в. часто использовался вместо термина «куранты» (*Шамин С.М.* Слово «куранты» в русском языке XVII – начала XVIII в. // *Русский язык в научном освещении.* 2007. № 1. С. 119).
- ²⁴ Протокол переговоров И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого с Э.И. Крейцем, Г. фон Тизенгаузенем, И.К. Клинкстедом, Г.Й. фон Будбергом. 18 августа // *RA. Diplomatica. Muscovitica.* V. 95. S. 468.
- ²⁵ Протокол переговоров И.В. Бутурлина с Э.И. Крейцем. 18 августа // *Ibid.* V. 95. S. 468.
- ²⁶ Крейц Э.И. – Карлу XI. 13-14 августа 1676 г. // *Ibid.* V. 93.
- ²⁷ Крейц Э.И. – Риксроду, Делагарди М. 14 августа 1676 г. Копия // *Ibid.* V. 95. S. 549.
- ²⁸ Крейц Э.И., Тизенгаузен Г.Г. – Бутурлину И.В., Прончищеву И.А. 14 августа 1676 г. Перевод 18 августа // *РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 173.*
- ²⁹ Куранты. Перевод (присланы 2 сентября; в заголовках указывалась дата поступления курантов в Посольский приказ; посольство получало эти куранты приблизительно на неделю раньше) // *РГАДА. Ф. 155 – Иностранные ведомости (куранты) и газеты (иностранные и русские). Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 8; Куранты. Перевод (присланы 15 сентября) // Там же. Л. 14; Куранты. Перевод (присланы 7 сентября) // Там же. Л. 21; Куранты. Перевод (присланы 9 сентября) // Там же. Л. 24-26; Куранты. Перевод (присланы 16 сентября) // Там же. Л. 30, 31, 33-34.*
- ³⁰ Крейц Э.И. – Карлу XI. 17 сентября, 7 ноября 1676 г. // *RA. Diplomatica. Muscovitica.* V. 93.
- ³¹ Грамота Карла XI Федору Михайловичу. 9 сентября (привезена 15 ноября) 1676 г. Перевод. // *РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 1. Л. 55-56,60.*
- ³² Отписка И.В. Бутурлина, И.А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого Федору Алексеичу. 22 августа 1676 г. // *РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 101. Л. 285-285 об; Отписка. 1 сентября // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100. Л. 210 об-212. Кн. 101. Л. 274.*
- ³³ Грамота Федора Алексеевича И.В. Бутурлину, И.А. Прончищеву, Л. Голосову, Меньшому. 6 сентября 1676 г. // *РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 101. Л. 325 об-328; Грамота. 7 сентября 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100. Л. 322; НИОР РГБ. Ф. 29. № 85. Л. 325.*
- ³⁴ *Hoffstedt R. Sveriges utrikespolitik under krigsåren 1675-1679. Uppsala, 1943. S. 66.*
- ³⁵ Приложение к письму: Крейц Э.И. – Карлу XI. 27 сентября 1676 г. // *RA. Diplomatica. Muscovitica.* V. 93.
- ³⁶ *Новохатко О.Н.* Разряд в 185 году. М., 2007. С. 112, 114.
- ³⁷ Куранты. Перевод (присланы 29 сентября 1676 г.) // *РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 43-44.*

- ³⁸ Карл XI – Э.И. Крейцу Э.И. 16 сентября 1676 г. (получено 21 октября) // RA. *Diplomatica. Muscovitica*. V. 97. S. 11-14.
- ³⁹ Статейный список И.В. Бутурлина, И.А. Прончишева, Л. Голосова, Меньшого. Протоколы переговоров 13 сентября 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 5. Л. 81-91; Протокол переговоров И.В. Бутурлина, И.А. Прончишева, Л. Голосова, Меньшого с Э.И. Крейцем, Г. фон Тизенгаузеном, И.К. Клинкстедом. 13 сентября // RA. *Diplomatica. Muscovitica*. V. 95. S. 648, 662; Статейный список И.В. Бутурлина. Запись 13 сентября 1676 г. (в составе посольской книги) // НИОР РГБ. Ф. 28. № 85. Л. 269 об-270.
- ⁴⁰ Крейц Э.И. – Карлу XI. 14 сентября 1676 г. // RA. *Diplomatica. Muscovitica*. V. 93.
- ⁴¹ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671-1725). СПб., 2008. С. 95. Прим. 17.
- ⁴² Грамота Федора Алексеевича И.В. Бутурлину, И.А. Прончишеву. 23 сентября 1676 г. (получена 31 сентября) // НИОР РГБ. Ф. 28. № 58. Л. 368-368 об.
- ⁴³ В соответствии с инструкцией ему, посланнику, предстояло в первую очередь действовать так, чтобы была прекращена война между габсбургской и антигабсбургской коалициями. В инструкции преувеличивалась воинственность Швеции и в то же время указывалось, что настал наиболее удобный момент, когда страны балтийского региона могли возвратить земли, потерянные в результате войн со шведами. При этом роль России представлялась той же, какой эту роль ей отводили Бранденбург и Голландия (по мере разгорания датско-шведского конфликта заинтересованность Дании во вступлении России в войну усилилась). По мнению датского короля, царю следовало бы вторгнуться в Лифляндию, Ингерманландию, Финляндию и продолжать войну до тех пор, пока не возвратит себе принадлежавшие ему земли. Вместе с тем Ф. фон Габель должен был исходатайствовать право покупать зерно (*Форстен Г.В.* Датские посланники при русском дворе XVII века // ЖМНП. 1904. № 5. С. 145-147). Еще не доехав до русской границы, Ф. фон Габель встретился со шведским послом в Речи Посполитой А. Лиллиехёком, сказавшим, что получил приказание доставить датского посла живым или мертвым к шведскому королю, только чтобы русские не узнали о том, как развивались события: Ф. фон Габель, недооценивая степень информированности русской стороны, считал, что в первую очередь надо сообщить о понесенных шведами поражениях И.В. Бутурлину и И.А. Прончишеву (Ф. фон Габель – Долгорукову Ю.А. Гданьск. 31 августа 1676 г. Перевод 25 сентября 1676 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1676 г. № 2. Л. 1-10).
- ⁴⁴ Ф. фон Габель указывал, что, видимо, шведы лишатся Готланда, который действительно вскоре после этого был захвачен Фридрихом Вильгельмом, и Смоланда (Фон Габель Ф. – Долгорукову Ю.А. Гданьск. 31 августа 1676 г. Перевод 25 сентября 1676 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1676 г. № 2. Л. 1-10). Дания, вероятно, помнила утопические проекты, которые в свое время предлагала Москва. Подобные возможности обсуждались еще

в период Первой Северной войны, когда в 1656 г. в Копенгаген был направлен русский посланник кн. Д. Мышецкий. Он, ни мало не смутящийся, говорил о том, чтобы Рига отошла к России, а земли к западу от Риги (Зунд и северное побережье) — к Дании, при этом подразумевалось, что Бранденбург и Курляндия, очевидно, согласятся принять протекторат России. Вряд ли тогдашний датский король Фредерик III всерьез относился к подобным предложениям (*Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655-1661 гг. М., 1999. С. 98), но в Копенгагене не забывали о когда-то уже существовавших русских планах.

- ⁴⁵ Посланник рассказывал о миссии А. Лиллиехёка в Речь Посполитую, о сближении двух стран, об их намерении заключить союз, направленный против России. Ф. фон Габель, заинтересованный в том, чтобы вовлечь Русское государство в борьбу со Швецией, исходил из того, что «шведы мир вечной за присяженной сь его царским величеством не помыслят додержати». Дипломат говорил о том, что в случае заключения мира между поляками и турками поляков могут использовать в борьбе против России. В своем письме Ф. фон Габель убеждал кн. Ю.А. Долгорукова обсудить сложившееся положение вещей с боярами. Датчанин также обращал внимание на пребывание в Речи Посполитой французских послов, намекая, что именно они втягивают, обещая дать деньги, Стокгольм в войну, направленную против Русского государства, с целью удержать Лифляндию. (Ф. фон Габель — кн. Долгорукому Ю.А. 29 сентября 1676 г. Перевод 17 октября 1676 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1676 г. № 2. Л. 33-41).
- ⁴⁶ К этому времени послы должны были узнать свежие новости, которые шли в том же потоке, что и предшествующие: во время боя под Гельмштадтом были побиты почти все шведы. Датский король ожидал войска, чтобы преследовать шведского короля (Куранты, присланные 29 сентября. Перевод // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 41-43).
- ⁴⁷ Статейный список И.В. Бутурлина, И.А. Прончишева, Л. Голосова, Меньшого. Протоколы переговоров 21 сентября 1676 г. (в составе посольской книги) // НИОР РГБ. Ф. 28. № 85. Л. 350; Статейный список И.В. Бутурлина, И.А. Прончишева, Л. Голосова, Меньшого. Протоколы переговоров 21 сентября 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 5. Л. 94-108; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... С. 317
- ⁴⁸ Отписка И.В. Бутурлина, И.А. Прончишева, Л. Голосова, Меньшого. [Без даты; указано, что отписка составлена «того ж числа», т.е. в день съезда; в тексте отписки упоминается 22 сентября] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 101. Л. 360-360 об; 21 сентября (видимо, дата указана механически) // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100. Л. 322.
- ⁴⁹ Грамота Федора Алексеевича И.В. Бутурлину, И.А. Прончишеву, Л. Голосову, Меньшому. 30 сентября 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 100; Кн. 101. Л. 366; НИОР РГБ. Ф. 29. Д. 85. Л. 368-368 об.
- ⁵⁰ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 95. Прим. 17.
- ⁵¹ *Новохатко О.Н.* Указ. соч. С. 501.

- ⁵² Протокол русско-шведских переговоров И.В. Бутурлина, И.А. Прончишева, Л. Голосова, Меньшого с Э.И. Крейцем, Г. фон Тизенгаузеном, И.К. Клинкстедом. 2 октября // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 776-777.
- ⁵³ Статейный список посольства И.В. Бутурлина (в составе посольской книги). Запись от 3 октября 1676 г. // НИОР РГБ. Ф. 29. Д. 85. Л. 373-373 об.
- ⁵⁴ Грамота Федора Алексеевича И.В. Бутурлину. 23 сентября 1676 г. (получена 30 сентября). Копия // Там же. Л. 368-368 об; Отписка И.В. Бутурлина Федору Алексеевичу. 4 октября 1676 г. // Там же. Л. 371-372 об.
- ⁵⁵ Статейный список посольства И.В. Бутурлина. Запись от 5 октября 1676 г. (в составе посольской книги)// Там же. Л. 380.
- ⁵⁶ Крейц Э.И., Тизенгаузен Г.Г. — Бутурлину И.В., Прончишеву И.А. 5 октября 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 814-815.
- ⁵⁷ Статейный список посольства И.В. Бутурлина (в составе посольской книги). Запись от 5 октября 1676 г. // НИОР РГБ. Ф. 28. № 85.
- ⁵⁸ Протокол переговоров И.В. Бутурлина, И.А. Прончишева, Л. Голосова, Меньшого с Э.И. Крейцем, Г. фон Тизенгаузеном, К.И. Клинкстедом, Г.Й. фон Будбергом. Запись 8 октября 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 821-825.
- ⁵⁹ Крейц Э.И. — Карлу XI. 9 октября 1676 г. // Ibid. V. 93; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... С. 317
- ⁶⁰ Грамота Федора Алексеевича Карлу XI. 7 января 1677 г. Черновик // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 69.
- ⁶¹ *Hoffstedt R.* Op. cit. S. 66.
- ⁶² *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 133. + *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 44-45, 179. *Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629-1696. Wyd. 2. Warszawa, 1994. *Grönebaum F.* Frankreich in Ost- und Nordeuropa. Die französisch-russischen Beziehungen von 1648-1689. Wiesbaden, 1968. S. 74
- ⁶³ *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 134.
- ⁶⁴ *Wójcik Z.* Op. cit. S. 83-84.
- ⁶⁵ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 95.
- ⁶⁶ Чтобы замирение Турции и Речи Посполитой не состоялось, была организована встреча краковского представителя Требецкого, одного из главных противников Собеского. В Малую Речь Посполитую поехал австрийский представитель, заявивший на сейме, что его присутствие может помочь делу заключения мира с Турцией. На папский престол вступил Иннокентий XI, который считал одной из своих важнейших целей борьбу с Турцией. Свое недовольство замирением Речи Посполитой с Османской империей он выражал в письме Яну III Собескому в январе 1677 г. (*Wójcik Z.* Op. cit. S. 78-80, 91-98. *Birnbaum K.E.* Op. cit. S. 51-53, 59-65).
- ⁶⁷ Тизенгаузен Г.Г., Клинкстедт И.К. — Карлу XI. 30 декабря 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.

- ⁶⁸ Крейц Э.И. — Карлу XI. 21 января 1677 г. // *Ibid.*
- ⁶⁹ *Новохатко О.В.* Указ. соч. С. 147.
- ⁷⁰ *Флоря Б.Н.* Война Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 125.*
- ⁷¹ Крейц Э.И. — Карлу XI. 9 октября 1676 г. // *RA. Diplomata. Muscovitica. V. 93.*
- ⁷² См.: *Кобзарева Е.И.* От Первой Северной войны (1655–1661 гг.) к Великой Северной войне (1700–1721 гг.) и Полтаве: Россия и ее потенциальные союзники в борьбе против Швеции // *Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. М., 2009. С. 37.* Прим. 86; См. также: *Hoffstedt R.* *Sveriges utrikespolitik under krigs ren.* Uppsala, 1943. Сохранилось недатированное письмо Э.И. Крейца королю, возможно, являющееся реакцией на сентябрьские переговоры. Опять обсуждались те же проблемы, что и раньше, так как прежними оставались и приводившиеся русскими аргументы. Дипломат подчеркивал, что, несмотря на возникшие сложности, Швеция не намерена уступать Ингерманландии и Карелии. Вновь перечислялись «обиды», о которых упоминали русские, и опровергалась их правомерность. Вопросы относительно здоровья царя во время переговоров, как указывал шведский дипломат, задавались всеми христианскими государями, по этому поводу, как писал Э.И. Крейц, со стороны царя не должно быть никаких жалоб, русские продолжали настаивать на своих претензиях, которые противоречили заключенным договорам и крестоцелованию. Автор письма в Стокгольм отмечал, что мало шансов, что если король согласится на уступки, две страны будут жить в мире. Но царь не собирается ограничиться тем, чтобы добиться небольших, но реальных уступок (это несколько противоречило заявлению русской стороны относительно того, что шведы не намерены идти ни на какие уступки; не очень ясно, что, собственно, шведы вкладывали в понятие «небольшие уступки»). Швеция же, по утверждению посла, никогда не согласится отдать Ингерманландию и Карелию (Крейц Э.И. — Карлу XI. 1676 г. [Без даты] // *RA. Diplomata. Muscovitica. V. 93.*)
- ⁷³ В донесении Э.И. Крейца этот съезд назван третьим, хотя должен был с момента возобновления переговоров считаться вторым.
- ⁷⁴ *Wjck Z.* *Op. cit.* S. 72–85.
- ⁷⁵ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 179.
- ⁷⁶ *Попов А.* Русское посольство в Речи Посполитой в 1673–1677 годах. СПб., 1854. С. 226–227.
- ⁷⁷ На Украине, как они считали (возможно, не располагая сведениями о действиях русских), все было тихо, и русские могли ничего не бояться; беспорядки в России улеглись (1676 г. не был ознаменован какими-либо крупными социальными движениями, которые оставили бы заметный след в истории; возможно, Э.И. Крейц имеет в виду придворную борьбу, приведшую летом 1676 г. к опале А.С. Матвеева). Опасения шведов относительно возможного нападения русских усиливались. 6 ноября русские

- сообщили через корнета, что шведам должно быть известно о намерении царя добиться уступки Ингерманландии, вступив в войну со Швецией; один из представителей русской делегации подтвердил, что московские войска стоят наготове (Крейц Э.И. — Карлу XI. 7 ноября 1676 г. // RA. *Diplomatica. Muscovitica*. V. 93)
- ⁷⁸ *Шамин С.М.* Куранты времени правления Федора Алексеевича. К проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670-1680-х гг. Автореферат на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2003.
- ⁷⁹ Тизенгаузен Г.Г., Клинкстедт И.К. — Карлу XI. 30 декабря 1676 г. // RA. *Diplomatica. Muscovitica*. V. 93.
- ⁸⁰ Куранты. Перевод (присланы 6 декабря 1676 г.) // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. 124-126. См. также: *Шамин С.М.* Иностранная пресса и интеграция России в европейскую политическую систему (1676—1682 гг.) // Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 59.
- ⁸¹ Статейный список пребывания в России Г.Д. Гессе. Написано в доклад. [Без даты; октябрь 1676 г.] // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1676 г. № 1. Л. 57; *Форстен Г.В.* К внешней политике Фридриха Вильгельма // ЖМНП. 1990. Ч. 330. Август. С. 328-329.
- ⁸² Вскоре после этого, во второй половине ноября — первых числах декабря, после возвращения И.В. Бутурлина с товарищами в Москву, состоялась встреча Ф. фон Габеля с Ларионом Ивановым. Воображение Ф. фон Габеля оказалось настолько богатым, что он думал о том моменте, когда российские территории будут простираться от Балтийского до Черного морей (как мы знаем, для осуществления его фантазии, которая должна была казаться его современникам полностью утопической, но которая в конечном счете оказалась пророческой, потребовалось еще целое столетие): согласно идеем Ф. фон Габеля, следует «Варяжског (Балтийского. — Е.К.) моря по той всей стороне ото всего неприятельского нападения очищати», король намерен «поволное время приискати, чтоб его царскому величеству и против Крыму вспоможение чинити и ограждено было его царское величествово обладательство тамо Чорным морем и от вредливых неприятелей послушны подданные ему». Обращаясь в первую очередь к кн. Ю.А. Долгорукову, Ф. фон Габель надеялся на возможность воспользоваться зимним временем: «Такие советы предлагати буду, ис которых явно видети мочно, скол удобно шведов еще до исходу февраля месяца все обрушится могут, естыли господь мороз подасть» (Ф. фон Габель — Долгорукову Ю.А. 25 октября 1676 г. Перевод 10 ноября 1676 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1676 г. № 2. Л. 59; Статейный список пребывания Ф. фон Габеля в России. Его аудиенция у Лариона Иванова [Без даты; 15 ноября — 4 декабря] // Там же. Л. 231-238).
- ⁸³ Федор Алексеевич — Карлу XI. 7 января 1677 г. (черновой вариант) // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1677 г. № 1.
- ⁸⁴ *Hoffstedt R.* Op. cit. S. 66.
- ⁸⁵ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 126.

- ⁸⁶ Часть войск под командованием В.В. Голицына должна была находиться в Севске, а часть — под командованием кн. Г.Г. Ромодановского и его сына кн. М.Г. Ромодановского — в Белгороде. Главные силы были размещены на Днепре +(Седов П.В. Указ. соч. С. 283, 286-287. + *Новохатко О.Н.* Указ. соч. С. 156-157, 196).
- ⁸⁷ Инструкция Г.Д. Гессе. 6/16 мая 1677 г. // УА. V. XIX. S. 310.
- ⁸⁸ *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 164.
- ⁸⁹ А. Лиллиехёк доносил Карлу XI, что русских нет никаких оснований бояться, потому что они ведут борьбу с турками. В апреле шведский резидент в Речи Посполитой писал, что русские оказались не в состоянии вести борьбу со шведами (Лиллиехёк — Карлу XI. 9 апреля, 2/12 мая 1677 г. // RA. *Diplomatica. Polonica.* V. 70. S. 251, 290). См. также: *Birnbaum К.Е.* Op. cit. S. 65.
- ⁹⁰ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 104.
- ⁹¹ Две стороны предоставляли людей для проведения военных операций по занятию Пруссии; все войска должны были находиться под командованием Б. Горна (*Hoffstedt R.* Op. cit. S. 194-195; см. также: *Wójcik Z.* Op. cit. S. 93-98. *Birnbaum К.Е.* Op. cit. S. 59-64).
- ⁹² *Замысловский Е.Е.* Сношения России со Швецией и Данией в царствование Феодора Алексеевича // Русский вестник. 1889. Т. 200. Январь. С. 29; *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 166-168; Письмо Ф. фон Габеля в Посольский приказ. 5 мая 1677 г. Перевод // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 3-7.
- ⁹³ Письмо Ф. фон Габеля в Посольский приказ. 14 мая 1677 г. Перевод // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 31-55.
- ⁹⁴ Письмо Ф. фон Габеля в Посольский приказ. 22 мая 1677 г. Перевод // Там же. Л. 67-75.
- ⁹⁵ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 109. Прим. 42.
- ⁹⁶ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 286.
- ⁹⁷ Статейный список пребывания Ф. фон Габеля в Москве. Запись 10 мая 1677 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 19-22.
- ⁹⁸ Ответное письмо Посольского приказа Ф. фон Габелю. 22 мая 1677 г. // Там же. Л. 87-93.
- ⁹⁹ Помета на обороте перевода письма Ф. фон Габеля в Посольский приказ // Там же. Л. 94 об.
- ¹⁰⁰ Ответное письмо Посольского приказа Ф. фон Габелю. 22 мая 1677 г. // Там же. Л. 87-93.
- ¹⁰¹ Письмо Ф. фон Габеля в Посольский приказ. Перевод. 5 июня 1677 г. // Там же. Л. 123. Ф. фон Габель просил, чтобы ему разрешили остаться в Москве до тех пор, пока там находятся английский посланник Дж. Гебдон и шведский торговый резидент Х. Кок.
- ¹⁰² Письмо Ф. фон Габеля в Посольский приказ. 16 июня 1677 г. // Там же. Л. 148-154.
- ¹⁰³ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 287-289.

- ¹⁰⁴ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 127.
- ¹⁰⁵ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 168.
- ¹⁰⁶ Грамота Карла XI Федору Алексеевичу. 26 мая 1677 г. (грамота привезена в Новгород 24 сентября; отправлена из Новгорода 26 октября). Перевод (черновик) // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 134-140.
- ¹⁰⁷ Крейц Э.И.— Карлу XI. 14 июня 1677 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.
- ¹⁰⁸ Седов П.В. Указ. соч. С. 286-287; Новохатко О.В. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁰⁹ В марте в связи с тем, что Ф. фон Габель продолжал вести переговоры с российским руководством, шведские послы Г.Г. Тизенгаузен и И.К. Клинкстедт по-прежнему питали опасения относительно намерений Москвы (Тизенгаузен Г.Г., Клинкстедт И.К. — Карлу XI. 10 марта 1677 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93). Однако в апреле А. Лиллиехёк писал, что шведы держат войска в Лифляндии из-за русских, но нет никакой причины бояться царя, потому что он занят борьбой с турками (А. Лиллиехёк — Карлу XI. 9 апреля 1677 г. // RA. Diplomatica. Polonica. V. 70). Через английского посла Дж. Гебдона, выступившего в переписку с К. Коком, в Швеции стало известно, что давление Османской империи на Россию усиливается, что значительно уменьшало угрозу нападения русских на Лифляндию (+ Zernack K. Op. cit. S. 85).
- ¹¹⁰ Тизенгаузен Г.Г., Клинкстедт И.К. — Карлу XI. 10 марта 1677 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93. См. также: Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1899. Июнь. С. 322.
- ¹¹¹ Крейц Э.И. Тизенгаузен Г.Г., Клинкстедт И.К. — Карлу XI. 10 марта 1677 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.
- ¹¹² Крейц Э.И.— Карлу XI. 14 июня 1677 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.
- ¹¹³ Карл XI — Э.И. Крейцу Э.И. 27 июля 1677 г. // Ibid. V. 97. S. 14 v.
- ¹¹⁴ Крейц Э.И.— Карлу XI. 30 июня 1677 г. // Ibid. V. 93.
- ¹¹⁵ Вестовые письма, присланные 19 июля 1677 г. Перевод // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 206.
- ¹¹⁶ Крейц Э.И. — Карлу XI. 20 июля 1677 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.
- ¹¹⁷ Карл XI — Э.И. Крейцу Э.И. 27 июля 1677 г. (2 документа) // Ibid. V. 97. S. 15 v, 16 a — 16 с v.
- ¹¹⁸ Во время ее штурмов шведами датчане потеряли около 4 тыс. чел., но Кристиан V не снял осады крепости. В начале июля Карл XI двинулся на юг и нанес поражение датскому королю 14 июля; но эта победа мало отразилась на общем ходе войны (*Штенцель А.* История войн на море с древнейших времен до конца XIX в. М., 2002. Т. 2. С.)
- ¹¹⁹ О Чигиринской войне см.: *Попов А.* Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. 1857. № 7; *Смирнов Н.А.* Указ. соч.; *Косиunenko Н.Н.* Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы. СПб., 1911.
- ¹²⁰ Форстен Г.В. Датские дипломаты при русском дворе XVII века // ЖМНП. 1904. № 9 (5). С. 168-179.

- ¹²¹ Письмо И.И. Таубе. [Без даты; прислано в Новгород 14 августа 1677 г., отправлено в Москву 20 августа] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 115-117; Письмо И.И. Таубе. 9 августа // Там же. Л. 118.
- ¹²² *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 168-179.
- ¹²³ Федор Алексеевич – кн. Н.С. Урусову. 6 сентября 1677 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1677 г. № 1. Л. 128-130.
- ¹²⁴ Память Г. Понамареву. 17 августа 1677 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1677 г. Д. 2. Л. 12-14.
- ¹²⁵ Наказ Г. Понамареву. 25 августа 1677 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1677 г. № 2. Л. 26-27; Грамота Федора Алексеевича Кристиану V // Там же. Л. 33-49; Грамота Кристиана V Федору Алексеевичу. Перевод 20 марта 1678 г. // Там же. Л. 61-62.
- ¹²⁶ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 288.
- ¹²⁷ Федор Алексеевич – Карлу XI. [Без даты; до 7 октября 1677 г.]. Черновик // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1677 г. № 3. Л. 38-89.
- ¹²⁸ Карл XI – Тизенгаузену Г.Г., Клинкстеду И.К. 25 августа 1677 г. // RA. RR. V. 430. S. 956 v – 957.
- ¹²⁹ Запись о принятии царского решения. 19 октября 1677 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1677 г. Д. 3. Л. 152.
- ¹³⁰ Шведские послы обратили внимание на то, что царь сразу не потребовал возвращения присоединенных шведами земель, как это бывало обычно. Все переговоры, которые вели с русскими датчане и представители курфюрста, как стало известно Э.И. Крейцу, не увенчались успехом, а царь не планирует отправлять свои посольства в Копенгаген и Вену, что не значит, что он «по обыкновению не хочет проложить свой путь в Лифляндию» и что «переговоры вновь не растянутся» (Крейц Э.И. – Карлу XI. 17 ноября 1677 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93).
- ¹³¹ Ibid.
- ¹³² Тизенгаузен Г.Г., Клинкстедт И.К. – Карлу XI. 16 февраля 1678 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.
- ¹³³ *Zernack K.* Op. cit. S. 90; Гессе Г.Д. – Фридриху Вильгельму. Октябрь 1677 г. 1/11 января 1678 г // UA. Bd. XIX. S. 314.
- ¹³⁴ *Zernack K.* Op. cit. S. 90.
- ¹³⁵ Гессе Г.Д. – Фридриху Вильгельму. // UA. Bd. XIX.
- ¹³⁶ Распространявшимся слухам, по утверждению Г.Д. Гессе, Россия собиралась совершить нападение на Швецию и все обратить огнем в пепел (Гес-се Г.Д. – Фридриху Вильгельму. 3/13 января 1678 г. // Ibid. S. 315-316). Основываясь, очевидно, опять же на слухах, в донесении курфюрсту посланник выражал убеждение, что царь не будет терпеть несправедливость со стороны Швеции, возможно, заставит Карла XI платить большую компенсацию. Г.Д. Гессе был убежден, что русские держат на границе значительную армию и со временем будут ее использовать (+ *Zernack K.* Op. cit.

- S. 90; Гессе Г.Д. — Фридриху Вильгельму. 30 января /9 февраля 1678 г. // *Ibid.* S. 318).
- ¹³⁷ *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // *ЖМНП.* 1900. Ч. 331. Сентябрь. С. 4.
- ¹³⁸ В.М. Тяпкин по-прежнему считал самым опасным сближение Франции, Швеции, Речи Посполитой и Османской империи.
- ¹³⁹ Папа Иннокентий XI осознал необходимость русско-польского союза против Турции. Тем временем мирные переговоры в Нимвегене, замирение, которое происходило между воюющими коалициями, ставили под вопрос, какую политику Ян III Собеский должен проводить на Балтике, о том, будет ли ему оказывать поддержку Людовик XIV.
- ¹⁴⁰ Франция, поддерживая связи с литовскими гетманами, все еще рассчитывала удержать Речь Посполитую в сфере своего влияния. Французский посол в Речи Посполитой Туссен де Форбен Жонсон писал Людовику XIV, что Ян Сапега «не только поможет заключить надежный мир между царем и Речью Посполитой, но также между Московией и Швецией, учитывая, что этому князю (Яну Сапеге. — *Е.К.*) покажут, насколько тесная связь существует между Вашим величеством и шведским королем» (*Grönebaum F.* *Op. cit.* S. 73).
- ¹⁴¹ Наказ И.И. Чаадаеву, Е.И. Украинцеву. Декабрь 1677 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1677 г. № 14. Л. 107, 125.
- ¹⁴² *Wójcik Z.* *Op. cit.* S. 140-147; *Grönebaum F.* *Op. cit.* S. 76.
- ¹⁴³ Статейный список пребывания кн. М. Черторыйского и Сапег в России. Протокол переговоров 13 мая 1678 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1678 г. № 5. Л. 461-467; Письмо М. Черторыйского и Сапег. 26 мая 1678 г. Перевод // Там же. Л. 503-522; *Wójcik Z.* *Op. cit.* S. 153-157.
- ¹⁴⁴ *Wójcik Z.* *Op. cit.* S. 158-161.
- ¹⁴⁵ *Ibid.* S. 164.
- ¹⁴⁶ *Zernack K.* *Op. cit.* S. 94.
- ¹⁴⁷ *Ibid.* S. 96; *UA. Bd. XIX.* S. 323.

Глава IV

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ НИМВЕГЕНСКОГО МИРА

Россия и Европа в период заключения Нимвегенского мира

Голландская война приближалась к концу. В 1677 г. Швеция, постепенно отходя от идеи союза с Францией, начала стремиться к независимой внешней политике, непосредственными проводниками которой стали Й. Юлленшерна и М. Делагарди. Й. Юлленшерна настаивал на том, чтобы Стокгольм придерживался политики блистательной изоляции. В то же время, по мере того как момент заключения мира приближался, Швеция надеялась, что Франция возместит ей потери военного времени, и тем не менее не собиралась полностью полагаться на французскую дипломатию, хотя союзный договор, заключенный между Карлом XI и Людовиком XIV, предполагал, что они будут помогать друг другу, используя все имеющиеся силы¹.

26 января / 5 февраля 1679 г. был заключен Нимвегенский мир между Леопольдом I и Людовиком XIV, мир, ознаменовавший конец Голландской войны. (Империя Габсбургов и Швеция подтвердили статус-кво, существовавший до 1675 г.; Франция, урегулировав отношения с Империей, присоединила земли, расположенные вдоль восточных границ, и достигла своего апогея). Как указывал один из современников событий, Людовик XIV «был грозой Европы в течение шести лет подряд и, наконец, стал ее арбитром и умиротворителем»². Усиление Франции не устраивало ни одну европейскую державу; Швеция больше не собиралась ее поддерживать и воевать на ее деньги.

Коалиционные войны, которые составляли основное содержание первого этапа существования Вестфальской системы, завершились. В Европе началась перегруппировка сил, ко-

торая в конечном счете привела к сближению Швеции, Империи и Соединенных Провинций в борьбе с Францией.

Отношения Швеции с Бранденбургом остались неурегулированными. Карл XI надеялся, что Фридрих Вильгельм возместит понесенные шведами потери. Представлялось, что невозможно возвратиться к Вестфальской мирной системе, что Швеция не может отвоевать потерянные провинции. Стокгольм претендовал на возвращение ряда немецких земель и на выплату курфюрстом компенсации³.

Вместе с тем во второй половине 70-х гг. XVII в. Европа испытывала все возрастающее давление со стороны Порты. В 1676 г. новым визирем стал Кара Мустафа. Турция строила планы разграбить Вену и Прагу, пройти через германские земли и на берегу Рейна соединить свои войска с войсками Людовика XIV⁴. В качестве союзника Порты по-прежнему в любой момент могла выступить Франция (хотя последняя в порядке установления дружественных отношений с европейскими державами по-прежнему неоднократно выражала готовность присоединиться к антиосманской европейской коалиции). После завершения Кандийской войны (1645–1669 гг.) давление со стороны султана на юго-западном направлении ослабло, хотя угроза, которую испытывали страны Средиземноморья, итальянские княжества, Венеция, а следовательно, заинтересованность всех этих государств в участии в том или ином виде в борьбе против султана и желание отвоевать свои позиции в Эгейском море сохранялись (в результате Кандийской войны торговля Европы с венецианскими портами почти прекратилась). В свою очередь султан вел наступление на двух театрах: южном (Трансильвания) и на северо-восточном (Украина), при этом основную тяжесть борьбы взяла на себя сначала Речь Посполитая, а затем, после заключения Журавненского мира, в связи с Чигиринскими походами – Россия. В 1678-1683 гг. И. Тёкёли возглавил, опираясь на Францию и Османскую империю, антигабсбургское движение в Венгрии, впрочем, не переходя в активное наступление (после заключения Нимвегенского мира Людовик XIV бросил И. Тёкёли на произвол судьбы; между Империей и Трансильванией было заключено перемирие; в дальнейшем, в 1690 г., И. Тёкёли стал князем Трансильвании⁵).

После завершения Чигиринских походов Русское государство сосредоточивало основные усилия на урегулировании отношений с Османской империей, уже не предпринимая широкомасштабных военных действий. Одновременно для Москвы существенную роль играли переговоры с Речью Посполитой, впрочем, с началом борьбы с Портой отступившие на второй план⁶.

Переговоры поляков с султаном в 1677-1678 гг. продемонстрировали, что последний не планировал соглашаться на уступки полякам на Украине и сблизиться с Речью Посполитой. В свою очередь французский король все в большей мере стремился к союзническим отношениям с султаном и к усилению влияния на Яна III Собеского, особенно после вступления в силу Журавненского мира. Задачи Парижа в отношении Кракова ограничивались стремлением предотвратить участие Речи Посполитой в антиосманских коалициях, несмотря на то, что вопрос об угрозе со стороны султана не утратил для поляков актуальности.

Литовский гетман Михаил Пац говорил Назарию Краевскому: «Кто того не видит, что вкоренились в государство наши замыслы французские и до упадку отчину доведут⁷» (Н.М. Краевский являлся смоленским шляхтичем, который, находясь на агентурной службе у московского правительства, длительное время присылал русской стороне подробные сведения из Смоленска)⁸.

На повестке дня стояло создание антиосманской коалиции. Ее формирование стало основным содержанием истории Вестфальской системы после заключения Нимвегенского мира. Не располагая надежными союзниками, в 1677 г. Речь Посполитая впервые после 1657 г. при содействии Иннокентия XI (годы папства – 1676-1689 гг.) возобновила оборонительный и наступательный союз с Империей Габсбургов – было очевидно, что Вена не может начинать войны с Портой, не заручившись союзом с Речью Посполитой. Папа посвятил себя делу создания коалиции, направленной против султана; в дальнейшем Иннокентий XI выделял союзникам крупные средства.

Гродненский сейм, состоявшийся с 15 декабря 1678 г. по 3 апреля 1679 гг., отразил, с одной стороны, понимание не-

обходимости вести антиосманскую борьбу, с другой – децентрализацию и начавшееся ослабление Речи Посполитой⁹. (Во время этого сейма в Речи Посполитой произошел окончательный отказ от «балтийской политики»; Гданьский договор, заключенный Речью Посполитой и Швецией в 1677 г., терял свое значение; от имени Яна III Собеского прозвучало предложение поддерживать дружбу с Леопольдом I). 28 февраля на сейме зачитали мнение короля; при этом – в значительной мере под влиянием Иннокентия XI – говорилось, что необходимо создать антиосманскую коалицию в составе Империи, России, Римской курии; в дальнейшем предполагалось присоединение к коалиции итальянских князей и Венеции, Испании, по-прежнему вызывавшей большие сомнения возможности привлечения к союзу Франции¹⁰. В то же время так и не было окончательно решено, чьим союзником будет Речь Посполитая – Империи Габсбургов или Франции, хотя вопрос о направленной против султана коалиции и вовлечении Людовика XIV в борьбу против Порты не сходил с повестки дня.

С переориентацией поляков на Вену и на участие в складывавшейся антиосманской коалиции Речь Посполитая не могла позволить себе проводить активную политику против России, которая в конечном счете становилась единственным реальным союзником поляков по борьбе с Портой.

Однако, как показало подписание и подтверждение Журавненского договора, турки не собирались идти на уступки русским. В условиях борьбы с Османской империей русские питали серьезные опасения, не придется ли соглашаться на то, чтобы отдать какие-то земли полякам.

В декабре 1678 г. из России в Гродно выехало посольство в составе боярина Ивана Васильевича Бутурлина, окольного Ивана Ивановича Чаадаева и дьяка Лукьяна Голосова для переговоров с поляками во время продолжающегося сейма, чтобы подтвердить русско-польское перемирие и договориться о «случении сил», которые предполагалось использовать в борьбе с Портой. Послы, как и русское руководство в целом, испытывали сомнения, какую политику проводить по отношению к Речи Посполитой. В случае если бы речь зашла о Швеции, послы должны были, как и предписывал наказ И.В. Бутурли-

ну и И.И. Чаадаеву, стремиться подчеркнуть, что, несмотря на сохранение Вечного мира со Швецией, оказали существенную поддержку участникам Габсбургской коалиции.

Отчитываясь перед царем о ведшихся в Гродно переговорах, И.В. Бутурлин исходил из того, что следует во чтобы то ни стало отвоевать Каменец-Подольский, который «всему христианству, которое в Европе, воротами есть». В это время потенциальные союзники России и Речи Посполитой, император и папа, были против того, чтобы поляки шли на значительные уступки России, тем более что война Русского государства с султаном продолжалась. И.В. Бутурлин настаивал на необходимости согласовать позицию с украинским гетманом¹¹. И.В. Бутурлин и И.И. Чаадаев получили инструкции уступить полякам Себеж и выплатить 100 тыс. руб. (Эти условия выполнялись в соответствии с договором, заключенном в Москве в том же году, была назначена комиссия на 20 июня 1680 г.; обсуждая «случение сил» и понимая, что Россия может согласиться на делаемые предложения, поляки выдвигали заведомо неприемлемые для русских условия¹², но, впрочем, потом сразу были вынуждены идти на существенные уступки). Россия, питая определенные опасения сближения со странами-участниками Габсбургской коалиции, стремилась к заключению с Речью Посполитой Вечного мира без посредников¹³.

Все большую актуальность приобретал вопрос о совместном участии России с императором вместе с Речью Посполитой в антиосманской борьбе. Слухи о завершении Голландской войны быстро распространялись по Европе; «всему свету явно учинилась победа его (императора. — *Е.К.*) над Свейским государством»¹⁴.

Вместе с тем Федору Алексеевичу предстояло решать, как строить отношения с Леопольдом I. В Москве, как только были получены первые известия о готовящемся заключении Нимвегенского мира, стали изыскивать, каким способом отправить посольство к «цесарю». 2 февраля русским руководством было принято решение, что И.В. Бутурлин и И.И. Чаадаев должны с Гродненского сейма ехать в Вену, 6 февраля из Посольского приказа им послали грамоту. Поводом для отправления посольства послужила грамота императора царю от 6 января

1676 г. о вступлении Леопольда I в третий брак с Элеонорой Магдалиной Терезской пфальцграфства Рейнского, баварской принцессой Нейбургской.

19 февраля царь и бояре приняли приговор о снаряжении посольства в Империю Габсбургов; через несколько дней, 23 февраля, послам была направлена соответствующая царская грамота¹⁵. (Такого рода акцию с поздравлением императора с вступлением в брак русская сторона предпринимала впервые).

Реальные цели посольства были изложены в составленном 20 марта наказе: посольству предстояли переговоры в Вене с Леопольдом I о создании антиосманской коалиции.

Русские, скорее всего, дополнительно торопились вступить в контакт с императором в связи с тем, что предстояло, памятуя «случение» сил с поляками, решать вопрос о проведении новой кампании против Порты, и большое значение имело, примет ли император участие в борьбе против султана. Москва, памятуя договоренности с Леопольдом I, достигнутые в предшествующие годы, рассчитывала, что в обмен на поддержку со стороны России в дипломатической борьбе со Швецией Империя Габсбургов откроет второй фронт в Венгрии, чтобы «Салтан, имея на себя от христианских Г-рей соединение, силы делил в розные страны, и тем бы приводить его ко успокоению»¹⁶. Была надежда, что Леопольд I, «упраздняясь от военных забав, нынешним с Французы миром», пойдет по линии сближения с Речью Посполитой и Россией в антиосманской борьбе, «конечно в том добром деле помогать будет и отлучен от них не будет...»¹⁷.

Русские исходили из того, что будут продолжать оказывать дипломатическое давление на Швецию, хотя потребность в таковом была исчерпана (неясно, насколько хорошо это понимали в Посольском приказе). И.В. Бутурлин и И.И. Чаадаев везли с собой «объявление» — «статьи», которое строилось как ответ на статьи посольства К.Г. Терлингера и Ф. де Баттони. Посольству предписывалось широко не разглашать имеющиеся в его распоряжении сведения, к взятому с собой тексту следовало прибегнуть лишь в том случае, «если никакими мерами делать будет нечего». В «статьях» отмечалось, что если импера-

тор помирится с султаном, европейские державы, Франция и Швеция объединят свои силы с Портой, которая заключит мир со своими противниками (Речью Посполитой и Россией) и выступят против Империи Габсбургов, тем более что у султана с императором заключено лишь перемирие, а не Вечный мир (имелось в виду перемирие, достигнутое в Трансильвании). Смысл написанного в русском документе сводился к тому, что так как Россия оказала Габсбургской коалиции поддержку в борьбе со Швецией, то теперь император должен прийти на помощь России в борьбе с Портой. Тут же напоминалось, что в 1676-1677 гг. в порядке оказания помощи Бранденбургу, монархии Габсбургов, Дании против Швеции Россия перебросила вооруженные силы на русско-шведскую границу, добиваясь, чтобы России была возвращена Ижорская земля. Из-за этого шведы были вынуждены держать войска в Риге и Лифляндии, благодаря чему Карл XI не мог полностью сосредоточиться на борьбе против Дании и Бранденбурга. В результате «Курфистру Брандебурскому над малыми Свейскими ратными люди свободно было промысл и отпор чинить, что и учинено», шведы отказались от наступления на имперские земли. Габсбургская коалиция нанесла ряд поражений Карлу XI¹⁸.

Однако как до, так и по завершении Голландской войны Леопольд I намеревался возобновить борьбу с Людовиком XIV, оказывал сопротивление И. Тёкёли. Император не собирался принимать активного участия в антиосманском союзе, направленном на помощь Речи Посполитой и России. В результате Леопольд I был заинтересован в продолжении войны Турции в Восточной Европе, в том, чтобы Речь Посполитая и Россия привлекали к себе основные силы султана, а Порта по-прежнему была бы втянута в борьбу на два фронта.

Вместе с тем И.В. Бутурлин прощупывал, какую позицию Речь Посполитая занимает по отношению к Швеции, не заинтересованы ли поляки в заключении антишведского союза. В феврале он узнал, что Ян III Собеский вел переговоры с Людовиком XIV и Карлом XI о союзе, направленном против Фридриха Вильгельма, «а Шведу б за тою войною своего что отыскать»¹⁹ (речь шла о последних переговорах в рамках балтийской программы, от которой вскоре Швеция полностью

отказалась). Послу стало известно о переориентации Речи Посполитой на сближение с Империей Габсбургов, об отказе поляков от союза со Швецией²⁰. Как отмечал И.В. Бутурлин, как бы рассматривая еще один аспект русско-польского сближения, если Россия и Речь Посполитая заключили бы союз, то царь объявил бы Карлу XI, чтобы последний не наступал на Речь Посполитую. Русский посол тем самым стремился продемонстрировать солидарность с противниками шведов и в то же время показать, что Русское государство может оказать сильное давление на шведов: «А у свейсаго короля обычай такой: когда он видит котораго государя в военных потребах, тогда он у того государя наглостью своею часть земли вырывает». Однако реально вопрос об антишведском союзе не обсуждался²¹. Трудно сказать, рассчитывал ли И.В. Бутурлин, что если его предложения относительно русско-польского сближения в борьбе со шведами встретят поддержку у поляков, то поляки могут пойти на территориальные уступки России при заключении Вечного мира. Скорее всего, он просто бросал пробный шар, пытаясь посмотреть, какой будет ответная реакция.

Вместе с тем Россия не собиралась воевать против шведов. Данный послам наказ предписывал, чтобы они, ведя переговоры в Вене, не брали бы на себя никаких обязательств, которые могли бы привести к нарушению мира со Швецией, «в делех бы иметь осторожность, чтоб им теми своими писмами не объявить к Свейскому вечному миру и к Полскому перемирию какова нарушенья и ото окрестных Г-рей христианских подозрениях не учинит...»²².

Император утратил интерес к России как к потенциальному союзнику в войне с Карлом XI и по-прежнему был не склонен делать какие-либо шаги, направленные на сближение с Россией. Как показали переговоры И.В. Бутурлина и И.И. Чаадаева в Вене, состоявшиеся в июле, император говорил о своем намерении вступить в войну с турками только при условии, что Россия возьмет на себя обязательство не заключать двусторонний мир с Портой²³. Скорее всего, Леопольд I понимал, что Русское государство не согласится на такое условие.

В это время, несмотря на недавние Чигиринские походы, приведшие к уменьшению военного потенциала русских, шло усиление Русского государства за счет Речи Посполитой. (Русским послам стало известно, что папа римский хочет склонить польского короля к союзу с Россией против Порты²⁴). Империя Габсбургов и папская курия, не желавшие ослабления Речи Посполитой за счет России, начинали понимать неизбежность уступок поляков русским. Киев по-прежнему находился в руках России, но пока поляки неотступно требовали передачи других земель, о которых речь уже шла раньше. В результате сближение Речи Посполитой, России, Империи и папской курии в борьбе с Османской империей проходило сложно. В то же время поляки настаивали на том, что лишь при «случении» сил России и Речи Посполитой к антиосманской коалиции присоединится «цесарь». Поэтому Варшава во все большей степени была готова идти на уступки. Соответствующие вопросы приобрели особую остроту, когда в 1679 г. в Россию было направлено посольство литовского референдаря П. Бростовского и секретаря Я. Гнинского. В то же время для Русского государства ситуация выглядела неоднозначной. И.В. Бутурлин выражал мнение, что именно по вине поляков началась война русских с султаном; султан или будет стремиться возратить захваченные русскими города, или придется уступить Речи Посполитой Смоленск и Киев (подобное высказывание могло быть вызвано тем, что в связи с отказом от балтийских планов И.В. Бутурлин опасался, что Речь Посполитая усилит давление на Россию; эти опасения нашли свое выражение осенью 1679 г., когда в Москве состоялась встреча старца Антония (А.Л. Ордина-Нащокина, который к этому времени принял постриг) с П. Бростовским и Я. Гнинским)²⁵.

Вместе с тем на союз с Россией в борьбе со Швецией по-прежнему надеялась Дания, с которой продолжала находиться в состоянии войны. Вероятно, в Берлине и Копенгагене стало очевидно, что после выхода Империи из войны рассчитывать на новые победы не приходится. 25 февраля, возможно, только узнав о заключении Нимвегенского мира, Фредерик V писал в грамоте Федору Алексеевичу: «от нас некоторые союзники отступили». Датский король, несмотря на провал миссии

Ф. фон Габеля, сообщал царю об одерживаемых победах и о том, что наступил наиболее подходящий момент для нападения русских на Лифляндию: это можно сделать «без больших трудов и противности, потому что они (шведы. — *Е.К.*) всех воинских людей ис той земли, как в Прусы пошли, с собою взяли, и там их в конец разорили и погубили, и ныне они обнажены ото всякие обороны»²⁶.

В Москву грамоту привез жилец Гамбурга Андрей (Генрих) Бутенант фон Розенбуш, который должен был исполнять обязанности датского торгового комиссара в России²⁷. 22 апреля он подал в Посольский приказ свое письмо, с которым Федора Алексеевича ознакомили 27 апреля. Автор письма, исходя из указаний датского короля, просил царя в связи с победами курфюрста перебросить на лифляндскую границу хотя бы 20 тыс. человек. Видимо, на Западе казалось, что это достаточно большие силы для того, чтобы шведы обратили на них внимание, и в то же время считалось, что русские могут на это согласиться, не считая снаряжение такого войска слишком обременительным для царской казны. (В 1675 г. о желательности направить войска названного размера на рубеж говорил И. Скульгетус; в действительности в 1676 г. с кн. И.А. Хованским на лифляндскую границу предполагалось перебросить 30 тыс., а реально было послано 10 тыс., что при русско-шведских переговорах дало достаточно сильный эффект).

А. Бутенант отмечал: «И то его царского величества к собственной прибыли и к вечной славе исполнилось бы, что всенародному неприятелю, сие шведом, в Лифляндии некое отвращение сотворить». Если бы, по мнению Бутенанта, царь напал бы на Швецию, русские войска легко одержали бы победу. Тогда, как вслед за Ф. фон Габелем указывал А. Бутенант, Русское государство получило бы выход к Балтике, «морское пристанище и великие торговые промыслы с соседми своими, не требуя впредь приключимое угождение шведов, как по се время бывало». (В том же письме говорилось, что Речь Посполитая охотно присоединилась бы к антишведскому союзу, но Ян III Собеский «свое превеликое приятство свейскому и французскому оказал», т.е. отказался от балтийских планов)²⁸.

Подготовка к отправлению посольств в Данию, Швецию и Бранденбург

Вместе с наказом кн. В.Д. Долгорукову сохранилась копия записки, составленная, судя по почерку и использованию арабских цифр, в XVIII веке. Согласно этой записке, в мае 1678 г. Федором Алексеевичем была получена грамота шведского короля (в это время в Москву очередной раз приехал шведский комиссар Х. Кох с просьбой предоставить шведам свободу торговли²⁹). Царь и бояре решили, учитывая необходимость вести борьбу против наступающего крымского хана, не отвечать на грамоту до тех пор, пока не завершится Голландская война. После этого царь отдаст необходимый указ³⁰.

24 апреля 1679 г. из Швеции в Россию приехал Х. Кох. Он просил разрешить находиться в Москве в качестве резидента по вопросам торговли (1 мая он был на аудиенции у царя). В условиях неурегулированных отношений с Речью Посполитой и Портой Россия явно не собиралась идти на разрыв дипломатических отношений со Швецией. В то же время, по наблюдениям пребывавшего в Москву бранденбургского представителя Г.Д. Гессе, Х. Кох был принят очень сдержанно: «ему едва ли уж удастся сварить кашу». Г.Д. Гессе, видимо, имея в виду А. Бутенанта фон Розенбуша, писал, что из Дании в Москву отправлен новый резидент, который также представляет интересы Бранденбурга, и «который, надо думать, с успехом разобьет интриги Коха»³¹. Неясно, оказал ли А. Бутенант существенное влияние на последующее развитие событий.

В то же время конференция, проведенная с Х. Кохом 7 мая, продемонстрировала, что отношение к шведам осталось враждебным, каким оно было и в середине 70-х гг. XVII в. На конференции присутствовали Ларион Иванов, дьяк В.И. Бобынин, дьяк Е.И. Украинцев. Русская сторона выразила удивление, что после разрыва переговоров на Меузице шведы обращаются с просьбой по поводу Х. Коха, русские, судя по шведским документам, говорили, что царь, «как глаз свой, бережет Вечный мир», а король постоянно нарушает Кардисский договор, неоднократно допуская «прописки» в царских титулах, оскорбляя честь и достоинство русских царей и при

этом отказываясь предоставить «компенсацию», т.е. вернуть России Ижорскую землю. Русские сообщили о своем намерении отправить посольство в Швецию с требованием компенсации: если король не согласится удовлетворить это требование, шведским агентам не позволят находиться в Москве. Х. Коху разрешили лишь, чтобы он остался в столице по своим частным делам³². Несмотря на то, что уже был заключен Нимвегенский мир, Г.Д. Гессе, как и датчане, твердил, что наступил самый благоприятный момент, воспользовавшись которым Россия могла бы начать войну со Швецией³³.

Скорее всего, в первых числах мая в Москве было получено письмо от Н.М. Краевского, не знавшего об отказе Речи Посполитой от балтийских планов. Н.М. Краевский, говоря об обсуждении на гродненском сейме проблемы «случения» русских и польских сил в борьбе с «бусурманами», отмечал, что шведский король завладел польской Лифляндией (Ливонией). Н.М. Краевский подчеркивал, что желательно, чтобы царь направил войска к лифляндской границе, чтобы Швеция не выступила против Бранденбурга и в то же время не препятствовала бы объединению русских, польских, а также бранденбургских сил против турок: «чтоб он на курфистра войною не шол и не мешал бы с нами союз на бусурманина. А он, курфирст, на бусурманина с нами вместе итить хочет, толко де ему швед мешает, или б шведа с курфисртом помирить»³⁴. Впрочем, письму Н.М. Краевского не придали особого значения, на заседании боярской думы этот документ не зачитывался.

Тем не менее, очевидно, в первую очередь в связи с поступлением сведений о заключении Нимвегенского мира русские власти поторопились снарядить два посольства: одно — в Швецию, другое — в Данию и Бранденбург; как мы знаем, посольство к императору поехало еще зимой. (К маю Федор Алексеевич оправился от очередной болезни и, видимо, уже к 1679 г., по крайней мере в какой-то мере взяв на себя как царь определенные функции в управлении страной, оказался в состоянии принимать участие в решении вопросов государственной важности; вместе с тем кончалось половодье и посольства могли ехать «по посухе»).

В Данию и Бранденбург было направлено посольство стольника С.Е. Алмазова и дьяка С. Румянцева. Для русских, которые, скорее всего, понимали, что эти государства в недалеком будущем должны заключить мир со Швецией, было существенно узнать, как развиваются их отношения со Швецией. Посольство стало ответной миссией на миссию Ф. фон Габеля. Первоначальный наказ С.Е. Алмазову и С. Румянцеву был помечен 9 маем, когда А. Бутенант уже находился в Москве, но поданные им письмо и королевская грамота еще не были представлены царю и боярской думе.

В соответствии с наказом посланники в первую очередь должны были сообщить о намерении России заключить мир с Речью Посполитой и о своем желании найти посредников для соответствующих переговоров. Тем самым В.И. Бутурлину и И.И. Чаадаеву предстояло продемонстрировать, что русско-польские отношения наряду с борьбой с османами занимают ведущее место во внешней политике Русского государства, к тому же, несмотря на отказ Яна III Собеского, в лице Фридриха-Вильгельма русские видели потенциального союзника по борьбе с Речью Посполитой (в то время как Москва была против того, чтобы в качестве посредников в мирном урегулировании России и Речи Посполитой выступали Леопольд I и папа).

Посланникам предписывалось сообщить в Дании о том же, о чем И.В. Бутурлин и И.И. Чаадаев рассказывали в Вене, — о съезде на Меузице, о предъявленном шведами требовании об «удоволствовании» за нарушение Вечного мира и об отъезде шведских послов с посольского стана. С.Е. Алмазову и С. Румянцеву, так же как И.В. Бутурлину и И.И. Чаадаеву, было велено напомнить Фридриху Вильгельму, что в порядке оказания помощи курфюрсту царь в 1676 г. написал Карлу XI грамоту с требованием отозвать войска из Бранденбурга и послал рати к шведской границе; если бы это не было сделано, шведы разорили бы Данию и Бранденбург³⁵. Вместе с тем, опять же так же, как и при переговорах в Вене, Москва явно не торопилась брать на себя какие-либо обязательства по отношению к этим странам.

В тот же день, который был указан в качестве даты составления наказа, 9 мая, было принято решение отправить в

Стокгольм стольника Ю.П. Лутохина и дьяка С.И. Бобынина, чтобы договориться о возобновлении пограничных съездов.

Письмо А. Бутенанта фон Розенбуша было оглашено в боярской думе 11 мая. 16 мая он был на приеме у царя и передал ему королевскую грамоту. 18 мая грамоту зачитали царю и боярам, было решено написать королю, что в Данию выезжают посланники. Неясно, почему наказ С.Е. Алмазову и С. Румянцеву был составлен до того, как были зачитаны документы, связанные с приездом представителя Дании. Скорее всего, заведенный распорядок препятствовал тому, чтобы А. Бутенант был принят раньше, а в Москве торопились с отправлением посольства. Вероятно, в этой ситуации в Посольском приказе сочли возможным на основе уже принятых решений составить первый вариант наказа, а затем исправить его с учетом поступивших документов.

10 мая в Москве стало известно о предстоящем прибытии польского посольства литовского референдаря П. Бростовского и Я. Гнинского. По наблюдениям нидерландского резидента Й.В. фон Келлера от 23 мая, царь объявил, что посол сообщит о решении Яна III Собеского порвать с Османской империей и Крымом и вместе с русскими бороться против Порты³⁶. Неясно, насколько верно Й.В. фон Келлер передает высказывание царя.

Может быть, в определенной мере под влиянием сведений о готовящемся прибытии польского посольства 22 мая С.Е. Алмазову и С. Румянцеву был дан дополнительный наказ, в соответствии с которым лишний раз подчеркивалось, какие задачи являются для внешней политики России основными. Посланники должны были сообщить о русско-польском перемирии и поставить вопрос об объединении сил против султана³⁷. Москва опять же не собиралась связывать себя какими-либо обязательствами в плане борьбы со Швецией.

Однако после того как шведам были в 1676 г. предъявлены обвинения в оскорблении чести и достоинства царя, русскому руководству предстояло или – с той или иной степенью твердости – настаивать на своих претензиях, или отказаться от них и принести королю извинения. Русское государство не

было готово отказаться от требований, которое оно предъявило шведам.

Историк русско-шведских отношений К. Цернак отмечает, что Ю.П. Лутохин и С.И. Бобинин, прибыв в Швецию, не хотели учитывать, как изменилось положение страны после заключения Нимвегенского мира³⁸. Но реально речь идет не столько о посланниках, сколько о полученном в Москве наказе, которым они должны были руководствоваться. Черновой наказ помечен 31 мая. Сразу же указывалось, что следующий съезд русских и шведских послов должен быть проведен на р. Плюсе, а не на Меузице. Вновь перечислялись случаи, когда оскорблялась честь и достоинство царей, правда, и эта часть наказа по сравнению с соответствующей частью наказа посольству 1676 г. была изменена. Когда черновой вариант наказа 1679 г. был составлен, подвергся редактированию, выражение обид относительно нанесенных оскорблений и требования наказать обидчиков были сняты³⁹. При составлении наказа правительство колебалось, надо ли с большой твердостью настаивать на предъявленных шведам обвинениях, борьба вокруг выбора политического курса по отношению к Швеции продолжалась, тем более что вопрос об отношениях со Швецией решался в изменившихся условиях. Русская сторона выражала негодование по поводу происшедшего разрыва переговоров — когда Э.И. Крейц и его спутники тайком уехали со съезда, русская сторона потерпела значительные убытки. Было зачеркнуто: «и чтоб то удоволствовати прежде бывших его царского величества росийского царствовования городов и земель к государству его царского величества» (затем это высказывание было повторено еще два раза и опять зачеркнуто). Было зачеркнуто: «понеж тот их нововымышленной и противной поступок касаетца великого государя нашего его царского величества превысокой чести ко умалению». Аккуратным почерком была сделана вставка о том, что между двумя государствами заключен Вечный мир⁴⁰. Несколько раз в текст вносилось и зачеркивалось требование возвратить города Ижорской земли. Было оставлено не зачеркнутым высказывание, что шведы «царского величества ближних бояр обнадежили, что за ту прописку королевское величество по их доношению царское величество удоволству-

ет»⁴¹. Вместе с тем предполагалось, что следующие переговоры состоятся на границе, шведов продолжали держать в напряжении. Посланникам дали предписание узнать, продолжается ли война Швеции и Дании, получить конкретные сведения о происходящих событиях. Ю.П. Лутохин и С.И. Бобинин должны были отказаться от обсуждения вопросов, связанных с перебежчиками, торговлей, проведением границы.

Вместе с тем к июню отношение в Москве к Х. Коху стало откровенно враждебным. Ему была вручена царская грамота от 25 мая. Так как он занимался исключительно торговлей и «дел», которые ему бы поручил король, «никаких не объявил», было принято решение его отпустить⁴². Х. Коха лишили содержания, потребовали, чтобы он по возможности не задерживался и покинул столицу⁴³. Однако Х. Коха держали торговые дела, его основным должником являлся кн. С.В. Долгоруков. Казенный приказ прибегнул к тому, чтобы попытаться заставить князя вернуть долг. С.В. Долгоруков упорно отклонялся от выплаты денег, говоря, что не имеет наличных, что его двор принадлежит его матери, хоромы проданы. Дело затянулось на многие месяцы⁴⁴.

Окончательное решение об отправлении посольства было принято боярской думой 17 июня, «ближние бояре приговорили отстат и наказ отставит». Новый наказ содержал упоминание «о злодерзых учиненных бесчестиях и досадительствах», которые русские испытали при переговорах на Меузице. Но высказывание, «чтоб то удовольствие возвращением прежде бывших его царского величества российского царствования городов и земель к государству его царского величества» было зачеркнуто. Требование возратить города Ижорской земли было вставлено в конец наказа. Отмечалось, что Россия не желает разрыва дипломатических отношений, была дополнительно сделана вставка, что между двумя государствами заключен Вечный мир⁴⁵.

Выразив готовность поддержать противников Швеции, Россия была готова по сниженным ценам продавать Дании хлеб. В ответ на грамоту Кристиана V⁴⁶, привезенную А. Бутенантом и содержащую соответствующую просьбу, боярская дума вынесла приговор беспошлинно отправить в Копенгаген

рожь по ценам 185 (1676–1677) гг. Когда в России находился датский резидент М. Ге и снискавший дурную славу Ф. фон Габель, датскому королю не стали поставлять зерно, сославшись на недород (см. гл. 3). Правда, и теперь в случае неурожая предусматривалась возможность отказать королю в поставках, но тем не менее в августе был подготовлен указ об отпуске хлеба⁴⁷.

Вместе с тем Русское государство было готово заключить мир с Портой при условии, что Крым откажется от ежегодных выплат Москвой поминок, а султан согласится на территориальное разграничение, предлагаемое Россией (термин «поминки», вокруг которого неоднократно возникали споры в литературе, в данном случае употребляется условно). В мае в Крым было отправлено посольство стольника Б.А. Пазухина и дьяка Г. Долгово. Воровские казаки убили посланников⁴⁸.

Пока послы добирались в Стокгольм, Копенгаген и Берлин, И.В. Бутурлин и И.И. Чаадаев вели переговоры в Вене. Стало очевидным, что антиосманский союз заключить не удастся⁴⁹ – император понял, что русско-польское «случение сил» не состоится, что сам он не заинтересован в том, чтобы присоединиться к антитурецкому союзу.

Что касается взаимоотношений между европейскими государствами, то время брало свое. Дания и Бранденбург вскоре были вынуждены завершить войну со Швецией, приняв условия, продиктованные Карлом XI. 29 июня Бранденбург заключил союзный Сен-Жерменский договор с Францией, отказавшись от шведской Померании. Людовик XIV подтвердил, что будет соблюдать Велавско-Быдгощский (1657 г.) и Оливский (1660 г.) договоры. Это противоречило интересам Речи Посполитой, которыми пожертвовали в Париже, и в то же время свидетельствовало о второстепенной роли Речи Посполитой среди союзников Франции – Людовик XIV больше не собирался тратить деньги на заключение обходных союзов, оказывать какую-либо помощь полякам в борьбе с османами. Ян III Собеский был недоволен неопределенностью позиции Франции⁵⁰. Заключение Сен-Жерменского договора означало новый шаг на пути сближения Речи Посполитой и Империи Габсбургов.

Окончательное завершение Голландской войны, связанное с подписанием Данией в ноябре 1679 г. договора с Фран-

цией в Фонтенбло на условиях ультиматума, предложенного Людовику XIV, как и сближение Речи Посполитой с Империей, вело к активизации усилий папской курии на пути создания антиосманской коалиции⁵¹. Но в результате заинтересованность европейских держав в том, чтобы втянуть Россию в войну против Швеции, отпала. Это хорошо понимали в Стокгольме. В 1680 г. шведские представители говорили, что если русские не откажутся от претензий на Ижорскую землю, «то decisamente призвать на разсудок того в посредство иных государей послов»⁵².

Однако пока сближение Леопольда I и Яна III Собеского не отразилось на готовности поляков идти на уступки в «случении сил». Осенью в Москве состоялись переговоры с П. Бростовским и Я. Гнинским, обсуждался вопрос о «случении» сил и о заключении Вечного мира между Россией и Речью Посполитой. Об объединении войск так и не удалось договориться.

**Посольство С.П. Лутохина и В.И. Бобинина
в Стокгольм в 1679 г.
Приезд в Россию С. Эосандра**

Пока в Европе шли мирные переговоры, С.П. Лутохин и В.И. Бобинин ехали в «Стекольную». В Ругодиве до посланников дошли сведения о том, что Карл XI находится в «Шконской земле» и при посредничестве Людовика XIV ведет переговоры с Данией. Швеция уже заключила при посредничестве той же Франции мирный договор с Бранденбургом — посланники узнали условия мира. (В дальнейшем в Швеции посланники, которые, судя по всему, стремились как можно больше получить информации об отношениях Карла XI с Кристианом V, получили сведения, что два короля надеются на успешный исход переговоров, несмотря на споры о некоторых статьях)⁵³. Неясно, отдавали ли себе посланники отчет в том, что конец Голландской войны означал, что России предстоит отказаться от политики давления на Швецию в той форме, в какой эта политика проводилась, хотя в наказ, как мы уже могли убедиться, по сравнению с наказом 1676 г. были внесены существенные изменения. С уверенностью можно говорить о том, что вре-

мени, чтобы отправить из Москвы вдогонку С.П. Лутохину и В.И. Бобинину новый царский указ, не было, и посольству предстояло руководствоваться наказом, полученным при отъезде.

Московские уполномоченные щепетильно относились к происходившим по вине шведов задержкам. Не менее болезненно воспринимались и нарушения этикета, участники посольства отмечали, что им «учинено безчестие»⁵⁴. В Ругодиве они «королевских кормов и питя не имали для того, что учили было корм и пите нам, холопом твоим, давать против гонецких и посланных посылок». Посланники писали, что их задержали в Кольвани до конца сентября, до момента, когда морской путь стал опасным. В то же время С.П. Лутохина и В.И. Бобинина не отпустили сухим путем⁵⁵. 25 августа Карл XI подготовил для царя грамоту, которая была отправлена с Гофманом и вручена Федору Алексеевичу только 20 декабря. Король писал, что война кончилась — ему отданы и уступлены многие земли. Карл XI выражал мнение, что царь прекратит давление на Стокгольм и «от вышепомянутой воинской тяготы изволит освободить», т.е. отведет находящиеся на границе войска, откажется от «спорных требований». Так как был заключен Нимвегенский мир, король надеялся, что Кардисский мир также сохранит свою силу⁵⁶. Содержание грамоты так и осталось неизвестным С.П. Лутохину и В.И. Бобинину, которые вели переговоры в соответствии с полученным наказом.

Когда они прибыли в Стокгольм, 10 сентября к ним пришли с жалобами на шведов русские купцы. Вопросы торговли потребовали незамедлительного вмешательства: русские торговые люди терпели в Стокгольме убытки в связи с тем, что шведские купцы часто не выплачивали им денег, шведами был наложен запрет на вывоз медных монет, и купцы всех стран должны были покупать на вырученные средства товары. Руководитель таможенного ведомства Брентшельдт сказал, что этот запрет введен на время датско-шведской войны и распространяется не только на русских, но и на других иноземцев⁵⁷.

Король и Риксрод были всерьез озабочены прибытием русского посольства. Адмиралтейство объявило, что не располагает кораблем, который подходил бы для перевоза по-

сольства, и просило королеву предоставить для этой цели яхту. Только в начале сентября посольство прибыло в столицу Швеции⁵⁸.

В Стокгольме посланники столкнулись с попыткой оскорбить их достоинство. Дворник имел «шинкарство», т.е. был хозяином трактира. «И людей их посланничьих тот дворник с приходящими людьми бил, и на самих посланников, выняв шпаги, наголо грозили». Виновным «за их озорничество и наказания и управы королевские думные люди не учинили». Скорее всего, это была простая хулиганская выходка, которая, впрочем, могла быть в какой-то мере спровоцирована нелюбовью к русским. Дальше можно говорить о попустительстве сопровождавшего посольство пристава Препстинга и стокгольмских властей⁵⁹. По дороге из Стокгольма в Карлсам люди посланников подверглись еще нескольким нападениям, пристав, как считали посланники, снова никак не пытался это пресечь (опять же само совершение нападений лишь в малой степени могло быть связано с сознательно враждебным отношением к русским: посольство ехало по территории, опустошенной войной; местное население было озлоблено; в таких ситуациях преступность обычно возрастает)⁶⁰. Так как король еще не вернулся со Сконе, посланникам, пока они оставались в «Стекольне», предлагали передать грамоту и «дела объявить» государственному канцлеру («думному») графу Г. Оксеншерне и членам Государственного совета. В Швеции, скорее всего, хотели спустить переговоры с Россией на тормозах, возможно, рассчитывая, что русские откажутся от прежних требований. С.П. Лутохин и С.И. Бобинин настаивали с «великим вычеты», что направлены к королю и что им не дано никаких указаний обсуждать дела с другими представителями власти⁶¹.

Посланников отправили морем в Карлсам, где согласно достигнутой договоренности ждали короля. Там им не организовали никакой встречи, они пешком шли до постоянного двора, за что они «выговаривали» встречавшему их С. Эосандру. Карл XI в Карлсам не приехал, решил принять посланников в Лу(ю)нгби, но в результате они оставались в Карлсаме после своего прибытия 27 октября до 16 ноября — им объясняли, что из-за того, что земля разорена войной, не могут подготовить

подводы. «И задержание нам, холопом твоим, чинят в городех великое неведомо для каких вымыслов»⁶² (отписка, в которой обо всех вынесенных невзгодах писали посланники, 16 января была зачитана царю; было постановлено «записать в книгу и впредь об ней к ответом памятоват для выговоров свейским послом»⁶³).

Пока посланники находились в Карлсаве, несмотря на их попытку отказаться вести переговоры с кем-либо кроме короля, им все же пришлось обсуждать все проблемы с графом Г. Оксеншерна. Встречи начались 28 октября. Посланники вспомнили, как в 1676 г. шведские послы Э.И. Крейц, Г. фон Тизенгаузен, И. Клингстед, Г.Й. фон Будберг уехали с Меузицы, прекратив переговоры с И.В. Бутурлиным и И.А. Прончищевым, «учинив непотребную проволоку». Шведы хорошо отдавали себе отчет в том, что тогда, ведя переговоры со шведами, Россия оказывала поддержку участникам Габсбургской коалиции: у Карла XI «были неприятели явные многие». До этого, как подчеркивал канцлер, русские и шведы долгое время сохраняли дружбу. «И ту де было дружбу искали королевского величества неприятели розорвать».

Шведы в лице графа Г. Оксеншерны пытались найти по возможности веское оправдание отъезду шведских послов с Меузицы. Хотя Э.И. Крейц и его спутники ехали на Меузицу для подтверждения Кардисского договора, «а не для войны и уступки земель», но русские послы, по словам графа Г. Оксеншерны, «говорили, как неприятели, и грозили войною и просили земель и городов многих», «и сами де их (шведских послов. — *Е.К.*) угроживали на съездем месте задержать» (в своих реляциях Э.И. Крейц выражал опасение, что русские намерены делать «ужасные вещи», что может начаться реальное кровопролитие).

Граф Г. Оксеншерна настаивал на том, что с Меузицы шведские послы лишь на время уехали в свои поместья. Канцлер требовал, чтобы русской стороной «запросы... были отставлены», в противном случае «трудно тем делам ко успокоению приходить»⁶⁴.

15 ноября состоялась вторая встреча посланников с «думным», начатые споры были продолжены. С.П. Лутохин и

С.И. Бобинин упорно стояли на точке зрения, что Э.И. Крейц и его спутники умышленно покинули съезды: сняли со стола ковер, обивку со стен, отпустили караул. «И думной с товарищи против того царского величества посланников явно-го свидетелства умолчали», но потом сказали, что поступали «поневоле», боясь «многих погросков» со стороны русских. В.И. Бутурлин и И.А. Прончищев, как отмечал канцлер, не дождались возвращения шведских послов, и в результате король не стал давать русским ответа. Граф Г. Оксеншерна подчеркнул, что конфликт можно разрешить «по дружбе и любви без удовольства», т.е. без компенсации.

Канцлер еще во время первой встречи стал стремиться перевести переговоры в другое русло, возвратившись к тем вопросам, которые не были решены во время его приезда в Москву. Он указывал на то, что задержаны многие беженцы, что шведская сторона терпит убытки в торговых делах. Несмотря на сентябрьские переговоры с Брентшельдтом, теперь посланники не желали обращаться к вопросам торговли и беженцев.

15 ноября русские послы вновь представили обвинения в умалении шведами царских титулов. Шведская сторона позаботилась о том, чтобы русские не могли поставить вопрос о возвращении земель. По наблюдениям К. Цернака, Стокгольм прилагал усилия, чтобы продемонстрировать, что, когда в Европе замолчало оружие, пробовать прибегать к политике запугивания бесполезно⁶⁵. В опровержение доводов русских граф Г. Оксеншерна привел те же аргументы, какие шведы использовали и раньше, назвал ряд случаев, когда Алексей Михайлович при переговорах в Валиесаре и Кардесе допускал «прописки» при написании титула Карла X Густава. Король, как оказалось, государем над «Ижерскою землею не имянован», однако шведские послы приняли записи «без спору». Теперь, в 1679 г., по словам канцлера, русские могли бы, «не требуя земель и городов», «великие неслучные запросы отставить». Канцлер спрашивал, уполномочены ли посланники вести переговоры на соответствующую тему. Когда С.П. Лутохин и С.И. Бобинин дали отрицательный ответ, но сказали, что им поручено «те заходящие трудности успокоить», «думной» ответил, что король «все дела изволит отложить до иного времени. И ныне

де им, царского величества посланником, о тех делех говорить, и королевское величество безчестить не годитца».

Русскими был поставлен вопрос о проведение съездов на границе. Посланники исходили из того, что уже несколько раз переговоры состоялись на р. Плюсе, а теперь предстоит проводить съезды на р. Меузице. Шведы, опасавшиеся, что при переговорах русские будут повторять свои прежние требования о территориальных уступках, не были заинтересованы в возобновлении переговоров. Они стремились по возможности отсрочить переговоры; затянуть спор о том, где встречаться, вполне соответствовало их интересам. Граф Г. Оксеншерна сообщил о желании короля проводить переговоры на границе, т.е. на Плюсе. Посланники настаивали на том, что в качестве места встречи должна быть назначена Меузица, чтобы было равное количество съездов на р. Плюсе и на р. Меузице. Граф Г. Оксеншерна сказал, что вопрос о месте съездов должен решать король⁶⁶.

Карл XI принял С.П. Лутохина и С.И. Бобинина 21 ноября.

25 ноября, когда канцлер третий раз встречался с посланниками, он объявил, что нужно, чтобы царь списался с королем по вопросу о месте проведения переговоров. Неясно, согласится ли король послать новую грамоту⁶⁷. Шведская сторона в свою очередь упрекала русских в тесных связях с Данией и Бранденбургом, хотя Кардисский договор предусматривал, чтобы у заключающих стран договор не было никаких сношений с врагами России и Швеции⁶⁸.

«Думной» вновь вернулся к вопросу о связях, которые Россия в предшествующие годы имела с противниками Швеции – с Данией и Бранденбургом. Граф Г. Оксеншерна обратил внимание на то, что резиденты этих стран находились в России (хотя А.С. Матвеев пытался выпроводить датского резидента М. Ге из Москвы; однако, скорее всего, на основе донесений Х. Коха в Швеции сложилось впечатление, что отношение к представителям Копенгагена и Берлина значительно лучше, чем к представителям Стокгольма). В результате, как отмечал граф Г. Оксеншерна, «Кардискому договору явная противность учинена». «И по тем де ссылкам те неприятели против королев-

ского величества стояли и войну вели великую, имея надежду на царское величество со мною смелостию». Царь, как считал канцлер, должен был отказаться от требований 1676 г. (обращая внимание на нарушение русскими условий Кардисского мира, шведы добивались лишь этого отказа). Если русские, как предупреждал «думной», будут повторять свои прежние запросы, то съезжаться будет незачем. «И дружбе, и любви между королевским величеством и царским величеством обновить будет невозможно». На это последовала реплика посланников, что Кардисский мир исключал лишь оказание неприятелям непосредственной помощи «казною и людми», а царь, оставаясь верным условиям Кардисского мира, ничего не стал делать в ответ на просьбу бранденбургского и датского посланников. В свою очередь король нарушал мирный договор, поддерживая отношения с «поганцы», с турецким султаном и крымским ханом (посланники упомянули конкретные посольства султана и хана в Стокгольм). Канцлер не дал на это никакого ответа⁶⁹.

Карл XI направил царю грамоту, отметив, что на Меузице посланники искали повода для разрыва дипломатических отношений «там, где к нарушению такая причина сыскаться не может», «учинили такой несносной запрос, которого... терпеть невозможно», угрожали «послом против их войною наступать», в то время как король хотел сохранить мир. В грамоте было написано, что шведские послы «ради лутчаго прокормления на иное место на время отехали», в то время как русские послы с Меузицы в день отъезда шведских послов «вскоре втай и необыкновенным обычаем с своего стану уехали». В то же время в грамоте ничего не говорилось о связях русских с противниками шведов — стокгольмское руководство, умело используя известные факты о сношениях России с Бранденбургом и Данией, решило не заострять внимание на этом, опасаясь дальнейшего ухудшения отношений с Русским государством. Король выразил намерение послать в Москву нарочного, объявив о времени и месте переговоров⁷⁰.

На отпуске послов, который состоялся 28 ноября, посланникам объявили, что то, что предлагали послы, королю «слышать не любо, и то они, царского величества посланники,

перед его королевским величеством говорили не гораздо и не разсудно». Король не нарушал Кардисский договор, а царь нарушал. Король хочет поддерживать дружбу⁷¹.

На обратном пути посланников ожидали неприятности, на которые они обратили внимание при составлении статейного списка: невежливый капитан «своим упрямством посланником чинил многое безчестие и людей их бил и во многие дни был пьян», на корабль были наняты «мужики деревенские», не имевшие опыта работы на корабле; «от такова капитанова нерадения и от глупых работников были посланники на море 4 недели»⁷². По дороге С.П. Лутохину и С.И. Бобинину приходилось по самой высокой цене покупать себе хлеб, часто они были вынуждены останавливаться в пустых нетопленных помещениях, «а в жилые хоромы не пускали»; в Упсале им не дали дров, они жили в холодных «хоромех болши недели с великою нуждою». На границе они недополучили кормовых денег на пять дней, выдачи этих денег так и не удалось добиться⁷³.

В Стокгольме осталось неясным, пойдет ли царь по линии отказа от предъявленных претензий. Шведский Риксрод в марте 1680 г. выразил королю мнение, что следует использовать любое проявление Москвой склонности вести переговоры на границе⁷⁴. Неясно, предполагали ли «думные люди» возможность пойти на уступку русским в выборе мест переговоров или они считали, что Россия проявит уступчивость и согласится проводить съезды на Плюсе.

Х. Кох через полгода после того как получил отпуск, все еще оставался в Москве, но отказывался уезжать до тех пор, пока ему не вернет долг кн. С.В. Долгоруков (король прислал царю грамоту, в которой сообщал о своем намерении отправить послов на Меузицу; Карл XI также писал, что к русскому двору направлен Х. Кох, который должен отстаивать интересы шведских купцов; монарх выражал недоумение по поводу того, что предполагаемому резиденту отказали в праве жить в Москве⁷⁵). Как свидетельствуют шведские источники, отношение к Х. Коху стало откровенно враждебным. В ответ на его жалобы говорили о тех притеснениях, которым русские торговые люди подвергаются в Швеции⁷⁶. Однако в Москве прилагали все усилия, чтобы вернуть долг: было решено, если кн. С.В.

Долгоруков окажется не в состоянии выплатить необходимые суммы, то у него заберут деревни. Кн. С.В. Долгоруков продолжал уклоняться от выполнения предъявленных ему требований до ноября, не являлся в Посольский приказ, пока его не заставили срочно отдать половину родовой деревни Алтуфьево в Оболенском уезде. В результате Х. Коха выпроводили из столицы только в марте 1680 г., уже после того, как С.П. Лутохин и С.И. Бобинин успели возвратиться домой. Царь пожаловал Х. Коху деньги на дорогу до Великого Новгорода, при этом специально подчеркивалось: «а больше не давать»⁷⁷. Федор Алексеевич жаловался на Х. Коха Карлу XI в грамоте 25 марта 1680 г.⁷⁸ (эта грамота была написана уже после того, как в Швеции побывало посольство С.П. Лутохина и С.И. Бобинина; неясно, почему соответствующая грамота не была отправлена раньше; возможно, русское правительство просто не хотело заострять внимание на соответствующем вопросе).

В Москву был отправлен С. Эосандр. Он вез грамоту Карла XI от 7 апреля 1680 г. с предложением провести переговоры на р. Плюсе. С. Эосандр должен был сказать в Москве, что договор следует заключить, как только это станет возможным. В то же время король отказывался съезжаться на р. Меузице⁷⁹.

С. Эосандр приехал в Россию летом 1680 г. 30 июля его принял царь. Достаточно враждебное отношение Русского государства к Швеции наложило отпечаток на оказанный ему прием и на проходившие переговоры. Кн. Ю.А. Долгоруков, с которым в свое время вел переписку надеявшийся на его антишведские настроения Ф. фон Габель, обвинял приехавшего шведа в том, что последний не проявил должного почтения, когда приветствовал царя (С. Эосандр писал королю, что во время аудиенции кн. Ю.А. Долгоруков находился в сильном подпитии и был невменяем). Предложение шведов проводить переговоры на Плюсе сразу же вызвало возражение со стороны русских. Думный дьяк Ларион Иванов заявил, что предшествующие съезды дважды проходили на Плюсе и всего один раз на Меузице, что пора проводить переговоры на Меузице. С. Эосандру не удалось договориться о месте переговоров — этот вопрос предстояло решать послам двух сторон. В связи с приближением осеннего времени переговоры были отложены

до времени, когда ляжет зимний путь, до января⁸⁰. На отпуске шведского представителя, передавая поклон королю, царь лишь слегка коснулся шапки, на что обратил внимание С. Эосандр. На это последнему сказали, что король поступил точно так же, передавая через гонца поклон царю⁸¹.

В грамоте, присланной королем в ноябре 1679 г. с выражением намерения отправить послов на Меузицу, сообщалось о заключении Нимвегенского мира. Карл XI подчеркивал, что заключен мир со всеми противниками Швеции, исходя из того, что русские будут вынуждены отказаться от предъявленных в 1676 г. требований. Федор Алексеевич указал, что ожидает прибытия шведских послов и что русские послы должны быть направлены на Меузицу. Одновременно царь просил более подробно написать об условиях Нимвегенского договора. В ответ король требовал от царя до конца декабря объявить о своей причастности к мирному договору (хотя реально такой причастности не было). Вместе с тем король прислал список статей Нимвегенского договора⁸².

При дворе Федора Алексеевича сразу же стали проверять правильность передачи царского титула. По словам переводчика Якова Гитнера, обращение к царю как к «царика маестат» непривычно. Умалает ли оно царское достоинство, переводчик сказать не мог. В то же время король писал к царю не по достоинству: Федор вместо Феодор, обладатель вместо облаадатель, в имени царя используют ферт, а не фиту (дальше были названы те документы, где имя царя было написано правильно). Как указывал переводчик, в шведских грамотах отчество царя пишут как Федорович, а не Феодорович. В шведском алфавите одна буква «ф», кроме «фиты» ничего написать невозможно⁸³.

Посольство в Швецию И.А. Прончищева и Г.К. Богданова в 1679–1680 гг.

Польские послы П. Бростовский и Я. Гнинский вновь обсуждали проблему «случения» русских и польских сил, которые предстояло направить против татар. Хотя объединение русских и шведских сил стало неизбежным, шли переговоры о создании антиосманской коалиции, Речь Посполитая

вновь предлагала очень невыгодные условия. Практически ее уполномоченные добивались, чтобы были отправлены русские полки для охраны польских границ и царь еще выделил бы Речи Посполитой крупную сумму денег. П. Бростовскому и Я. Гнинскому было предложено покинуть пределы Русского государства, а обсуждение договора об антиосманском союзе было отложено до следующего, 1680 г. Послы уговорили царя дожждаться, когда будут привезены новые инструкции. Русское руководство, в принципе ничего не имея против союза с поляками, понимало, что время работает на Россию, что не нужно идти на существенные территориальные уступки полякам, что некоторое время спустя союз может быть заключен на гораздо более выгодных условиях⁸⁴.

В Москве началась подготовка к отправлению посольства для переговоров со Швецией. Их ведение было поручено думному дворянину, традиционному участнику переговоров со шведами, И.А. Прончищеву, заключавшему Кардисский мир 1661 г. и проводившему пограничные съезды в 1676–1677 гг. Теперь И.А. Прончищева сопровождал думный дьяк Г.К. Богданов. Подготовка и отъезд посольской делегации шли параллельно с мирными переговорами с Крымом, начавшимися в октябре. (В августе в Бахчисарай выехало посольство В.М. Тяпкина и дьяка Н. Зотова; переговоры с Крымом проходили сложно — послы добивались признания прав России на часть Правобережной Украины; Крым неукоснительно требовал, чтобы граница была установлена по Днепру).

У Русского государства по-прежнему не было ни желания, ни реальной возможности начать войну со Швецией. (При составлении наказа в Москве руководствовались тем, что отношения с Портой еще не урегулированы). Тем не менее Москва не отказывалась от своих требований к Стокгольму.

Посольство было снаряжено в декабре 1680 г. В документации, связанной с отправлением посольства, указывалось, что союзники не берут на себе обязательства предоставлять России помощь в борьбе с Оттоманской Портой: «И против той королевской грамоты от великого государя к швейскому королю для наступления на государство российское неприятелей всех христиан салтана турского и хана крымского грамоты не послано,

а отложено то дело до иного времени, когда с теми неприятели та война успокоитца. Да и для того что и у свейского короля в то время з датским королем была война»⁸⁵.

И.А. Прончищев и Г.К. Богданов должны были напомнить о «досадительных укоризнах» в адрес царя, которые русская сторона предъявила шведам во время пограничного съезда 1676 г., о тайном отъезде шведских послов, т.е. о том, о чем говорилось в наказе С.П. Лутохину и С.И. Бобынину. В наказе 1680 г. содержится запись о том, что при встречах русской стороны с С. Эосандером было принято решение проводить следующий съезд на р. Плюсе в конце января 1680 г.; если шведы не согласятся на это место, И.А. Прончищеву и Г.К. Богданову предстояло договариваться о другом месте переговоров, в любом случае следовало отказаться от проведения съездов на р. Меузице. Вместе с тем указывалось, что шведские послы не получили распоряжений относительно проведения съездов на Меузице. По этому вопросу, скорее всего, предстояла длительная переписка со шведской стороной (в дальнейшем, ведя эту переписку, И.А. Прончищев неоднократно повторял, что, учитывая чередование съездов, проходивших на Плюсе и на Меузице, пора вести переговоры на Меузице). Предполагалось, что переговоры состоятся в январе⁸⁶. Возникает вопрос, понимали ли русское руководство, что шведы могут не захотеть съезжаться на Меузице и речь идет о том, чтобы существенно затянуть с началом съездов? Или русские власти слишком дорожили тем принципом, которого они придерживались, чтобы от него отказаться?

И.А. Прончищеву и Г.К. Богданову предписывалось добиваться, чтобы шведские послы, тайно уехавшие с пограничного съезда 1676 г., были наказаны. Русские уполномоченные должны были снова подчеркивать справедливость требований, предъявленных шведам в 1676 г. И все же при составлении наказа московское руководство вновь колебалось (видимо, по этому вопросу шли споры), нужно ли настаивать на том, что действительно было допущено умаление царского достоинства и чести. В посольской книге со статейным списком другим почерком, отличным от почерка основного писца, была сделана вставка: «приговорили послать послов

против прежнего его государева указу»⁸⁷. Видимо, имелся в виду сохранившийся наказ с внесенными в него редакторскими пометами. Фраза относительно того, что Кардисский договор был нарушен, «потому что то учинено нарочно», была зачеркнута. В то же время составители наказа зачеркнули и другую формулировку, прямо противоположную по смыслу: «Те де прописки учинились, не нарочно делались, и к нарушению договорех тех прописок приписывать и удовольствовать за них требовати не годитца»⁸⁸. В наказе было зачеркнуто место, в котором речь шла о том, что если шведы будут говорить о недосмотре по вине канцелярии и обнадеживать, что сохраняют дружбу, тем «удовольствоватца»⁸⁹, т.е. отказаться от одного из обвинений.

В посольской книге были повторены все обвинения в адрес шведов, сформулированные в 1676 г. Первоначально наказ предполагал, как послам следует реагировать, если шведские послы попытаются оправдать короля и его подчиненных. Все соответствующие места наказа были зачеркнуты⁹⁰. Повторно, как и при снаряжении посольства 1676 г., напоминалась миссия Н. ван Стадена.

Наказ предусматривал, как нужно отвечать на вопросы, связанные со взаимоотношениями России с Бранденбургом и Данией. Первоначально предполагался следующий ответ: хотя Дания и Бранденбург обращались с просьбой о помощи, царь, исполняя Кардисский договор, не предоставлял названным странам никакой поддержки. Однако этот вариант ответа был зачеркнут, в соответствии с окончательной редакцией наказа посланники должны были говорить, что царь давно имеет «ссылки» с этими государствами.

Таким образом, Русское государство по-прежнему пыталось оказать дипломатическое давление на Швецию, чтобы последняя была вынуждена уступить Ингерманландию, но обвинения предьявлялись не в столь резкой форме, как это делалось в 1676 и 1679 гг. Из чего при этом исходили в Москве? Было ли это простым нежеланием отойти от тех требований, на которых русские настаивали в ходе предшествующих переговоров, таким образом признав несостоятельность сделанных обвинений?

Теперь, в 1680 г., после опыта переговоров С.П. Лутохина и С.И. Бобинина, русская сторона понимала, что не следует отказываться от обсуждения вопросов торговли. Московские власти по-прежнему исходили из того, что Россия предоставит шведским купцам те же права, какие Швеция предоставляет русским купцам. Все переговоры, касающиеся вопросов торговли, предписывалось ограничить обсуждением уже сформулированных статей, в наказе специально оговаривалось, что послы не должны рассматривать никаких заново предлагаемых статей⁹¹.

Вместе с тем московское руководство брало на себя обязательство отпустить перебежчиков, и посланникам в свою очередь поручалось просить, чтобы отдали русских перебежчиков⁹². Правительство придерживалось той же политики, какую оно проводило в предшествующие годы.

Как и прежде, послам вменялось не соглашаться проводить границу через Теплый Камень – это противоречило бы Кардисскому договору, «рубеж учинить прямой, как изстари бывал», обратиться к старожилам, привлечь их к межеванию.

Что касается шведской стороны, то шведы не были заинтересованы в ведении переговоров, во время которых русские попытались бы оказать давление на Стокгольм. Шведы твердо решили отказаться от съездов на Меузице.

Ведение переговоров вновь, как и в 1676 г., было поручено И.К. Клинкстедту и фон Г.Г. Тизенгаузену. Переговоры по вопросам торговли во время предстоящего съезда был уполномочен вести Х. Кох, который в это время жил в Пскове.

Видимо, и русской, и шведской стороне было далеко не ясно, состоится ли запланированное мероприятие. Тем не менее русские послы выехали из Москвы 23 декабря и по приезде в Новгород 13 января направили в Ругодив (Нарву) своего нарочного подьячего С. Родионова для встречи со шведскими послами. Затем И.А. Прончищев и Г.К. Богданов прибыли в Псков и не позже 23 января на Меузицу и сразу же приступили к строительству изб на предполагаемом ими съезде месте, так и не согласовав это место с комиссарами, в то время как шведские послы задерживались с приездом.

И.К. Клинкстедт и Г.Г. фон Тизенгаузен, явно не намереваясь проводить переговоры на Меузице, приехали в Ругодив 31 января, позже, чем С. Родионов. Они сообщили через Х. Коха, что «великие послы на то прежнее съезжее место отнюдь никогда не поедут», что это место было выбрано по желанию царя⁹³, что съезды нужно проводить на Плюсе или под Сыренском. (В дальнейшем шведские послы обвиняли русских в том, что последние, вопреки предварительно принятому решению договориться, оставаясь в Новгороде, о месте ведения переговоров, переехали в Псков и отправились на Меузицу)⁹⁴.

Г.Г. фон Тизенгаузен и И.К. Клинкстедт, очевидно, понимали, что заставить русских отказаться от предъявленных в адрес шведов обвинений не удастся. Тем не менее они небезосновательно пытались объяснить, что в 1676 г. прервали переговоры, оказавшись в безвыходном положении; «... Такие недостойные запросы на Меузице были причинны, что им, обоим великим и полномочным послом, розехатца пришло без дела...», как объясняли Г.Г. фон Тизенгаузен и И.К. Клинкстедт, русские послы, узнав о возвращении комиссаров к Новгородку, к Меузице, «отехали» с посольского стана «необыкновенно, втаи»⁹⁵.

Тем временем, по наблюдениям голландского резидента барона Й.В. фон Келлера, в Москве еще раз провели широкую мобилизацию, теперь русские держали сильные гарнизоны на западной границе и на границе со Швецией. В феврале шведы обратили внимание, что русские вели военные приготовления на лифляндской границе, речь шла о том, что ее следует закрыть. Х. Кох, как он отмечал в письме королю от 1 февраля 1681 г., послал в Нарву, Ригу, Курляндию, Дерпт наблюдателей, чтобы узнать, собирают ли людей со шведской стороны, в то время как с русской стороны к рубежу должны были направить составы (*sastaven*)⁹⁶. Шведы довели до сведения русской стороны, что они перебрасывают на границу войска⁹⁷.

В Москву поступила информация об отправлении в Россию шведских послов. Вероятно, русские надеялись на возобновление переговоров на р. Меузице, куда в марте были посланы люди, чтобы чинить предназначенные для переговоров светлицы⁹⁸. Как писал со слов своего осведомителя шведский

агент 18 марта из Пскова, русские по-прежнему «имеют указание твердо настаивать на своих прежних претензиях на Карелию и Ингерманландию», «они из-за титулов наносят всевозможные новые обиды... Они также хотят принять за оскорбление новые рижские авизы», «сейчас нельзя предполагать, что произойдет что-нибудь другое, помимо разрыва»⁹⁹.

Комиссары считали, что русские проявляли упорство в связи с полученной информацией о том, что в Швецию выехало посольство из Бранденбурга, что Дания сильно вооружается. «Этому радуются названные послы и все больше веселятся (ergetzen) по этому поводу»¹⁰⁰.

В сложившейся ситуации обе стороны, тратя большие средства на содержание послов, предъявляли взаимные обвинения в затягивании с началом переговоров; шведы жаловались: «чинятца нам убытки и протори и отягчение большое». Комиссары упрекали русских в отсутствии желания подтвердить мир, «у вас нет охоты и намерения, дабы те великие дела, которые годны им обоим высоким потентатом, к доброму совершению привести»¹⁰¹. В протоколе Риксрода от 18 марта отмечалось, что русские предъявили новые претензии: неправильно написано имя Федора, а также его титул¹⁰².

В марте шведские послы стали говорить, что не приехали на Меузицу из-за поставленных застав, которые к тому же препятствовали ведению шведскими людьми торговли. Возможно, реально до шведов дошли слухи о намерении русских закрыть границу. На высказывание комиссаров русские ответили, что заставы были поставлены в связи с моровым поветрием в Империи и Речи Посполитой, что шведские люди свободно могли проехать через заставы¹⁰³. Шведы возражали, что заставы устроили там, куда не ездят люди из других стран, ездят только шведы.

В феврале было на двадцать лет заключено Бахчисарайское перемирие России с Портой, на Правобережье русские получили лишь Киев с прилегающими к нему окрестностями, граница устанавливалась по Днепру.

Запорожцы со всеми своими охотничьими и рыбными угодьями оставались в составе Русского государства. Однако Россия не смогла присоединить Запорожье и Правобережье,

избавившись от нападений крымцев. Теперь русские могли начать продвижение к Черному морю. Были созданы предпосылки для освобождения украинских земель от турецко-татарского владычества. России предстояло выплатить Крыму большую для русской казны сумму — «поминки» (подарки) за последние три года. Условия договора, то, что Крым подтвердил договор лишь в 1684 г., а Порты — в 1685 г., привело к тому, что Россия заключила Вечный мир с Речью Посполитой, а затем возобновила борьбу с Османской империей¹⁰⁴.

В марте 1681 г. сведения о заключении перемирия поступили в Москву¹⁰⁵, И.В. фан-Келлер полагал, что с этого момента русские будут проявлять большую твердость при ведении переговоров со Швецией¹⁰⁶, что и произошло в действительности.

17 апреля царь направил послам в Швецию грамоту, где перечислялись допущенные «прописки» в царских титулах, причем ошибки те же самые, что и раньше, скорее всего, исходили от переводчика: вместо Феодор Алексеевич было написано Федор Михайлович, вместо облаадаатель — обладатель, вместо фиты — ферт. (Скорее всего, это «прописки», о которых упоминалось на заседании Риксрода 18 марта; теперь царь решил подтвердить свои требования). Царь велел «смотреть накрепко», чтобы все титулы были написаны по достоинству, в противном случае «чтоб списками не розменялись, и розехались», и не съезжались до тех пор, пока шведские послы не привезут новые грамоты и пока царь не пришлет указ начать переговоры¹⁰⁷.

Тем временем началась весна, из-за вешних вод стало невозможным проехать на Плюсу. Шведская сторона предложила проводить посольские съезды на р. Нарова под Сыренском, установив посольские шатры на стругах. При этом съезды состоялись бы в апреле или мае «по просухе».

Но в мае Федор Алексеевич направил Карлу XI новую грамоту с изложением того, что происходило после прибытия на место переговоров И.А. Прончищева и Г.К. Богданова. Царь вновь настаивал на проведении переговоров на Меузице¹⁰⁸. Туда еще в марте были направлены люди чинить светлицу, которая предназначалась для ведения переговоров¹⁰⁹. Вместе с тем царь не торопился уведомлять шведов о заключении Бах-

чисарайского перемирия. В мае к отправлению Карлу XI была подготовлена грамота о заключении мира с Османской империей. Грамота, судя по всему, так и не была послана¹¹⁰, что, очевидно, было связано с отсутствием уверенности в возможности сохранить мирные отношения с Портой — И.В. фан-Келлер сообщал о том, что в царском окружении большинство не верит в продолжительность мира с Турцией и Крымом¹¹¹. (У шведского короля к июню сложилось впечатление, что путем переписки русские хотели выиграть время для того, чтобы освободиться на южном фронте¹¹²; неясно, знал ли в это время Карл XI о перемирии).

Грамоту Федора Алексеевича повез в Стокгольм Михаил Тарасов, выехавший из Москвы 6 июня и прибывший на лифляндскую границу 26 июня.

В составе посольской книги сохранилась царская грамота И.А. Прончищеву и Г.К. Богданову от 23 июня с требованием сообщить шведам о заключении Бахчисарайского договора¹¹³. Можно предполагать, что этому предшествовала другая грамота аналогичного содержания, которая уже 23 июня была получена послами, потому что в тот же день И.А. Прончищев и Г.К. Богданов писали царю, что не могут довести соответствующую информацию до сведения комиссаров, не зная, на каких условиях заключен договор, потому что «свейские послы учнут о том спрашивать у них пространно»¹¹⁴. В то же время русская делегация упорно настаивала на своих требованиях. 24 июня комиссары написали королю, что русские абсолютно не готовы идти на уступки. С их точки зрения, возникла опасность, что переговоры будут прерваны, что произойдет разрыв отношений с Россией. И.К. Клинкстедт и Г.Г. фон Тизенгаузен считали, что следовало отложить переговоры на год или два или обратиться к помощи посредника (комиссары, конечно, не знали, какую грамоту везет М. Тарасов, но, располагая агентурными связями, следили за его передвижением).

Озабоченность комиссаров, а также администрации шведских прибалтийских провинций возросла после того, как М. Тарасов пересек границу. В Дерпте (Тарту), как обратили внимание шведы, гонец сказал, что «до его возвращения из Стокгольма ни о каком трактате не может быть речи». Ходили

распускаемые, скорее всего, самими шведами, слухи о его намерении заявить королю, что царь поторопился заключить мир с Портой, согласившись на территориальные уступки, а теперь хочет возместить потерянное, получив Ингерманландию и Карелию.

Тем временем в Европе происходила перегруппировка сил. Напуганные усилением Франции, которое имело место после заключения Нимвегенского мира, европейские державы шли по пути сближения со Швецией как с союзником по борьбе с Людовиком XIV. Хотя М. Тарасов пытался заверить руководство Ревеля, что вскоре оно убедится в непрочности русско-шведского мира, но в то же время он говорил, что если Швеция вступит в союз с Австрией против Франции, Копенгаген выберет вариант сближения с Парижем¹¹⁵.

В то же время в августе шведский посланец писал из Нарвы, что русским приходится держать на границе с Портой большую вооруженную армию, в связи с чем они «должны наконец оказаться вынужденными придти к разумным мыслям». Располагая сведениями относительно возможности разрыва Бахчисарайского договора, И.В. фан-Келлер говорил: «у шведов хороший нос, они знают, с какой стороны дует ветер¹¹⁶».

Получая, очевидно, достаточно противоречивую информацию, Карл XI гораздо спокойнее, чем его комиссары и прибалтийские подчиненные, реагировал на происходившее. Теперь шведский монарх ставил своей целью заставить русских отказаться от обвинений в свой адрес, а вместе с тем и от претензий на Ингерманландию. Он обращал внимание своих послов на сложное положение в России, на неустойчивость русско-польских отношений. Король предписывал своим комиссарам сказать, что Швеция восстановила отношения с Францией, Англией, Голландией, ведет переговоры о союзе с Империей. Россия не сможет привлечь на свою сторону даже Данию¹¹⁷.

Была проведена мобилизация в Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии¹¹⁸, явно с целью обратить на этот факт внимание русских, чтобы они опасались нападения шведов. К сожалению, в имеющейся литературе, написанной на основе

шведских источников (работы Г.В. Форстена, К. Цернака), не указываются даты, которые позволили бы восстановить хронологию происходивших событий. Но, видимо, уже вскоре после того как в прибалтийских провинциях осуществили мобилизацию, Карл XI отказался от идеи распространять слухи о намерении выступить в поход в Лифляндию, — с его точки зрения, это могло спровоцировать русских совершить нападение¹¹⁹. В качестве крайней меры король предлагал потребовать от русских уступки Новгорода и Пскова, как шведы требовали этого во время Смуты (они удерживали Новгород в течение длительного времени, с 1611 г. и возвратили его только по Столбовскому мирному договору). С монархом солидаризировался шведский Риксрод¹²⁰.

Шведы были по-прежнему не заинтересованы в переговорах, во время которых им предстояло выслушивать обвинения в свой адрес. 2 августа у И.А. Прончищева и Г.К. Богданова побывал шведский торговый приказчик Арман Эберс. Последний довел до сведения послов то, что постановил Риксрод: «з думными людьми сидение», «Тайная дума не по одно время». 12 августа послов посетил Х. Кох, настаивавший, что шведы не станут проводить съезды ни на Меузице, ни на Плюсе; выбирать новое место для съездов уже поздно; пока будут выбирать, где съезжаться и пока будет продолжаться «хоромное строение», «пройдет до самой осени», когда съезды станут невозможными. Вместе с тем шведы добивались, чтобы русские не ставили вопроса о титулах¹²¹.

Стало очевидным, что шведская сторона не будет проводить переговоры. В конце августа царь направил И.А. Прончищеву и Г.К. Богданову с указанием уезжать¹²². 18 сентября послы покинули Псков.

Тем временем путешествие М. Тарасова продолжалось. Из-за противного ветра он задержался в Колывани и только 27 июля отплыл в Стокгольм, куда прибыл 13 августа. В этот момент король находился в Сконской земле, вернулся в Стокгольм 6 сентября и принял М. Тарасова 12 сентября, хотя всякая потребность в том, чтобы предъявить королю привезенную грамоту, отпала. 27 сентября М. Тарасова отпустили в Колывань.

Как фиксировал статейный список, когда М. Тарасов произносил речь, он обращался не к «лифлянтскому государю», а к «государю над Ижерскую землею». Если статейный список точно передавал произнесенную речь, то Тарасов подчеркнул, что русские претендовали на земли, исконно принадлежавшие России: чтобы царь «войны не всчал».

Русские явно не хотели отказываться от своих требований, признавать несправедливость последних. Уже в Москве при редактировании статейного списка в составе посольской книги в этом месте было добавлено «за свои государские города, которые ныне во владенье в свейской стороне». При редактировании в статейный список было внесено дополнение, что, когда М. Тарасов плыл из Стокгольма в Колывань, «в том пути был на своих кормах 14 дней, и в том корму в Колывани ему, Михайлу, отказано». Создавалось впечатление, что русские имеют все основания начать войну¹²³.

Во время пребывания М. Тарасова в Стокгольме туда приехал посланник крымского хана Ганиш-ага. Крымцы жаловались на нестабильность отношений с Россией. В грамоте хана выражалась готовность совместно с Крымом выступить против России, предоставить в качестве помощи шведскому королю 50 тыс. чел.¹²⁴ Впрочем, его предложения остались без ответа.

В октябре И.В. фан-Келлер получил инструкции добиться установления мира между Россией и Швецией при голландском посредничестве. На самом деле вопрос о подтверждении мира со Швецией был решен, и предложение о голландском посредничестве в русско-шведских мирных переговорах было принято, скорее всего, чтобы продемонстрировать хорошее отношение к Соединенным провинциям. 27 октября предложение И.В. фан-Келлера о посредничестве было принято боярской думой. Нидерландский уполномоченный сообщил в Гаагу, что Ларион Иванов не допустит разрыва отношений со Швецией, не списавшись с Соединенными Провинциями¹²⁵.

* * *

Заключение Нимвегенского мира привело к тому, что страны Габсбургской коалиции потеряли интерес к направленному против Швеции союзу с Россией. Сохранялась опреде-

ленная заинтересованность Габсбургов в России как союзнике по борьбе с Портой (так же, как и заинтересованность России в союзе с Габсбургами, но эта заинтересованность была слабой). Формирование антиосманской коалиции еще не завершилось, Вечный мир России и Речи Посполитой так и не был заключен, что значительно затрудняло «случение сил», момент, когда русские превратились бы в основных союзников поляков, еще не настал; к тому же, после Голландской войны в Европе шла перегруппировка сил, связанная с желанием европейских держав направить свои силы против Франции, и при переговорах Империи и Швеции одним из камней преткновения стало предлагаемое Швецией условие направить совместные силы в Лифляндию; несмотря на то, что соответствующее условие значительно осложнило переговоры, император отказался его выполнять. Датский торговый резидент А. Бутенант фон Розенбуш оказался последним представителем принадлежавшего к этой коалиции государства, который побывал в России с целью попытаться добиться ее вступления в войну против Швеции. Несмотря на завершение Голландской войны, император не активизировал борьбы с Портой, на что рассчитывала Москва.

Россия по-прежнему не собиралась нарушать мир со Швецией, началу войны препятствовала прежде всего продолжавшаяся борьба с Османской империей, а также тот факт, что отношения с Речью Посполитой оставались неурегулированными. Существенную роль играло то обстоятельство, что ресурсы России были полностью исчерпаны, она не располагала силами, чтобы начинать новые войны.

В наказах отправляемым в Стокгольм посланцам отмечалось, что Россия не намерена разрывать дипломатические отношения со Швецией. Тем не менее русское государство по-прежнему предъявляло обвинения в адрес шведских подданных с требованием вернуть России Ижорскую землю. Если во второй половине 70-х гг. XVII в. русские наотрез отказывались обсуждать вопросы, связанные с торговлей, с перебежчиками, с размежеванием земель, то теперь Россия была готова перейти к рассмотрению этих проблем, тем более что вопросы торговли нуждались в быстром решении. После заключения

Бахчисарайского перемирия, удостоверившись, что это перемирие сохраняет свою силу, Москва стала предъявлять свои требования к Стокгольму в более резкой форме, а на границе со Швецией были сосредоточены войска. Направленные на русскую границу шведские послы испытывали большое напряжение и реально опасались разрыва дипломатических отношений с русскими, Карл XI и шведский Риксрод, более трезво оценивавшие ситуацию, спокойнее реагировали на происходившее, не питая особых опасений относительно возможности разрыва мирных отношений. В итоге Россия сохранила мирные отношения со Швецией.

Примечания

- ¹ *Hoffstedt R.* Sveriges utrikespolitik under krigsåren 1675-1679. Uppsala, 1943. S. 212, 276-277.
- ² *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998. С. 306.
- ³ *Hoffstedt R.* Op. cit. S. 283, 322-326.
- ⁴ *Pastor von L.F.* Geschichte der Päpste im Zeitalter des fürstlichen Absolutismus von der Wahl Innozenz'X bis zum Tode Innozenz XII (1644-1670). Bd. XIV. Abt. 2. Rom, 1960. S. 694.
- ⁵ *Лобанов Н.А.* Образ России в германском обществе XVI-XVII веков // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 142-146.
- ⁶ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 75.
- ⁷ *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. Февраль. С. 466.
- ⁸ О Н.М. Краевском см.: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. М., 2008. С. 50-51.
- ⁹ *Matwijowski K.* Seim grodneński 1678-1679. Wrocław, 1985. S. 120-121, 136-137.
- ¹⁰ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 47. *Wójcik Z.* Jan Sobieski. Wyd. 2. Warszawa, 1994. S. 92.
- ¹¹ Цит. по: *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 469-471.
- ¹² *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 466. (шведы предлагали отдать Речи Посполитой земли, утраченные по Андрусовскому перемирию 1667 г.; выплатить Речи Посполитой ежегодные субсидии в размере 600 тыс. руб.; поляки добивались личного участия царя в походе против турок с 50-60 тыс. чел.; русская делегация предлагала ограничиться тем, что предоставит 10 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы. (*Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 49).

- ¹⁴ Наказ И.В. Бутурлину, И.И. Чаадаеву. 20 марта 1679 г. // ПДС. Т. V. С. 609, 681, 683, 717.
- ¹⁵ Приговор царя и боярской думы. 19 февраля 1679 г. // Там же. С.; Отписка И.В. Бутурлина, И.И. Чаадаева Федору Алексеевичу. 23 февраля // Там же. С. 585.
- ¹⁶ Наказ И.В. Бутурлину, И.И. Чаадаеву. 20 марта 1679 г. // Там же. С. 609, 681, 683, 717.
- ¹⁷ Статейный список И.В. Бутурлина, И.И. Чаадаева. Запись 6 апреля 1679 г. // Там же. С. 961. См. также: + *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 469.
- ¹⁸ «Объявление» Федора Алексеевича Леопольду I в ответ на статьи Терлингера и Баттони // ПДС. V. С. 681-687.
- ¹⁹ *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 466-467. Ян III Собеский не мог начинать войну со Швецией вопреки желанию сословий. Польский король запретил предоставлять Швеции войска, сказал, что у него нет денег на вербовку. (*Birnbaum K.E. Johan Sobieskis svenska frbindelser.* KF. 1950. S. 64-65)
- ²⁰ В дальнейшем угроза союза Франции и Речи Посполитой и питаемые русскими опасения относительно этого союза сохранились. Когда в ноябре 1679 г. И.В. Бутурлин и И.И. Чаадаев после посольства в Речь Посполитую и Австрийскую монархию возвратились в Россию, они подали «записку делам», в которой писали, что император «не изволяет» без польского короля начать войну против Порты, потому что «Король Польской с Французским Королем одномышленники». Если Австрийская монархия начнет войну с Портой, Людовик XIV разорвет мир с Леопольдом I. Только лишь после того, как Речь Посполитая возьмет на себя обязательства относительно ведения борьбы против Порты, «Король Польской по неволе от Французского Короля отстанет». Речь Посполитая будет препятствовать осуществлению планов Яна III Собеского в отношении с Людовиком XIV. Если будет заключен антиосманский союз России и Австрийской монархии, император выступит против султана. Леопольд I и Ян III Собеский боятся, что Порта и Крым, заключив мир с царем, «учиняет великое утеснение» Австрийской империи и Речи Посполитой, в силу чего они не заинтересованы в том, чтобы Россия восстановила мир с Портой. Поэтому России не удастся заключить антиосманский союз с Австрийской империей без участия Речи Посполитой («Записка делам» И.В. Бутурлина, И.И. Чаадаева. [Без даты] // ПДС. Т. V. С. 763-764).
- ²¹ Цит. по: *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей. С. 469.
- ²² Наказ И.В. Бутурлину, И.И. Чаадаеву. 20 марта 1679 г. // ПДС. Т. V. С. 694-695.
- ²³ Статейный список И.В. Бутурлина, И.И. Чаадаева. Запись 4 июля 1679 г. // Там же. С. 1021.
- ²⁴ *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 467.
- ²⁵ Там же. С. 469-485.

- ²⁶ Грамота Кристиана V Федору Алексеевичу. 25 февраля 1679 г. Подана 16 мая. Чтена 18 мая. Перевод // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1679 г. № 2. Л. 46-49.
- ²⁷ Генрих Бутенант фон Розенбуш еще в 60-е гг. XVII в. вел торговлю с Триоце-Печенским м-рем Кольского у. (*Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 167. Прим. 215). В дальнейшем он стал владельцем заводов на Олонце (Там же. С. 259).
- ²⁸ Письмо, поданное А. Бутенантом. (Подано в Посольском приказе 22 апреля 1679 г., чтено 11 апреля / мая 1679 г.) // Там же. Л. 5-13.
- ²⁹ Карл XI – Федору Алексеевичу. 24 июня 1678 г. (получена 1 мая) // РШЭО. № 234. Л. 4-7.
- ³⁰ Приговор царя и боярской думы. 19 октября 1678 г. Копия XVIII в. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1677 г. № 3. Л. 152.
- ³¹ *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900. Сентябрь. С. 8-9.
- ³² *Zernack K.* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts Teil I: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moscau von 1675 bis 1689. Giessen, 1958. S. 102. *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России второй половины XVII в. (1648-1700) // ЖМНП. 1899. Июнь. С. 326-328.
- ³³ *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900. Сентябрь. С. 9.
- ³⁴ Письмо Н. Краевского. 17 апреля 1679 г. Перевод // РГАДА. Ф. 79 – Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1678 г. № 17. Л. 225-226.
- ³⁵ Наказ С.Е. Алмазову, С. Румянцеву. Черновой вариант. 9 мая 1679 г. // РГАДА. Ф. 53 – Сношения России с Данией. Оп. 1. 1679 г. № 1. Л. 146-169.
- ³⁶ См.: *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 347.
- ³⁷ Наказ С.Е. Алмазову, С. Румянцеву. 22 мая 1679 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1679 г. № 1. Л. 194, 204.
- ³⁸ *Zernack K.* Op. cit. S. 104.
- ³⁹ Хотя упоминались «куранты» о восстании Степана Разина и указывалось, что при публикации был нарушен Кардисский мир, а «лживое и непристойное королевского величества розголошение и доньне во всей Европе носитца», никакого требования «казни» издателей газеты в наказе не было. Было зачеркнуто и требование к шведам послать указание в Ригу, чтобы там запретили издание печатных «авиз». Упоминалась книга колыванского жителя И. Шваба, оскорблявшего честь и достоинство Ивана Грозного. Однако высказывание, что нанесенное бесчестье невозможно терпеть, было зачеркнуто. То же самое касалось и обид, нанесенных русским подданным Г. фон Ферзенем, – было зачеркнуто, что в результате было učinено умаление царской чести (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. № 4. Л. 239–286).

- ⁴⁰ Наказ Ю.П. Лутохину, В.И. Бобинину. 18 мая 1679 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. № 4. Л. 87; Кн. 105. Л. 88 об-101.
- ⁴¹ Наказ Ю.П. Лутохину, В.И. Бобинину. Черновик. 31 мая 1679 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1679 г. № 4. Л. 255.
- ⁴² Грамота Федора Алексеевича Карлу XI. 25 мая 1679 г. Копия // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1679 г. № 3. Л. 9-10.
- ⁴³ *Форстен Г.В.* Сношения России со Швецией... С. 329.
- ⁴⁴ Переписка по делу Х. Коха. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1679 г. № 3. Л. 16-21.
- ⁴⁵ Наказ Ю.П. Лутохину, В.И. Бобинину. 31 мая 1679 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1679 г. № 4. Л. 80-323.
- ⁴⁶ Грамота Фредерика V Федору Алексеевичу. 30 марта 1679 г. Перевод // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1679 г. № 2. Л. 19.
- ⁴⁷ Приговор боярской думы. [11 июня 1680 г.] // Там же; Грамота Федора Алексеевича Кристину V. Черновик // Там же. Л. 76; Указ Федора Алексеевича. 17 августа 1679 г. Черновик // Там же. Л. 90-97.
- ⁴⁸ *Веселовский В.И.* Неудавшееся посольство в Крым стольника Б.А. Пазухина в 1679 г. Одесса, 1912.
- ⁴⁹ Статейный список И.В. Бутурлина, И.И. Чаадаева. Протокол переговоров 28 июня 1679 г. // ПДС. Т. V. С. 1018-1023.
- ⁵⁰ *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672-1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 136-138.
- ⁵¹ *Eickhoff E.* Venedig, Wien und die Osmanen. Umbruch in Südosteuropa 1645-1700. Klett-Cotta, 1988. S. 351. *Pastor von L.F.* Op. cit. P. 753-761.
- ⁵² Записка С. Родионова. [Без даты; 3-11 февраля 1680 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 265.
- ⁵³ Отписки С.П. Лутохина, В.И. Бобинина [без даты; после 13 июля – 2-25 сентября 1679 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 105. Л. 139-140, 255-255 об.
- ⁵⁴ Статейный список С.П. Лутохина, В.И. Бобинина. Запись 28 октября 1679 г. // Там же. Л. 289.
- ⁵⁵ Отписка С.П. Лутохина, В.И. Бобинина [без даты; после 13 июля 1679 г.] // РГАДА. Ф. 96. Кн. 105. Л. 139-140.
- ⁵⁶ Грамота Карла XI Федору Алексеевичу. 25 августа 1679 г. // РГАДА. Оп. 1. 1680 г. № 3 Л. 1-3 об.
- ⁵⁷ Статейный список С.П. Лутохина, В.И. Бобинина. Записи 10-11 сентября 1679 г. // РШЭО. № 238. *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 280.
- ⁵⁸ *Hoffstedt R.* Op. cit. S. 311.
- ⁵⁹ Статейный список Ю.П. Лутохина, С. Бобынина // РГАДА. Ф. 96. Кн. 105. Л. 413-413 об. К такого рода инцидентам русские были привычны. В Москве происходили стычки русских с иностранцами; правда, скорее нападе-

нию могли подвергнуться люди какого-нибудь иностранного резидента, а не спутники посланников, которых лучше защищали; например, на карету Бутенанта фон Розенбуша напали с палками и дубинами отчаянно ругавшиеся люди стольника Б.К. Пыжева, которые, возможно, действовали по его указанию, при этом сильно досталось людям датского комиссара (+*Орленко С.П.* Указ. соч. С. 180-181). В свою очередь во время, когда посольство И.В. Бутурлина и И.И. Чаадаева в 1679 г. находилось в Австрийской монархии, люди И.И. Чаадаева подверглись нападению, одного человека убили, пять — «били и увечили», одному «посекли» руку, «а сыску в том никакова неучинено» (Статейный список И.В. Бутурлина и И.И. Чаадаева. Запись переговоров 27 июня 1679 г. // ПДС. Т. V. С. 1012).

- ⁶⁰ «Приехав, посланники из Карлсама в Селинзборх посылали для оставленной рухляди своей в Карлсам людей своих и в Карлсам подводчики. И карлсамские жители ко двору, где они, посланники, стояли, приходили скопом с шпагами и з дубем, и посланичьих людей били и шпаги вынимали и подводы многие отняли, и гнались за ними от Карлсама с шпагами и з дубем версты з две» (Статейный список С.П. Лутохина, В.И. Бобинина // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 105. Л. 413 об - 414).
- ⁶¹ Отписка Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина Федору Алексеевичу. 23 сентября 1679 г. (получена 23 ноября) // Там же. Л. 156-156 об.
- ⁶² Отписка Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина Федору Алексеевичу. После 8 ноября 1679 г.; чтена 16 января // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1679 г. № 4. Л. 391-393.
- ⁶³ Отписка Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина Федору Алексеевичу [без даты; после 30 сентября; чтена 16 января 1680 г.]. Помета в конце списка // РГАДА. Ф. 96. Кн. 105. Л. 163 об.
- ⁶⁴ Статейный список Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина. Запись 28 октября 1679 г. // Там же. Л. 317 об-323, 328 об-30, 333-334 об.
- ⁶⁵ *Zernack K.* Op. cit. S. 104.
- ⁶⁶ Статейный список Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина. Запись 15 ноября 1679 г. // РГАДА. Ф. 96. Кн. 105. Л. 337-357 об, 360 об.
- ⁶⁷ Статейный список Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина. Запись 25 ноября 1679 г. // Там же. Л. 365 об-367 об.
- ⁶⁸ *Замысловский Е.Е.* Сношения России со Швецией и Данией в царствование Феодора Алексеевича // Русский вестник. 1889. № 1. С. 22.
- ⁶⁹ Статейный список Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина. Запись 25 ноября 1679 г. // Там же. Л. 368-371.
- ⁷⁰ Грамота Карла XI к Федору Алексеевичу, присланная с Ю.П. Лутохиным и В.И. Бобининым. 28 ноября 188 г. Перевод // Там же. Л. 165-170.
- ⁷¹ Статейный список Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина. Запись об отпуске посланников 28 ноября 1679 г. // Там же. Л. 373-376.
- ⁷² Статейный список Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина // Там же. Л. 413. *Замысловский Е.Е.* Сношения России со Швецией и Данией... С. 22-23.
- ⁷³ Статейный список Ю.П. Лутохина, В.И. Бобинина... Л. 414 об-416.

- ⁷⁴ Zernack K. Op. cit. S. 105.
- ⁷⁵ Грамота Карла XI Федору Алексеевичу. [Без начала; прислана в Новгород 19 ноября 1680 г., получена 26 ноября]. Перевод // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1680 г. Д. 6. Л. 11-16.
- ⁷⁶ Форстен Г.В. Сношения России со Швецией... С. 329-330.
- ⁷⁷ Переписка по делу Х. Коха. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1679 г. № 3. Л. 21-41.
- ⁷⁸ Грамота Федора Алексеевича Карлу XI. 25 марта 1680 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1680 г. № 3. Л. 6-7.
- ⁷⁹ Грамота Карла XI Федору Алексеевичу. 7 апреля 1680 г. Прислана 30 июля 188 г. Перевод // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1680 г. № 4. Л. 102-103.
- ⁸⁰ Прием С. Эосандра в Посольском приказе. 31 июля, 7 августа 1680 г. // Там же. Л. 108-111, 129-133. Замысловский Е.Е. Сношения России со Швецией и Данией... С. 24.
- ⁸¹ Форстен Г.В. Сношения России со Швецией... С. 332.
- ⁸² Грамота Карла XI Федору Алексеевичу. [Без начала; прислана в Новгород 19 ноября 1680 г., получена 26 ноября]. Перевод // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1680 г. Д. 6. Л. 11-16; Грамота Федора Алексеевича Карлу XI. [Без даты]. Черновик // Там же. Л. 37-39; Грамота Федора Алексеевича Карлу XI. [Без даты] // Там же. Л. 40-41; Грамота Карла XI Федору Алексеевичу. [Без начала] // Там же. Л. 43-44.
- ⁸³ Сказка переводчика Я. Гитнера. [Без даты] // Там же. Л. 49-52 об.
- ⁸⁴ После этого, 10 сентября, состоялись переговоры при участии «старца Антония», который к этому времени принял постриг в Псковско-Печерском монастыре. С инициативой пригласить старого дипломата принять участие в переговорах с поляками, насколько позволяет судить дипломатическая документация, выступило непосредственное окружение Федора Алексеевича (Седов П.В. Указ. соч. С. 348). (Старец Антоний начал с того, что Россия должна пойти на существенные уступки полякам, лишь бы справиться с османской угрозой. Он поставил вопрос о том, чтобы проводить следующие переговоры в Киеве, что вызвало резко отрицательную реакцию русской стороны: так как по Андрусовскому договору Киев лишь на время был возвращен России, то фактически мог возникнуть вопрос, не следует ли передать Киев полякам: А.Л. Нашокин считал, что отдать Киев возможно, но все-таки при условии, что Россия удержит Смоленск и Левобережную Украину; также ему принадлежала идея заключить мир с Речью Посполитой при посредничестве европейских держав, которые были заинтересованы в создании антиосманской коалиции). Поляки неоднократно ставили вопрос о заключении Вечного мира при посредничестве «цесаря». Но русские всерьез опасались, что император также будет добиваться существенных уступок Речи Посполитой со стороны России и не соглашались на предлагаемое посредничество. (Копреева Т.Н. Неизвестная записка А.Л. Ордина-Нашокина о русско-польских отношениях второй половины XVII века // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. IX. С. 195-220). Точка зрения старца Антония сразу же подверглась резкой критике: реальных причин, в

силу которых России следовало бы уступать полякам Смоленск и Киев, не было. Одоевские сделали на записке старца Антония запись: «Сего письма мы смотрели, и то письмо всем мирным договорам противно... И по тому письму Антоньеву на сторону великого государя тягостно, а полякам прибыльно» + (*Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей при дворе Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. Февраль. С. 480-482). Польским послам исключительно импонировала идея «случения» русских и польских сил на выгодных для поляков условиях, потому что в этом случае «цесарь» брал на себя обязательство присоединиться к антиосманской коалиции, оказав помощь полякам (до обсуждения вопроса об объеме этой помощи дело, судя по всему, еще не дошло). Хотя Нащокин быстро был отстранен от ведения переговоров, П. Бростовский и Я. Гнинский продолжили настаивать на «случении» сил (+*Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей при дворе Федора Алексеевича. // ЖМНП. 1888. Февраль. С. 483-484; +*Седов П.В.* Указ. соч. С. 348-349).

- ⁸⁵ Документация, связанная с подготовкой к отправлению посольства // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 63-63 об.
- ⁸⁶ Наказ И.А. Прончищеву, Г.К. Богданову. 10(11) декабря 1680 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1680 г. № 5. Л. 119 об.
- ⁸⁷ Статейный список А.И. Прончищева, Г.К. Богданова // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 5 об.
- ⁸⁸ Наказ И.А. Прончищеву, Г.К. Богданову. 10(11) декабря 1680 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1680 г. № 5. Л. 249.
- ⁸⁹ Там же. Л. 170-171.
- ⁹⁰ В наказе так же, как и при переговорах 1676 г., упоминалось, что в 1675 г. у Карла XI был гонец М. Тарасов; тогда король сам не спросил про здоровье царя, «на отпуске поклону не приказывал», велел говорить речь своему секретарю. Это, как должны были теперь, в 1681 г., отметить участники посольства, являлось умалением царской чести. Зачеркнутая часть наказа предусматривала, что надо отвечать, если шведы будут говорить, что король сам не спрашивал о здоровье царя, потому что был в «невыврослех летех», а после коронования при приезде С. Протопопова сам спрашивал о здоровье царя, встав с непокрытой головой. Русскому посольству предписывалось указывать, что мирный договор все же был нарушен. С. Протопопова, как должны были объяснять И.А. Прончищев и Г.К. Богданов, спрашивали о здоровье «по выговору того царского величества присланного», а не потому, что хотели воздать царю должную честь. В то же время требование русских об «удовольствовании» шведов было зачеркнуто (Там же. Л. 178-185). Как и в 1676 г., русским послам предписывалось указать на то, что печатали про воровство и разоренье С. Разина «многие лживые куранты», «с великим умалением» чести государя о бывшем патриархе Никоне. Вести об этом «донные во всей Еуропе и во Италии носитца». Однако текст, который возлагал вину в публикации лживых сведений о С. Разине на рижских газетчиков, был зачеркнут. Предусматривался ответ: те, кто печатает куранты, «пишут и печатают, затевая ложно, и многую противность» против царского достоин-

ства, что порождает ссоры и недружбы. Газеты точно печатаны в Риге. Царь пытался добиться прекращения издания этих авиз. Если кто-то будет печатать, им будет «учинено» наказание (Там же. Л. 183-191). Наказ предписывал напомнить, что было постановлено поддерживать дружбу, избегать умаление достоинства, так как в 1673 г. была напечатана книга-«пашквиль», которую написал Иван Шваб. «Починены бесчестья, чево терпеть невозможно». Конкретные пояснения относительно тех оскорблений, которые содержала книга, были зачеркнуты, например, указание на то, что в предисловии царь Иван Грозный трижды назван князем и нигде не назван великим государем царем. Было зачеркнуто, как отвечать, если шведы будут говорить, что эта книга написана немецким профессором из земель Империи. В этом случае, как предполагал зачеркнутый текст, следовало говорить, что книга выдана в «стороне» шведского короля и что в начале книги написано, что ее сочинил колыванец. Шведы, как гласил опять же зачеркнутый текст, по-разному объясняли, где находится г. Иена. Виновные, как предполагал первоначальный вариант документа, должны были быть наказаны (Там же. Л. 193-201).

⁹¹ Посланникам вменялось принести жалобу на убытки, которые русская сторона терпела в торговых промыслах. Выражалась готовность вернуть шведам долги. В обмен русские испрашивали права добиваться возврата долгов в Стокгольме. Предусматривалось, что шведы могут потребовать отмены Нового торгового устава. В этом случае следовало сказать, что послана грамота о пропуске шведских купцов во все города. Указывалось, что не отдано никаких распоряжений, не велено развязывать и разбивать их товары в порубежных городах — делать то, что много лет вызывало жалобы шведской стороны. Предписывалось отметить, что шведские торговые люди, как и торговые люди из других стран, должны платить прямые пошлины. В то же время отмечалось, что Кардисский договор не предполагал сбора дополнительных пошлин. Посланники должны были добиваться, чтобы русским разрешили вести повсеместную торговлю. Если шведы стали бы обсуждать возможность предоставить права только привилегированному купечеству, то в ответ посланникам следовало настаивать, чтобы права шведских купцов в России тоже были ограничены. (Наказ И.А. Прончищеву, Г.К. Богданову. 10(11) декабря 1680 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1680 г. № 5. Л. 278-290).

⁹² Первоначально речь шла о том, что после специально организованных допросов из России будут отпущены перебежчики, насильственно обращенные в православие. Однако при редактировании соответствующий отрывок наказа был снят. Был зачеркнут и текст, согласно которому, если бы шведская сторона стала требовать возвращения некрещеных пленных, посланникам следовало говорить, что это требование будет сразу выполнено (Там же. Л. 220-235).

⁹³ Записка С. Родионова. [Без даты; 3-11 февраля 1680 г.] // РГАДА. Ф.96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 263-264. (Отказ шведских послов вести переговоры на Меузице был подтвержден в их письме русским послам).

⁹⁴ Г.Г. фон Тизенгаузен, И.К. Клинкстедт. — А.И. Прончищеву, Г.К. Богданову. 7 февраля 1681 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 272 об-278.

- ⁹⁵ Г.Г. фон Тизенгаузен, И.К. Клинкстедт – А.И. Прончищеву, Г.К. Богданову. 4 марта (получен 18 марта. Перевод // Там же. Л. 310-312.
- ⁹⁶ *Zernack K.* Op. cit. S. 109-110. Anm. 408.
- ⁹⁷ Записка С. Родионова. [Без даты; 3-11 февраля 1680 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 265 об.
- ⁹⁸ Отписка А.И. Прончищева, Г.К. Богданова Федору Алексеевичу. 20 марта 1680 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 320.
- ⁹⁹ *Zernack K.* Op. cit. S. 110.
- ¹⁰⁰ *Ibid.* S. 110. Anm. 411.
- ¹⁰¹ Г.Г. фон Тизенгаузен, И.К. Клинкстедт – А.И. Прончищеву, Г.К. Богданову. 12 марта (получено 18 марта). Ругодив. Перевод. // Там же. Л. 306-306 об.
- ¹⁰² *Zernack K.* Op. cit. S. 110. Anm. 411.
- ¹⁰³ В ноябре, опасаясь поветрия, русские власти задерживали тех, кто приезжал к шведскому рубежу. Сохранилась отписка Федору Алексеевичу новгородского воеводы С. Хованского и дьяка К. Патрикеева от ноября 1679 г., которые сообщали, что с «курантами», полученными через рижскую почту, поступили сведения, что «морového поветрия», «прилипчивых болезней» в «тех государствах нет», поэтому рижскую почту, которая приходит из Швеции, следует без задержек пропускать в Москву. Отсутствие морového поветрия в Швеции также подтверждают расспросные речи псковских торговых людей. Тем не менее «те, государь, псковичи торговые и приезжие всяких чинов люди против твоего государеву указу держаны для подлинного розыску про то морového поветрие за заставами недели по две и болши». (Отписка С. Хованского, К. Патрикеева. 12 ноября 1679 г. (получена 21 ноября) // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1679 г. № 1. Л. 3-4). В связи с проведением розыска могли быть задержаны какие-нибудь шведские люди.
- ¹⁰⁴ *Ходырева Г.В.* Русско-турецкие переговоры 1681-1682 годов и ратификация Бахчисарайского мирного договора // Отечественная история. 2003. № 2. С. 151-161.
- ¹⁰⁵ *Zernack K.* Op. cit. S. 108-109.
- ¹⁰⁶ *Форстен Г.В.* Сношения России со Швецией... С. 332.
- ¹⁰⁷ Грамота Федора Алексеевича И.А. Прончищеву, Г.К. Богданову. 17 апреля // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 322 об-324.
- ¹⁰⁸ Грамота Федора Алексеевича Карлу XI. [3 мая 1681 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 109. Л. 1-4.
- ¹⁰⁹ Отписка из Новгорода Федора Алексеевича. 20 марта 1681 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- ¹¹⁰ Грамота Федора Алексеевича Карлу XI. [без даты: мая 1681 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4.
- ¹¹¹ *Белов М.И.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII-XVIII вв. М., 1966. С. 77-78.
- ¹¹² *Zernack K.* Op. cit. S. 111.

- ¹¹³ Грамота Федора Алексеевича А.И. Прончищеву, Г.К. Богданову. 23 июня 1681 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 383-383 об.
- ¹¹⁴ Отписка А.И. Прончищева, Г.К. Богданова Федору Алексеевичу. 23 июня 1681 г. // Там же. Л. 385.
- ¹¹⁵ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России... С. 335-336.
- ¹¹⁶ *Zernack K.* Op. cit. S. 112-113.
- ¹¹⁷ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России... С. 336-337.
- ¹¹⁸ Там же. С. 337
- ¹¹⁹ *Zernack K.* Op. cit. S. 111.
- ¹²⁰ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России... С. 337.
- ¹²¹ Статейный список А.И. Прончищева, Г.К. Богданова. Запись 2 августа 1681 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 397-401. Отписка А.И. Прончищева, Г.К. Богданова Федору Алексеевичу. 5 августа // Там же. Л. 405-409 об. См. также: *Замысловский Е.Е.* Сношения России со Швецией и Данией... С. 25.
- ¹²² Грамота Федора Алексеевича А.И. Прончищеву, Г.К. Богданову. [Без даты; получена 14 сентября 1681 г.] // Там же. Л. 443 об.
- ¹²³ Статейный список М. Тарасова. Запись России... С. 336-338.
Статейный список А.И. Прончищева, Г.К. Богданова. Запись 2 августа 1681 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 107. Л. 397-401. Отписка А.И. Прончищева, Г.К. Богданова Федору Алексеевичу. 5 августа // Там же. Л. 405-409 об.
Грамота Федора Алексеевича А.И. Прончищеву, Г.К. Богданову. [Без даты; получена 14 сентября 1681 г.] // Там же. Л. 443 об.
- ¹²⁴ Статейный список М. Тарасова. Запись 30 сентября 1681 г. // Там же. Л. 58 об-59 об. *Zernack K.* Op. cit. S. 111.
- ¹²⁵ *Белов М.И.* Указ. соч. С. 77-78.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, с момента, когда в Швеции в 1672 г. побывал гонец Е. Украинцев, до возвращения из Швеции в 1681 г. М. Тарасова прошло почти десятилетие, наполненное самыми разными происходившими на международной арене событиями.

В 70-е гг. в Европе шла Голландская война, потребовавшая практически все силы основных европейских держав, включая Швецию.

В то же время на протяжении всей второй половины XVII в. усиливалось давление на Европу со стороны Османской империи. Но так как султан был в основном поглощен Кандийской войной и войной с Речью Посполитой и Россией, Империя Габсбургов могла позволить себе вести войны с Францией, не обращая особого внимания на угрозу, нависшую над Габсбургами и над Европой в целом (Леопольд I в значительной мере проигнорировал даже начавшееся в 1677 г. восстание Тёкёли в Трансильвании). Итогом достаточно легкомысленного отношения к османской угрозе стала осада турками Вены в 1683 г.

Нападение султана на Подолию, состоявшееся в 1672 г., привело к тому, что Россия уже не могла не обращать внимания на опасность, исходившую со стороны Порты, и практически сразу включилась в войну с Османской империей и Речью Посполитой. При этом мирные отношения Москвы и Варшавы были скреплены лишь Андрусовским перемирием, что являлось существенным препятствием на пути совместных действий Яна III Собеского и Федора Алексеевича против турок. Лишь постепенно польский король пришел к пониманию того, что Россия является единственным надежным союзником по борьбе с «бусурманами». Однако «случения» русских и польских войск так и не произошло. Основные усилия России были направлены на создания антиосманской коалиции.

Именно вся обстановка в целом наложила существенный отпечаток на отношения Швеции и России, неудовлетворенной условиями Кардисского мира (1661 г.). Скудные сведения источников позволяют предполагать, что Россия первой заявила участникам габсбургской коалиции о том, что имеет претензии к Швеции, которая умалила честь и достоинство русских царей. В свою очередь Габсбургская коалиция пыталась добиться, чтобы Русское государство оказало политическое и военное давление на Швецию, потребовав Ижорской земли. Впервые Русское государство предпринимало дипломатические меры по согласованию с Габсбургской коалицией, хотя и не вошла в нее. Попытки государств — противников Швеции — получить помощь со стороны Москвы активизировались по сравнению с периодом Первой Северной войны (1655—1660 гг.), совпавшей по времени с русско-шведской войной (1656—1661 гг.), когда габсбургская коалиция также старалась привлечь Москву на свою сторону. Активизация соответствующих попыток Империи и ее союзников в 1675—1677 гг. была обусловлена прекращением военных действий между Россией и Речью Посполитой, дальнейшим втягиванием России в систему международных отношений. В то же время, как свидетельствует высказывание К. фан Кленка, габсбургская коалиция не была заинтересована в том, чтобы Россия вступила в войну, — это значило бы, что она стала равноправным участником коалиции, интересы которого следовало бы учитывать при мирном урегулировании. Россия, как и Бранденбург, могла претендовать на Лифляндию, в чем никто не был заинтересован. Территориальные приобретения, на которые мог бы рассчитывать царь, приблизили бы Россию к балтийскому побережью, облегчив ее борьбу за выход к морю, чего опять же не желало ни одно европейское государство. Ведя переговоры с приезжавшими дипломатами, русские надеялись, что «цесарь» поможет России в борьбе с Османской империей, но помощь так и не была предоставлена.

Другим вариантом проведения политики России по отношению к Швеции являлся союз Москвы, Стокгольма и Кракова (Швеция и Речь Посполитая обсуждали возмож-

ность совместных действий против курфюрста бранденбургского; Россия предлагала совместное выступление трех стран против султана). Однако, с одной стороны, этому препятствовали неурегулированные русско-польские отношения, с другой — уже в 1676 г. в связи с отказом Карла XI от Балтийской программы Россия также отказалась обсуждать соответствующую возможность. Россия делала главный упор на борьбу с османами.

Решение оказать военное и дипломатическое давление на Швецию при нарастающем давлении со стороны Порты и отсутствии сил для ведения борьбы со Швецией было принято в Посольском приказе после длительных колебаний. Отправление посольства на русско-шведскую границу в 1675–1676 гг. откладывалось, прибывшим представителям стран габсбургской коалиции давали ответ, что Россия не будет воевать против Швеции. Летом 1676 г., когда снаряжалось посольство на Меузицу, было составлено несколько разных наказов послам, последний из этих документов был направлен вдогонку уже выехавшей делегации. Пребывавшим в Москве представителям габсбургской коалиции казалось, что русские не могут принимать последовательные решения. В литературе, прежде всего в книге П.В. Седова, говорится о происходившей при дворе постоянной борьбе политических группировок (которая, как свидетельствуют документы, действительно имела место), о противостоянии молодого и старшего поколения (хотя последнее высказывание вызывает сомнения; в дальнейшем вопрос о войне со Швецией решался в процессе борьбы Милославских и Нарышкиных). Споры вокруг внешнеполитического курса действительно имели место. Но, несмотря на то, что в 1679 г. ко двору был призван старец Антоний (принявший к этому времени постриг А.Л. Ордин-Нашокин), сторонник союза с Речью Посполитой и активной борьбы за Балтику, политический курс России в течение всего рассматриваемого десятилетия оказывался достаточно стабильным, А.С. Матвеев, кн. Ю.А. Долгоруков, принимавший участие во многих проходивших в Москве переговорах, Алмаз Иванов придерживались приблизительно одного и того же политического курса, направленного на борьбу против Османской

империи, на постепенное замирение с Речью Посполитой (не соглашаясь идти на существенные уступки последней) и на оказание умеренного давления на Швецию. Следует отметить, что Посольский приказ принимал свои решения при достаточно хорошей осведомленности о политических событиях, происходивших на международной арене: информация, правда, с определенной задержкой поступала из присылавшихся по почте, а также привозившихся иностранными дипломатами газет от польских агентов.

В результате давление на Швецию было оказано. Благодаря переброске царских войск к Лифляндии шведам пришлось держать на русско-шведской границе значительный контингент войск, который первоначально предназначался для отправления в Померанию, где находился основной театр военных действий, шедших между Швецией и Бранденбургом. Благодаря этому союзники одержали над Швецией ряд побед.

Оказание Россией давления на Швецию привело к тому, что доверие Речи Посполитой по отношению к России значительно уменьшилось, она стала ориентироваться на Францию и на замирение с Турцией. В результате в октябре 1676 г. между Портой и Речью Посполитой был заключен Журавненский трактат, в соответствии с которым Турция приобретала Камень Подольский и ряд земель, ранее принадлежавших России. Очередная попытка Русского государства — на этот раз принятая в очень осторожной форме — вновь привела к потерям в борьбе с Портой.

Но давление на Стокгольм, как считали русские политики, отвечало интересам России, которая продолжала добиваться, чтобы ей была передана Ижорская земля уже и после того, как был заключен Нимвегенский мир, и заинтересованность габсбургской коалиции в том, чтобы Русское государство оказало давление на Швецию, отпала. В Москве не решались отказать от обвинений, предъявленных шведам. В то же время основную роль во внешней политике Москвы продолжали играть борьба с Османской империей и урегулирование отношений с Речью Посполитой. В результате на протяжении всего рассматриваемого периода Россия сохраняла мирные отношения со Швецией.

В то же время проводившаяся Россией политика по отношению к Швеции после заключения Нимвегенского мира в 1679 г. носила тупиковый характер и препятствовала нормализации отношений двух стран при том, что Русское государство продолжало настаивать на требованиях, сформулированных в 1676 г., говоря об умалении чести и достоинства русских царей. Было очевидно, что обвинения, которые русские предъявляют шведам, не настолько серьезны, чтобы Швеция пошла на территориальные уступки, хотя некоторое время, особенно после заключения Бахчисарайского перемирия в 1681 г., шведы опасались, что русские совершат нападение, и старались избегать переговоров.

В Европе после заключения Нимвегенского договора произошла перегруппировка сил, Бранденбург, Дания и Франция заключили договор, направленный против Голландии, Испании, Швеции и Империи. После смерти Федора Алексеевича, вступления на престол малолетних Ивана и Петра, когда государством начали реально править царевна Софья и кн. В.В. Голицын, датский посол Х. фон Горн предлагал Б. Голицыну вступить в тайный союз с Данией и Бранденбургом, которые поддержали бы Петра в борьбе за власть, и попытаться возратить России Ижорскую землю и Карелию¹. Это означало возвращение к политике, которую Русское государство проводило в 50-70-е гг. XVII в., идя по линии сближения с Габсбургской коалицией, Данией и Бранденбургом.

Закулисные переговоры ускорили принятие решения о подтверждении Кардисского мира. В 1683 г. в Швецию было отправлено посольство И.А. Прончищева, его сына П.И. Прончищева и дьяка В. Бобынина. Они выразили готовность русской стороны подтвердить Кардисский и Плюсский мирные договоры. Г. Оксеншерна подытожил состоявшуюся конференцию предложением забыть о старых претензиях, о «снеге, который выпадал в прошлом году»². Прибывшее в Россию в 1684 г. посольство К. Пюлленшерны, И. Клинкстедта, О. Стакельберга подтвердило Кардисский договор. При этом Русское государство выбрало мир со Швецией и возможную борьбу с Крымом.

В результате Россия отказалась как от политики вражды, так и от традиционного, хотя и не приносившего Русскому государству реальной пользы, союза с Данией и Бранденбургом. Но уже полтора десятилетия спустя союз с этими странами был восстановлен, а Россия начала Северную войну.

Примечания

- ¹ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671-1725). СПб., 2008. С. 144.
- ² *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671-1725). СПб., 2008. С. 144.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Алексей Михайлович, царь
10, 12–13, 16, 20, 21,
26, 27, 29–31, 43, 45,
53, 57, 62–68, 75, 77–80,
82, 83, 85, 89, 94, 95,
100, 101, 103–106, 108,
109, 114, 115, 119, 120,
127, 130, 134, 135, 137,
147–156, 170, 244, 278,
288, 289

Алмазов Семен Ерофеевич,
стольник, думный
дворянин, русский го-
сударственный деятель
и дипломат 76, 79, 82,
169, 235, 236, 264, 278

Б

Баттони Франсуа Аннибал де,
австрийский дипломат
88, 92, 98, 99(2), 101,
103(2), 124, 138, 149,
153(3), 157, 228, 263,
278

Безье, французский дипломат
62

Беннет Генрих (Генри), граф
(лорд) Арлингтон, ан-
глийский государствен-
ный деятель 158

Бетюн Туссен Жансон Ф. де
(вероятно, это Фран-
суа де Бетюн), маркиз,
официальный прези-
дент Франции в Речи
Посполитой) 83, 84,
183, 185, 207, 285

Блюш Ф. историк 94, 262,
289,

Бобинин (Бобынин) С. И.,
дьяк Посольского при-
каза 233, 236, 251, 265,
278, 237, 238, 241, 242,
244, 245, 247, 248, 253,
278

Бобинин В.И., см. Бобынин
С.И. (предположитель-
но опечатка)

Богданов А. П., историк 114,
156,

Богданов Григорий Карпо-
вич, дьяк, думный дьяк,
русский государствен-
ный деятель и дипло-
мат 249, 251, 253, 256,
257, 259, 268, 271.

Барежа (Бреза) Войтех, поль-
ский дипломат 34

Будберг Готгард Иоганн фон,
лифляндский дворянин
на шведской службе,

- канцелярский советник, шведский дипломат 34, 40, 66, 71, 107, 157, 243,
- Бутенант Ротенбуш А.И. фон, житель Гамбурга на датской службе 232, 233, 235–236, 261, 264
- Бутурлин Иван Васильевич, окольный, боярин, русский дипломат и государственный деятель 10, 57, 68, 115, 122, 123, 125, 128, 133–136, 138, 142, 161, 166, 168, 170, 172–181, 186, 187, 190, 192, 209–216, 218, 226–231, 235, 239, 243, 244
- Бушкович П., историк 48, 155, 158, 159, 160, 161, 214–216, 219, 277
- В**
- Венславский (Венцлавский) Самуил, польский дипломат 73
- Витт Ян де, голландский государственный деятель, Великий пенсионарий (правитель) Соединенных Провинций Нидерландов 24
- Вишневецкий Михаил Корибут, князь король Польши 27
- Волынский Василий Семенович, окольный русский дипломат и государственный деятель 99, 105
- Врангель Г. (Карл Густав), граф шведский военный и государственный деятель, фельдмаршал 87, 149
- Г**
- Габель фон Фридрих, датский дипломат 91, 129, 131, 132, 150, 159, 161, 179, 189, 190, 193–203, 232, 235, 248
- Габсбурги королевская (в Венгрии, Испании и Чехии) и императорская (в Священной Римской империи и Австрии) династия 6, 9, 16, 22, 24, 25, 27, 28, 32–34, 46, 53, 74, 81, 86, 88, 91–93, 98, 99, 113, 116, 120, 123, 128, 130, 132, 137, 138, 140, 155, 157, 170, 184, 188, 191–194, 206, 223, 225–231, 239, 243, 260, 261, 272, 273, 276
- Ганиш ага, крымский дипломат 260
- Ге (Гэ) Магнус, датский дипломат, резидент в Москве 40, 92–94, 97, 99, 102, 103, 106, 114, 121, 126, 138, 156, 157, 159, 239, 245

- Гибсон Дж. (Гибдон Иван), английский дипломат 184, 219, 220
- Гейнс Николай, голландский дипломат 113
- Георги Христофер, бранденбургский дипломат 82, 92, 94, 98
- Гессе Герман Дитрих, бранденбургский дипломат 98, 109, 120–121, 153, 155–156, 158, 160, 189, 193, 206, 209, 218–219, 221, 222, 233, 234
- Гизинг, прибалтийский купец 67
- Гнинский Ян, королевский секретарь польский дипломат 249, 268
- Голицын Василий Васильевич князь, боярин, русский государственный деятель и дипломат 140, 163, 192, 199, 219, 276
- Голицын Борис Алексеевич, князь, боярин, государственный деятель времен царевны Софьи и Петра Великого 276
- Голосов Лукиан Тимофеевич, думный дьяк, думный дворянин, русский государственный деятель, дипломат 19, 48, 134, 226
- Горн Бенгт, граф, шведский государственный деятель 63, 77, 82, 145, 165, 219, 276
- Гренбаум Ф., историк 206
- Гюлленшерна Конрад, шведский полномочный посол 276
- Д**
- Делагарди (де ла Гарди) граф А., шведский военный и государственный деятель 82
- Делагарди Магнус Габриэль граф шведский государственный деятель, канцлер 100, 138, 139, 163, 173, 223
- Демидова Н.Ф., историк 156
- Долгово Г. (Долгов) Герасим, дьяк после возвращения из посольства в Персию, русский дипломат 239
- Долгоруков Владимир Дмитриевич князь, русский боярин, государственный деятель 192, 203, 233, 297
- Долгоруков Юрий Алексеевич князь, боярин русский военный и государственный деятель 48, 50, 54, 57, 59, 68, 114, 123, 124, 150, 161, 169, 179, 193, 202, 214, 215, 218, 248, 274
- Долгоруков С.В. 238, 247, 248
- Домнин Любим А. подъячий русский дипломат 76, 80

Донхофф (возможно Фридрих), граф, бранденбургский дипломат и государственный деятель 64

Дорошенко Петр Дорофеевич, гетман Правобережной Украины 31, 32, 48, 50, 74, 83, 86, 87, 105, 109, 110, 140, 142, 155, 164, 185

Дохтуров Герасим Семенович, думный дьяк, русский государственный деятель, дипломат 62

Е

Евстафьев Иван, дьяк, русский дипломат 48

Ж

Желябужский Иван Афанасьевич, думный дворянин, окольничий русский государственный деятель и дипломат 76

Жировский Ян (Иоганн Христов фон), габсбургский дипломат 110, 123, 159

З

Замысловский Е.Е., историк 8, 9, 157, 158, 262, 263, 266–268, 271, 289

Зотов Никита Моисеевич дьяк, думный дьяк русский государственный деятель и дипломат 250

И

Иван IV Васильевич, прозванный Грозным, русский царь 136, 269

Иванов Ларион, думный дьяк 169, 206, 218, 226, 233, 248, 260

Ибрагим-паша османский военный и государственный деятель 84, 117, 142

Иннокентий XI, папа римский 216, 222, 225

Иоаким, патриарх 184

К

Камар И., польский дипломат 32

Кара-Мустафа, великий визирь Османской империи 224

Карл II, король Испании 31

Карл X Густав, король Швеции 224

Карл XI, король Швеции 5–7, 10, 12–15, 18, 19, 24, 28, 31, 33–36, 38, 39, 43–49, 58–60, 74, 77, 80, 82, 83, 86, 88, 89, 93–96, 99, 103–105, 107–109, 115–118, 120, 125–127, 129, 137–139, 144, 145, 147, 151, 153–155, 157–159, 163–168, 170, 173, 174, 176, 178, 179, 182, 183, 187, 188, 194–198, 200–204, 209–214, 216–221, 223, 224, 229, 230, 235,

- 239–249, 256–259, 270, 274, 281
- Капрюлю-паша, турецкий государственный деятель 26
- Келлер И.В. фон, нидерландский резидент в России 236, 254, 256–258, 260
- Кох Э. (возможно Христофер), шведский торговый агент в России 17, 200, 233, 234, 238, 245, 247, 248, 253, 254, 259, 265, 267
- Клен (Кленк) Конрад (Кунрад) фан, голландский дипломат и государственный деятель 18, 90–92, 103, 111–115, 120–121, 122, 123–124, 126, 127, 132, 135, 138, 143, 149, 150, 156–160, 164, 169, 188, 211, 273
- Клинкштетт (Клингстедт) Ионас К., шведский дипломат 187, 205, 243
- Клодницкий (Кладницкий) Александр, польский дипломат 84, 85, 148
- Коваленко Г.М., историк 66, 290
- Конрад Гюлленшерна, шведский полномочный посол 276
- Копреева Т.Н., историк 267
- Кочегаров Кирилл Александрович, историк 148, 217, 262
- Комар Героним (Иероним), дипломат и государственный деятель Речи Посполитой 207
- Кос Г., датский дипломат 89
- Косиненко Н.И., историк 290
- Кох Г. шведский дипломат, резидент в Москве (возможно Кохен фон Христов) 17, 200, 233, 234, 238, 245, 247, 248, 253, 254, 259
- Краевский Николай Михайлович, смоленский шляхтич, стольник 234
- Крейц Эрнст Иоганн, шведский дипломат 18, 107–109, 115, 116, 128, 139, 142, 143, 166–168, 170–182, 184–201, 237, 243, 244
- Кристиан V, король Дании 25, 87, 92, 93, 128, 143, 174, 179, 193–194, 198, 202–203, 208, 221, 238, 285
- Кристина, королева Швеции 65
- Крузеншерна Ф., шведский дипломат 38
- Курбатов О.А., историк 18, 85, 97, 119–120, 126, 180
- Куракин Григорий Семенович князь, русский государственный деятель 198

Л

Леопольд I, император Священной Римской империи 5, 25–27, 79, 80, 87, 88, 90, 102, 103, 108, 110, 118, 138, 208, 223, 226–230, 235, 240, 272

Ленгден К. фон, шведский дипломат 154

Лиленхофф (Лиленгоф) Иоахим Петер, шведский дипломат 34, 71

Лилльекрона Г., шведский дипломат 28, 63

Лизек Адольф, австрийский дипломат 92, 102, 103, 150, 154, 288

Лутохин Юрий Петрович, стрелецкий голова, стольник, русский дипломат и военный деятель 67, 236–238, 240–245, 247, 248, 251, 253, 297

Лутохин С.П., см. Лутохин Юрий Петрович (предположительно опечатка)

Людовик XIV, король Франции 24, 25, 28, 33, 63, 72, 90, 94, 110, 114, 118, 206, 222–224, 239, 262, 263

М

Магмет Усейн Бек, персидский посол в Москве 117, 149

Мазарини Джулио, кардинал, французский государственный деятель 27, 72

Майер И., историк 19, 288

Максимов И.Н., историк 62, 64, 290

Маньков А.Г., историк 64, 162, 288

Марселис (Мерселиус) Петер голландский купец 37

Мартелли Франческо, кардинал, папский нунций в Речи Посполитой 184, 207

Матвеев Артамон Сергеевич, окольныйничий, боярин русский государственный деятель 17, 22, 23, 28, 39, 48, 51, 54, 55, 57, 59, 93, 94, 97–99, 102, 103, 106, 111, 112, 114, 118, 121, 126, 130, 135, 169(2), 184, 190, 199, 217, 245, 274, 291, 293

Менезиус Павел, иноземный офицер шотландского происхождения на русской службе, русский дипломат 32, 33, 64, 74, 178, 180

Меньшой (Григорий Никитич Путятин), дворянин и дьяк, дипломат 134, 210

Мехмед (Мухаммед) IV турецкий султан (в тексте ошибочно Мехмед V) 26, 78

- Многогрешный Демьян Иванович, гетман Левобережной Украины 47
- Монтекукколи Раймунд, австрийский полковник 93
- Мышецкий Данило Ефимович князь, русский дипломат и государственный деятель 146, 215
- Н**
- Никон, патриарх 30, 268
- Новохатко О.В., историк 213, 215, 217, 219–220
- Нуменс Логин, прибалтийский купец, шведский агент 67
- О**
- Одоевский Яков Никитич, князь, боярин, русский государственный деятель 161, 198
- Оксеншерна Габриэль, шведский дипломат и государственный деятель 16–18, 30, 34–36, 38–46
- Опарина Т. А. историк 65, 283, 290
- Оранский Вильгельм III, принц штатгальтер Соединенных Провинций Нидерландов 24, 25, 127
- Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, окольничий, боярин русский государственный деятель и дипломат 7, 20, 23, 35, 37, 105, 106, 137, 208, 274
- Орленко С.П., историк 264, 290
- П**
- Пазухин (Позухин) Борис А., стольник русский дипломат 239, 265
- Пальмквист Эрик, шведский офицер 7, 65, 66, 70
- Патрикеев К., дьяк 270
- Пац Христофор Сигизмунд, государственный деятель Речи Посполитой, великий подканцлер литовский 118
- Пац Михаил Казимир, государственный и военный деятель Речи Посполитой, великий гетман литовский 27, 67, 192, 208, 225
- Пинч Джон, английский дипломат, резидент в Стамбуле 158
- Поздышев Яков, дьяк, русский дипломат 48, 63
- Попов А.Н., историк 6, 9, 53, 122, 124, 132, 145–149, 153, 217, 220
- Потемкин Петр Иванович, стольник, русский дипломат 75–77, 79–81, 89, 127
- Протасьев П., стольник, русский военный деятель 180

- Протопопов Семен Михайлович, дьяк, русский дипломат 31, 116, 120, 157, 158, 178, 268
- Р**
- Разин Степан Тимофеевич, предводитель восстания против царя Алексея Михайловича 28, 30, 64, 136, 203, 264, 268
- Рогожин Н.М., историк 19, 62
- Родес Я. де, шведский дипломат 44, 66, 67
- Родионов С., подьячий 253, 254, 265
- Ромодановский Григорий Григорьевич князь, боярин, русский военный и государственный деятель 48, 49, 74, 86, 94, 117, 192, 200, 219
- Ромодановский Михаил Григорьевич князь, боярин, русский военный и государственный деятель 192
- Румянцев Семен, русский дипломат 235, 236
- С**
- Самойлович Иван Самойлович, гетман Левобережной Украины 31, 32, 48, 50, 69, 77, 94, 110, 117, 121, 140, 163, 176
- Санин Г.А. (Г.О.), историк 62, 64, 153
- Сапега Ян, дипломат и государственный деятель Речи Посполитой 207, 222
- Свидерский Павел, дипломат Речи Посполитой 26, 46, 85, 97, 110, 129, 148
- Ромодановский П.В., историк 20, 48, 114, 131, 135, 156, 211, 219–221, 264, 267, 268, 274
- Семенова Л.Е., историк 146
- Собеский Ян, король Польши, король Польши 16, 27, 41, 57, 72–75, 77, 78–80, 83, 84, 87, 89, 94, 100–101, 105, 107, 109–111, 117, 118, 120, 121, 125, 127, 132, 140–143, 165, 166, 168, 183, 193–195, 207, 216, 222, 225, 226, 229, 232, 235, 236, 239, 240
- Скультетус Иоахим, бранденбургский дипломат 18, 41, 92–93, 96–100, 102, 103, 126, 127, 129, 130, 137, 193, 232
- Смирнов Н.А., историк 216
- Соловьев С.М., историк 64, 68, 146, 147
- Стаден фон Николай, иноземный офицер немецкого происхождения на русской службе 29, 30, 37, 53, 63, 80, 136, 175, 252
- Стоянов, русский купец 66

Сунт А., торговый человек
(купец) 120

Т

Тарасов Михаил, русский дипломат, гонец в Швецию 83, 95, 99, 100, 152, 154, 170, 257, 258–259

Таубе И. (Иоганн), шведский государственный деятель 104, 147, 198, 202

Тёкёли Имре (Эмерик), князь Трансильвании 207, 224, 229, 272

Терлинген Карл Густав, австрийский дипломат 284

Тизенгаузен Г.Г. фон, лифляндский дворянин на шведской службе, лифляндский губернский советник, шведский дипломат 34, 40, 66, 71, 107, 167, 187, 205, 220, 243, 253–254, 257

Тизенгаузен Ганс—Генрих, шведский дипломат (см. Тизенгаузен Г.Г. фон)

Тотт К. (Класс Окессон), дипломат, военачальник, государственный деятель Шведского колесства 37, 68

Траханиотов Александр Иванович, стольник, русский военный и

государственный деятель 97

Требст Стефан (Штефан), историк 38

Троекуров Иван Борисович князь, стольник, окольничий, боярин русский военный и государственный деятель 122, 126, 135, 142, 175, 180, 181, 185

Трубецкой Юрий Петрович князь, боярин русский государственный деятель 198

Тяпкин Василий Михайлович, стольник, думный дворянин русский дипломат и государственный деятель 7, 15, 26, 27, 72–75, 77, 78, 80–83, 86, 89, 93, 95, 117–119, 123, 129–130, 133, 136, 140, 143, 185, 186, 208, 222, 250

Тяпкин И.В. (сын Тяшкина В.М.), русский дипломат 26

У

Украинцев Емельян Игнатьевич дьяк, думный дьяк русский дипломат и государственный деятель 28, 30, 33, 207, 233, 272

Ф

Фальбург Б., историк 61

- Федор Алексеевич, царь 114, 115, 119, 121, 129–131, 171, 174, 175, 177, 178, 180, 193, 196, 200–203, 248, 249, 256
- Ферзен (Форзен) Ганс, шведский государственный деятель губернатор Риги 13, 143, 171
- Флеминг Е. (Эрик), шведский государственный деятель 63
- Флоря Б.Н., историк 62, 68–70, 142, 151, 155–158, 163
- Фридрих Вильгельм, курфюрст Бранденбургский 25, 33, 41, 76, 79–80, 82, 83, 87, 88, 92–94, 98, 99, 102, 104, 108, 128, 138, 143, 169, 174, 182, 183, 185, 189, 193, 218, 224, 229, 235
- Форстен Г.В., историк 8, 9, 62, 65–68, 100, 146, 147, 149–161, 212, 214–216, 218–222, 259
- Х**
- Ханенко Михаил Степанович, гетман Правобережной Украины 48, 97
- Хмельницкий Юрий Богданович, гетман Правобережной Украины 192, 193, 195(2), 285
- Хованский Андрей Иванович, князь, боярин русский военный и государственный деятель 45, 85, 97, 98, 120
- Хованский Иван Андреевич, князь, боярин, русский военный и государственный деятель; по прозвищу «Тараруй» 45, 46, 81, 85, 97, 120, 126, 232, 285
- Хованский Семен Андреевич, князь, боярин новгородский воевода 270
- Ц**
- Цернак К. историк 9, 34, 237
- Ч**
- Чаадаев Иван Иванович, окольничий русский дипломат и государственный деятель 207, 226–228, 230, 235, 239
- Чарторыйский Михаил, князь, дипломат и государственный деятель Речи Посполитой 207
- Черкасский Андрей Камбулатович, князь 64
- Черкасский Каспулат Муцалович, князь, русский военный деятель 101, 105
- Черкасский М.А., князь, боярин воевода 13, 97, 98
- Чернцов Яков, дьяк, русский дипломат 75–77, 79, 80, 81, 127
- Чистякова Е. В., историк 65

Чихровский Казимеж Алек-
сандр, польский дипло-
мат 140, 141

Ш

Шаховской Федор Иванович,
князь стольник русский
военный и государ-
ственный деятель 135

Шамин С.М., историк 19, 64,
95, 151

Шаскольский И.П., историк
34, 63, 65, 66, 125, 134,
160, 162

Шваб И., книгоиздатель 136,
172, 177, 203

Шубинский Сергей Нико-
лаевич, историк 7, 19,
66, 68

Щ

Щеголев, подьячий, русский
дипломат 64

Щепотьев Л., историк 62

Э

Эберс Арман, шведский тор-
говый приказчик 259

Эберсшельд (Эбершилльд)
Адольф, шведский
торговый приказчик и
дипломат 29, 30, 35, 36,
43, 59, 61, 63, 162

Эосандр Самола, шведский
дипломат 44, 45, 240,
242, 248

Ю

Юзефович Л.А., историк 68

Юлленшерна (Гюлленшер-
на) Иоханн Горадссон,
граф, шведский госу-
дарственный деятель,
риксмаршал 24, 223,
276

Я

Ян III Собеский, король
Польши, см. Собеский
Ян

БИБЛИОГРАФИЯ

Неопубликованные/опубликованные источники

Размышления о том, что следует делать при сложившейся конъюнктуре. [Конец 1672 г.] // RA. Betänkiande och memorial i utrikes ärenden. V. 3. 1671–1673.

Русские опубликованные источники

Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2 / Исслед. и подготовка текстов Ингрид Майер. М., 2008.

Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1975.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. III. М., 1962. № 236. С. 285–286.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 5. 1858. Т. VI.

Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900 (Рязань, 2008).

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М.–Л., 1960.

Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского к великому царю московскому Алексею Михайловичу в 1675 году. СПб., 1837.

Зарубежные опубликованные источники

Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675 nach Russland angetreten // *Busching A.F.* Magazin für die neu Historie und Geographie. IX. Theil. 1775.

Några observationer angående Ryssland. Sammanfatade av Erik Palmquist år 1674. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 г. М., 2012.

Theatrum Europe. Th. XI.

Urkunden und Aktenstücken zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilgelm von Brandenburg. Berlin, 1906. Bd. 7.

Литература

Андреев И. Алексей Михайлович. М., 2003.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4.

Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966.

Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998.

Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.

Богданов А.П. Царь Феодор Алексеевич. 1676—1682. М., 1994.

Велувенками Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550—1785. М., 2006.

Веселовский В.И. Неудавшееся посольство в Крым stolьника Б.А. Пазухина в 1679 г. Одесса, 1912.

Галактионов И.В., Чистякова Е.В. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII века. М., 1961.

Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50—70-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001.

Демидова Н.Ф. Федор Алексеевич // *Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 182—190.

Замысловский Е.Е. Сношения России с Данией и Швецией в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. Т. 200. 1889. № 1.

Замысловский Е.Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888.

Зевакин Е.С. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. // Исторические записки. 1940. № 8.

Иванова О. Русско-датские переговоры в 50-е гг. XVII в. (история вопроса и источники) // Русская и украинская дипломатия в Евразии. 50-е годы XVII века. М., 2000. С. 192—114.

Иконников В.С. Ближний боярин А.Л. Ордин-Нащокин, один из предшественников петровской реформы // Русская старина. 1883. № 10—11.

История внешней политики России. Конец XV—XVII век. М., 1999.

- Кан А.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999.
- Капустин М.* Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII-го века. М., 1852.
- Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998.
- Коваленко Г.М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции IX–XX веков. СПб., 1999.
- Коваленко Г.М.* Русско-шведские отношения в XVII в. Петрозаводск, 1982.
- Коваленко Г.М.* Сочинение Эрика Пальмквиста в России и Швеции // *Några observationer angående Ryssland...* С. 62.
- Кондескул А.И.* Место и роль Архангельска в отношениях России и Швеции в XVII в. // Архангельск и северные страны. Конец XVI – начало XVII в. Архангельск, 1999.
- Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг. СПб., 1911.
- Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
- Лобанов Н.А.* Образ России в германском обществе XVI–XVII веков // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 142–146.
- Максимов И.Н.* Идея антиосманского союза в практике русской дипломатии в начале 70-х гг. XVII в. // Славянский сборник. Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных стран и народов. – Саратов, 1990.
- Мишко Д.И.* Чигиринские походы 1677–1678 гг. Дис. канд. ист. наук. Киев, 1946.
- Опарина Т.А.* Вопросы веры иностранных холопов в России первой половины XVII в. // Историография. Источниковедение. История России X–XX вв. М., 2008. С.159–186.
- Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004.
- Перова О.А.* Дипломатическая деятельность А.С. Матвеева, связанная с разработкой нового внешнеполитического курса России во второй половине XVII в. // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. [Вып. 1]. Екатеринбург, 1996.

Перова О.А. Дипломатическая деятельность А.С. Матвеева и формирование внешнеполитического курса России третьей четверти XVII в. Автореферат на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Пийримиз Х.А. Состав, объем и распределение русского ввоза в 1661–1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли г. Нарвы // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Т. V. С.

Пийримиз Х.А. Торговые отношения России и Швеции и другими странами Европы по материалам нарвского ввоза в 1661–1700 гг. // Скандинавский сборник. 1969. Т. VII.

По М.Т. Российская элита в 17 веке. Т. 1. Думные и церемониальные чины государева двора 1613–1713. Хельсинки, 2004 / *Poe M.T. with Kosheleva O., Martin B., Morozov B.* The Russian elite in the seventeenth century. V. 1. The consular and ceremonial ranks of the Russian “sovereign court” 1613–1713. Helsinki, 2004.

Попов А. Русское посольство в Речи Посполитой в 1673–1677 годах. СПб., 1854.

Попов А. Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. М., 1857.

Рогожин Н.М. Артамон Сергеевич Матвеев // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 146–178.

Рогожин Н.М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в РГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990.

Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994.

Санин Г.А. Внешняя политика России во второй половине XVII века. // История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999.

Санин Г.А. Геополитические факторы во внешней политике России второй половины XVII – начала XVIII века и Вестфальская система международных отношений // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. К столетию академика А.Л. Нарочницкого. М., 2007. С.104–137.

Санин Г.А. Русско-польские отношения 1667–1672 гг. и Крымская политика в Восточной Европе // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVII вв. М., 1979. С. 276–286.

Санин Г.О. Боротьба України і Росії проти турецької агресії в 1672 р. // Український історичний журнал. Київ. 1971. № 12.

Славнитский Н.Р. Крепости северо-запада России в XVI веке // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. Сборник научных трудов. М., 2010.

Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1946.

Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001.

Форстен Г.В. Датские дипломаты при русском дворе XVII века // ЖМНП. 1904. № 5. *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900. Август.

Форстен Г.В. Сношения России и Швеции во второй половине XVII века // ЖМНП. 1899. № 6.

Ходырева Г.В. Российско-турецкие переговоры 1681–1682 годов о ратификации Бахчисарайского мирного договора // Отечественная история. 2003. № 2.

Чистякова Е.В. Новоторговый устав 1667 г. // Археографический ежегодник за 1657 год. М., 1958.

Чистякова Е.В., Галактионов И.В. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // «Око всей великой России». М., 1989.

Шамин С.М. Иностранная пресса и интеграция России в европейскую политическую систему (1676–1682 гг.) // Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 59.

Шамин С.М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.–СПб., 2011.

Шамин С.М. Куранты времени правления Федора Алексеевича. К проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг. Автореферат на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2003.

Шамин С.М. «Клеветы многие» о России (о первых попытках русского правительства бороться против распространения в европейских информационных изданиях негативных и ложных сведений о Московском государстве) // XXV Пушкинские чтения. А.С. Пушкин и Россия. Секция 4: Современная культурология и межкультурная коммуникация. М., 2006. С. 51–60.

Шамин С.М. Слово «куранты» в русском языке XVII – начала XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1. С. 119–152.

Шаскольский И.П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998.

Шубинский С.Н. Шведское посольство в России в 1674 г. // Исторический вестник. № 3. 1882.

Щепотьев А.Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурно-политический деятель XVII века (Опыт исторической монографии). СПб., 1906.

Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.

Attman A. The Russian Market in World Trade // Scandinavian Economic History Review. V. XXIX. № 3. P. 177–202.

Attman A. Swedish Aspirations and the Russian Market during the 17th Century. Göteborg, 1979.

Attman A. The Struggle for Baltic Markets. Powers in Conflict. Göteborg, 1979.

Behrn H. Sverige, Danmark och Frankrike 1672–1674. Stockholm, 1933

Birnbaum K.E. Johan Sobieskis svenska förbindelser // KFA. 1950.

Eickhoff E. Venedig, Wien und die Osmanen. Umbruch in Südosteuropa 1645–1700. Klett-Cotta, 1988.

Jensen A. Sverige och Ryssland 1676–1681 // Finsk tidskrift. 1889. V. 27.

Fahlborg B. Sveriges yttrepolitik 1668–1672. Stockholm – Göteborg – Uppsala, 1961.

Fåhreus G.R. Om förändringen af sveriges allianssystem åren 1680–1682 i des sammanhang med de europeiska förvecklingerna. Uppsala, 1891.

Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa. Die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden, 1968.

Hoffstedt R. Sveriges utrikespolitik under krigsåren. Uppsala, 1943.

Kappeler A. Die deutschen Russlandschriften der Zeit Ivans des Schrecklichen: Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit // Reiseberichte von Deutschen über Russland und von Russen über Deutschland. / Hrsg. von Fr. B. Kaiser und B. Stasiewski. Köln, Wien. 1980. S. 262–263. Перл.: Kessler W. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. H. 2. S. 262–264.

Köhne B. von. Berlin, Moskau, St. Petersburg 1649 bis 1763. Berlin, 1882. S. 15.

Konopczyński W. Polska a Szwecja. Od pokoju oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej. 1660–1795. Warszawa, 1924.

Kopreeva T. Starania Rosji w walce waldztwene szwedzkim na Bałtyku (project zwołania konferencji w Kurlandii w 1668 r.) // Kwartalnik historyczny. 1959.

Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. II. Epoka przedrozbiorowa. Lwów – Warszawa – Kraków. 1923.

Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego. 1629–1674. T. III. Kraków, 1898.

Krusenstiern von B. Philip Crusius von Krustnstiern (1597–1693). Marburg, 1978.

Lappalainen M. Stockholm – Constantinople Axis – Truth or Not? // Acta Historica Academiae scripturarum hungaricæ. T. 33. № 24. Budapest, 1987.

Lisk U.J. The Struggle for the Supremacy in the Baltic. NY. 1967.

Troebst S. Russland als “Magasin der Handlungen zwischen Asien und Europa”. Die Frage der Orienthandels bey der schwedischen Moscaugesandtschaft 1673 // Russische und Ukrainische Geschichte von 16.-18. Jahrhunderts. Wiesbaden, 2001. S. 287–300.

Matwijowski K. Seim grodneński 1678–1679. Wrocław, 1985.

Pastor von L.F. Geschichte der Päpste im Zeitalter des fürstlichen Absolutismus von der Wahl Innozenz'X bis zum Tode Innozenz XII (1644–1670). Bd. XIV. Abt. 2. Rom, 1960.

Piawski. The Baltic policy of King John Sobieski // Baltic countries. II. 1. 1936.

Wójcik Z. Jan Sobieski. 1629–1696. Wyd. 2. Warszawa, 1994.

Wójcik Z. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968.

Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcii i Rosji 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1976.

Zernack K. Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Teil I: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moscau von 1675 bis 1689. 1958. S. 54.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

KFÅ – Krolinska försbundets årsbok

RA – Riks Arkiv

RR – Riks Registraturet

UA – Urkunden und Aktenstucken zur Geschichte des Kurfursten Fhiedrich Wilgelm von Brandenburg. Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Глава I. Россия и Швеция в первые годы турецкой войны в Восточной Европе (1672–1674 гг.)	20
1672–1673 гг. Начало Голландской войны, наступление Турции на Речь Посполитую и Россию	24
Подготовка к отправлению шведского посольства в Россию	29
Прибытие посольства в Россию. Прием послов. Две стороны в преддверии переговоров	39
Русско-шведские переговоры	45
Глава II. Голландская война в 1674–1679 гг. и Россия	72
Избрание на польский престол Яна III Собеского. Политическая ситуация в Восточноевропейском регионе и внешняя политика России в условиях разгорания Голландской войны (весна 1674 – весна 1675 г.)	72
Попытка втянуть Россию в габсбургскую коалицию (осень 1675 г.)	88
Подготовка России и Швеции к переговорам (конец 1675 – первая половина 1676 г.)	107
Составление русского наказа послам. Россия и Швеция перед началом переговоров	132
Глава III. Русско-шведские переговоры на Меузице 1676 г. Русско-шведские отношения в последние годы Голландской войны	165
Русско-шведские переговоры 1676 г.	165
От пограничных переговоров 1676 г. к отправлению в Швецию осенью 1677 г. кн. В.Д. Долгорукова. Выработка политического курса России в условиях подготовки и начала Чигиринской войны	192
Глава IV. Русско-шведские отношения после заключения Нимвегенского мира	223
Россия и Европа в период заключения Нимвегенского мира	223
Подготовка к отправлению посольств в Данию, Швецию и Бранденбург	233

Посольство С.П. Лутохина и В.И. Бобинина в Стокгольм в 1679 г. Приезд в Россию С. Эосандра . . .	240
Посольство в Швецию И.А. Прончищева и Г.К. Богданова в 1679–1680 гг.	249
Заключение	272
Именной указатель	278
Библиография	289
Список используемых сокращений	297

Е.И. Кобзарева

(28.04.1963 – 02.03.2014)

Елена Игоревна Кобзарева проработала в Институте российской истории РАН более 25 лет. Здесь в 1990 г. она защитила кандидатскую, а в 2007 г. и докторскую диссертацию. С детства страдая церебральным параличом, Елена Игоревна мужественно преодолевала тяжелый недуг. Она самостоятельно выучила шведский язык, годами плодотворно работала с документами шведских и эстонских архивов, выступала на международных научных конференциях. Книгу, которую читатель держит в руках, Е.И. Кобзарева завершила незадолго до кончины – в декабре 2013 г.

Прошедшие годы показали значительность вклада Елены Игоревны в изучение истории внешней политики Русского государства XVII столетия и прежде всего во внешнеполитическую историю Смутного времени. Её труды востребованы и сегодня, когда история русской Смуты вновь оказалась в центре внимания научной общественности.

Елена Игоревна навсегда останется в нашей памяти как настоящий ученый, человек неиссякаемой силы воли, скромности и доброжелательного отношения к людям.

Группа товарищей

Научное издание

Е.И. КОБЗАРЕВА

**РОССИЯ И ШВЕЦИЯ
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В 1672–1681 ГГ.**

Редактор
Ирина Фатиева

Макет и верстка
Татьяна Мальцева

Художник
Елена Александрова

Корректор
Татьяна Кузина

Издательство «Историческая литература»
105203, г. Москва, ул. Парковая 16-я, д. 5
Тел. +7 (495) 465-99-96
histlit.com

Подписано в печать 28.12.16.

Формат 84х108/32
Бумага офсетная 80 г
Гарнитура NewtonC

Печать офсетная
Заказ № 6751/17.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-9906493-5-4

9 785990 649354